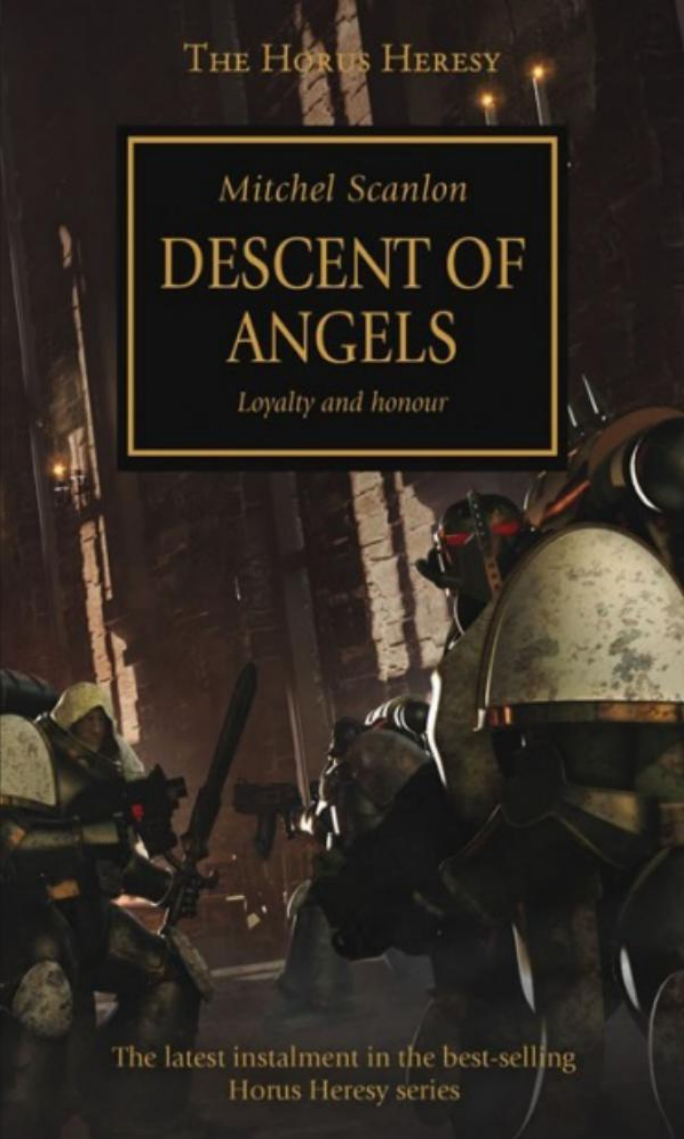

The background of the cover features a dramatic, low-key illustration of Space Marines in a dark, industrial environment. On the right, a large, imposing figure in a dark power armor with a prominent, rounded, metallic chest plate is shown in profile, looking towards the left. On the left, another figure in lighter-colored armor is partially visible, holding a long, dark sword or spear. The scene is lit by warm, orange-yellow light sources, possibly torches or industrial lamps, which create strong highlights and deep shadows, emphasizing the metallic textures of the armor and the gritty atmosphere of the setting.

THE HORUS HERESY

Mitchel Scanlon

DESCENT OF ANGELS

Loyalty and honour

The latest instalment in the best-selling
Horus Heresy series

Annotation

Все началось на Калибане. Это был мир, покрытый величественными лесами, полный удивительных красот и смертельных опасностей. Отважные рыцари сражались с великими зверями, защищая от чудовищных тварей разрозненные человеческие поселения. У величайшим из рыцарей был Лион Эль-Джонсон — примарх Имперского Легиона Темных Ангелов, еще не ведающий о том, что флот его отца, Императора Терры, приближается к Калибану. А пока самым близким ему по духу человеком остается Лютер, когда-то нашедший Лиона ребенком в лесной чащобе. Многочему суждено измениться после сошествия Ангелов. Драма, еще далекая от развязки, разворачивается на глазах Захариэля, рыцаря, ставшего одним из имперских Астартес. Ему предстоит стать свидетелем и участником великих и трагических деяний.

- Митчел Скэнлон
 -
 - Действующие лица
 - Введение
 - Часть 1
 - Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 4
 - Часть 2
 - Глава 5
 - Глава 6
 - Глава 7
 - Глава 8
 - Глава 9
 - Глава 10
 - Глава 11
 - Глава 12
 - Часть 3
 - Глава 13
 - Глава 14
 - Глава 15
 - Глава 16
 - Глава 17
 - Часть 4
 - Глава 18

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Заключение](#)
-

Митчел Скэнлон

«Сошествие Ангелов.

Верность и честь»

Это было легендарное время.

Могущественные герои сражались за право управлять Вселенной. В результате Великого Крестового Похода Император Человечества покорил Галактику, триады чуждых рас были сломаны, лучшие воинами Империи и стерты с лица истории.

Встает рассвет новой эры господства человеческой расы. О победах Императора свидетельствуют сверкающие цитадели из мрамора и золота. В миллионах миров звучат триумфальные восхваления в честь его могущественных и непобедимых воинов.

Самые выдающиеся из них — примархи — героические существа, ведущие Легионы космодесантников Императора от одной победы к другой.

Появившиеся на свет в результате блестящего генетического эксперимента Императора, примархи непобедимы и неведомы презраг. Костический Десант состоит из самых сильных представителей человеческой расы Галактики, и каждый из них в бою способен одолеть сотню и даже больше обычных солдат.

Костодесантники образуют огромные армии в десятки тысяч воинов и под руководством своих предводителей примархов сражаются по всей Вселенной во имя Императора.

Главный среди примархов — Хорус, прозванный Великолепным, Яркой Звездой, любимец Императора, почти что сын. Он великий Воитель, главнокомандующий императорскими военными силами, покоритель тысяч и тысяч миров, завоеватель Галактики. Это воин, равно которому нет в мире, превосходный дипломат с безграничным честолюбием.

И пока пламя войны распространяется по всему Империи, всем лидерам человечества предстоят суровые

испытания.

Действующие лица

ОРДЕН

Лион (Лев) Эль-Джонсон ---
командующий Ордена.

Лютер --- заместитель
командующего Ордена.

Захариэль --- кандидат в рыцари
Ордена.

Немиэль --- кандидат в рыцари
Ордена.

Мастер Рамиэль --- мастер-
наставник Ордена.

Лорд Символ --- хранитель традиций
Ордена.

Брат Амагис --- герой Манониса,
боевой рыцарь Ордена.

Сар Хадариэль --- боевой рыцарь
Ордена.

Амтиас --- кандидат в рыцари
Ордена.

Элиат --- кандидат в рыцари Ордена.

РЫЦАРИ ВОЛКА

Лорд Сартана --- магистр Братства Волка.

ТЕМНЫЕ АНГЕЛЫ

Брат-библиарий Усрафаэль ---
главный библиарий Темных Ангелов.

БЕЛЫЕ ШРАМЫ

Шанг-Хан --- командир Белых
Шрамов в экспедиции Несущих Слово.

Күргис --- боевой брат Астартес
Седьмого ордена.

САРОШАНЦЫ

Его высокоблагородие лорд-экзальтер
--- глава администрации Сароша.

Дусан --- толкователь.

Руанна Сорель --- композитор и музыкант.

Избранный лорд-правитель Харлаф Ферст --- наместник территорий Сароша.

Капитан Стений --- капитан «Непобедимого разума».

Госпожа Аргента --- главный астронавт флагамана «Непобедимый разум»

Введение

Все начиналось на Калибане.

Начало было положено задолго до появления Императора на нашей планете, задолго до того, как возникли первые разговоры об ангелах. Тогда Калибан был совсем другим. Мы ничего не знали ни об Империи, ни о Великом Крестовом Походе. Терра казалась нам мифом; нет, даже не так. Терра была воспоминанием о мифическом призраке, оставленным нашими давно умершими праотцами. Она превратилась в эфемерное и полужабытое понятие, не имеющее к нашей жизни никакого отношения.

То было время Древней Ночи. Бүри в варне лишили людей возможности

путешествовать между
звездами, и каждому
населенному человеческой расой
миру приходилось выживать в
одиночку. Мы провели пять
тысяч лет в изоляции от
остального человечества. Пять
тысяч лет. Только представьте
себе, какой это долгий срок. За
это время у обитателей
Калибана появились своя
культура и свои жизненные
устои, берущие начало в
далеком прошлом, но все же
отличающиеся от
мировоззрения предков. Наше
общество, лишенное влияния
Терры, развивалось в
соответствии с условиями
нашего мира.

Да, у нас появились
собственные убеждения и
обычаи, даже наши собственные
религии.

Конечно, сейчас от всего
этого осталось ничтожно мало.

Все было сметено появлением Императора. Как ни удивительно, но многие наши дети, рожденные на Калибане, ничего не слышали о Хранителях, никогда не садились на боевых коней. Они не знают, что значит охотиться на великого зверя. Обо всем этом остается только сожалеть. Старые пути со временем забываются. Те, кто пришел вместе с Императором, безусловно, утверждают, что перемены ведут к лучшей жизни. Мы строим новый мир, лучший мир, мир будущего.

Мы строим лучший мир.

Так всегда говорили все завоеватели. Никто из них не утверждал, что они намерены уничтожить наши традиции. Они не упоминали о пренебрежении к мудрости наших предков, о том, что мир переворачивается с ног на

голову, о подмене нашей веры их собственным странным кredo. Никто не желает добровольно признаваться в том, что они подрывают устои нашего общества и убивают наши мечты. Нет, они только толкуют о спасении нас от нашего невежества. Наверное, они считают, что это звучит милосерднее.

Но суть происходящего остается неизменной --- независимо от слов.

Однако я забегаю вперед, поскольку в тот период истории Калибана все это было нам еще неизвестно. Нам еще только предстояло пережить пришествие с неба Императора и его ангелов и последующие изменения нашего мира. Мы не подозревали о просторах Галактики. Все наши знания ограничивались пределами Калибана, и мы оставались в

совершенном неведении о надвигающихся на нас силах и о том, насколько сильно они изменят наши жизни.

В те дни всю поверхность Калибана покрывали густые леса. Вся планета, за исключением немногих участков, расчищенных под поля и постройки, была занята тенистыми и таинственными чащами. Лес ограничивал нашу жизнь. И люди могли провести всю свою жизнь, ни разу не увидев открытого горизонта, если только они не выбирали для своих домов горные вершины или побережье морей.

И еще наша планета была пристанищем монстров.

Леса кишели хищниками, не говоря уже о многих других опасностях. Тогда мы еще не знали такого понятия, как «мир смерти», позаимствованного позднее из лексикона имперских

картографов. Нигде не существовало столько явлений, способных тем или иным способом умертвить человека. Плотоядные животные, ядовитые цветы, смертоносные насекомые --- существа этого мира знали только один закон: убей --- или погибнешь сам.

И отдельную опасность для рода человеческого представляли существа, выделенные в отдельный от остальных класс. Они были наиболее грозными и жестокими из всех известных животных.

Я говорю о чудовищах, которых мы называли великими зверями.

Каждый из великих зверей Калибана отличался от своих сородичей, как меч отличается от копья. Каждое из этих существ было в своем роде единственным и неповторимым.

Их разнообразие не поддавалось никакому описанию. Великий зверь мог показаться похожим на рептилию, или на млекопитающее, или на насекомое, или обладать характерными чертами каждого из них, хаотично объединенными в одном-единственном создании.

Один зверь при нападении мог пустить в ход зубы и когти, другой — использовать рога и копыта, третий брызгал ядовитой слюной или в его жилах вместо крови текла едкая кислота. Если у них и было что-то общее, так только то, что каждого из зверей можно было считать порождением кошмарного сна. В довершение ко всему все они обладали значительными размерами, чудовищной силой и хитростью, что делало великих зверей постоянным источником

опасности для любого охотника-человека, каким бы ловким и искусным он ни был.

Без всякого преувеличения можно сказать, что великие звери правили лесами, а потому их присутствию народы Калибана обязаны возникновением многих обычаев и традиций. Для того чтобы просто выжить, мы были вынуждены научиться держать этих чудовищ на расстоянии. Со временем среди представителей знати для защиты от самых опасных хищников этого мира были образованы орден рыцарей, где воспитывались самые искусные и сильные воины, имевшие самое совершенное оружие.

Этой же цели способствовали многие традиции по изготовлению доспехов и оружия. За время изоляции мы утратили

большую часть технологий, привезенных нашими предками с Терры, но навыки по ремонту и изготовлению пистолетов, разрывных снарядов, мечей с моторизованными лезвиями и доспехов, предназначенных для усиления физической мощи воинов, все же остались. Конечно, по сравнению с теми моделями, что попали на планету с воинами Империи, они были довольно примитивными и менее надежными, но все же обладали достаточной эффективностью. У нас не было никаких механических транспортных средств, и потому рыцари Калибана отправлялись на войну на боевых конях — рослых и мощных лошадях, выведенных за тысячу лет от потомства скакунов, привезенных с Терры еще первыми поселенцами.

С течением времени

рыцарские ордены стали строить крепости-монастыри, которые до сих пор служат центрами поселений современного Калибана. Всякий раз, когда великий зверь начинал нападать на какое-нибудь селение, предводитель местной знати объявлял на него охоту. По его призыву многие рыцари и претенденты на это звание съезжались в указанный район, чтобы испытать свою силу и убить чудовище.

Так протекала жизнь на Калибане в течение многих поколений людей. Мы не ожидали никаких перемен. Мы считали, что будем и дальше идти по проторенному предками пути, как шли по нему наши отцы и деды.

Конечно, мы ошибались. У Вселенной на этот счет имелись другие планы.

Император еще только

направлялся в нашу сторону, а в обществе уже появились первые признаки перемен. Задолго до прибытия на Калибан Имперских сил было основано новое рыцарское сообщество, которое называло себя просто «Орген», и его члены открыто высказывали удивительное утверждение о равенстве всех людей. До сих пор в ряды рыцарей по традиции могли вступить только представители знати, но Орген разрушил этот обычай и стал набирать рекрутов из всех слоев обитателей планеты. Любой, кто своей силой и поступками мог доказать, что достоин звания рыцаря, принимался на обучение, и Орген не интересовало, был он благородного происхождения или простолюдином.

Сейчас это может показаться незначительным

событием, но в то время оно породило в обществе немало противоречий и беспокойства. Приверженцы традиций из наиболее прославленных рыцарских братств утверждали, что Орген своим поступком значительно ослабил общественные устои, что в конечном счете может привести культуру Калибана к полному краху и сделать людей легкой добычей великих зверей. В какой-то момент возникшие противоречия даже привели к открытому военному противостоянию.

Группа, называющая себя рыцарями Багряного Кубка, напала на горную крепость Оргена, расположенную в Агдарухе, и осадила ее. Тогда рыцари Оргена, не дожидаясь, пока враги окончательно сомкнут кольцо, решились на контратаку, и впоследствии

этот шаг был признан как определяющий момент доилперской истории Калибана.

Тогда и произошло решающее сражение. Рыцари Багряного Кубка были окружены, а потом истреблены до последнего воина. После такой победы никто не мог сомневаться в дальнейшем процветании Оргена. Претенденты на звание рыцаря стекались к ним со всех сторон и всех сословий, и в течение всего нескольких десятков лет Орген стал самым могущественным и влиятельным рыцарским сообществом Калибана.

Но это было всего лишь начало. Какие бы изменения ни сулили эти нарушения традиций и возвышение Оргена, они по своему значению не могли сравниться с появлением на Калибане Льва.

Теперь, оглядываясь в прошлое, мы знаем, что Лев Эль-Джонсон был одним из примархов, возвращенных самим Императором в генетической лаборатории для командования Легионами его ангелов, но и в то время он казался нам существом совершенно необычным.

Наше общество нельзя было назвать ни невежественным, ни непросвещенным, но вообразите, что произошло после того, как по всей планете распространился слух о найденном в лесной глуши человеке, который, словно зверь, обитал в Северной Чаще и под слоем засохшей на теле грязи оказался весьма привлекательным юношей.

Никто не знал, кто он такой, и сам он не понимал ни слова на языке людей. Этот юноша, нагой и безоружный,

прожил много лет в лесах самого опасного региона, где даже рыцари в полной броне и при оружии не решались отправляться в путь по одному, а собирались группами. Но на этом удивительные чудеса не закончились.

Учитывая обстоятельства его появления, дикаря стали называть Лион Эль-Джонсон, что на древнем наречии Калибана означало «Лев, Сын Леса». Оказавшись в обществе людей, Джонсон проявил удивительные способности к обучению.

Он быстро приспособился к новым условиям и в течение нескольких дней усвоил человеческие обычаи и язык. С этого момента он развивался все быстрее. Всего через несколько месяцев его интеллект уже не уступал мудрости многих ученых.

Спустя еще месяц он превзошел их во всех областях науки и оставил далеко позади.

Он никогда не рассказывал о своей жизни в лесу, не мог объяснить, как и откуда туда попал, но, по всей видимости, проведенные в дикой глуши годы никак не повлияли на его умственные способности и рассудок.

Его интеллектуальное развитие могло сравниться разве что с его физической мощью. Никто не мог выстоять против него в тренировочных боях и рукопашных схватках, и вскоре он познал все тонкости рыцарского искусства и был принят в Орден.

Как и следовало ожидать, при таких исключительных способностях Джонсон быстро продвигался по иерархической лестнице Ордена. Его невероятные успехи в сочетании

с врожденным талантом заражать своим рвением остальных привели к небывалому наплыву новых рекрутов. Численность рыцарей Ордена настолько возросла, что для их размещения пришлось построить новые крепости, а затем Джонсон и его последователи стали призывать к общему крестовому походу против великих зверей. Они провозгласили объединенную кампанию по систематическому очищению от чудовищ всей планеты, регион за регионом, пока Калибан полностью не освободится от этого бедствия.

Подобное предложение, конечно, не могло не вызвать возражений. К тому времени Орден стал главной военной силой Калибана, но в глазах других рыцарских сообществ он все еще оставался только

равным среди многих. Масштаб затеянного Джонсоном предприятия требовал участия каждого из рыцарских орденов, а успех зависел от всеобщего подчинения единому плану действий. Объединение разрозненных орденов было нелегкой задачей, поскольку все рыцари время от времени ссорились и враждовали между собой. Кроме всего прочего, этот план нуждался в поддержке знати и широких кругов остального населения. А сказать по правде, мы, жители Калибана, не слишком охотно отзывается на призывы лидеров — каждый из нас имеет слишком высокое мнение о собственных способностях.

Существовали и другие проблемы. Малодушные люди утверждали, что полностью очистить Калибан от чудовищ невозможно. Они обвиняли

Джонсона в высокомерии и заносчивости. Кое-кто смотрел на великих зверей со сверхъестественным ужасом и верил, что любые действия против них могут пробудить апокалиптические силы и объединить чудовищ против всего человечества.

Сомнения не покидали даже тех, кто поддерживал план Джонсона, и кое-кто советовал набраться терпения. Джонсон считал, что полной победы можно достичь за шесть лет с начала военных действий против великих зверей, но даже самые преданные из его последователей не верили, что план будет воплощен за столь короткий период. Они опасались, что Джонсон не учел человеческий фактор. Он мог забыть, что его замыслы предстояло проводить в жизнь людям, не обладавшим столь

выдающимися умственными и физическими способностями. Джонсон был сверхчеловеком, но на Калибане он был единственным в своем роде. Он ставил задачи не перед сверхлюдьми -- всю тяжелую и опасную работу должны были выполнить обычные смертные.

В конце концов Джонсон добился своего. Его приверженцы убеждали калибанцев, что те слишком долго прятались за стенами крепостей и жили в страхе перед великими зверями. Они напятинали, что человек создан господствовать над диким миром, а не наоборот. Пора привести мир в равновесие, положить конец власти чудищ и сделать людей хозяевами лесов.

-- Это наш мир, -- говорил Джонсон. -- Он не может принадлежать зверям. Человечеству пора заявить о

своих правах.

Итак, решение было принято, и Джонсон развернул свою кампанию. Зверей одного за другим выслеживали и убивали. Их выгоняли из лесов, преследовали до самого логова и уничтожали. Хотя в одном противники этого предприятия оказались правы. Для выполнения грандиозных планов шести лет оказалось недостаточно.

Потребовалось десять лет постоянной войны, десять лет тяжелого труда, десять лет, в течение которых многие воины погибли или стали калекатами, но конечный результат того стоил. Цель справедливой войны была достигнута, и через десять лет не осталось ни одного из великих зверей.

Как мне кажется, я не слишком последовательно веду свой рассказ, поскольку даже не

употянул об одном человеке, который мог бы со всей осведомленностью продолжить мои рассуждения с любого места. Я рассказал о Калибане, о Лионе Эль-Джонсоне и его кампании по истреблению великих зверей, но забыл о самом важном персонаже нашей истории.

Я не рассказал о Лютере.

Это ведь он нашел Джонсона в лесной чаще и дал ему имя, он привел его к цивилизации и обучил основам человеческой культуры. Это он стоял плечом к плечу с Джонсоном, пока тот совершал подвиги и героические деяния, и он почти ни в чем ему не уступал. Хотя Лютер не обладал такими обширными познаниями в военном деле и стратегии, как Джонсон. В конце концов, он был рожден человеком, и не более того. И

все же, когда деятельность Джонсона начала изменять лицо Калибана, Лютер не отставал от бывшего дикаря и добивался значительных успехов во всех начинаниях.

Деятели Империи слишком часто представляют Лютера сущим демоном. Некоторые утверждают, что он испытывал ревность по отношению к Эль-Джонсону, поскольку, хоть они и шагали плечом к плечу, именно Джонсону всегда доставалась большая часть славы. Другие говорят, что Лютеру надоело все время оставаться в тени Джонсона. Они уверены, что именно тогда в его душе возшел росток гнева, со временем превратившийся в неискоренимую ненависть.

Но подобные слухи повторяют только лжецы. Лютер всегда любил Джонсона,

как родного брата.

Я хорошо знаю Лютера и, будьте уверены, могу рассказать обо всех его секретах. Лютер и есть ключ к пониманию нынешнего состояния нашего мира, но нам сейчас не стоит слишком много говорить о Лютере. Это нанесло бы ущерб всему моему повествованию. Если в самом начале рассказа раскрыть слишком много секретов, не получится ничего хорошего. Всегда лучше, если к ним подходить постепенно.

Бедный, бедный Лютер... Но не сомневайтесь, в свое время мы доберемся и до него. В свое время... Я обо всем поведаю в свое время...

А сейчас мы обрисовали сцену для моей истории.

Пошел десятый год с начала кампании Джонсона по уничтожению великих зверей. Почти все чудовища уже убиты,

и лишь несколько особей еще бродят по самым негостеприимным и наименее заселенным регионам планеты.

Как только будет убит последний из великих зверей, каждый из нас сможет начать новую жизнь. Мы сможем основать новые поселения. Мы сможем рубить деревья на дрова или строить из них дома, сможем засеять новые поля. Впервые мы сами будем распоряжаться своими жизнями.

Наш народ вступает в золотой век.

Император и его ангелы еще не высадились на нашей планете, но старые обычаи уже утирают. Мир нашего детства не станет миром нашего будущего. Не все рады такой перспективе, но никто и не подозревает, что завтрашний мир изменится вопреки всем нашим ожиданиям.

Перемены могут разбудить в наших сердцах все лучшее и все самое худшее или и то и другое одновременно. Некоторые люди смотрят на горизонт со страхом перед будущим, тогда как другие взирают на него с радостью.

Угет десятый год
кампании Джонсона, и мир под
нашими ногами меняется. Сами
того не ведая, мы стоим на
пороге новой эпохи прогресса.
Нам предстоит узнать
Императора и Империум. Нам
предстоит стать ангелами,
хотя мы еще ничего о них не
знаем.

Калибан еще пребывает в
невежестве, но грозовые тучи
уже клубятся. Говорят, что
человек должен опасаться
плачущих ангелов, поскольку где
бы ни упала их слеза, там
тонут люди.

Так протекает наша

жизнь. Наступили дни, которые решат нашу судьбу, заложат основу конфликтов и определят будущее. Впоследствии об этом времени много будет написано, но мало понято. Истории, изложенные теми, кто придет после нас, будут искажены ложными свидетельствами и сфабрикованными фактами.

Они не поймут, почему мы отвернулись от Льва.

Они ничего не узнают о наших мотивах, но вы сможете о них узнать. Вы сможете узнать обо всем. Слушайте внимательно, и вы услышите все мои секреты. Слушайте, и мы поговорим о Лютере и Лионе Эль-Джонсоне. Мы поговорим о расколе и гражданской войне.

Мы услышим голоса павших.

Слушайте мои секреты.

Давайте поговорим о Темных Ангелах и начале их

падения.

Часть 1

КАЛУБАН

Глава 1

Было еще совсем темно. Захариэль открыл глаза за мгновение до того, как за ним пришли люди лорда Символа. Он окончательно проснулся, ощутив, как чья-то рука зажала ему рот. Его стащили с кровати, накиннули на голову капюшон, а руки связали за спиной. Так, вслепую, его протащили по нескольким коридорам. Когда похитители остановились, Захариэль услышал, что один из них трижды постучал.

Открылась дверь, и его втолкнули внутрь.

--- Кого вы нам привели? --- донесся из темноты голос.

--- Странника, --- произнес рядом с ним лорд Символ. --- Его привели связанным и с закрытыми глазами. Он ищет вход.

--- Подведите его ближе, --- приказал первый голос.

На плечи Захариэля опустились руки проводников, грубо толкнули вперед и заставили опуститься на колени. От

прикосновения к холодному каменному полу по телу пробежала дрожь, но он постарался подавить ее, не желая давать повод подозревать его в испуге.

--- Как твое имя? --- снова услышал он первый голос, звучащий теперь несколько громче. Глубокий, раскатистый баритон явно принадлежал человеку, привыкшему повелевать. --- Из какой ты семьи?

--- Я Захариэль Эль-Зуриас, --- ответил он, по старинному обычаю назвав свое полное имя и тут же подумав, что произносит его в последний раз. --- Я единственный оставшийся в живых сын Зуриаса Эль-Калеала, кто, в свою очередь, приходится сыном Калеалу Эль-Гибраэлю. Наш род происходит по прямой линии от Сафиэля.

--- Аристократ, --- раздался третий голос. Каким-то образом он странно отличался от всех остальных, его властность и притязательность превосходили голос первого из говоривших. --- Он считает, что место в наших рядах обеспечено заслугами его отца. Я против. Он недостойн такой чести. Надо бы

сбросить его с башни и покончить с этим.

--- Посмотрим, --- произнес первый голос.

Захариэль безошибочно узнал шорох вынимаемого из ножен оружия, а потом --- неприятное ощущение приставленного к горлу холодного металлического лезвия.

--- Сначала мы его испытываем, --- послышался в темноте голос. --- Ты чувствуешь клинок на своем горле?

--- Да, чувствую, --- ответил Захариэль.

--- Так знай, любая ложь считается нарушением наших обетов. Мы приемлем только истину. Если ты солжешь, я непременно об этом узнаю. А если почувствую обман, немедленно перережу тебе глотку. Ты принимаешь такие условия?

--- Да, я их принимаю.

--- В самом деле? Пойми, я требую с тебя клятву. Даже после того как я уберу от твоей шеи кинжал, даже когда я утру, а этот кинжал превратится в ржавую пыль, клятва, принесенная на этом лезвии, останется все такой же крепкой. Ты готов

принести такую клятву?

--- Я готов, --- подтвердил Захариэль. --- Я дам такую клятву.

--- Но сначала скажи мне, по какому праву ты сюда пришел? Кто ты такой, чтобы осмелиться прийти на наше собрание? По какому праву ты считаешь себя достойным состоять в наших рядах?

--- Я завершил первую ступень обучения, и мой наставник считает меня достойным такой чести, --- ответил Захариэль.

--- Это всего лишь начало. Требуется намного больше, чтобы вступить в наше общество. Тебе еще предстоит пройти испытание.

Захариэль знал, что за ним придут. Как раз об этом говорил ему накануне мастер Ратиэль, хотя слова старого наставника, как обычно, содержали в себе больше загадок, чем ответов.

--- Как ты понимаешь, я не могу рассказать тебе обо всем, --- сказал мастер Ратиэль. --- О таких вещах не принято много говорить. Обряд посвящения --- очень

древний ритуал. Он на тысячи лет старше самого Оргена. Кое-кто утверждает, что этот обычай был привезен нашими предками еще с Терры.

--- Я понимаю, --- откликнулся Захариэль.

--- Действительно понимаешь? --- спросил мастер.

Он повернулся и взглянул из-под нависших бровей в лицо Захариэля своими быстрыми глазами. В прошлом Захариэль считал бы необходимым отвести взгляд, но сейчас решительно встретил взор наставника.

--- Да, я думаю, ты понимаешь, --- после недолгой паузы произнес мастер Ратиэль, и его морщинистое лицо осветилось улыбкой. --- Ты отличаешься от остальных, Захариэль. Я это понял сразу, как только ты пришел, чтобы вступить в Орген.

Они сидели в одном из многих тренировочных залов в крепости Алдарух, где рыцари и кандидаты проводили целые дни, оттачивая мастерство, необходимое, чтобы выжить на Калибане. В этом

ранний час тренировочный зал был пуст, даже претенденты на звание рыцаря еще спали. Обычно и Захариэль в это время еще лежал в постели, но послание мастера Ратиэля привело его сегодня сюда еще до рассвета.

— Следующей ночью тебе предстоит пройти обряд посвящения в рыцари Ордена, — сказал ему Ратиэль. — Во время церемонии ты принесешь клятвы верности и вступишь на путь рыцаря.

— Ты хочешь провести меня через этот обряд? — спросил Захариэль. — Чтобы я знал, чего ожидать?

Ратиэль покачал головой, и Захариэль понял, что старик думает совсем не об этом.

— Что бы ни говорили завистники, Орден не совсем избавился от груза старинных обычаев. Мы понимаем, какую важную роль играют они в нашей жизни. Человеческие существа нуждаются в традициях: они придают смысл повседневности нашего бытия и весомость нашим деяниям. Более того, традиции могут помочь нам найти свое место в

этом мире. Конечно, ты не согласен с теми, кто рассматривает традиции с религиозной точки зрения. Мы не ищем ничего сверхъестественного в древних обрядах, как в наших, так и в чужих бы то ни было. Мы считаем, что цель ритуалов не в привлечении потусторонних сил, а в совершенствовании этого мира и достижении стабильности разума. Если традиции и преследуют какие-то внешние цели, так только стремление к сплоченности общества. Их можно рассматривать как некий клей, который не дает обществу распасться.

Старик снова помолчал.

--- Ты так странно смотришь на меня, Захариэль. Ты не согласен?

--- Нет, --- ответил Захариэль, --- просто я немного устал. В такой ранний час я не ожидал лекции о традициях.

--- Ты прав, это справедливо, и я позвал тебя сюда не для того, чтобы обсуждать социальную значимость обрядов. Я хотел поговорить о символизме некоторых ритуалов Оргена. Прежде чем за тобой придут, я хочу удостовериться,

что ты понимаешь их важность.

Мастер Рамиэль встал и прошел к центру зала. По традиции Ордена из одного конца зала в другой по всему полу тянулась мозаичная спираль.

— Захариэль, тебе известно, почему она здесь? Эта спираль?

— Да, мастер, — сказал Захариэль. Он тоже встал и подошел к наставнику. — Спираль символизирует искусство владения мечом и является важнейшей частью доктрины физического совершенства, так же как «Изречения» есть краеугольный камень нашей духовной дисциплины.

— Верно, Захариэль. Но это еще не все. С самого первого дня тебя заставляли проходить по спирали тренировочного зала и выполнять установленные для каждой стадии обучения приемы нападения и обороны. Ты знаешь почему?

Захариэль ненадолго задумался.

— Я предполагал, что таков древний ритуал боя на мечах, относящийся к временам Терры. Разве это не так?

— Возможно, — согласился Рамиэль. —

Но тщательное прохождение спиральной дорожки, бесконечные, из дня в день годами повторяющиеся упражнения сделают эти движения твоей второй натурой — и тогда ты обретишь непобедимую систему самозащиты.

Мастер Ратиэль сделал несколько шагов по спирали, и его посох в точности повторил все движения меча в сложном танце учебного боя.

— Рыцари Оргена регулярно одерживают победы над всеми претендентами из других сообществ на каждом показательном турнире и во всех единоличных поединках. Спираль в тренировочных залах и есть причина нашего мастерства.

Наконец Ратиэль дошел до самого центра и широким взмахом посоха показал на расходящиеся от него линии:

— Взгляни на лежащий перед нами рисунок. Эта комната не изменялась с момента постройки первого монастыря Алдаруха. Посмотри, как сгладились края линий, как они истерлись под ногами тысяч воинов, проходивших по спирали с

полонента основания тренировочного зала.
Но скажи мне, Захария, что такое
спираль? Что ты видишь перед собой?

— Я вижу атаку и защиту, —
ответил Захария. — Это путь к
превосходству и победе над врагами.

— Атака и защита? — Мастер
Рахиль, повторив его слова, медленно
кивнул, словно раздумывая над их
смыслом. — Хороший ответ, достойный
отличного воина. Но рыцарь должен быть
не только воином. Мы должны стать
лидерами для своего народа. Мы должны
защищать людей от всех врагов, не только
от других существ человеческого рода или
зверей. Недостаточно сражаться только с
предателями, бандитами или хищниками.
Путь совершенства тяжелее и сложнее,
чем это может показаться. Нет, мы
должны попытаться оградить население
Калибана от любой нависшей над ним
угрозы. Мы должны защитить его от
голода и нищеты, от болезней и жажды,
от страданий и невзгод. Могу тебя
заверить, в конечном счете это
невыполнимая задача. Страдания никогда

не исчезнут, так же как и невзгоды, но пока существует Орден, мы должны стремиться победить это зло. И мерой нашего успеха на этом пути будет не выигранное сражение, а наше желание снова и снова вступать в борьбу. Ты понимаешь?

--- Думаю, что понимаю, наставник, --- ответил Захариэль. --- Но я не вижу, какое отношение это имеет к спирали?

--- Спираль --- очень древний символ, --- продолжил мастер Ратиэль. --- Говорят, подобные резные изображения находили в древнейших захоронениях человечества. Спираль символизирует наш жизненный путь. Ты еще молод, Захариэль, и твой опыт в подобных вопросах ограничен, но я раскрою тебе тайну жизни, какой она открывается человеку старшего возраста. Наши жизни повторяются. С течением времени мы сталкиваемся с одними и теми же конфликтами. Мы предпринимаем одни и те же действия. Мы совершаем одни и те же ошибки. Наши жизни как будто движутся по бесконечной кривой вокруг одной фиксированной точки.

и от рождения до смерти повторяют один и тот же рисунок. Некоторые называют это «вечным возвращением». Но то, что относится к отдельной личности, можно отнести и к человечеству в целом. Стоить только внимательнее пристмотреться к истории, и мы увидим, что повторение ошибок свойственно не только отдельным индивидам. Целые культуры и нации делают то же самое. Мы должны бы предвидеть свои ошибки, но этого никогда не происходит.

— Если это правда, если спираль олицетворяет нашу жизнь, то куда она ведет? — спросил Захариэль, не отрывая взгляда от рисунка на полу. — Спираль никогда не заканчивается. Каждый раз, когда линия должна бы оборваться, она разворачивается и повторяет все тот же рисунок.

— И что это тебе напоминает? — спросил Ратиэль.

Захариэль задумчиво склонил голову набок.

— Похоже на змею, кусающую свой хвост.

--- Да, это древний символ, --- кивнул Ратиэль. --- Один из самых старых.

--- А что он означает?

--- Это символ возрождения и обновления, --- ответил наставник. --- Символ бессмертия и новых начинаний.

Захариэль кивнул, хотя большая часть смысла слов Ратиэля от него ускользнула.

--- Если, как ты говоришь, наши жизни постоянно повторяют одна другую, разве это не совпадает с учениями религиозных фанатиков? Они утверждают, что наши души после смерти возрождаются в новых телах. Они тоже говорят о бесконечной спирали. По их словам, спираль существует в преисподней, и, проходя по ней, мы выбираем путь своего возрождения. Это правда?

--- Я не знаю, --- сказал мастер Ратиэль.

При виде выражения лица своего подопечного он опять улыбнулся:

--- Захариэль, не стоит так изумляться. Я понимаю, что воспитанники обычно смотрят на

учителей как на кладезь премудрости и знаний, но даже мои предположения существуют предел. Я могу комментировать только те пути, которые мы проходим при жизни. А кто может сказать, что происходит после смерти? Смерть по своей природе есть величайшая из тайн. Насколько мне известно, еще никто не возвращался из ее пределов; так как же можно утверждать, что кто-то раскрыл эту тайну? Может, мы представляем собой только совокупность физиологических процессов, которые начинаются при рождении и заканчиваются со смертью, а может, есть нечто большее? Покажи мне человека, который бы утверждал, что знает ответ на этот вопрос, и я укажу тебе на лжеца.

Не дожидаясь, пока Захариэль что-нибудь скажет, мастер Рамиэль продолжал:

— Однако мы отвлеклись. Я позвал тебя, потому что хочу подчеркнуть символизм, лежащий в основе некоторых наших традиций. Как я говорил раньше, я не могу полностью рассказать тебе о

предстоящем обряде посвящения. Мне не
подобаает этого делать. Будет лучше,
если ты пройдешь обряд без каких-либо
предвзвешиваний. Я только хотел убедиться,
что ты понимаешь, что отдельные
обстоятельства церемонии, весь ритуал и
его детали имеют значение не только в
физическом смысле. Все эти действия
глубоко символичны. Запомни, что это не
просто обряд посвящения, а твое
перерождение из одного состояния в другое.
Ты превратишься из претендента в
рыцаря, из юноши -- в мужчину. Завтра
прежний Захариэль утратит, -- сказал
напоследок мастер Рамиэль. -- Я желаю
тебе всего самого лучшего новому Захариэлю.
Пусть ему предстоит долгая и достойная
жизнь.

Испытание было больше похоже на
вопрос.

Захариэль все так же стоял
на коленях на каменном полу, с
брошенным на голову капюшоном,
связанными руками и с прижатым к шее
кинжалом. Его невидимые экзаменаторы

один за другим буквально обстреливали его градом вопросов. Сначала они долго спрашивали его о содержании «Узречений» и требовали, чтобы Захариэль на память цитировал целые главы учения. А потом спрашивали о смысле прочитанного отрывка. Затем перешли к теории боя на мечах, спросили, как лучше отвечать на двуручный вынаг сверху вниз: уклоняться от удара или парировать его?

--- Каким образом парировать? --- спросил первый голос сразу, как только Захариэль ответил. --- Твой противник правша и его удар направлен по крутой диагонали. Ты будешь отклоняться вправо или влево? Будешь сопровождать удар ответным вынагом, контратакой или ударом свободной руки? А почему у тебя одна рука свободна? Где твой пистолет? Отвечай быстрее!

Так продолжалось очень долго. Они задавали вопросы о боевых конях, об охоте на хищников, о пистолетах, мечах, копьях, о стратегии и способах выживания. Они спрашивали его об опасности цветов-осторизы, о самых безопасных местах, где

можно укрыться в случае внезапной налетевшей бури, о различии между следами обычных и хищных птиц. Требовали объяснить все предосторожности при устройстве засады, спрашивали о мерах предосторожности, которые должен предпринять командир при приближении к линии обороны противника, и как лучше атаковать врага, имеющего преимущество в высоте и укрепленной позиции.

— Каковы общепринятые основания для вызова на дуэль рыцаря другого ордена? — спросил его второй голос, принадлежавший, как догадался Захариэль, лорду Символу. — Какую форму вызова ты предпочитаешь? Как будешь выбирать секунданта? А какое оружие? Где будет проводиться дуэль? Какие могут быть причины для поединка — только оскорбление чести или что-то еще? Отвечай быстрее.

Он был уверен, что в комнате присутствуют и другие люди, но вопросы задавали только эти трое. Они проводили испытание очень слаженно и гладко, словно

каждый давно привык к подобной ситуации, и вопросы без всяких перерывов следовали один за другим.

Часто, словно нарочно, чтобы его запутать, двое одновременно задавали разные вопросы, а порой говорили все трое сразу. Захариэль не поддавался попыткам сбить его с толку и лишить уверенности обескураживающим разнообразием тем. Не важно, что он ничего не видит и его руки связаны. Не важно, что к горлу по-прежнему прижат кинжал.

Он не провалит испытание. Он зашел слишком далеко. Он преодолет это последнее препятствие.

— Все это пустая трата времени, — произнес третий голос. — Вы слышите меня? Мы зря теряем время. Этот щенок никогда не станет рыцарем. И не важно, что говорят мастера. У него нет необходимых качеств. У меня на таких отличное чутье. Я за то, чтобы немедленно перерезать ему горло и покончить с ним. Мы всегда можем найти более достойного кандидата на звание рыцаря.

Человек, обладающий этим голосом, все время задавал самые трудные вопросы, но чаще всего он просто бранил Захариэля, словно пытаясь унижить в глазах остальных. Если два других экзаменатора никак не реагировали, когда юноша отвечал не совсем правильно, третий всегда отзывался едкими насмешками и саркастическими замечаниями. Не раз он называл Захариэля «книжником», не способным на активные действия.

Он ставил ему в вину недостаток силы духа и стойкости. Он говорил, что у Захариэля нет внутренней убежденности, необходимой для настоящего рыцаря. Он снова и снова пытался убедить своих товарищей в том, что Захариэль им не подходит.

--- Он опозорит наш Орден, --- сказал третий экзаменатор во время очередного горячего обсуждения. --- Он станет для нас обузой. Он бесполезен. А в этих вопросах мы должны проявлять твердость. Одного слабого камня достаточно, чтобы привести к обрушению всего сооружения. Лучше убить его здесь и сейчас, чем

рисковать крепостью всей организации. Его надо было задуть еще при рождении, как неполноценного.

--- Это уж слишком, --- сказал первый голос --- голос того человека, который держал клинок у горла Захариэля. --- Ты прекрасно играешь свою роль, брат, но это чересчур. Присутствующий здесь юноша не совершил ничего такого, чтобы заслужить подобное презрение. Ты слишком жесток с ним. Он достоин продолжать обучение в наших рядах.

--- Он достоин, --- согласился с ним лорд Символ. --- Он выдержал испытание. Я голосую в его пользу.

--- И я тоже, --- сказал первый голос. --- А ты, брат? Он убедил тебя? Ты заодно с нами?

--- Да, --- сказал третий голос после паузы, показавшейся Захариэлю вечностью. --- Я сыграл свою роль, но я не сомневался в нем с самого начала. Он достоин. Я голосую в его пользу.

--- Решено, --- объявил лорд Символ. --- Мы примем клятву. Но сначала надо вернуть его к свету, он слишком долго

оставался в темноте.

Закрой глаза, -- сказал первый голос, и кинжал отодвинулся от его шеи.

Захариэль почувствовал, как с него стягивают капюшон.

-- Не торопись открывать глаза, -- сказали ему. -- После долгого пребывания в темноте свет может показаться тебе ослепительным.

Наконец его голова была освобождена от капюшона, и он смог посмотреть на своих экзаменаторов.

Поначалу яркий свет в комнате больно резанул по глазам, и Захариэль мог различить только смазанные силуэты и размытые пятна лиц.

Но постепенно зрение восстановилось. Пятна обрели резкость и превратились в очертания фигур и людские лица. Захариэля окружали воины в плащах с капюшонами, у многих в руках горели факелы. Как только веревки на его руках были разрезаны, Захариэль поднял голову и посмотрел на участников испытания.

Как он и ожидал, одним из них оказался лорд Символ, пожилой человек, по

лнению всех претендентов давно
миновавший пору своего расцвета.

Лорд Символ часто торгал и искоса
постатривал на него глазами, почти
полностью скрытыми развивающейся
катарактой. Два грубых лица
принадлежали к гораздо более
впечатляющим личностям. С одной
стороны от Захариэля стоял сэр Лютер,
воин с массивной и крепкой фигурой,
который грубески улыбнулся ему, словно
стараясь ободрить новичка и убедить не
придавать слишком большого значения
торжественности церемонии.

А с другой стороны стоял человек,
уже ставший легендой, и, по слухам,
именно он должен был стать следующим
гросстейстером Оргена — Лион Эль-
Джонсон.

За все годы, проведенные в Оргене,
Захариэль впервые так близко видел
Джонсона, и ему показалось, что
присутствие невероятно могущественного
воина лишило его всех мыслей и чувств.
Тот величественно возвышался над
Захариэлем, и юный претендент поймав

себя на мысли, что взирает на этот образец физического совершенства с благоговейным восторгом.

--- Осторожнее, мальчик, --- со слехом произнес Лютер, --- ты рискуешь совсем потерять свою челюсть!

Захариэль захлопнул рот и постарался освободиться от чар Джонсона, но у него мало что получилось. Лион Эль Джонсон большую часть времени проводил в лесах, где возглавлял борьбу против великих зверей, и лишь изредка возвращался в крепость Алдарух на более или менее продолжительное время. Захариэлю была оказана великая честь --- он оказался удостоен внимания такой значительной личности, более того, легендарный герой сам принял участие в обряде инициации претендента в Орген.

--- Пора заканчивать эту церемонию, --- сказал сар Лютер. --- Я уверен, нашему юному другу не терпится поскорее встать с коленей.

Звучный голос Лютера опять поразил Захариэля и наполнил, что в его власти увлечь людей за собой даже в преисподнюю.

Юноша был настолько поражен видом стоящего рядом Лиона Эль-Джонсона, что совершенно проигнорировал присутствие Лютера. Лишь с запозданием он понял, что был удостоен двойной чести. Обряд его посвящения проводили два величайших человека его времени — Джонсон и Лютер. Последний, безусловно, не мог сравниться с Джонсоном в физической мощи, но он был не менее героической фигурой и заслуживал преклонения. Каждый из этих двух людей казался Захариэлю настоящим гигантом.

— Тебе не погодно говорить таким тоном, — заметил лорд Символ, задержав взгляд наполовину ослепших глаз на Лютере. — Обряд посвящения нового члена Ордена не повод для веселья. Это слишком серьезная церемония. Кое-кто даже называет его священным обрядом.

— Прошу извинить моего брата, лорд Символ, — вмешался Джонсон, притирительно обнимая старика за плечи огромной рукой. — Он не хотел никого обидеть. Просто он ни на секунду не забывает, что нашего внимания требует

множество других дел.

--- Нет ничего важнее, чем посвящение нового члена Ордена, --- возразил лорд Символ. --- Стоящий перед нами молодой человек все еще находится на пороге. Он повернулся к свету, но еще не принес обеты, а без этого он не может стать одним из нас.

Старик протянул руку к кинжалу Джонсона, тому самому, что был приставлен к горлу Захариэля. Получив оружие, лорд Символ провел по лезвию большим пальцем, чтобы проверить его остроту.

--- Настало время пролить кровь.

Повернувшись к Захариэлю, он поднес кинжал к его левой ладони.

Разрез рассек кожу по диагонали и вызвал мгновенную боль, но рана была неглубокой и выступившая кровь предназначалась только для проведения обряда.

Кровопролитие оказалось символическим, как и говорил мастер Ратиэль.

Кульминацией церемонии было

произнесение обетов.

--- Клянешься ли ты, Захариэль, пролитой кровью, что будешь защищать людей Калибана?

--- Я клянусь, --- ответил он.

--- Клянешься ли ты следовать всем правилам и обычаям Оргена и никогда не открывать его секретов?

--- Клянусь.

--- Отныне ты станешь братом всем рыцарям Оргена и никогда не постыдишься поднять на них руку, если того не потребует приговор суда или обязательства чести. Поклянись в этом перенесенной болью и своей будущей смертью.

--- Клянусь смертью, --- произнес Захариэль.

Наступил самый важный момент приношения обетов, и лорд Символ поднес лезвие к глазам Захариэля, чтобы тот мог увидеть отражение своего лица, окаймленное красной полосой крови.

--- Ты принес кровавую клятву, --- сказал лорд Символ. --- Ты уже взял на себя обязательства. Но теперь тебе предстоит

пойти еще дальше.

Лорд Символ повернул кинжал так, что он встал на его выпрямленной ладони и лезвию вверх.

— Поднеси свою руку к лезвию и прими священный и кровавый обет. Этот кинжал уже взял твою кровь. Он рассекает твою ладонь. Пусть он станет хранителем твоих клятв. Если какой-нибудь из твоих будущих поступков докажет, что произнесенные здесь и сейчас слова были лживыми, пусть лезвие, ранившее твою ладонь, вернется и рассекает твое горло. Поклянись в этом.

— Я клянусь, — произнес Захариэль после того, как протянул руку над кинжалом. — Если мои слова, произнесенные здесь и сейчас, окажутся ложью, пусть кинжал вернется и перережет мне горло.

— Дело сделано, — удовлетворенно кивнул лорд Символ. — Твоя прежняя жизнь закончилась. Теперь ты уже не мальчик по имени Захариэль Эль-Зуриас, сын Зуриаса Эль-Калеала. С этого дня ты больше не будешь говорить о наследии и заслугах

своих предков. Ты не аристократ и не
простолюдин. Все это осталось в
прошлом. С этого момента ты рыцарь
Ордена. Ты возрожден к новой жизни. Ты
понимаешь это, Захариэль?

--- Понимаю, --- ответил тот,
чувствуя, как сердце переполняется
гордостью.

--- Тогда поднись, --- сказал лорд
Символ. --- Больше нет необходимости
преклонять колени. Все ты здесь твои
братья. Встань, Захариэль, рыцарь
Ордена.

Глава 2

Рана на его руке не оставит после себя даже шрама. Со временем она затянется, и через несколько месяцев на руке не будет никаких физических признаков того, что лагерь была рассечена. Но, как ни странно, Захариэль все время ощущал порез. Он не причинял боли, не вызывал слабости, и впоследствии, когда он взял в руку пистолет, его хватка осталась крепкой, как и прежде.

Несмотря на это, Захариэль чувствовал рану даже после того, как она совсем затянулась.

Он слышал, что иногда люди при потере конечности ощущают в ней боль, испытывая загадочное нарушение нервной системы, которое апотекарии не в силах объяснить. Примерно то же самое происходило с Захариэлем. В его руке оставалось едва уловимое ощущение, словно какая-то часть мозга постоянно напотинала о данных клятвах.

Это ощущение было с ним всегда,

словно линия на лагони --- невидимая глазу, но все же существующая --- была высечена в его душе. Если бы он попытался дать название этому явлению, он назвал бы его «совесть».

Что бы это ни было, фантомная рана на лагони останется с ним до конца жизни.

Со временем он к ней почти привыкнет.

Захариэль и Нетиэль выросли вместе.

Их возраст различался всего на несколько недель, и, кроме того, они состояли в кровном родстве. Хотя они были дальними родственниками и принадлежали к различным ветвям обширного аристократического семейства, их можно было принять за родных братьев. От предков оба унаследовали худощавые лица и орлиные профили, но связь между ними была гораздо глубже, чем случайное внешнее сходство.

По монастырской традиции, все члены сообщества считались братьями

тежду собой, но связывающие Захариэля и Нетиэля узы были гораздо крепче обычного родства рыцарей. Они считали друг друга братьями задолго до того, как вступили в ряды претендентов на звание членов Ордена. С тех пор связь между ними не раз подвергалась испытаниям, но стала только крепче. В тысячах случаев они полагались на поддержку друг друга, несмотря на то что гружеское соперничество заставляло каждого стремиться к новым высотам.

В их отношениях всегда присутствовал элемент естественного братского соревнования. С самого раннего детства они пытались превзойти друг друга всеми возможными способами. В любом деле каждый хотел стать победителем — самым быстрым бегуном, самым сильным пловцом, самым точным стрелком, лучшим наездником и лучшим бойцом на мечях. Область соревнования совершенно не играла роли, коль скоро один из них мог превзойти другого.

Мастера Ордена сразу заметили их склонность к соперничеству и всячески его

поощряли. Но отдельности они были бы средними претендентами на звание рыцаря, зато вместе, движимые взаимным соперничеством, могли достичь внушительных успехов.

Их наставники говорили об этом словно бы между прочим, поскольку на Калибане не было принято расточать похвалы, однако от Захариэля и Немуэля ожидали отличных результатов и быстрого продвижения в Оргене.

Старшему по возрасту Немуэлю, хотя разница составляла всего пару недель, постоянное соревнование давалось труднее, чем Захариэлю. Временами их соперничество представлялось ему гонкой, которую он не мог выиграть. Каждый раз, когда Немуэль считал, что одержал верх, Захариэль неизменно опровергал его предположение, сравнивая и даже улучшая результаты.

Захариэль ступно понимал важную роль брата в достижении любых успехов. Без Немуэля, без желания испытать себя и превзойти брата, он мог и не попасть в братство Оргена. Он мог никогда не

стать рыцарем. Соответственно, он никогда не завидовал достижениям Нетиэля. Что бы ни случилось, он радовался успехам брата так же искренне, как и своим собственным.

Но для Нетиэля все обстояло по-другому. Время от времени, отчаявшись обогнать брата, он начинал испытывать тайное раздражение по поводу его успехов. Несмотря на то что он из всех сил старался контролировать свои мысли, Нетиэль нередко замечал, что в глубине души испытывает страстное желание ограничить достижения Захариэля.

Нельзя сказать, чтобы он желал брату зла или неудачи, просто ему хотелось, чтобы триумфы Захариэля не превосходили его собственные успехи. Возможно, это было ребячеством, но соревнование так давно определяло их жизнь, что Нетиэлю было трудно перерасти это чувство.

В конечном счете в его отношении к Захариэлю соперничество имело такое же значение, как и братские узы.

Такова была природа их жизни.

В будущем эти чувства решат их судьбы.

--- Если это все, на что ты способен, --- настыхался Нетиэль, уклоняясь от выпада Захариэля в поединке на мечах, --- то тебе лучше сразу сдаться.

Захариэль, держа оружие близко к туловищу, ринулся вперед и толкнул брата плечом в грудь.

Нетиэль ожидал этого приема, но Захариэль был сильнее, и оба мальчика свалились на каменный пол тренировочного зала. Нетиэль вскрикнул от удара, перекатился и поднял меч, а Захариэль только ткнул своим клинком в то место, где только что лежал его противник.

--- Это далеко не все, что я могу, --- ответил Захариэль, запыхтев от напряжения. --- Пока я только играл с тобой.

Схватка длилась уже почти пятнадцать минут --- пятнадцать полновесных минут прыжков вперед и назад, финтов и выпадов, блоков и уверток.

парирования и контратак. Оба мальчика истекали потом. Мускулы горели, а руки и ноги налились свинцом.

Вокруг них стояли их товарищи-кандидаты, и каждый криками поддерживал своего любимца, а мастер Ратиэль наблюдал за поединком с отеческой гордостью и некоторым раздражением.

— Ради любви к Калибану, заканчивайте наконец бой! — крикнул Ратиэль. — У нас сегодня есть еще и другие уроки. Заканчивайте, или я объявлю ничью.

Слова наставника придали Захариэлю сил и решимости, но он видел, что такое же действие они произвели и на Нетиэля, как и рассчитывал Ратиэль. Ни один из братьев не хотел ничейного результата, каждого устраивала только победа.

Захариэль увидел, как у Нетиэля перед атакой напряглись мышцы, и сам встретился вперед.

Меч был нацелен в живот Нетиэля. Учебный клинок был тупым и с

закруженным концом, но все же изготовлен из прочного металла и в руках Захариэля мог причинить немалый ущерб его противнику. Нетиэль ударом вниз отвел удар, отбросив клинок в сторону, но Захариэль и не рассчитывал на этот выпад.

Оружие Нетиэля все еще оставалось сбоку, а Захариэль, используя инерцию прыжка, нанес брату удар кулаком по голове. Маневр получился не слишком точным, но он произвел ожидаемый эффект.

Нетиэль вскрикнул, выронил меч и закрыл руками лицо.

Именно этого и ожидал Захариэль.

Он закончил бой ударом коленом в живот Нетиэля, отчего тот согнулся пополам и, оглушенный звоном в ушах, покатился по полу.

Захариэль отступил на шаг и оглянулся на наставника. Мастер кивнул.

— Победил Захариэль, — объявил он.

Тот судорожно выдохнул и уронил меч. Клинок со звоном ударился о каменный пол, а Захариэль повернулся к

еще не оправившемся от боли Нетиэлю. Ратиэль уже отвернулся от недавних противников и решительным шагом двинулся к выходу, увлекая за собой воспитанников на следующий утомительный урок.

Захариэль протянул брату руку.

--- Как ты? --- спросил он.

Нетиэль все еще держался за голову и плотно сжимал губы, стараясь не показать, насколько ему плохо. На одно мгновение Захариэль ощутил раскаяние за то, что так сильно ударил брата, но быстро прогнал эти мысли. Его долг --- побеждать в каждой схватке и стараться изо всех сил, как диктовало учение Оргена.

Прошло два года с тех пор, как он был принят в Орген, и меньше месяца назад ему исполнилось девять лет. Особо нового отметить эту дату у него не было, но рыцари-наставники Оргена тщательно следили за датами, вели точные записи и отмечали достижения каждого из членов в соответствующий отрезок времени.

Нетиэль отметил девятый день рождения нежного раньше, и хотя их

возраст был почти одинаковым, а внешние пальчики все так же походили друг на друга, характеры представляли собой полную противоположность. Захариэль заметил, что Немуэль позабыл о результате поединка сразу, как только понял причину своего поражения.

--- Все в порядке, брат, --- ответил Немуэль. --- Не так уж и плохо. Я выиграл, как ты это сделал, и ты больше не поймаешь меня на эту уловку.

И Захариэль знал, что брат прав. Каждый раз, когда он пытался повторно применить успешный прием, схватка бывала проигранной.

Победить Немуэля можно, но невозможно победить его дважды одним и тем же способом.

--- Надеюсь, ты не очень разочарован, --- сказал Захариэль. --- Может, я и выиграл, но победа далась мне нелегко.

--- Кого волнует, насколько легко это было? --- огрызнулся Немуэль. --- Ты ведь одержал победу, не так ли?

Захариэль все еще держал руку, и Немуэль в конце концов принял

предложенную помощь и поднялся на ноги.

--- А, не обращай внимания, --- сказал он, отряхивая пыль. --- Я просто переживаю свое поражение, да еще на глазах у Ратиэля. Наверное, надо чаще вспоминать обо всех тех случаях, когда я укладывал тебя на обе лопатки.

--- Ты прав, --- согласился Захариэль. --- Я думаю, в человеческой натуре есть нечто такое, что заставляет нас порой вспоминать только о своих неудачах. А мы должны помнить о том, как мы счастливы.

--- Счастливы?! О чем это ты?! --- воскликнул Нетиэль, направляясь вместе с братом вслеп за остальными воспитанниками к выходу из тренировочного зала. --- Ты только что ударил меня по голове, и ты живешь в мире, населенном зверями-убийцами. О каком счастье ты говоришь?!

Захариэль взглянул на брата, опасаясь насмешки.

--- Подумай сам. Из всех времен истории Калибана нам повезло родиться в один период с такими людьми, как Лион и

Лютер. Мы успеет принять участие в кампании против великих зверей.

--- Ну да, конечно, это великое счастье -- отправиться в леса и встретиться лицом к лицу с чудовищами, которые либо проглотят нас целиком, либо разорвут на части.

Теперь Захариэль был уверен, что брат его поддразнивает. Ведь Неллиэль всегда был склонен похваться, какого смертельно опасного монстра он убьет, как только ему позволят ответить на вызов и проявить свою отвагу в бою против великого зверя.

Он не стал отвечать на насмешку и с пылом продолжал:

--- Но мы здесь, мы претенденты на Ордена и когда-нибудь станем рыцарями!

Захариэль широким жестом обвел зал: высокие стены, ряды оружейных стендов, спираль на полу и гигантскую мозаику с символом Ордена -- повернутым клинком вниз мечом.

--- Посмотри вокруг, мы учимся, чтобы стать рыцарями и избавить наш мир от угрозы нападения зверей. День,

когда будет убито последнее из чужовищ, войдет в историю Оргена и всего Калибана, и его не забудут и за тысячу лет. История творится на наших глазах, и, если нам повезет, мы будем присутствовать при этих событиях.

--- Все это верно, братец, --- согласился Нетиэль. --- Люди будут говорить, что мы жили во времена перемен, правда?

--- Времена перемен?

--- Ты должен помнить, об этом нам говорил мастер Рамиэль, когда мы были еще новичками и оставались в темноте за дверями Оргена, прося нас принять.

--- Я помню, --- сказал Захариэль, хотя с той ночи, что они провели у дверей крепости-монастыря Оргена, у него в памяти почти ничего не осталось, кроме ужаса перед тьмой ночи и скрывающимися в ней хищниками.

--- Он говорил, что эта фраза пришла к нам с древней Терры, --- продолжал Нетиэль. --- Когда люди переживали периоды великих изменений, какие-то повороты истории, они называли их

«временами перемен». Существовало даже такое выражение: «Пусть тебе доведется жить во времена перемен». Так они и говорили.

— Пусть тебе доведется жить во времена перемен, — повторил Захариэль. — Мне нравится. Само выражение звучит отлично. Я понимаю, что рыцарям не погодно верить в такие вещи, но эти слова звучат как молитва.

— Они и были молитвой, только в плохом смысле. Такие слова они говорили своим врагам. Это было, скорее, проклятие.

— Проклятие? Я не понимаю.

— Мне кажется, они предпочитали спокойную жизнь. Они не хотели ни кровопролитий, ни потрясений. Они не стремились к переменам. Наверное, они были счастливы. Хотели прожить долгую жизнь и умереть в своих постелях. Я думаю, они считали свою жизнь превосходной. И меньше всего хотели, чтобы какой-нибудь поворот истории все разрушил.

— Такое трудно даже представить, —

заметил Захарияэль, укладывая поднятый с пола меч на оружейную стойку. --- Как можно вообразить, что кто-то полностью удовлетворен своим жребием и ничего не хочет изменить? Может, все дело в том, что мы живем на Калибане? Жизнь здесь тяжелая, и все привыкли к кровавопролитным сражениям и потрясениям.

--- Наверное, на Терре все по-другому, --- высказал предположение Нетиэль.

--- Наверное. Просто мы принимаем как должное, что вся наша жизнь проходит в борьбе. По сравнению с Калибаном Терра, вероятно, могла бы показаться настоящим раем.

--- Если только она существует, --- заметил Нетиэль. --- Есть люди, которые утверждают, что это миф, придуманный нашими предками. Наше общество зародилось на Калибане и на Калибане оно и умрет. Нет никаких звездных кораблей и потерянных братьев на других планетах. Все это обман. Придуманый из лучших побуждений, чтобы успокоить нас в особенно тяжелые периоды, но все же

— Да, — кивнул Рамиэль. — Мне следовало бы послать вас на кухню за такую проволочку, но, если вы пропустите его рассказ, это не пойдет на пользу вам обоим.

Захариэль вместе с Немуэлем стрелглав кинулся к арочному выходу, ощущая радостное волнение и прилив новых сил.

Брат Амагис, герой Манониса... Его герой.

Мальчики проскочили под входной аркой, и Захариэль опять подумал, что Круглому Залу крепости Алдарух очень подходит его название. Плавающие факелы по обе стороны от входа наполняли огромное помещение запахом ароматических смол. Зал был уже почти полон, и сотни новичков, претендентов и рыцарей заняли каменные скамьи, ступенями расходящиеся от центрального траторного возвышения.

Высокие колонны, стоящие по кругу через равные промежутки, вверх изгибались, образуя величественные арки

пог высоким куполом крыши. С золотисто-зеленого потолка свисала огромная люстра, мерцавшая сотнями свечей.

Стены зала почти целиком состояли из витражей, каждый из которых запечатлел какое-либо деяние рыцарей Ордена. Большая часть этих панелей славы изображала подвиги Льва и Лютера, но были картины, созданные еще до их появления, а несколько сюжетов посвящалось герою Манониса брату Амагусу.

Один из старейших рыцарей Ордена, откликнувшийся на призыв Льва освободить Калибан от великих зверей, брат Амагус был известен всему миру как отважный и могучий воин, воплощавший в себе все черты настоящего рыцаря — не только Ордена, но и всего Калибана.

Его исполненные героизма и благородства подвиги восхвалялись в эпических сказаниях, и почти все дети Калибана, подрастая, слышали о них из уст своих отцов.

Амагус лично уничтожил великого зверя из Калкоса и возглавил воинов в

борьбе против хищных Кровавых Рыцарей из Подземелий Эндриаго. До появления Джонсона многие считали, что именно брат Амагис со временем станет очередным гростейстером Оргена.

Но этому не суждено было случиться. Хотя теперь все были уверены, что после удачной охоты этот пост достанется Джонсону, Амагис не держал зла и вернулся в леса, чтобы разить великих зверей и повсюду распространять славу Оргена.

Все возрастающее число мальчишек, приходящих к массивным воротам крепости Алдарух, были привлечены сюда не только славой Льва, но и популярностью Амагиса. Захариэль и сейчас вспоминал, как в ненастные вечера слушал у очага славные истории о борьбе против Кровавых Рыцарей. Его отец всегда выбирал самые темные, колдовские ночи и рассказывал об этом, словно ткал ковер, запечатлевающий ужасы и разнузданные празднества, чтобы сильнее напугать сыновей, прежде чем завершить повествование описанием героической

победы Атагуса над предводителем
Кровавых Рыцарей в честном бою.

--- Похоже, что здесь собрались все
обитатели крепости, --- заметил Нетиэль,
пока они толкались на самом верхнем
ярусе, отыскивая себе места.

Они без стеснения отпихивали
локтями недавно принятых новичков и
претендентов, которые провели в Оргене
меньше времени, и ни один не остеливался
возразить мальчикам, пришедшим в
крепость раньше. В Оргене действовала
негласная, но четкая иерархия, и никто
никогда не нарушал ее положений.

Наконец братья нашли подходящее
местечко впереди недавно принятых
претендентов, среди тех, кто был одного
ранга с ними. Хотя до центрального
возвышения было довольно далеко, зато в
отношении отличного обзора с верхним
ярусом не могло сравниться ни одно другое
место.

На центральной площадке было еще
пусто, лишь в самой середине стояло
похожее на трон кресло.

--- Кажется, мы пришли вовремя, ---

сказал Захариэль, и Нетиэль согласно кивнул.

С потолка Круглого Зала свисали знамена, и, глядя на них, Захариэль ощутил знакомое волнение, читая по ним историю Оргена, полную благородных подвигов и бесстрашных сражений. Золотое шитье сверкало на зеленых и голубых церемониальных штандартах, но больше всего было боевых стягов, обороченных красными полосами. Флаги покрывали весь потолок, словно кто-то растянул над залом гигантское лоскутное одеяло, а потом разрезал его на свисающие полосы.

По какому-то таинственному сигналу шум среди новичков, претендентов и рыцарей прекратился, и Захариэль услышал скрип открывающейся деревянной двери, а потом металлический звон доспехов и четкие шаги по мраморному полу.

Он вытянул шею и наконец увидел человека, благодаря которому решил стать рыцарем. В центр зала вышел одинокий воин в черных доспехах Оргена.

Захариэль старался подавить возникшее разочарование. Ожидая встречи с легендарным гигантом из героического эпоса, равным Лиону Эль-Джонсону, он увидел, что брат Амагис обычный человек.

Он понимал, что глупо было ожидать чего-то другого, но убедиться, что воин его героической мечты всего лишь простой человек из плоти и крови, совсем непохожий на могучего левиафана из преданий, было немного грустно.

И все же, пока он старался пригнаться к реальному облику своего героя, Захариэль заметил в его наружности нечто необъяснимое. Амагис прошел к центральному возвышению так, словно весь монастырь принадлежал ему, и уверенность окутывала его фигуру, будто плащ. Он явно не сомневался, что все слушатели собрались только ради него, и его право и священный долг — выступить перед ними.

Но за уверенностью, которую многие могли бы расценить как чудовищное высокомерие, Захариэль мог видеть на лице Амагиса и легкое ступение, словно

воин предвидел такое собрание, но находил всю эту ситуацию слегка абсурдной.

Чем дольше Захариэль смотрел на человека в центре зала, тем яснее видел в каждом его движении безоговорочную убежденность, ясность цели и спокойную отвагу. Амагус, как истинный воин, на ходу крепко сжимал эфес меча, и Захариэль ощутил, как с каждой секундой в его душе растет восхищение этим легендарным героем.

В окружении столь могучих и отважных рыцарей, что даже просто находиться с ними в одном помещении могло считаться огромной честью, Захариэль думал, что эти воины не знают страха, но сейчас, глядя на привлекательное обветренное лицо брата Амагуса, он понял, насколько необоснованно его предположение.

Мальчишкой он не раз испытывал страх в лесах Калибана, но думал, что, став рыцарем, навсегда расстанется с этим неприятным чувством. Брат Амагус сталкивался с чудовищными врагами и одолел их вопреки страху.

Испытать страх, настоящий ужас и добиться победы, несмотря ни на что, казалось ему более значительным достижением, чем триумф, полученный без испуга.

Брат Амагис окинул взглядом аудиторию и молча кивнул, словно испытывая удовлетворение от состава своих слушателей.

— Если вы пришли, чтобы послушать долгую и воодушевляющую речь, боюсь, я вас разочарую.

Голос Амагиса легко достигал самых дальних пределов Круглого Зала, и каждое слово рыцаря пробуждало в душе Захариэля угрозу волнения. Такими звучными и мощными голосами обладали еще только Лютер и Лев.

— Я простой человек, — продолжал Амагис. — Я воин и рыцарь. Я не привык произносить речи и участвовать в представлениях, но Лев попросил меня сегодня поговорить с вами, хотя я вовсе не оратор. Я вернулся в крепость Алдарух и некоторое время буду работать с рыцарями-наставниками, так что в

последующие недели и месяцы, пока снова не уйду в леса, я надеюсь встретиться с каждым из вас.

При мысли о возможности учиться у такого прославленного воина, как Амагис, у Захариэля сильнее забилося сердце, а в душе поднялась волна неугасимого восторга.

— Как я уже говорил, я чужд всяким театральным эффектам, но не могу не признать, насколько они важны и для вас, и для меня, — сказал Амагис. — Мое выступление вызовет у вас желание стать самыми лучшими рыцарями, потому что я способен показать, к чему надо стремиться, и даст повод для самосовершенствования. Глядя на ваши лица, я вспоминаю, откуда я пришел и каким был когда-то. Обо мне рассказывают множество историй, и некоторые из них даже правдивы...

В зале раздались вежливые аплодисменты, а потом брат Амагис продолжил:

— Так уж вышло, что почти все они правдивы, но дело не в этом. Суть в том,

что когда человек слышит часто повторяемые вещи, он начинает их верить. Говорите ребенку постоянно, что он нигде не гожен и является только обузой, и он поверит этому обратительному утверждению. Говорите человеку, что он герой, и он постепенно начнет в это верить и считать себя выше всех остальных. Если на кого-то обрушится шквал похвал и лести, он может решить, что достоин всяческого преклонения, а остальные должны уступать его воле.

Сегодняшнее собрание --- это веское напоминание, что я не такой человек. Я тоже когда-то был новичком и холодной ночью стоял перед воротами монастыря. Я тоже ходил по спирали под розгами рыцарей-наставников и тоже отправился на поиски зверя, чтобы доказать Оргену свою отвагу. Вы сейчас находитесь там, где когда-то был я, а я там, где может показаться любой из вас.

Захариэлю казалось, что слова Атагуса обращены прямо к нему, и он понимал, что сохранит воспоминания об

этот дне до конца своей жизни. Он запомнит каждое слово рыцаря и будет жить, согласуя с ними свои поступки.

Речь отважного воина была не просто внимательно выслушана присутствующими, его слова проникали в душу каждого. Оглядевшись, Захариэль понял, что каждый новичок, каждый претендент и рыцарь чувствует, что слова Амагуса обращены лично к нему.

В Круглом Зале раздалось оглушительное аплодисменты и одобрителные крики, все дружно вскочило с мест. Такое выражение чувств для Алдаруха было делом неслыханным, и энтузиазм собратьев захватил Захариэля.

Он повернулся к брату — Нетиэль тоже разделял общую гордость.

Сила и убежденность речи Амагуса так подействовали на Захариэля, что он тотчас поклялся себе стать величайшим рыцарем Оргена, самым отважным воином из всех, кто отправлялся на битву с врагами Калибана из Мемориальных Врат Алдаруха.

Несмотря на гордость и некоторое

высокомерие этих клятв, он пообещал себе никогда не забывать, что значит быть рыцарем, не забывать о стирении, сопутствующем всем великим деяниям, и об удовлетворении при мысли, что вера в истинность своей цели и есть истинная причина для ее достижения.

Наконец аплогисты стали стихать, и Амагис взмахом руки оборвал выкрики и шум.

— Хватит, братья, хватит! — с улыбкой сказал он. — Я не для этого пришел сюда. Несмотря на свои заверения, я, кажется, произнес довольно длинную речь, но, надеюсь, она не была слишком скучной, не так ли?

Глава 3

Коштар всегда начинался одинаково. Это было два года назад, и он семилетним мальчишкой пришел к крепости-монастырю Алдарух вместе с двумя сотнями таких же желающих стать претендентами на звание рыцаря Оргена. Какие бы приятные мысли не бродили в его голове, темнота каждый раз возвращала в первый день знакомства с Оргеном.

Набор новичков в Орген проводился только раз в году, в середине зимы, и десятки мальчишек приходили к его воротам, отчаянно надеясь попасть в горстку счастливцев и вступить на путь, ведущий к рыцарству.

Процедура отбора была одинаковой для всех.

Стражники, охранявшие ворота, объявляли, что существует лишь один способ быть принятым в претенденты и начать обучение. Они должны провести всего одну ночь за воротами крепости до самого рассвета. В течение этого

времени они должны оставаться каждый на своем месте. Они не имели права есть, спать, садиться на землю или отдыхать как-то иначе. Более того, было приказано одеть теплую одежду и обувь.

В тот день, когда Захариэль проходил это испытание, было пасмурно и снег, лежавший на стенах и ветвях деревьев вокруг крепости широкой бахромой, придавал окрестностям странно-праздничный вид.

Немиэль тоже был с ним; они оба решили стать рыцарями и надеялись, что выдержат испытание и их примут как претендентов в члены Ордена.

К тому времени, когда началась проверка, снег уже покрывал землю и продолжал идти целый день, пока высота слоя не достигла их коленей. Край леса отстоял от крепости на несколько сотен метров, но им казалось, что темнота, словно живое существо, тянется к ним из-за деревьев и заключает в тугие, но совсем не дружеские объятия.

Захариэль заворочался во сне, но призрачный холод пробирал до костей и

вызывал дрожь во всем теле. Он уже узнал постоянно преследующий его кошмар, но даже это не помогло вырваться из его цепких объятий. Конечности онемели до такой степени, что он опасался из-за обморожения лишиться пальцев рук и ног. Он знал, что утром, освободившись от темноты, будет проверять их, желая убедиться, что ночной кошмар не превратился в реальность.

В течение всего дня стражники из всех сил старались сделать их испытание еще более тяжким. Они расхаживали по рядам несчастных босых мальчишек и жестокостью или посулами старались сломить их решимость.

Один из стражников называл Нетиэля безмозглым простаком, который остелился надеяться стать достойным приема в Орген. Другой попытался соблазнить Захариэля одеялом и горячей едой, если только тот откажется от своих амбиций и прекратит испытание.

Захариэль снова выгел над собой смеющееся лицо стражника и слышал его слова: «Уди внутрь, мальчик. Нет смысла

стоять здесь и мерзнуть. Тебе все равно не
удастся вступить в Орген. Всем известно,
что мы не получаем того, чего хотим. Ты
и сам это знаешь, я вижу тебя насквозь.
Иди внутрь. Тебе же не хочется
оставаться снаружи всю ночь. После захода
солнца по стенам крепости бродят
всякие хищники — и львы, и медведи, и
много других зверей. Они очень
обрадуются, увидев в чистом поле
мальчишек. Ты для них окажешься
великолепной закуской».

До этого места кошмар
разворачивался по одному и тому же
сценарию, следуя воспоминаниям, но в
какой-то момент, никогда не повторяясь,
он превращался в совершенное безумие, и
начинались события, не имевшие к памяти
никакого отношения. От этих вещей
Захариэль очень хотел бы избавиться, но,
в отличие от приятных сновидений, они не
желали пропадать.

На этот раз Захариэль стоял рядом
со светловолосым мальчиком, которого до
сих пор не встречал ни в жизни, ни в
кошмаре. Этот парень был очень

привлекателен и явно гордился собой. Он стоял, расправив плечи, и всем своим видом показывал, что со временем станет могущественным воином.

К нему подошел стражник с грубым лицом и жестокими желтыми глазами.

--- Тебе незачем заканчивать испытание, --- сказал стражник. --- Твоя гордость и выдержка в таких тяжелых условиях привлекла внимание самого гростейстера Оргена. Твоя судьба решена. Каждый, у кого есть глаза, понимает, что ты добьешься своего и станешь одним из избранных.

Захариэль хотел закричать и предостеречь мальчика, чтобы тот не верил лживым посулам, но тот услышал то, что хотел услышать. Слова стражника обещали ему все, чего он хотел.

Лицо мальчика при известии о его избрании вспыхнуло от восторга, глаза загорелись неудержимой радостью.

Решив, что испытание для него закончилось, он в изнеможении упал на колени, наклонился вперед и поцеловал

снег, укутавший землю.

Злобный хохот стражников заставил его изумленно поднять голову, и Захариэль увидел, что удручающее сознание собственной глупости затащило его взгляд в темную пелену.

— Глупый мальчишка! — закричал стражник. — Ты веришь всякому, кто говорит, что ты лучше других? Мы так и думали, что ты просто самодовольный болван!

Мальчик испустил душераздирающий вопль, полный тоски, и Захариэль постарался смотреть прямо перед собой. Несчастному мальчишку с покрасневшими глазами и белым от ужаса лицом поволокли к кромке леса.

Густая сеть сплетенных корней и ползучих растений стала затягивать свою жертву все дальше в удручающую чащу, и крики мальчика начали затихать. Голос становился все слабее и слабее, но даже после того, как неудачник скрылся в темноте, Захариэль еще долго слышал его мучительные вопли.

Захариэль с трудом прогнал мысли об

исчезнувшим соседе. Мороз усиливался, и число канугатов у дверей Агдаруха стало уменьшаться. Многие мальчишки предпочли стириться с клеймом неугачника и прекратить ужасное испытание.

Кое-кто подходил к стражникам и умолял приютить их в крепости до утра или хотя бы вернуть теплую одежду и обувь. Другие, измученные холодом и голодом, просто падали в снег, и их уносили неведомо куда.

К закату осталось примерно две трети мальчишек. Затем стало темно, и стражники вернулись в свои бунды внутри крепости, оставив мальчиков наедине с долгой ночной тьмой.

Ночные часы оказались самыми тяжелыми. Захариэль метался в кровати, а во сне он грозил и так сильно стучал зубами, что опасался их раскрошить. Крики из леса окончательно стихли, прекратились издевательства и насмешки стражников. Наступила полная тишина.

С приходом ночи темнота и разыгравшееся воображение гораздо

успешнее, чем стражники, вселяли в души испытанных настоящий ужас. Разговоры с приходивших под стены крепости хищниках посеяли семена страха, которые в темной тиши пустили корни и оплели разум.

Захариэлю казалось, что ночь растянулась на целую вечность.

Она была всегда и никогда не закончится. Ничтожные попытки людей принести в Галактику свет оказались тщетными и обреченными на провал. Он было постигал странность возникшей в сознании концепции, перебирая идеи и слова, о которых никогда не знал, но был уверен в их истинности.

Но больше всего Захариэля пугали звуки.

Обычные звуки ночного леса, которые в прошлом он слышал тысячи раз, теперь казались гораздо более грозными и угрожающими. Временами он мог поклясться, что различает голоса хищных птиц, медведей и даже ввещающего ужас калибанского льва.

Любой треск сухой ветки, шорох

листьяев, любой крик или взвизг — все это отдавалось гулом в голове и таило в себе угрозу. Смерть скрывалась за его спиной или у самого локтя, и он хотел бежать, хотел отказаться от испытания, хотел вернуться в свое родное селение, к друзьям и семье, к успокаивающему голосу матери и теплоту местечку у очага. Он хотел отказаться от Оргена. И от желания стать рыцарем.

Ему было всего семь лет, и он хотел готовой.

Какими бы ни были страшными и таинственными ночные шорохи, самыми худшим испытанием стали голоса, составлявшие наиболее тягостную часть каждого кошмара.

Кроме треска деревьев и шороха шагов из леса доносились миллионы шепчущих голосов, словно там готовился жуткий заговор. Захариэль не знал, слышит ли их кто-нибудь еще, но больше никто не реагировал на звуки, заполнявшие его голову обещаниями власти, наслаждений и бессмертия.

Все это могло достаться ему,

стоило только шагнуть с покрытой снегом площадки перед крепостью и уйти в лес. В отсутствие стражников Захариэль остелился повернуть голову и бросить взгляд на беспорядочное сплетение ветвей на краю чащи.

Большую часть поверхности Калибана занимали леса, и вся жизнь Захариэля проходила среди высоких стволов под густыми кронами, но такого леса он еще никогда не видел. Стволы деревьев сгнили и позеленели, пораженная болезнью кора отслоилась и повисла хлопотьями. Там чернее самой темной ночи притаилась меж ветвей, и, хотя голоса звали его туда, обещая, что все будет хорошо, он сознавал, что в мрачных сплетениях чащи скрываются невиданные ужасы и невообразимые кошмары.

Как ни странно, но Захариэль знал, что лес из его кошмара не имеет ничего общего с естественными явлениями, этот лес был настолько необычным, что мог существовать лишь вне пределов мира мертвых, он был сформирован его кошмарным сном, порожден его

собственными желаниями и страхами.

Скрытые в глубинах леса силы были вне пределов страха и разума, их необузданный стихийный поток бурлил и ревел в гармонии с приливами и отливами человеческих жизней.

И все же...

Во всей этой тьме, в устрашающей мощи было что-то притягательное.

Ведь силу, каков бы ни был ее источник, можно покорить, не так ли? У того, у кого достаточно воли, чтобы справиться с трудностями, может укротить поток стихийной энергии и заставить ее служить своим желаниям.

С такими силами возможно достичь безграничных высот. Можно выследить и истребить всех великих зверей, а другие рыцарские сообщества подчинить своей воле. Весь Калибан станет владением Ордена, и все жители станут подчиняться его законам или умрут под мечами ужасных черных ангелов смерти.

Эти мысли вызвали у него улыбку и предвкушение славы, которую он завоеует на полях сражений. Он мысленно рисовал

себе сцены кровопролитной резни и
последующих за ними оргий, представлял
пирующих на трупах стервятников, и
пожирающих тела червей, и пляски
безумцев, веселящихся на развалинах мира.

Захариэль закричал, и видения в его
мозгу рассеялись, тогда он услышал
истинную сущность голосов: шепот во
тьме, двусмысленные обещания, злобный
хохот и шипение змей, проникавших в
его мысли, банальные слова его эпитафии.

Но даже после осознания соблазнов
темное царство леса не оставляло его в
покое, обольщения преследовали Захариэля
всю ночь, пока почти не заставили бежать
навстречу искушениям тьмы.

В конце концов, как и всегда, его
удержал Немаэль, и даже не словом или
каким-то движением, а одним своим
присутствием.

Немаэль стоял плечом к плечу с ним
все время, пока Захариэля мучил кошмар,
как оставался рядом и в эту холодную и
страшную ночь. Его лучший друг,
непреклонный и негиббемый, стоял, не
погибаясь страхом и сомнениям.

Пример брата вселил в сердце Захариэля решимость, и он понял, что без поддержки братских уз Нетиэля проиграл бы эту внутреннюю битву. Присутствие брата придавало новые силы, и он не подался своим страхам. Он не сдался.

Он пережил эту ночь благодаря поддержке Нетиэля.

Как только безжалостные видения кошмара уступили место воспоминаниям, на вершинах деревьев показалось солнце, и ужасные голоса отступили. Только дюжина мальчиков оставались еще перед воротами Алдаруха, и Захариэль расслабился в постели, погрузившись в знакомые образы реального мира.

В течение ночи многие отчаявшиеся кандидаты устремились к воротам, умоляя стражников впустить их. Слышали кто-нибудь таинственные голоса, как слышал он, ушел ли кто-то из мальчиков в лес, Захариэль никогда не узнал. А когда первые лучи солнца коснулись их затерзанных тел, он увидел, как из крепости вышел массивный крепкий человек и направился к ним.

Поверх отполированных доспехов на рыцаре развевался широкий белый стихарь с капюшоном, а в руке он держал узловатый деревянный посох.

— Я мастер Рамиэль, — сказал он, останавливаясь перед мальчиками. Он сбросил капюшон, и все увидели обветренное лицо человека, которому уже давно минуло пятьдесят лет. — Мне выпала честь стать одним из рыцарей-наставников Оргена.

Он поднял посох и широким взмахом обвел дрожавших от холода претендентов.

— Вы станете моими воспитанниками. Вы справились с поставленным заданием, и это очень хорошо. Но вы должны знать, что это было не только испытанием, но и первым уроком. Через минуту вы войдете в крепость Алдарух, согреетесь и получите горячую пищу и сухую одежду. Но раньше я хотел бы обратить кое на что ваше внимание. Вы простояли в снегу под стенами крепости больше двадцати часов. Вы перенесли холод, голод, усталость, не говоря уже об остальных трудностях. И все

же вы здесь. Я задам вам один простой вопрос. Почему? Здесь было около двух сотен мальчиков. Почему только вы, а не другие справились с испытанием?

Мастер Ратиэль переводил взгляд с одного лица на другое, ожидая, что кто-нибудь ответит на его вопрос. Наконец, убедившись, что никто не заговорит, он ответил на него сам.

— Потому что ваша воля оказалась сильнее, — сказал им мастер Ратиэль. — Человека можно научить убивать, он может прекрасно пользоваться кинжалом и любым другим оружием, но все это ничего не значит, если он лишен силы духа. Для охоты на великих зверей человек должен обладать немалой силой воли. Сила воли помогает терпеть холод и голод, переносить страх и не сгибаться перед лишениями. Запомните навсегда: разум и воля рыцаря представляют для него такое же оружие, как броня, меч или пистолет. Я научу вас, как развить в себе эти черты, но только от вас зависит, пойдут ли учение вам на пользу. В конечном счете вопрос ваших побед и

поражений будет решаться в глубинах
ваших сердец. Чтобы стать настоящим
рыцарем, требуются моральные силы и
великая сила духа.

Ну вот, вы прослушали ваш первый
урок, — сурово произнес мастер Рамиэль и
пристально посмотрел на каждого из своих
питомцев, словно желая заглянуть в их
души. — А теперь идите завтракать.

После команды наставника мысли
Захариэля стали подниматься из глубин
подсознания к пробуждению, и тут он
услышал отдаленный звон колокола и
почувствовал, как чьи-то жесткие руки
трясут его за плечи, окончательно
вырывая из сна.

Все еще ошеломленный кошмаром, он
открыл глаза.

Зрение сфокусировалось не сразу, и
только через несколько секунд он узнал
склонившееся над ним лицо брата,
который всю ночь поддерживал его в
кошмарном сне.

— Немаэль? — охрипшим спросонья
голосом произнес он.

— А кто же еще это может быть?

--- Что ты делаешь? И который теперь час?

--- Еще рано, --- ответил Нетиэль. --- Вставай, и поторопись!

--- Зачем?! --- воскликнул Захариэль. --- Что происходит?!

Нетиэль вздохнул, а Захариэль, окинув взглядом их аскетическую спальню, увидел, что все мальчики торопливо натягивают одежду и на их лицах сверкают взволнованные устешки, лишенные и тени страха.

--- Что происходит? --- повторил Нетиэль. --- Мы отправляется на охоту, вот что происходит.

--- На охоту?

--- Да! --- воскликнул Нетиэль. --- Брат Атагис берет наш отряд на охоту!

Захариэль ехал между деревьями тенистого леса на вороном коне и испытывал привычную смесь возбуждения и страха. Обрывки ночного кошмара всплывали в его памяти и вызывали дрожь, и Захариэль прислушивался, пытаясь уловить пронзительный шепот, который

преследовал его в последние мгновения сна.

Но ничего не было, хотя оживленная болтовня его товарищей все равно заглушила бы все звуки, кроме самых громких криков птиц. Рядом с Захариэлем скакал на коне Нетиэль, его простое лицо и темные волосы почти полностью скрывал шлем, но явное оживление оказалось заразительным.

Захариэля выбрали предводителем одной из групп, и позади него на таких же вороных калибанских конях ехали девять его товарищей. Верховые лошади всех остальных мастей давным-давно вытерли, и в конюшнях Оргена разводили только вороных скакунов.

Кони, как и их всадники, были еще совсем молодыми, и им тоже предстояло многому научиться, чтобы стать частью знаменитой кавалерии Воронова Крыла. Рыцари Воронова Крыла могли сравниться с бесстрашными героями древних преданий и славились своим искусством молниеносных сражений и партизанских рейдов; они были настоящими повелителями дикого леса.

Они могли долгие месяцы выживать в одиночку в самых опасных чащах калибанских лесов, а крылатые шлемы всегда скрывали их воинов.

Быть рыцарем Воронова Крыла означало вести одинокую, но полную опасностей и славы жизнь.

В охоте участвовало еще пять групп по десять всадников, и они передвигались по лесу строем, напотивавшим перевернутую букву «V», а брат Амагис, как наблюдатель и наставник, постоянно перемещался от одной команды к другой. Охотники уже на много километров удалились от крепости-монастыря Оргена, и возбуждение от скачки почти растопило холодный коток ужаса, остававшийся в груди Захариэля после ночного кошмара.

— Как ты думаешь, мы и вправду найдем зверя? — спросил Аммиас, ехавший справа от Захариэля. — Мне кажется, эта часть леса уже очищена от них, не так ли?

— Мы никого не найдем, если ты не перестанешь болтать! — бросил Нелмиэль. — Могу поклясться, тебя слышно даже в

Алгарүхе.

От резких слов Немуэля Амтиас вздрогнул, и Захариэль бросил на брата короткий взгляд. Немуэль раздраженно пожал плечами и продолжал путь.

— Не обращай на него внимания, Амтиас, — сказал Захариэль. — Он просто скучает по теплой постельке, только и всего.

Амтиас кивнул и улыбнулся; его природный оптимизм помогал легко переносить подобные неприятности. Мальчик был моложе Захариэля, и тот знал его с тех пор, как Амтиас в семь лет присоединился к Оргену.

Захариэль и сам не понимал, почему взял Амтиаса под свое покровительство, но продолжал помогать ему приспособливаться к суровой дисциплине, требуемой от кандидатов в рыцари. Возможно, потому, что видел в нем себя самого.

Ранние годы жизни в крепости Оргена были особенно трудными, и, если бы не покровительство Захариэля, Амтиас, несомненно, сломался бы в первые же

недели и был бы с позором отослан домой. Как бы то ни было, мальчик справился и теперь стал весьма многообещающим претендентом.

Немиэль, напротив, никогда не привечал Амтаса и сделал его предметом насмешек и зачастую жестоких розыгрышей. Более того, Амтас стал поводом для неприкрытых разногласий между братьями, поскольку Немиэль настаивал на том, что каждый претендент должен самостоятельно справляться с трудностями, а не надеяться на чью-либо помощь. Захариэль же был убежден, что помогать братьям — долг каждого из них.

— Брат Аматис оказал нам великую честь, возглавив охоту, правда?

— Да, Амтас, это действительно так, — ответил Захариэль. — Нечасто доводится учиться у такого прославленного рыцаря. Если он будет что-то рассказывать, ты должен ловить каждое его слово.

— Я так и сделаю, — пообещал Амтас.

Еще один ехавший поблизости мальчик поднял забрало шлема, чтобы было можно поговорить. Претенденты пользовались подержанными шлемами, хранившимися в Оргене, а коммуникационные системы имелись только у командиров групп.

Шлем Захариэля позволял ему общаться с другими лидерами отрядов и с братом Амагисом, а остальным для разговора приходилось открывать лицо.

С другой стороны к Захариэлю подъехал друг Нетиэля и его напарник по розыгрышам — Элиат. Он был выше и шире в плечах, чем любой другой претендент, и его массивное тело едва помещалось в доспехах. Несмотря на то что фигура юноши еще не до конца оформилась, Элиат обладал необыкновенной силой и удивительной выносливостью. Хотя, выигрывая в физической силе, он проигрывал остальным в скорости.

Взгляды Элиата и Захариэля никогда не совпадали, и парень в отношениях с другими претендентами обычно брал пример с Нетиэля.

--- Аммиас, а ты взял с собой свой блокнот? --- спросил Элиат.

--- Да, --- ответил Аммиас. --- Он в моем рюкзаке, а что?

--- Ну, если мы обнаружим великого зверя, тебе надо будет описать, как я его уничтожу. Записи тебе пригодятся, если вдруг столкнешься с чудовищем в наше отсутствие.

Неудовольствие мальчика было заметно только по его напрягшемуся подбородку, но Захариэль не мог не признать, что эта насмешка была в некотором роде заслуженной. Аммиас всегда носил с собой блокнот и записывал каждое слово старших рыцарей и остальных претендентов независимо от того, кому они предназначались. В рундуке у его кровати хранились десятки таких тетрадей, исписанных убористым почерком, и каждый вечер перед тушением огня он заучивал на память целые страницы импровизированных комментариев, словно это были отрывки из «Узречений».

--- А может, мне придется написать

для тебя эпитафию, --- парировал Аммиас. --- Если мы столкнется со зверем, он, без сомнения, в первую очередь выберет самого убитанного из нас.

--- Я не толстый! --- возмущился Элиат. --- У меня широкая кость.

--- Перестаньте, вы, оба! --- вскрикивал Захариэль, хотя и порадовался за Аммиаса, сумевшего дать достойный ответ Элиату. --- Мы должны научиться охотиться, а я не думаю, что брат Амагис считает поддразнивание необходимой частью урока.

--- Правильно, Захариэль, --- раздался в его шлеме уверенный голос. --- Но небольшое соперничество в группе никогда не мешает.

Никто из остальных претендентов не слышал этих слов, и Захариэль радостно улыбнулся сказанному братом Амагисом, понимая, что тот слышал всю перепалку от начала до конца.

--- Здоровое соперничество побуждает нас совершенствоваться во всех отношениях, но его нельзя выпускать из-под контроля, --- продолжал Амагис. --- В

этот случае ты хорошо справился, Захариэль. Пусть в отношениях присутствует элемент соревнования, только нельзя, чтобы он перерастал в разрушительную силу.

--- Спасибо, брат, --- поблагодарил его Захариэль по внутренней связи.

--- Никакой благодарности не требуется. Теперь возьми руководство на себя --- и принимайтесь за разведку.

Захариэль снова улыбнулся; похвала из уст его героя обволокла его неожиданной теплотой. То, что такой воин, как Атагис, знал его имя, уже было великой честью. Он прищепил своего коня и заново ощутил возложенную на него ответственность.

--- Сомкнуть ряды, --- скотанговал Захариэль, обгоняя своих товарищей и занимая место на острое V-образного строя. --- Отсюда будем двигаться настороже. Считайте, что началась вражеская территория.

Похвала старшего рыцаря придала его голосу особую решительность и силу, так что спутники без всякого ропота

выполнили приказ. Нелмиэль занял место
сзади и слева, а другой претендент, по
имени Паллиан, выехал в точно такое же
положение, но с противоположной стороны.

Следом пристроились Элиат и
Аттиас, и Захариэль повернулся в седле,
чтобы проверить, весь ли отряд сохраняет
строй.

Убедившись, что все идет как надо,
он сосредоточился на окрестностях — на
толстых стволах деревьев и густом
шатре листвы, пропускавшем отдельные
концы солнечных лучей. Землю покрывала
опавшая листва, гниющая в сумрачном
подлеске, и в воздухе стоял приторный
запах, напоминавший о несвежем мясе.

Этот район леса оказался
катенистым, но кони Воронова Крыла
легко находили ровный путь между
валунами и упавшими деревьями.

Среди деревьев раздавались
загадочные шорохи, однако Захариэль
вырос в лесах и легко разбирался в общем
шуме, разделяя голоса обитателей
калибанской чащи на те, что
представляют опасность, и все остальные.

В результате грандиозного похода Льва почти всех великих зверей уничтожили, но было известно, что несколько особей еще сохранились, хотя и считалось, что они обитают вдали от этих мест. Менее опасные хищники, невидимые и неслышные, еще таились во всех районах леса, но эти животные редко остреливались нападая на группы рыцарей и предпочитали выслеживать одиноких путников, покидавших безопасные пределы обнесенных стенами городов и селений.

Кроме уханья и карканья хищных птиц Захариэль различал треск и щелчки самого леса, шелест ветра высоко в верхушках крон и стук лошадиных копыт. Никто, исключая Вороново Крыло, не мог пробираться сквозь лес совершенно бесшумно, но Захариэлю все же хотелось, чтобы его отряд производил поменьше шума.

Даже при условии, что великих зверей здесь нет, всему его отряду вряд ли удастся легко справиться с остальными хищниками Калибана.

Так они ехали, как показалось,

несколько часов, не видя солнца над головами и с трудом определяя время. Только изменившийся наклон проникавших сквозь кроны лучей давал слабое представление о том, что их путешествие продолжалось достаточно долго.

Захариэлю хотелось поговорить с другими командирами группы, но он опасался выдать свое беспокойство и неуверенность в выбранном пути. Эта поездка должна была подготовить их к тому дню, когда придется отправляться на охоту одним, и ему вовсе не хотелось создавать впечатление, что он не знает, где находится.

После бесчисленных тренировочных экспедиций в лесах появилось множество отчетливых троп — слишком много, чтобы определить, какая из них ведет к месту назначения. Захариэль и Неллиэль перед выездом ознакомились с картами, и в стенах крепости-монастыря маршрут показался им совсем несложным. Однако в лесу все казалось другим.

Захариэль был почти уверен, что

знает, где они находятся и куда выведет эта тропа, но проверить правильность догадки можно было только по прибытии на место. Оставалось надеяться, что брат Атагис где-то поблизости и следит за тем, как он ведет своих товарищей.

Размышления Захариэля были прерваны, когда они въехали под низкие ветви особенно темной поляны и шорох листвы по шлему показался ему в наступившей тишине оглушительно громким.

Осознание того, что лес затолчал, поразило его, но было уже поздно.

С деревьев на них упало что-то темное и крылатое, с чешуйчатым телом рептилии.

В воздухе сверкнули похожие на кривые мечи когти, и один член их группы погиб, разорванный вместе с конем.

Брызги крови окропили поляну, воздух наполнился испуганными криками. Захариэль выхватил пистолет, но зверь уже нанес следующий удар. Погиб еще один претендент, его доспехи в одно мгновение были рассечены, а из вспоротого живота

вывалились внутренности. Лошади, обезумевшие от запаха крови, завизжали и забили копытами, и мальчики изо всех сил старались справиться со своими скакунами.

Крики ужаса и ярости не утихали, но от них не было никакой пользы. Захариэль повернул коня навстречу зверю. Огромное туловище монстра размером с лошадей двигалось волнообразно, словно под блестящей шкурой скрывались миллионы змей. Усеянная шипами голова вертелась на глиняной гибкой шее, глиняные узкие челюсти сверкали треугольными клыками, словно зубьями пилы дровосека. Тонкие прозрачные крылья держались на костяном каркасе и заканчивались длинными острыми когтями.

Захариэль никогда не видел ничего подобного, и охвативший его при виде чудовищной наружности ужас едва не стоил ему жизни.

Зверь захлопал крыльями, собираясь снова взлететь, а уже через мгновение один из загнутых когтей оставил на нагруднике Захариэля глубокую царапину и

сбросил с визжащей от страха лошади.

Захариэль больно ударился о землю и тотчас услышал еще один пронзительный вопль. Неловко поворачиваясь в тяжелых доспехах, он попытался подняться на ноги. Едва он потянулся за выпавшим пистолетом, как все вокруг накрыла огромная тень. Повернув голову, он увидел наг собой птицу-рептилию, разинувшую зубастую пасть и готовую разорвать его пополам.

Глава 4

Захариэль едва увернулся от зубастого клюва устремившегося к нему чудовища. Перекатившись на спину, он наставил на рептилию пистолет. Три выстрела в потоке пламени прогревели погряд, на мгновение ослепив Захариэля яркой вспышкой. Шлем лишь отчасти поглощал звуки, и грохот стрельбы показался оглушительным. Захариэль, не поднимаясь, сразу постарался откатиться от зверя, ожидая, что каждый миг может стать для него последним.

На поляне прогревели еще выстрелы. Зрение постепенно прояснилось после стрельбы, и оказалось, что Нетиэль притаился за деревом и тоже налит по зверю, пока тот раздирает в клочья останки лошади Захариэля.

Из трех ран в груди чудовища расплавленным воском сочилась кровь, но если повреждения и причиняли твари беспокойство, на ней это никак не отразилось. Великий зверь продолжал

оглашать поляну ревом и напал так же яростно, как и в самом начале.

Монстр взмахнул крылом, так что дерево, за которым прятался Нетиэль, расколосось, а конец крыла задел груды пальчика. Нетиэль упал на землю, его доспехи треснули, но не развалились, поскольку толстый ствол принял на себя большую часть силы удара.

Захариэль наконец-то поднялся на ноги. Его товарищи разбежались по сторонам, впад в панику при виде великого зверя. Лошадь Элиата упала с распоротым боком и придавила своего всадника, а Амтиас в оцепенении застыл на краю поляны. Его конь, плотно прижав уши, стоял как вкопанный. Скакун уставился обезумевшими глазами на монстра и не мог сделать ни шагу.

Великий зверь повернулся к Амтиасу и испустил раскатистый вопль, потом напрягся и распахнул крылья, явно готовясь к очередной атаке.

— Эй! — закричал Захариэль. Он шагнул из-под деревьев и замахал руками над головой. — Уги сюда!

Голова чужовища повернулась на глиняной змеиной шее, в раскрытой пасти блеснули окровавленные зубы, и черные бездушные глаза остановились на Захариэле. Он обнажил меч и наставил на жестокого врага пистолет.

— Эй, урод! — снова крикнул Захариэль. — Если хочешь его заполучить, сначала придется раздеться со мной!

Он не имел ни малейшего понятия, понимает ли монстр человеческую речь, но хотя бы на примитивном животном уровне зверь явно осознал его вызывающее поведение.

Захариэль не стал дожидаться реакции монстра и открыл огонь. Пистолет неудержимо дергался в его руке, но пули выбивали из груди чужовища фонтаны крови. Зверь закричал и кинулся в его сторону, вытянув вперед шею, точно это было зубастое копьё.

Захариэль прыгнул в сторону, и страшная пасть пролетела мимо всего в ладони от его бока, но затем голова зверя с немыслимой быстротой дернулась в сторону и нанесла скользящий удар.

пришедшийся чуть пониже бедра.

Он взлетел в воздух и ударился о дерево, да так сильно, что воздух вышибло из легких, а оружие вытало из рук и отлетело в сторону.

Вокруг Захариэля раздалась крики ужаса, а он лишь тряхнул головой, пытаясь прийти в себя. Испуганные вопли его товарищей не прекращались, и Захариэль сплюнул кровь и оперся о пахнущую гнилью землю, чтобы приподнять голову.

В глазах все еще расплывалось, но Захариэль смог разобрать, что Элиат все-таки выбрался из-под своей лошади, а Нетиэль оправился от падения и перебрался за другой ствол, Амтиас наконец очнулся от шока и пытается заставить свою лошадь уйти под деревья, а великий зверь, прихрамывая, направляется в его сторону, явно рассчитывая закусить сразу конем и всадником.

Захариэль ухватился за ближайшее дерево и поднялся с земли, едва не вскрикнув от боли в вывихнутой при падении ноге. Он остотрелся в поисках

потерянного оружия, заметил блеск
солнечного света на лезвии меча и поднял
его. Искать пистолет было уже некогда.

Он морщился от боли, но упрямо
ковылял к центру поляны; великий зверь
уже бросился в атаку и одним ударом
перекүсил лошадь Амтаса пополам. Сам
мальчик в последний момент успел
выпрыгнуть из седла, упал на ствол
поваленного дерева, перекатился через него
и затер на земле бесформенной грудой.

При движении доспехи Захариэля
начали посвистывать из-за пробоин,
нарушивших структуру, а защитный
механизм стал скрипеть и лязгать. Вес
брони внезапно показался Захариэлю
непотерно большим, а погнувшиеся
пластины задевали за бедро и усиливали
боль.

— Рассредоточиться! — крикнул он
товарищам. — Уходите под деревья и
разойдитесь! Не высовываться!

Снова слышалась стрельба, и
Захариэль увидел, как Паллиан, выбежав к
краю поляны, оттащил Амтаса глубже в
лес. Зверь мгновенно бросил навью-

лошадь, страшная пасть щелкнула, зубы
вцепились тальчику в плечо и рванули
вверх.

Паллиан оторвался от земли и
пронзительно закричал, но тотчас затих,
когда зверь откусил ему руку и большую
часть плеча. Из страшной раны хлынула
кровь. Несчастный упал, а зверь
чудовищным волнообразным движением
шеи отправил его руку в пищевод.

Боль побегнула шок, и вопли Паллиана
снова огласили поляну. Монстр повернул
голову в его сторону, пару раз двинул
ужасными когтистыми крыльями — и
крики прекратились.

При виде кошмарного зрелища
Захариэль тоже не удержался от крика,
его глаза наполнились слезами боли и
ярости, но он опять ступил на поляну,
подняв меч, нетвердыми шагами пошел
навстречу чудовищу, зная, что зверь
обязательно его убьет.

Мысль билась в голове с холодной
определенностью, но он не мог смотреть,
как страдают и гибнут его товарищи, и
не попытаться их спасти.

--- Отвяжись от них, ублюдок! ---
зарычал он. --- Это мои друзья, и они не гля
таких, как ты!

Зверь поднял голову, и, хотя в его
глазах не было ничего, кроме холодной
тьмы, Захариэль ощутил его чудовищную
жажду убийства. Не для того, чтобы
насытиться и выжить. Это животное
намеренно причиняло боль и получало
какое-то примитивное удовольствие от
самого процесса утерщвления.

Он продолжал ковылять вперед, и
зверь, увидев нацеленный в собственное
сердце меч, бросил тело Паллиана и издал
ужасный рев. Но крыльям монстра
пробежала легкая дрожь, и Захариэль
понял, что должно произойти. Едва правое
крыло зверя рванулось в его сторону, он
резко взмахнул мечом. Качнувшись вбок, он
описал клинком широкую дугу, и лезвие
вонзилось в крыло в том месте, где
начинались когти. Брызнула молочно-
белая кровь, когти оторвались, но в этот
момент нога Захариэля окончательно
отказала, и он упал на одно колено.

Зверь взвыл от боли и отдернул

поврежденное крыло, а потом открыл пасть, намереваясь покончить со своим обидчиком. Огромная тень нагвинулась на Захариэля, но он видел перед собой только тысячи торчащих зубов.

Захариэль уже ощущал зловоние из страшной глотки и различал обрывки плоти, застрявшие на клыках, но в этот момент над его головой сверкнула серебристая сталь, раздался тяжелый стук копыт и громкий боевой клич, и рядом с ним появился могучий рыцарь.

Длинный тяжелый меч попал сбоку в пасть зверя, а инерция движения всадника и чудовища загнала клинок через челюсть в самый центр черепа.

Всадник на ходу выдернул меч, опытной рукой направив коня мимо пораженного зверя, и монстр покачнулся, а затем его тело рухнуло на землю рядом с Захариэлем.

Рыцарь подъехал к голове чудовища. Он вытащил огромный многоствольный пистолет и приставил его к точке между глазами великого зверя. Захариэль видел, как двигается курок, как боек ударяет по

запал, а потом в голове монстра с глухим стуком взорвался мощный заряд.

Череп лопнул, разбрызгивая какую-то клейкую жидкость, и только тогда в черных глазах наконец погас хищный огонь. Последнее омерзительное дыхание вылетело из пасти, заставив Захариэля согрозниться от угнетающего страда.

Когда он погнул голову, рыцарь уже убрал пистолет в кобур. Поверх темных доспехов на нем развевался широкий белый стихарь Оргена с вышитым на груди направленным вниз мечом.

--- Тебе очень повезло, что ты остался в живых, мой мальчик, --- произнес рыцарь, и Захариэль мгновенно узнал уверенно звучащий голос.

--- Брат Амагис, --- откликнулся он. --- Спасибо. Ты спас мне жизнь.

--- Верно, --- кивнул Амагис. --- А ты, как я полагаю, спас жизни своих товарищей, Захариэль.

--- Я... защищал свой отряд, --- пролепетал тот, чувствуя, как после окончания схватки его оставляют последние силы.

Атагус соскочил с седла и не дал ему упасть.

--- Отдохни, Захариэль, --- сказал он.

--- Нет, --- прошептал мальчик. --- Я должен отвести их домой.

--- Позволь, я сделаю это вместо тебя, парень. Ты сегодня уже достаточно потрудился.

--- Тебе повезло, --- говорил ему позже Нетиэль. --- Но на везение нельзя полагаться. Удача имеет свои пределы. Однажды она может тебе изменить.

И в последующие годы, когда бы Захариэль ни рассказывал о своей встрече с крылатой бестией, его брат всегда повторял одно и то же. Он говорил об этом потихоньку, на ухо братьям, в оружейном зале или под сводами тренировочных катер, словно бы не желая принижать заслуги Захариэля перед товарищами, но никогда не мог оставить его рассказ без комментариев.

Этот случай, казалось, вечной занозой впился под кожу Нетиэля, словно исход битвы стал для него постоянным

источником скрытой гонимости, даже раздражения. Он никогда не выражал своих чувств открыто, но временами начинал вроде бы попрекать Захариэля, как будто исподволь намекал, что все последующие успехи брата, все его достижения основывались на обмане.

Захариэль находил его поведение странным, но никогда не выяснял с братом отношений. Он поступал так, как не мог поступить Неллиэль, — старался не обращать на это внимания. И никогда не опровергал слов Неллиэля. Он спокойно слушал, игнорировал скрытую горечь и принимал их за добрые намерения. Поступить иначе означало бы для него поставить под удар их многолетнюю дружбу.

— Тебе повезло, — говорил Неллиэль. — Если бы не удача и подоспевший брат Амадис, зверь перебил бы всех нас.

Захариэль не мог с этим спорить.

Спустя неделю приятели-претенденты, собравшись у тренировочных катер, попросили Захариэля поведать о

сражении. Каждый раз, когда он рассказывал, как стоял перед чудовищем, повествование становилось еще более волнующим, чем это было на самом деле.

Его слушателям могло показаться, что он говорит о высоких идеалах и грандиозном приключении. Нельзя сказать, чтобы он лгал, хотя бы в деталях, просто понимал, что повторение размыкает границы его собственных переживаний. С каждым разом его рассказ все больше походил на волшебную сказку или миф.

В отчаянной и безумной горячке сражения все сводилось к битве между жизнью и смертью, а победа достигалась кровью, потом и слезами. Борьба была неравной, и Захариэль до самого конца считал, что чудовище их всех уничтожит. Тогда он был уверен, что ужасная пасть монстра, разинутая, словно готовая проглотить его бездна, — последнее, что он увидит в жизни.

Если бы от него что-то и осталось в качестве надгробного камня, то только комочек непереваренных обломков доспехов, оказавшихся несъедобными для хищника и

выплюнутых спустя некоторое время.

Захариэль ожидал именно такого конца. Великий зверь казался ему слишком сильным, слишком грозным и слишком древним, чтобы его возможно было убить.

Если бы не брат Амагис, все так бы и случилось.

Но, повторяя свой рассказ, он не говорил братьям о своих мыслях. Его часто просили повторить историю сражения, но Захариэль быстро понял, что никто не хочет выслушивать его личные переживания. Все жаждали услышать нечто волнующее, историю о героических подвигах и рыцарской отваге, приведшей к неминемому торжеству добра над злом.

Наверное, такова человеческая натура — его слушатели хотели видеть в нем героя. Они ждали от него уверенности, мудрости, учтивости, хладнокровия, стремительности, привлекательности, обаяния и даже вдохновения. Но истина заключалась в том, что Захариэль в тот момент искренне верил в скорую гибель. Он не позволил этой мысли поколебать свою решимость, но она все равно была.

Никто не хотел выслушивать эту истину.

Никто не хотел знать, что у героя длинные ноги.

Впоследствии, в редкие моменты спокойной жизни, он будет удивляться негальновидности человеческих суждений.

Захариэль считал, что его победа имеет еще большую ценность из-за того, что он испытывал страх.

Однако другие кандидаты в рыцари считали неподобающим говорить о своих чувствах. Казалось, они считают страх постыдным грехом для человеческого сердца, а потому его слушатели хотели быть уверены, что их герои не испытывают таких эмоций. Как будто это могло помочь им самим когда-нибудь освободиться от собственных страхов.

Захариэлю это казалось неправильным.

Преодолеть страх можно лишь одним способом — противостоять ему. А если приpretворяться, что страха не существует, или он может однажды испариться, будет еще хуже.

Часть 2

ЗВЕРЬ

Глава 5

Шли годы, и репутация Захариэля в Оргене значительно упрочилась. Сражение с крылатым монстром едва не стоило ему жизни, но в конечном счете пошло на пользу. Его имя стало известно старшим мастерам, и, хотя чудовище было убито братом Амадисом, рыцарь добился того, что каждый член Оргена узнал о храбрости Захариэля в этой схватке.

Погибших мальчиков похоронили с почестями, и жизнь пошла своим чередом. Претенденты по-прежнему тренировались и жили в стенах крепости-монастыря, постепенно продвигаясь по нелегкому пути к рыцарскому званию.

Захариэль не жалел сил на упражнения с пистолетом и мечом и твердо решил, что при следующей встрече с великим зверем ему не придется полагаться на чью-либо помощь. Он хотел быть готовым убить любое чудовище Калибана без малейшего промедления.

По окончании последнего урока

мастер Рамиэль напутствовал своих воспитанников:

--- Всегда помните, что вы не просто убийцы. Любой глупец может взять кинжал и попытаться всадить его в тело противника. Он может попробовать провести вынаг, финт или парировать ответный удар. После соответствующего обучения он может стать специалистом. Но вы не такие или, надеюсь, не станете такими. Вы --- претенденты на звание рыцаря Оргена и со временем станете защитниками народа Калибана.

--- Прекрасные слова, правда? --- сказал Нетиэль, опускаясь на скамью для отдыха и вытирая лицо льняным полотенцем.

--- Конечно прекрасные, --- согласился Захариэль. --- И за сотню раз повторений, что я их слышал, не стали хуже.

Урок был посвящен приемам защиты при бое с мечом на близкой дистанции, и после тренировки тела обоих мальчиков заблестели от пота. Их давнее соревнование по-прежнему продолжалось с переменным успехом, но в последнее время Нетиэль стал понемногу вырываться

вперед.

--- Мастер Рамиэль очень любит цитировать «Изречения».

--- Верно, и мне кажется, он считает всех нас похожими на Амтиса, который записывает каждую услышанную цитату.

--- Что ж, пока мы учимся сражаться, я готов время от времени выслушивать одно и то же, --- сказал Нетиэль.

--- Надеюсь, --- продолжил Захариэль, --- что к следующей схватке с великим зверем мы будем более подготовленными.

Между ними воцарилось напряженное молчание. Захариэль в душе проклинал себя за упоминание о великих зверях. Эта тема каждый раз служила Нетиэлю напоминанием, как его брат добился славы и общего признания, защищая товарищей до тех пор, пока не подоспел брат Аматис и не убил чудовище. А сам Нетиэль тогда заработал только несколько дней лазарета.

--- Как ты думаешь, чудовище было разумным существом? --- спросил Нетиэль.

--- Какое чудовище? --- откликнулся Захариэль, хотя прекрасно понимал, о чем

идет речь.

--- Крылатое чудовище, которое напало на нас несколько лет назад.

--- Разумным? --- повторил Захарияэль. --- Мне кажется, это зависит от того, что ты понимаешь под словом «разумный». Да, я думаю, оно обладало определенным интеллектом. Я твердо в этом уверен. Но было ли оно по-настоящему разумным? Полностью, брат. Амадис говорил, что показателем разумности можно считать способность существа планировать что-то заранее или использовать логическое мышление для решения каких-либо задач.

--- А что думаешь ты, брат? --- настаивал Немаэль. --- Ты считаешь это чудовище разумным или нет?

--- Я и сам не знаю. Мне кажется, человеческому разуму слишком трудно понять логику нечеловеческого существа. Я могу сказать только, что я тогда чувствовал.

--- И что же ты чувствовал? --- спросил Немаэль.

--- Я ощущал себя тухлой в паутине

этого монстра.

Захариэль продернул протасленный лоскут через дуло пистолета и стер все следы недавней стрельбы. Оружие стало бить нежного влево, и его результаты из-за этого оказались в самом низу таблицы общих показателей.

Когда Захариэль пожаловался на выявленный недостаток, рыцарь-оружейник просто посоветовал ему перед следующей стрельбой тщательнее вычистить пистолет. Оскорбительный намек привел Захариэля в ярость, но он все еще был претендентом и не имел права ответить полноправному рыцарю той же монетой.

Вместо этого Захариэль вежливо поблагодарил рыцаря-оружейника и вернулся в спальню, где открыл ящик с принадлежностями по уходу за оружием и стал педантично чистить каждую движущуюся часть механизма.

Однако он не ожидал от своего занятия никаких результатов. Захариэль подозревал, что недостаток обусловлен не остатками гари в дуле, а почтенным

возрастом оружия, поскольку очень тщательно относился к уходу за доспехами и еще бережнее обращался с пистолетом.

--- Оружейник посоветовал основательнее чистить пистолет, да? --- спросил Немуэль, наблюдая, как брат с сердитым видом берет с кровати очередную деталь и начинает энергично натирать ее маслом.

--- Можно подумать, я до сих пор плохо его чистил! --- бросил Захариэль.

--- Кто знает, --- сказал Немуэль, --- а вдруг это поможет.

--- Тебе известно, что я всегда содержу оружие в чистоте.

--- Верно, но оружейнику виднее.

--- Ты принимаешь его сторону?

--- Его сторону? --- переспросил Немуэль. --- С каких это пор встал вопрос о разных сторонах?

--- Не важно, --- бросил Захариэль.

--- Нет, продолжай. Что ты хотел этим сказать?

Захариэль вздохнул и отложил в сторону казенник и щеточку, которой его

чистил.

--- Я хотел сказать, что тебе все это доставляет удовольствие.

--- Какое удовольствие?

--- Ты радуешься, что обошел меня на учебных стрельбах, --- ответил Захариэль.

--- Так вот что ты думаешь, братец? Ты считаешь, что недостатки твоего оружия помогли мне выиграть?

--- Нет, все не так, --- возразил Захариэль. --- Я только хотел сказать...

--- Нет, я все понял, --- перебил его Нетиэль, поднялся с кровати и направился к выходу из спальни в центральный коридор. --- Ты считаешь, что превосходишь меня во всем. Теперь я это ясно понял.

--- Всё совсем не так! --- снова повторил Захариэль, но его брат с оскорбленным видом уже вышел из комнаты.

Захариэль понимал, что надо было пойти вслед за ним, но в душе был даже рад, что выплеснул раздражение, вызванное тем, как обрадовался брат его неудаче.

Он постарался выбросить из головы

мысли о произошедшей разговке и продолжал чистить оружие, не поднимая головы и стараясь заставить пистолет сверкать чистотой, не обращая внимания на постоянный шум в спальне.

Захариэль заметил нависшую над ним тень и вздохнул.

--- Послушай, Нетиэль, --- заговорил он. --- Извини, но я должен это сделать.

--- Это может подождать, --- раздался звучный голос, и Захариэль поднял голову.

В изножье его кровати стоял брат Амагис, облаченный в полный комплект доспехов и белый стихарь. На сгибе левой руки Амагис держал свой крылатый шлем, а черный плащ был переброшен через левое плечо.

Захариэль уронил на одеяло пистолетный магазин и вскочил на ноги.

--- Брат Амагис, прости, я думал... --- заговорил он.

Тот отмахнулся от его извинений:

--- Оставь свой пистолет и пойдем со мной.

Не дожидаясь ответа, рыцарь развернулся и шагнул к выходу из комнаты.

провожаемый восхищенными взглядами
всех претендентов.

Захариэль одернул одежду и быстро
направился к двери вслеп за Амадисом.
Воин шел довольно быстро, и мальчику
пришлось поторопиться, чтобы его
догнать.

--- Куда мы идем? --- спросил он.

--- Тебе пора ближе познакомиться со
структурой Оргена, --- ответил брат
Амадис. --- Пришло время навестить лорда
Символа.

Лорд Символ.

Это, конечно, не было именем, так
назывался титул человека,
ответственного за сохранение традиций
Оргена, и при мысли о вызове к старику
Захариэля терзали смутные опасения.

Неужели он оскорбил лорда Символа
каким-нибудь непреднамеренным
нарушением протокола Оргена? Или
забыл о какой-то древней формальности,
когда был представлен ему, и теперь все
его шансы когда-либо стать рыцарем
улетучились?

Брат Амагис вел его вниз, в самое сердце монастыря. Их путь пролегал по темным катакомбам, пронизывающим скалу, на которой стояла крепость, мимо сырчаных погребов и забытых палат, мимо древних келий, все глубже и глубже под землю.

Здесь было очень холодно, и Захариэль, шагая за братом Амагисом, видел, как его дыхание превращается в белые облачка пара. Рыцарь нес в руке зажженный факел, и его неровный свет отражался на блестящей поверхности тоннеля. Стены украшали искусно высеченные картины сражений древних героев, произошедших тысячи лет назад.

Кто создал эти изображения, Захариэль не знал, но каждая сцена свидетельствовала о мастерстве резчиков, хотя теперь или никто не любовался.

Наконец тоннель вывел их в глиняный зал со сводчатым потолком, залитый желтовато-оранжевым светом. Стены здесь были сложены из покрытых глазурью кирпичей, на которых отражался

и свет факела, и огоньки тысяч свечей, образующих на полу широкие завитки спирали.

Лорд Символ стоял в центре этой спирали, одетый в традиционный темный стихарь с поднятым капюшоном. Узелок складок одежды выглядел меч с золотым эфесом, и скрюченные пальцы старика не отрывались от оружия.

--- Добро пожаловать, мальчик, --- произнес лорд Символ. --- Похоже, твои достижения дали тебе право глубже познать наш Орген. Под этой скалой, мой мальчик, простираются глубокие пропасти и расщелины, давно позабытые находящимся наверху миром. Внизу погребены великие секреты и тайники, известные лишь немногим мудрецам. Конечно, тебе об этом ничего не известно, но тебе предстоит сделать первый шаг на пути познаний.

--- Я понимаю, --- сказал Захариэль.

--- Ты ничего не понимаешь! --- воскликнул лорд Символ. --- Только осознание начального пути может дать осознание того, что может произойти. А

теперь начинай двигаться по спирали.

Захариэль оглянулся на брата Амагуса.

--- Не смотри на него, мальчик, --- сказал лорд Символ. --- Делай так, как я говорю.

Захариэль кивнул и зашагал по проходу между рядами свечей, двигаясь целенаправленно, но осторожно.

--- Хотя наш Орген и не может сравниться по древности со многими другими рыцарскими сообществами Калибана, в его истории накопилось немалое количество обычаев. Я --- лорд Символ Оргена. Ты понимаешь, что это означает?

--- Понимаю, --- ответил Захариэль. --- Человек, назначенный на должность лорда Символа, должен охранять эти обычаи. Он следит за неизменностью ритуалов и дает советы по протоколу и проведению церемоний.

--- А имя, мой мальчик? Ты знаешь мое имя?

--- Нет, мой лорд.

--- А почему?

--- Твое имя знать запрещено.

--- Почему?

Захариэль замаялся:

--- Я... не совсем уверен. Я знаю, что независимо от того, кто носит титул лорда Символа, всем запрещено произносить его настоящее имя, пока он носит эту мантию. И мне неизвестно почему.

--- Правильно. «Почему» --- один из самых интересных вопросов, но его не слишком часто задают. «Где», «когда», «как» и «что» не более чем украшения. «Почему» --- вот самый важный вопрос. Или ты не согласен?

Захариэль кивнул, продолжая следовать виткам спирали:

--- Я согласен.

--- У меня множество таинственных титулов: Мастер Таинств, Хранитель Истины, Владелец Ключа --- или просто лорд Символ. Ты знаешь, почему, мальчик?

--- Нет, мой лорд. Просто потому что в Оргене было так всегда.

--- Точно, --- согласился лорд Символ. --- «Потому что в Оргене было так всегда».

Ценность традиции в том, что она ведет нас, несмотря на то что реальные причины могут быть позабыты. Верования и поступки, приемлемые для нас в прошлом, могут сослужить свою службу и в настоящем, и в будущем. Я уже больше двадцати лет занимаю эту должность, и, хотя титул обычно дается Оргеном более почтенному рыцарю, избрали меня, надеясь придать этому званию новые силы. В моих обязанностях, кроме всего прочего, входит и поддерживать существующие в Оргене обычаи в виде живых традиций и не допускать, чтобы они вырождались в закостеневшие реликвии.

Захариэль внимательно слушал слова старика, и их гипнотический ритм заставил его затеблить прохождение спирали. Но завитки постепенно сужались, и вскоре ему придется предстать перед лордом Символом в кругу горящих свечей.

— И все же моя роль полна противоречий, — продолжал лорд Символ. — Я занимаю в Оргене один из самых высоких постов, но в моих руках сосредоточена очень незначительная

власть. Символ хранителя традиций
Оргена во многом символичен. В таком
случае в чьих руках сосредоточена
реальная сила Оргена? Отвечай быстрее,
мальчик, пока ты не дошел до центра.

Захариэль постарался
сосредоточиться на, казалось бы,
очевидном вопросе, а ноги продолжали
неутоlimо нести его к центру спирали.

Наиболее явными кандидатами были
Лев и Лютер, но затем он вспомнил слова,
когда-то произнесенные братом Амадисом,
и ответ мгновенно оформился:

--- Это рыцари-наставники, люди
вроде мастера Ратизеля, это они
поддерживают жизнь старых традиций.

--- Отлично, --- похвалил его лорд
Символ. --- А в чем тогда заключается моя
власть?

--- В твоей близости к старшим
мастерам Оргена? --- высказал
предположение Захариэль. --- И в том, что
твое мнение всегда будет выслушано
теми, кто обладает реальной властью.

--- Очень хорошо, --- одобрил лорд
Символ, все еще не показывая лица.

скрытого капюшом. -- Ты отвечал коротко, и это отлично. Ты бы удивился, узнав, сколько претендентов беспрестанно болтали во время прохождения спирали.

-- Я думаю, они нервничали, -- сказал Захариэль.

-- Правильно, -- согласился лорд Символ. -- Нервозность часто побуждает человека говорить очень много, хотя более впечатляющим было бы знать цену молчанию и уметь им пользоваться. Твоя лаконичность создает ауру уверенности даже в тех случаях, когда ты ее не испытываешь, насколько я знаю.

Это было действительно так, и на протяжении всего пути к центру зала у Захариэля сердце бешено билось в груди. Он боялся совершить ошибку, боялся оступиться и не выдержать испытания. Но его испуг то ли не был замечен, то ли ослабевшее зрение помешало лорду Символу определить состояние мальчика. Как бы то ни было, Захариэль считал нужным принять похвалу пожилого человека.

-- Благодарю тебя, лорд Символ, --

сказал он, слегка поклонившись. -- Если я и чувствовал уверенность, то лишь благодаря хорошей тренировке под руководством моего наставника.

-- Да, ты же один из воспитанников мастера Ратиэля. Это многое объясняет. Ратиэль всегда славился отличной работой. А тебе известно, что он учился у мастера Саруентуса, того самого, что тренировал и Лютера, и Льва?

-- Нет, мой лорд, этого я не знал.

-- Полни о традициях, мой мальчик, и изучай их. Знай и понимай наши обычаи. Без них ты ничто.

-- Я постараюсь, мой лорд, -- пообещал Захариэль.

-- Знаю, что постараешься, но вижу, у тебя еще остались вопросы, так?

-- Наверное, -- нерешительно сказал Захариэль, не зная, стоит ли обнаруживать свои сомнения. -- Я не совсем понимаю, чего я достиг, проходя по спирали и отвечая на твои вопросы.

-- Для себя -- ничего, -- ответил лорд Символ. -- Но теперь мы больше знаем о тебе. На каждой стадии обучения

претендентов мы решаем, продолжать ли тренировки, есть ли в ком-то из них признаки величия, требующие особого внимания.

--- А я заслужил особое внимание?

Лорд Символ рассмеялся:

--- Этого я не могу тебе сказать, мой мальчик. Не мне это решать.

--- А кому? --- внезапно остелев, спросил Захариэль.

--- Мне, --- раздался из тени звучный, полный силы и властности голос.

Захариэль, обернувшись, увидел, как на свет вышел гигант в белом стихаре с капюшоном. Мальчик мог бы поклясться, что еще мгновение назад в том углу никого не было.

Человек сбросил капюшон, и других представлений Захариэлю не понадобилось.

--- Мой лорд, --- приветствовал он рыцаря.

--- Следуй за мной, --- приказал Лионель-Джонсон.

Лорд Символ тотчас отступил в тень, а Лев зашагал вдоль стены

полукруглого зала. Когда он проходил мимо брата Амагуса, рыцарь почтительно склонил голову, но Захариэль охватили сомнения.

После монолога лорда Символа о ценности традиций он никак не мог выбрать, возвращаться ли ему по спирали или просто пересечь зал вдогонку за Львом.

Решение помог принять брат Амагус.

--- Захариэль, тебе лучше потопорониться. Лев не любит, когда его заставляют ждать, особенно в такую ночь, как эта.

--- А какая это ночь? --- удивился Захариэль, уже направляясь вслед за Львом.

--- Ночь откровений, --- ответил рыцарь.

Гадая, что бы это значило, Захариэль прошел мимо Амагуса и бросился догонять Льва, уже поднимавшегося по ступеням, по которым они лишь недавно спустились. Лев ничего не говорил, только уверенно шел вверх по тщательно вырубленным в скале переходам и винтовыми лестницами.

через естественные пещеры и пустынные залы. С каждым шагом он поднимался все выше и выше, и если брат Амагис вел Захариэля в глубины крепости, Лев, казалось, поднимается к самым небесам.

После долгого подъема Захариэль запыхался и чувствовал, как устали ноги, но Лев, несмотря на скорость и длительность пути, ни разу не задержался, а его дыхание оставалось все таким же размеренным.

Наконец они оказались в узком цилиндре из изогнутых кирпичей, на тесной винтовой лестнице, по которой едва мог пройти такой широкоплечий воин, как Лев.

Еще через десять минут Захариэль ощутил дующий сверху прохладный ветерок, насыщенный ароматами леса. Значит, они уже поднялись почти до самого верха. Наконец призрачный свет луны блеснул на стенах, и измученный долгим подъемом Захариэль оказался на вершине башни — открытой площадке над крепостью-монастырем, окруженной по периметру каменными зубцами.

Эта башня не могла служить целям обороны, поскольку была слишком тонкой и высокой, чтобы на ней разместились хоть сколько-нибудь значительные силы, зато идеально подходила для зоркого часового или звездочета.

Ночь выдалась ясной. Небо над головой Захариэля нависало черным безупречным куполом, усеянным тысячами мерцающих огоньков. Он смотрел на созвездия и ощущал глубокую умиротворенность, прогнавшую усталость.

Захариэль решил, что это чувство рождено удовлетворением. Много лет он напрягал всю свою волю и каждую жилку своего тела в надежде стать рыцарем, и сегодня, может быть, он стал на шаг ближе к осуществлению своей мечты.

— Как хорошо смотреть на звезды, — заговорил Лев, наконец нарушив длительное молчание. — В такое время, как это, человеку необходимо проверить крепость стержня своей жизни. Я понял, что нет лучшего места, чем здесь, под звездами, чтобы оценить свой стержень.

Лев улыбнулся, и его улыбка

показалась Захариэлю ослепительной.

Он понимал, что Лев пытается настроить его на непринужденный лад, но Захариэль не мог говорить с ним, как с любимым другом человеком. Джонсон был слишком велик, и его присутствие производило сильное впечатление.

Нельзя было игнорировать его необычную природу, как нельзя игнорировать ветер и дождь или постоянную стену дня и ночи. В облике Льва присутствовало нечто напугивающее стихийную силу природы.

Лион Эль-Джонсон воплощал в себе возможные мечты человека. Он был образцом совершенства для человеческого рода и мог служить примером новой расы людей.

--- Очищение лесов вступило в финальную стадию, Захариэль. Ты знаешь об этом?

--- Нет, мой лорд, я думал, что кампания продлится еще некоторое время.

--- Вряд ли, --- сказал Лев, слегка нахмурив брови, но было ли это проявлением изумления или просто

задумчивости, Захарияэль не смог понять. -- Согласно нашим самым точным оценкам, осталось всего около дюжины великих зверей, но никак не больше двух десятков, и все они обитают в Северной Чаще. Мы прошли все остальные районы Калибана и очистили их от зверей. Остались только джунгли Северной Чащи.

-- Но это означает, что кампания почти закончена.

-- Почти, -- кивнул Джонсон. -- Она продлится самое большее еще три месяца. А потом Калибан будет свободен от великих зверей. Кстати, тебе известно, что Амагис просил включить твое имя в анналы Оргена, указав на тебя как на помощника в уничтожении одного из последних чудовищ? По его словам, это было очень грозное существо. Хотя его все же убил Амагис, ты можешь гордиться своим участием в битве. Ты спас жизни многих своих братьев.

-- Но не всех, -- ответил Захарияэль, вспомнив, как страшно кричал Паллиан, когда клыки монстра разрывали его тело. -- Я не смог спасти всех.

--- К этому должен быть готов каждый воин, --- заметил Лев. --- Как бы искусно ты ни вел свой отряд, кто-нибудь из твоих товарищей все равно может погибнуть.

--- Я и сам не погиб только по счастливой случайности, --- сказал Захариэль. --- Исключительно благодаря везению.

--- Хороший воин всегда сумеет воспользоваться представившимся шансом, --- сказал Лев, по-прежнему глядя в небо. --- Ты должен приспосабливаться к меняющимся условиям боя. Вся война построена на угаде, Захариэль. И для того чтобы победить, мы должны быть готовы использовать любые появившиеся возможности. В сражении со зверем ты проявил инициативу. Более того, ты проявил мастерство, точно так, как определяют это понятие «Изнущения», как излагается в нем наша конечная цель. Нам неизвестно, какие тайны хранит в себе Вселенная и какие испытания предстоят в будущем. Мы можем лишь прожить свою жизнь с полной отдачей, постоянно

развивая в себе единственную добродетель — стремление к совершенству во всех областях. Если предстоит война, мы должны стать непревзойденными воинами. Если наступает мир, мы должны обладать соответствующими знаниями. Человеку не поодобает мириться со второй ролью. Наша жизнь коротка. И мы должны прожить ее достойно.

Снова наступила тишина. Лев смотрел на звезды в ночном небе, Захариэль молча стоял рядом.

— Интересно, что такое звезды? — вдруг спросил Лев. — В древних легендах говорится, что вокруг них есть тысячи, а может, и миллионы планет, таких же как Калибан. И, говорят, одна из них — Терра. Тебе не кажется странным, что любому рожденному на Калибане ребенку знакомо название Терры? Мы привыкли считать Терру началом и источником нашего общества, но, если верить легендам, мы оторвались от этого источника много тысяч лет назад. А вдруг легенды лгут? Что если Терра всего лишь миф, сказка, придуманная нашими прародителями.

чтобы объяснить наше появление в
костосе? Вдруг все легенды наших предков
нас обманывают?

--- Это было бы ужасно, --- ответил
Захариэль. Он ощутил дрожь и решил, что
ночь становится прохладнее. --- Люди
принимают существование Терры как
должное. Если выяснится, что все это
выдумано, мы начнем сомневаться во всем.
Мы утратим наши якоря. Мы не будем
знать, чему верить.

--- Это верно, но, с другой стороны, мы
обретем свободу. Мы не будем ощущать
груза ответственности перед прошлым.
Нашими границами станут только
настоящее и будущее. Возьми, к примеру,
нынешнюю кампанию против великих
зверей. Ты, Захариэль, еще молод и не
можешь себе представить всех
развительных возражений, угроз и
обвинений, обрушившихся на меня после
первого объявления планов кампании. И я
не раз убеждался, что корни этого
противодействия растут из некоторых
старых обычаев, давно переживших свою
полезность.

Традиции — хорошая вещь, но не в тех случаях, когда они превращаются в законы, мешающие нашему дальнейшему движению вперед. Если бы не Лютер и его превосходный ораторский дар, я сомневаюсь, что план моей кампании был бы одобрен. И даже сегодня мы сталкиваемся со многими подобными проблемами. Религиозные фанатики и отсталые консерваторы противодействуют каждому нашему шагу, не принимая во внимание ценности планов и продвижения вперед. Они всегда ссылаются на прошлое, на традиции, как будто наше прошлое настолько преисполнено славы, что мы должны навеки сохранить создавшееся положение. Но меня не интересует прошлое, Захариэль. Я думаю только о будущем.

Лев снова затолчал. Стоя возле него, Захариэль гадал, что мог бы ответить лорд Символ на такое попревание традиций. А может, это еще одно испытание, чтобы определить, будет ли он молча соглашаться со всем, что говорит Лев, или выступит в защиту старых обычаев?

Он рассматривал Льва и замечал странную напряженность в его взгляде на звездное небо. Казалось, что Джонсон в одно и то же время любит и ненавидит мерцающие звезды.

--- Иногда мне хочется забыть и стирать прошлое, --- снова заговорил Лев. --- Я хотел бы, чтобы легенд о Терре не было. Чтобы у Калибана не было прошлого. Взгляни на человека без прошлого, и ты увидишь свободную личность. Всегда легче строить, если начинать с нуля. А потом я снова смотрю на звезды и понимаю, что слишком тороплюсь. Я смотрю в небо и гадаю, что там. Как много неосвоенных земель? Как много новых проблем? Каким бы ярким и полным надежд было наше будущее, если бы мы могли странствовать среди звезд?

--- Такие вещи кажутся мне невозможными, --- сказал Захариэль. --- Пока крайней мере пока.

--- И ты прав, --- согласился Лев. --- Но что если звезды сами придут к нам?

--- Я не понимаю.

--- Правда? И я тоже, --- признался

Лев. — Но такими ночами, когда звезды светят особенно ярко, мне снится золотистый свет, в котором на Калибан спускаются звезды и небеса, и они делают наш мир лучше.

— Звезды спускаются на Калибан? — переспросил Захариэль. — И что бы это значило?

Лев пожал плечами:

— Кто знает? Я чувствую, что должен знать смысл этого сна, но каждый раз, как только мне кажется, что между золотистым светом и мной существует какая-то связь, он исчезает, и я снова остаюсь в темноте.

Потом он тряхнул головой, словно прогоняя остатки своего сна.

— В любом случае звезды для нас недостижимы, так что нам самим предстоит строить будущее на Калибане. Но даже если с этой стороны наши возможности ограничены, ничто не должно заслонять нашего предвидения. Если нам предстоит ограничиться Калибаном, если доступ к звездам невозможен, значит, мы превратим наш мир в рай.

Лев широким жестом обвел рукой темные окрестности ночного леса под стенами Агдаруха.

--- Вот здесь будет наш рай, Захариэль, --- заявил Лев. --- Здесь мы построим светлое будущее. Кампания по уничтожению великих зверей --- это лишь первый шаг. Мы положим начало золотому веку. Мы перестроим мир заново. Не кажется ли тебе, что это благородная цель?

--- Кажется, мой лорд, --- благоговеющим шепотом ответил Захариэль.

--- Стоит ли эта цель того, чтобы посвятить ей наши жизни? --- спросил Лев. --- Я задаю этот вопрос здесь и сейчас, поскольку ты еще молод, Захариэль, а будущее нагложит строить молодым. Ты подаешь большие надежды. В тебе есть все качества, чтобы стать достойным сыном Калибана, крестоносцем, не только в уничтожении чудовищ, но и любого другого зла, грозящего нашему народу. Тебе нравится такая цель?

--- Да, мой лорд, --- ответил

Захариэль.

--- Хорошо. Я рад. Я буду приглядывать за твоим продвижением в ближайшие годы, Захариэль. Как я уже сказал, ты подаешь надежды. Но, думаю, я слишком надолго отвлек тебя от твоих обязанностей.

Лев склонил голову, словно прислушиваясь к долетавшим из леса звукам.

--- Мне тоже пора возвращаться. Длительное отсутствие не приведет ни к чему хорошему. Мой долг в Органе предписывает не только укрепление братских уз, но и выработку мудрых и хитроумных военных планов.

В следующее мгновение Лев пропал, растворился в башне, словно призрачная тень. В его неожиданном исчезновении не было ничего удивительного или неестественного — привычка двигаться скрытно появилась у Лиона Эль-Джонсона с раннего детства, иначе он не смог бы в одиночку выжить в лесах Калибана.

После ухода Льва Захариэль снова взглянул на звезды.

Некоторое время он обдумывал его слова, размышлял о звездах, о Терре, о необходимости построить на Калибане лучший мир. И о золотом веке, обещанном Джонсоном.

Захариэль думал обо всех этих вещах и сознавал, что под предводительством таких людей, как Лютер и Лев Эль-Джонсон, Орген не может не преуспеть в достижении утопического будущего.

Захариэль верил в Льва.

Он верил в Лютера.

Вместе эти два рыцаря -- два гиганта -- могли изменить Калибан только в лучшую сторону.

Он был в этом уверен.

Как уверен в том, что получил наивысшее благословение фортуны, какое только может надеяться получить человек. Никому не дано выбирать эпоху своего рождения, и в то время, когда большинство людей с трудом приспособлялись к условиям, отличным от условий жизни их отцов, Захариэль чувствовал себя счастливым.

Он понимал, что родился в эру

великих и важных перемен, в такое время, когда человек может стать частью общего дела и посвятить свои усилия, свои идеалы и надежды достижению грандиозных целей.

Захариэль не мог предугадать, что готовит ему будущее, не мог прочесть по звездам свое предназначение, но он не испытывал страха.

Ему казалось, что Вселенная таит в себе множество чудес.

Он безбоязненно смотрел в будущее.

Крестовый поход против великих зверей продолжался еще целый год, и в конце концов на Калибане остался последний оплот чудовищ. Густые, темные и опасные заросли Северной Чащи, куда до сих пор не входил ни один из рыцарей Ордена и его союзников.

Отчасти это объяснялось трудностью организовать в непролазных дебрях полноценную систематическую охоту. Большая часть Северной Чащи так густо заросла, что оказалась практически непроходимой для всадников, и даже отважные воины Воронова Крыла заходили туда не иначе, как по приказу своих мастеров.

В Северной Чаще встречались и поселения, но они представляли собой тщательно укрепленные деревни за высокими стенами, построенные на возвышенностях или в низинах между гор. Поселения в тех местах были редкими, и их разделяли значительные расстояния, а

люди влачили свой жребий, даже не пытаясь как-то улучшить тяжелую и опасную жизнь.

Но, сказать по правде, основной причиной нежелания рыцарей крестового похода вступить в Северную Чащу была давняя неприязнь между Орденom и Братством Волка.

Это рыцарское братство, известное своими учеными и обширными библиотеками, многие годы энергично противилось идее кампании по уничтожению великих зверей и выступало против Лютера и Лиона Эль-Джонсона.

Это было единственное сообщество рыцарей, которое не только голосовало против освобождения лесов от чудовищ, но и отказалось подчиниться воле большинства после того, как решение было принято. Более того, рыцари Волка вели себя крайне агрессивно и угрожали организовать свою контркампанию против Ордена и его союзников.

В конце концов Лютер добился компромисса. Детали соглашения не раскрывались, и неизвестно, какие были

сделаны предложения, но рыцари Волка ушли в свою горную твердыню в Северной Чаще и не противодействовали Оргену.

В течение десяти лет рыцари Волка из своей крепости наблюдали за победоносным шествием кампании Джонсона. Калибан постепенно, область за областью, освобождался от великих зверей.

С течением времени мечта Джонсона стала сбываться, и мысли народов Калибана обратились к рассвету обещанного золотого века.

Теперь Джонсон и его союзники подошли к самым границам Северной Чащи, давнему убежищу рыцарей Волка и единственному району Калибана, где еще обитали великие звери.

Орген готовился вступить в Северную Чащу, и конфликт казался почти неизбежным.

В тренировочном зале группа вооруженных мечами претендентов образовала защитный круг, выставив клинки наружу. В центре круга спиной к

спине стояли Захаризель и Нетиэль, а второй отряд воспитанников окружил их и готовился к учебной атаке.

Браз Амагис, наблюдавший за тренировкой претендентов Оргена, расхаживал поодаль, заложив руки за спину.

Те претенденты, которые составляли круг атакующих, были на год-два моложе защищавшихся и оружием им служили деревянные мечи. Хотя их клинки и не были заточены, на каждом имелась свинцовая полоса, так что удары могли стать довольно болезненными.

— Вы тренируетесь уже не первый год, — произнес Амагис, обращаясь к младшим воспитанникам, — и знаете силу оборонительного круга, но его символическое значение вы еще не постигли. Кто из круга может сказать этим ребятам, почему мы сражаемся таким способом?

По обыкновению, первым ответил Нетиэль:

— Стоя в кругу, каждый воин способен защищать своего соседа слева. Это

классический оборонительный строй,
используемый при значительном
численном превосходстве противника.

— Правильно, Нелуэль, — одобрил
Атагис. — А зачем нужен внутренний
круг?

На этот раз отвечал Захариэль:

— При наличии внутреннего круга
оборона намного эффективнее. Такова
старинная боевая доктрина Калибана.

— Верно, — снова согласился Атагис. —

Целя двух концентрических кругов
неизменно была на вооружении всех
крупных рыцарских сообществ Калибана.
Внутренний круг, направляющий и
координирующий действия воинов
наружной обороны, предотвращает
возникновение разрывов. А теперь —
атакуйте!

Младшие воспитанники бросились в
нападение на своих старших товарищей,
щедро рассыпая колющие и режущие удары
деревянными мечами. Мальчики в
оборонительном круге отражали удары
противников с мастерством,
достигнутым за годы постоянных

тренировок, но атакующих было втрое больше, чем защитников, так что некоторые выпады все же достигали цели.

Захариэль смотрел, как с хирургической точностью разворачивается битва. Они с Нетиэлем, все время оставаясь спиной к спине, поворачивались в круг и своими ударами предотвращали любые возможности возникновения бреши. Стук и лязг мечей продолжался десять минут, но в оборонительном круге не появилось ни малейшей трещины.

Амадис выкрикнул имена «убитых», и те захромали в сторону от сражавшихся, ощупывая ссадины и ушибы и испытывая немалый стыд, а оборонительный круг снова заткнул линию. Захариэль наносил удары младшим воспитанникам, грозившим прорвать оборону, и Нетиэль за его спиной тоже не отставал. Схватка продолжалась еще пятнадцать минут, но круг защитников держался все так же стойко. Затем Амадис объявил конец боя.

В напряженной схватке, требующей большого напряжения сил, и Нетиэль, и

Захариэль насквозь протокли от пота. Биться столько времени с такой интенсивностью было всегда тяжело, но сражение во внутреннем кругу буквально изматывало.

Брат Амагис подошел к измученным воспитанникам.

— Теперь вам должно быть понятно, насколько усиливается оборона при наличии внутреннего круга. Помните об этом, когда настанет время отправляться на бой, и вы никогда не проиграете. Возможно, это звучит банально, но поодиночке мы слабы, а вместе — сильны. Каждый из вас рано или поздно столкнется с врагами, и, если вы не сможете безоглядно доверять своему брату, вы пропали. Братские узы имеют значение только в тех случаях, когда они крепки, как железо. Стоит только на мгновение усомниться в поддержке своих товарищей, круг в тот же миг разорвется и вы погибнете. Разойдись!

Воспитанники поднялись с каменного пола тренировочного зала и разошлись, поднимая на ходу полотенца, ощупывая

уставшие и изрядно побитые руки и ноги.

Немиэль рукавом вытер со лба пот.

--- Схватка была напряженной, и никто не допускал ошибок.

Захариэль, слишком уставший, чтобы ответить, слабо кивнул.

--- А он здорово нас гоняет, --- продолжал Немиэль. --- Как ты думаешь, нам и вправду скоро предстоит вступить в бой, а?

--- Кто знает, --- наконец ответил Захариэль. --- Все может быть. Сегодня к вечеру должны прибыть представители рыцарей Волка, и если все, что я слышал, правда, нам действительно скоро грозит война.

--- С Братством Волка? --- спросил Амтиас, погостивший с неизменным блокнотом в руке.

--- Так я слышал, --- кивнул Захариэль.

--- Ты записал все, что говорил брат Амадис? --- спросил Немиэль, заметив приближающегося Элиата.

--- Все, --- кивнул Амтиас, --- за исключением пары слов.

--- Если бы ты больше практиковался с

мечати, а не с книжками, ты бы успешнее отражал атаки, -- заметил Элиат, но в его словах не было и намека на злобу, а только дружеская насмешка.

-- А если бы ты был не таким толстым, то успешнее уклонялся бы от ударов.

Мальчики растеялись знакомыми шуткам, совершенно не ссорясь друг на друга. Прошел уже год после нападения крылатого чудовища, и они переросли детскую вражду, когда-то разделявшую их, а совместно пережитые испытания сплотили этих четверых и укрепили дружбу.

Аттиас превратился в тиловидного высокого и широкоплечего парня, на руках и ногах у него от постоянных тренировок бугрились крепкие мускулы. Элиат все еще был самым крупным и самым сильным из них, а в его массивном теле давно не осталось ни капли жира, но он по-прежнему оставался самым медлительным из четверых.

-- Нет, серьезно, вы считаете, что у нас может начаться война с рыцарями

Волка? — спросил Амттиас.

— Я не знаю, все может быть, — уклончиво ответил Захариэль, уже жалея, что поднял эту тему.

Брат Амагис рассказал ему, что в крепость Алдарух направляется лорд Сартана из Братства Волка с намерением выразить протест Оргену за нарушение границ Северной Чащи. Хотя никто не просил Захариэля держать эти новости при себе, поделившись с друзьями, он чувствовал себя чуть ли не предателем.

— Захариэль, Неллиэль, быстро приведите себя в порядок, и через пятнадцать минут я жду вас в своей комнате. Полная форма: стихарь, оружие и церемониальное одеяние.

Мальчики удивленно переглянулись, затем уставились на брата Амагиса.

— Сэр, — спросил Неллиэль, — что происходит?

— Лев пожелал, чтобы лорд Сартана увидел в Круглом Зале наших лучших претендентов, а это вы двое. А теперь поторопитесь и не тратьте время

попусти. Пошевеливайтесь!

Захария и Немец остановились у края возвышения Круглого Зала и беспокойно перетинались с ноги на ногу. Несколько минут назад они вслед за братом Амагисом вошли внутрь и ощущали такое сильное беспокойство, что даже не оценили представившийся случай пройти через западные Монастырские Врата.

Для рядовых членов были предназначены входы в верхней части зала, ведущие на галерею, а входить через Монастырские Врата имели право только старшие рыцари. В обычных случаях претенденты и все остальные, ниже рангом, чем полноправный рыцарь, входили сверху и рассаживались там на каменных скамьях, но в сегодняшнем случае вождями Оргена было дано специальное разрешение.

Коридоры и залы Алдаруха кипели бурной деятельностью, и маленькая группа на своем пути встретила немало рыцарей, слуг и претендентов, спешивших куда-то

по срочным поручениям для подготовки к
прибытию лорда Сартаны.

В самом Круглом Зале от самых
дверей были вывешены очищенные от пыли
церемониальные знамена, а боевые,
отмеченные красными полосами, заменены
на флаги с символами братства и
содружества, напоминавшие о легендарном
прошлом.

Каменные скамьи вокруг центральной
площадки уже заполнялись рыцарями в
парадных одеяниях, но других
претендентов, кроме тех, кто
сопровождал старших рыцарей, не было.

— А что, этот Сартана и впрямь
такая важная личность? — спросил
Немиэль едва слышным шепотом, полня об
отличной акустике зала.

— Наверное, — кивнул Захариэль. — Он
один из самых старших рыцарей
Братства Волка.

— А я думал, что они уже почти
вытерли, разве нет?

— Нет, — ответил Захариэль. —
Хотя их число по сравнению с прошлыми
веками значительно сократилось.

— А что с ними произошло?

Захариэль мысленно обратился к разговору между сенешалями, услышанному им в первые годы после вступления в Орген.

— Они выступали против кампании по освобождению Калибана от великих зверей и ушли в свою крепость, пока Орген с союзниками очищал леса. Я слышал, что значительная часть рыцарей Волка и претендентов, увидев, насколько успешно продвигается поход, отступились от Братства и присоединились к Оргену.

— Они покинули своих братьев? — удивился Неллиэль.

— Так говорят, — подтвердил Захариэль. — Мне думается, для Братства Волка тогда наступили тяжелые и безрадостные времена, поскольку поток претендентов сократился до малой горсточки. Через несколько лет перед рыцарями Волка возникла реальная угроза сокращения численности до такой степени, что Братство могло перестать считаться настоящим рыцарским орденом.

--- Как печально, --- сказал Нетиэль, ---
оказаться на грани забвения не в славной
битве или героической гибели, а из-за
того, что твои взгляды устарели.

--- Не торопитесь списывать их со
счетов, --- сказал брат Амагис,
наклонившись над мальчиками. --- Силы
загнанного в угол зверя проявляются с
удвоенной энергией.

--- Брат Амагис, у меня есть вопрос, ---
обратился к нему Нетиэль.

--- Да? Говори, только поскорее, лорд
Сартана вот-вот появится.

--- Мне кажется, я понимаю, почему
ты здесь оказался, --- заговорил Нетиэль. ---
То есть я думаю, это немного дерзко ---
демонстрировать лорду Сартане
претендентов Оргена.

Амагис устехнулся:

--- Ты очень проникателен, юный
Нетиэль.

--- Так зачем они так сделали?

--- Это хороший вопрос, и я постараюсь
тебе ответить. По всей вероятности,
лорд Сартана приехал сюда не для того,
чтобы уладить разногласия. Я думаю, Лев

и Лютер решили устроить молчаливую демонстрацию нашей силы, которая не слабеет с годами.

— Если заставить лорда Сартану понять, что он не может нам противостоять, он легче согласится на присутствие наших воинов в Северной Чаще, — сделал вывод Захариэль.

— Что-то вроде этого, — согласился Амагис. — А теперь помолчите, церемония начинается.

Захариэль обернулся к восточным Монастырским Вратам. В них торжественным шагом входили две шеренги знаменосцев с наброшенными на головы капюшонами. Они разошлись и с мрачной серьезностью стали огибать зал, пока не образовали вокруг возвышения кольцо стягов.

Знаменосцы установили древки в специальные углубления в полу, а сами преклонили колена и опустили головы, приветствуя входящих вождей Оргена.

В зал вступили Лев и Лютер, величественные в своих черных доспехах и развевающихся белых мантиях.

пришпиленных к наплечникам бронзовыми
фибулами. Лев, как обычно, возвышался над
Лютером, но Захариэлю казалось, что они
оба высечены из одного и того же
прекрасного материала. Лицо Льва
выражало суровую торжественность,
Лютер, как обычно, выглядел открытым и
добродушным, но в напряженной
линии рта и прищуренных глазах
чувствовалась настороженность.

Все собравшиеся на скамьях рыцари
Оргена при виде предводителей встали и
ударили кулаками по нагрудным
пластинам доспехов, оглушительным
стукот приветствуя своих героических
братьев и выражая уважение лучшим из
лучших.

Льва и Лютера сопровождали
старшие рыцари Оргена, включая лорда
Символа и нескольких боевых рыцарей,
искусных в управлении многочисленными
армиями. Похоже, это было не просто
толчальной демонстрацией силы, а
выражением откровенной военной угрозы.

Рядом с Лютером шел воин в
сверкающих бронзовых доспехах и глином

плаще из волчьих шкур. Череп и верхняя челюсть зверя венчали его шлем, а передние лапы свешивались на грудь поверх наплечников.

Значит, этот могущественный воин с лицом, на котором время прочертило глубокие морщины, и висячими серебристыми усами и есть лорд Сартана. Его серые глаза прикрывали тяжелые веки, а все лицо выражало крайнюю агрессивность. Он слишком хорошо понимал неприкрытую демонстрацию мощи Оргена. Лорда Сартану сопровождали три воина в плащах из волчьих шкур, с такими же глиняными усами, выглядевшие старше старейших рыцарей Оргена.

Воины дошли до центра зала, Лев поднял руки, прося тишины, и рыцари тотчас подчинились. Захария, взволнованный присутствием такого количества старших братьев, бросил взгляд на Нетиэля.

А Лев, повернувшись к лорду Сартане, протянул ему руку:

— Я приветствую тебя в Круглом

Зале, где брат встречается с братом независимо от ранга и положения, где все равны. Добро пожаловать, брат.

Эти слова показались Захариялю абсолютно невыразительными и лишенными всякого чувства, словно Лев, произнося их, перетешивал с перлом.

Лорд Сармана определенно придерживался такого же мнения, поэтому проигнорировал протянутую руку.

— Я просил о личной встрече, лорд Джонсон, а не... об этом!

— Лорд Сармана, в Оргене придерживаются принципов искренности, — произнес Лютер приглушенным и успокаивающим тоном. — У нас нет секретов и все деяния открыты.

— Тогда к чему эта откровенная театральность?! — воскликнул Сармана. — Вы считаете меня простаком, которого может поразить этот парад рекрутов и старших рыцарей?

— Это не театральное представление, — возразил Лев, — а напоминание о твоем статусе в братствах Калибана.

--- О моем статусе? --- повторил Сартана. --- Так вы согласились на эту встречу, просто чтобы меня унижить?

Лютер шагнул между двумя воинами, натереваясь рассеять враждебную атмосферу и не допустить, чтобы в ход пошло оружие.

--- Мои лорды, --- произнес Лютер, стараясь говорить рассудительно и спокойно. --- Подобные слова недостойны нас. Мы собрались здесь, чтобы все могли убедиться в честности и справедливости наших суждений. Давайте покажем, что между нами нет никакой лжи.

--- Тогда поговорим о том, как ваши воины нарушили заключенный между нами договор, --- сказал Сартана.

--- Нарушили договор? --- раздраженно переспросил Лев. --- О каком договоре идет речь? Никаких соглашений между нами не было.

--- Много лет назад нам были даны гарантии, --- продолжал Сартана. --- Ты, Лютер, когда приехал в нашу крепость, заверил нас, что Джонсон твердо обещал держать своих воинов подальше от

Северной Чащи. Но, как мы оба знаем, дела обстояли совсем не так.

--- Да, --- согласился Лев, не скрывая гневных ноток в голосе. --- Не так. --- Захарияль подивился, что человек еще не сломался перед лицом такой угрозы. --- Твои люди вырезали группу твоих охотников. Люди вместе с семьями были уничтожены полностью вооруженными рыцарями, а единственного выжившего в этой бойне отправили назад с растерзанными телами товарищей.

--- Эти люди пришли, чтобы составить карту пограничных ущелий Северной Чащи.

--- Эти пограничные районы твоей территории кишат великими зверями! --- бросил Лев. --- Чужовища до сих пор разоряют наши земли. Только в одном городе Энгриаго от лап такого монстра погибли почти две сотни человек! Пришло время покончить с этим и уничтожить последних великих зверей.

Захарияль заметил, что при упоминании Энгриаго Амагис сильно напрягся, а его пальцы сжались в кулаки.

--- Вы вольны очистить от великих зверей весь остальной Калибан, --- резко ответил Сартана. --- Но Северная Чаша и земли Братства Волка должны остаться неприкосновенными. Нам было обещано, что наши территории останутся последним прибежищем и великие звери смогут жить там в покое. Это обещание имело силу договора. Послав своих людей в Северную Чашу, ты стал клятвеннопреступником!

--- Не говори глупости! --- заявил Лев. --- Не было никаких обещаний оставить в покое великих зверей в Северной Чаше. Какой смысл так поступать? Какая была бы польза от уничтожения монстров по всему Калибану, если оставить район, где они найдут убежище? Нет, с нашей стороны не было никаких нарушений, это рыцари Волка убили воинов Оргена. А все остальное, все вымыслы и ложные обвинения --- лишь неуклюжая попытка с твоей стороны оправдать свои действия.

--- В таком случае ты вступаешь на путь войны, лорд Джонсон, --- произнес Сартана.

— Если для освобождения Калибана от чудовищ потребуется война, значит, так тому и быть, — сказал Лев, и Захариэль уловил в его голосе оттенки удовлетворенности, словно он с самого начала решил подталкивать Сартану к войне.

— Я не останавлиюсь на полпути в очищении Калибана от великих зверей, — продолжал Лев. — А если твои воины попытаются мне помешать, мы справимся с ними. В твоём Оргене осталось не так много рыцарей, и некоторые из них годятся не вылезали из библиотек. Неужели ты считаешь, что сложешь меня остановить?

— Вероятно нет, — ответил Сартана.

— Тогда почему выступаешь против?

— Потому что ты в своём маниакальном стремлении к разрушению не остановишься до тех пор, пока весь Калибан не окажется под твоей пятой. Рыцари Волка не желают становиться твоими подданными. А теперь, если эта пародия на обсуждение закончена, я ухожу и

возвращаюсь к своим братьям.

Не ожидая слов прощания, лорд Сартана резко развернулся и вышел из Круглого Зала, сопровождаемый своими спутниками в волчьих шкурах.

После столь дерзкой выходки в зале воцарилась звенящая тишина, и рыцари Оргена беспокойно переглядывались, словно ища у соседей подтверждения грандиозного значения слов, сказанных Джонсоном и лордом Сартаной. Они внезапно оказались на пороге войны с Братством Волка.

Брат Амагис шагнул вперед и первым нарушил молчание, обратившись к Льву.

— Лорд Джонсон! — воскликнул Амагис. — Правда ли то, что я услышал? Великий зверь напал на Энгриаго?

В первый момент Захариэлю показалось, что Лев не услышал вопроса, но после нескольких долгих мгновений молчания он обернулся к Амагису. Лицо Льва как будто окаменело, и по спине Захариэля при виде застывшей на нем воинственной маске ярости пробежала дрожь.

Затем словно солнечный луч скользнул по лицу Льва, и мстительный гнев рассеялся, стенившись глубоким сочувствием.

— Боюсь, что это правда, брат Амагис, — ответил он. — Мы только вчера получили известия. Великий зверь погубил множество людей Энгуаго, но никто не мог сказать, что за чудовище бродит в тех темных лесах.

— Лорд Джонсон, я родился в Энгуаго, — сказал Амагис. — Я должен отомстить за гибель своих соотечественников.

Лев кивнул, одновременно прислушиваясь к шепоту Лютера, а Амагис опустился на одно колено.

— Лорд Джонсон, — торжественно произнес он, — я объявляю вызов зверю из Энгуаго.

Впоследствии Захариэль всегда вспоминал об этом как о самом чудесном моменте своей жизни. Нельзя сказать, что в последующие годы он был обделен славой, нет, это далеко не так. Он получит свою долю побед. Он добьется признания, и

дружба будут ему рукоплескать.

Он удостоится похвалы Льва.

Он познает все это и многое другое. У
все же событие, пережитое на родном
Калибане в дни, предшествующие
появлению Императора и его ангелов,
останется самым знаменательным.

Оно произошло во времена до
сошествия ангелов, когда Захария был
младенцем человеком, стоящим на пороге
зрелости. Возможно, решающую роль как
раз сыграл его возраст, и события тех
дней оставили в памяти самые яркие
впечатления.

В то время ему еще оставалось две
недели до пятнадцатого дня рождения, и
младенчество наложила особый глянecь на его
воспоминания. Этот факт каким-то
образом придал его поступку большее
значение, сделал его более
запоминающимся. Еще не перешагнув
порога зрелости, он пережил ужасы и
преодолел трудности, после которых не
выживал и не мог выжить ни один человек.

Один определенный момент отделял
это событие от всех последующих

моментов его жизни. Он еще не стал ангелом. Он еще не стал Астартес. Все это делало его действия более значительными. Одно дело, когда в таких обстоятельствах добивается успеха сверхчеловек, и совсем другое, когда то же самое выполняет обычный воин, особенно если учесть, что он едва миновал половину второго десятилетия своей жизни.

Возможно, в этом было что-то еще.

Возможно, он дорожил этими воспоминаниями из-за того, что они наиболее ярко показывали его характер. После трансформации в ангела большинство событий тех дней, когда он был человеком, стаяли в памяти, стали расплывчатыми и невыразительными.

Впереди его ждали тысячи событий, и весьма важных, о которых он в конце концов забывал. Он с трудом мог вспомнить лица своих родителей и сестер, грузей детства. В его памяти отпечатываются другие моменты, относящиеся к тому времени, когда он станет ангелом, словно после перехода через мост от человека к сверхчеловеку он

навсегда распрощается с тем, что определяло его прошлую, человеческую жизнь.

Какой бы ни была причина, эти особенные дни навсегда ярко запечатлеются в его памяти. Он пронесет воспоминания через столетия, как одно из немногих важнейших событий своей юности.

В некотором роде воспоминание станет для него определяющим, поскольку поможет навсегда сохранить верность своим идеалам. Оно будет поддерживать его в те моменты, когда не останется никакой надежды. Он всегда станет видеть в нем смысл своего существования.

Это будет началом его самопознания, зародышем его личного мифа.

Когда-то он был человеком. Когда-то он был рыцарем. Когда-то он победил в славной битве и защитил невинного.

Когда-то давно он охотился на монстров.

Прошло почти пять месяцев с тех пор, как Амадис отправился на поиски

Зверя Энгриаго, и это время показалось Захариэлю вечностью. Он тосковал по веселому товариществу своего героя и почти утратил ощущение, что Орген ценит и одобряет его достижения и успехи.

Несмотря на то что мастер Ратиэль обладал несомненным талантом и опытом, он относился к Захариэлю точно так же, как и ко всякому другому претенденту, как и должно было быть, но после того, как брат Амагис выделял его из всей группы, Захариэль никак не мог привыкнуть быть... обыкновенным.

В отсутствие брата Амагиса возобновилось давнее соперничество и Захариэль, Нетиэль, Амтиас и Элиат снова стали ссориться между собой, словно зеленые новички.

Захариэль, хотя и старался из всех сил, устал сдерживать желание Нетиэля превзойти его абсолютно во всем. Он пытался сгладить постоянные настишки брата, но его стремление превзойти его успехи вызывало в душе растущее чувство обиды.

После визита в Агдарух лорда Сартаны значительная часть воинских сил Ордена была отозвана от близящейся к завершению охоты на великих зверей и переброшена на противодействие новому противнику.

В результате серии серьезных стычек рыцари Волка были оттеснены в крепость Сангрула — Кровавая Гора, — которая, по слухам, распространившись в монастыре, теперь оказалась в осаде.

За обедом мальчики собрались вместе и стали обсуждать ход военных действий против рыцарей Волка и сетовать на свое положение претендентов, что не позволяло им участвовать в боях.

— Я слышал, они начали сжигать свои поселения, чтобы рыцари Ордена не могли их захватить, — сказал Элиат.

— Верно, — подтвердил Амтиас. — Я сам вчера слышал, как мастер Рамиэль говорил об этом сару Хадариэлю.

— Зачем же они так упорствуют? — удивился Нетиэль. — Это глупо.

— Не знаю, — ответил Амтиас. — Я только передаю то, что услышал.

--- Возможно, потому, что это законченные изменники и каждое мгновение их затянувшегося сопротивления -- новое пятно на чести Калибана.

--- Довольно резкое суждение, ты не находишь? -- спросил Захариэль.

--- Разве? -- возразил Нетиэль. --- Тогда почему Орген взял на себя труд прекратить их деятельность?

--- А кто-нибудь задумывался, что лорд Сартана, возможно -- только возможно, -- говорил правду? -- спросил Захариэль. --- Вдруг ты и впрямь нарушили данное обещание оставить их владения в покое?

--- Мне приходила в голову эта мысль, -- признал Нетиэль. --- Но какое это теперь имеет значение?

--- Какое значение? -- повторил Захариэль. --- Это очень важно, потому что ты, возможно, затеяли войну, исходя из ложных обвинений, войну, которая служит только нашим собственным целям. Разве это никого не волнует?

Ответом ему были равнодушные

взгляды, и Захариэль, удивляясь реакции грузей, сокрушенно покачал головой.

Затем заговорил Нетиэль, слегка наклонившись над столом:

--- Захариэль, история пишется победителями, а побежденные, кроме прочих горьких пилюль, должны будут проглотить и то, что все их жертвы были напрасными. Заявления Сартаны о словах Льва могут оказаться оскорблением или даже откровенной выдумкой, но летописцы Ордена никогда не станут записывать их, даже если бы они и были правдивыми.

--- А летописцы Братства Волка?

--- Уверен, за время осады они погибли в своей крепости вместе с остальными рыцарями.

--- Как ты можешь быть таким равнодушным, Нетиэль? --- спросил Захариэль. --- Ведь речь идет об убийстве таких же рыцарей.

Нетиэль покачал головой:

--- Нет, мы говорим об уничтожении врагов. А рыцари они или нет --- это несущественно. Кто прав, кто виноват --- в пожарах войны между Орденом и

Братством Волка скоро забудется ее первоначальная причина. Ни одна война не сохраняется в памяти надолго.

--- Это грустно, --- заметил Захариэль.

--- Такова трагедия человеческого существования, --- сказал Нетиэль, цитируя строку из «Изречений». --- Жизнь личности --- мимолетная капля в кровавых волнах истории.

--- Может, и так, --- тряхнул головой Захариэль, --- но на Калибане эти волны трагичнее всех остальных.

После окончания обеда претенденты разошлись по своим комнатам, чтобы собрать оружие для послеполуденной практики под неусыпным надзором мастера Рамиэля. Разговор за едой расстроил Захариэля, особенно его удручала готовность, с какой рыцари Ордена по призыву Джонсона отправились на войну.

Разве желание любыми способами избежать войны и предотвратить неизбежные потери людей не должно быть

свойственно каждому мыслящему существу? Несмотря на свою молодость, Захариэль был достаточно умен, чтобы понимать неизбежность войны и убийства в некоторых случаях, но ему казалось, что война против рыцарей Волка была развязана с ненужной и недостойной поспешностью.

Он уже пристегнул к поясу пистолет и поднял свой зазубренный меч, как вдруг услышал далекий пронзительный сигнал трубы — мелодичный напев из трех нот, повторяющийся снова и снова. Захариэль оглянулся на своих товарищей, собиравших оружие. Он понимал, что должен знать значение сигнала, но никак не мог его вспомнить.

— Брат Амагис! — воскликнул Элиат, и звуки трубы тотчас стали понятными.

— «Возвращение рыцаря», — сказал Аммиас.

Захариэль улыбнулся. Эта мелодия возвещала о возвращении рыцаря с охоты на великого зверя. Крестовый поход против чудовищ подходил к концу и множество зверей уже были убиты, так что

радостные ноты в эти дни звучали
нечасто.

Четверо мальчиков, совершенно не
думая о наказании, грозящем за пропуск
занятия по фехтованию и стрельбе,
выбежали из комнаты. Стремление снова
увидеть брата Амагуса в стенах
крепости оказалось сильнее мелких
сожалений о нарушении расписания.

Все вокруг тоже слышали призыв
трубы, хотя, как звук с высокой башни,
распространялся по всей крепости,
оставалось для Захариэля загадкой. К
въездным воротам уже бежали их
товарищи-претенденты и даже несколько
младших рыцарей, желавших первыми
поздравить брата Амагуса с
возвращением.

Захариэль снова осознал, что
сореvнуетcя с Нелуэлем, но его брат с
торжествующей устешкой уже опередил
его на несколько шагов. Следом за ним
мчался Амтиас, а Элиат в одиночестве
затыкал их небольшую группу.

Коридоры каменными спиралями вели
их вокруг сторожевых башен, мимо бойниц,

постепенно спускаясь на нижний уровень. Во дворе уже собралась большая толпа, но мальчики сумели протолкаться вперед, когда наверху раздался глухой металлический рокот.

Массивные цепи вздрогнули, тряхивая накопившуюся пыль, и тяжелые рычаги, блоки и противовесы пришли в движение, открывая колоссальные створки Мемориальных Врат Алгаруха. Тяжелые гверные блоки из потемневшего дерева и бронзы, поставленные на металлические колеса, разошлись в стороны по стазанным рельсам.

Внутрь с неба хлынул ослепительный свет, заливая каменную ограду эспланады и освещая мрачные своды монастырской крепости. Потрясенные открытием гверей пылинки заплесали в лучах сверкающими алмазами.

Захариэль отчаянно пытался увидеть брата Амагуса, но из-за бьющего в глаза света не мог рассмотреть ничего, кроме темнеющей вдаль кромки леса. Претенденты толкались вокруг него, тоже стараясь что-нибудь увидеть, но

Захариэль и его гρύзья упорно оставались на месте, используя силу и откровенное упрямство.

Наконец раздался чей-то крик, и Захариэль заметил в проеме ворот движение — появился расплывчатый силуэт всадника, медленно подъезжавшего к крепости. Глаза немного привыкли к яркому свету дня, и сердце Захариэля сжалось от радости — он отчетливо увидел и узнал брата Амагуса.

Но при всей радости от возвращения героя внезапно возникло странное предчувствие беды.

Амагус держался в седле явно из последних сил, его стихарь сплошь покрывали пятна засохшей крови, а левая рука, очевидно сломанная, бессильно висела вдоль туловища. Бледное, обескровленное лицо темной полосой обрамляла сильно отросшая щетина, уже превращавшаяся в бороду.

Конь выглядел не лучше своего всадника: на груди и боках виднелось несколько глубоких царапин, из гривы были вырваны целые клочья, хвост

отсутствовал полностью, а глубокие раны на кроне свидетельствовали о жестокой схватке с каким-то ужасным противником.

В глазах Амагуса плескались боль и обреченность, он слегка повернул голову, будто что-то искал.

Рыцари бросились вперед, чтобы помочь раненому герою спуститься с коня. Их порыв нарушил торжественность момента, и при виде плачевного состояния героя вокруг раздались горестные возгласы.

Людской поток унес Захариэля вперед, но на этот раз он и не подумал сопротивляться.

— Разойдись! — раздался властный старческий голос. — Дайте ему побольше воздуха!

Захариэль увидел, как лорд Символ, пользуясь не столько своей силой, сколько высоким положением, пробивается сквозь толпу, и посторонился, чтобы подобраться ближе следом за ним. Через несколько мгновений он уже оставил грузей позади и оказался рядом с лордом Символом, опустившись на колени подле упавшего

раненого рыцаря.

Амагус пытался что-то сказать, но на губах пугырилась кровавая пена, свидетельствующая о серьезном повреждении легких.

— Не разговаривай, — посоветовал лорд Символ, — это только причинит тебе боль.

— Нет... — прохрипел Амагус, — ...должен говорить.

— Хорошо, парень. У тебя есть завещание?

Амагус кивнул. Захариэль, как ни был поражен косвенным предположением лорда Символа, что жить рыцарю осталось недолго, повидал уже немало ран, чтобы понимать: такие — смертельны.

Захариэль видел, что кровь на животе воина еще свежая и продолжает течь, а в открытой ране виднеются клубки внутренностей, которыми рыцарь не дает вывалиться, придерживая их рукой.

Свободной рукой Амагус дотянулся до пистолета и с трудом вытащил его из кожаной кобуры.

— Захариэль, — позвал он.

Лорд Символ погнул голову, торопливо тахнул рукой тальчику, призывая того опуститься на колени рядом с рыцарем.

— Не мешай и слушай внимательно, не многим дано услышать последние слова рыцаря Оргена. А те, кто слушает завещание, принимают на себя обязательство перед умершим. Такова традиция.

Захариэль кивнул, не отрывая взгляда от утирающего Амагиса, уже протянувшего ему свой пистолет.

— Возьми его, Захариэль, — произнес Амагис. Его искаженное болью лицо постепенно разглаживалось под прикосновением смерти. — Он твой. Я хочу, чтобы ты им владел.

— Я не могу, — возразил Захариэль, чувствуя, как в уголках глаз скапливаются слезы.

— Ты должен, я хочу, чтобы ты его взял, — выдохнул Амагис. — Это мое наследство, и я завещаю его тебе. Вспоминай обо мне, когда будешь из него стрелять. Вспоминай, чему я тебя учил.

--- Я все исполню, --- пообещал
Захариэль и принял липкий от крови
пистолет.

Оружие показалось ему очень
тяжелым, гораздо тяжелее, чем любое
другое изделие из металла и дерева.
Вместе с пистолетом он взял на себя ношу
ответственности и долг перед его
благородным владельцем.

--- Это хороший пистолет... Никогда
меня не подводит, --- добавил Амагис, едва
справившись с кашлем. --- Он и тебя не
подведет, а?

--- Не подведет, --- подтвердил
Захариэль и пораился внезапно
наступившей тишине.

--- Проклятие, я уже не чувствую боли,
это ведь не к добру, верно?

--- Это означает, что конец близок, ---
ответил рыцарю лорд Символ.

--- Я так и думал, --- кивнул Амагис. ---
Мерзкий зверь из Эндриаго запустил в
меня свои когти. Слишком большой...
Калибанский лев... А я думал, он был всего
один.

--- Калибанский лев! --- воскликнул

Захариэль. — Разве лорд Джонсон его не убил?

— Хотелось бы... — поморщившись, сказал Амагис. — Я бы не решился сейчас солгать... Я только хочу...

Последнее желание брата Амагиса так и осталось тайной. В следующее мгновение его глаза закатились и губы шевельнулись в последнем вздохе.

Захариэль опустил голову и, не скрываясь, заплакал по своему великому герою. Он обеими руками прижал к груди пистолет Амагиса, а в душе уже разгорался горячий гнев от мысли, что убийца рыцаря все еще жив и продолжает бродить по сумрачному лесу.

Лорд Символ осторожно коснулся ладонью лица усопшего и закрыл погасшие глаза.

— Так брат Амагис покинул наш Орген, — с трагичной торжественностью произнес он.

Затем он поднялся, положил одну руку на плечо Захариэля, а другой показал на отданный ему Амагисом пистолет.

— Это не просто оружие, мой

мальчик, — сказал лорд Символ. — Это оружие героя. Оно несет в себе возможности и могущество, которыми не обладает твой собственный пистолет. Ты должен с честью носить его и не посрамить памяти героя, завещавшего его тебе.

— Я не опозорю его памяти, — поклялся Захариэль. — Не сомневайтесь в этом, лорд Символ.

Лорд Символ, услышав в его голосе жажду отпущения, прищурил глаза и покачал головой.

— Не надо, мальчик, — предостерег он. — Горе утраты и гнев затмили твой разум. Не произноси слов, которые будет невозможно взять обратно.

Но Захариэля не так-то легко было разубедить. Он выпрямился во весь рост и прижал окровавленный пистолет к груди.

— Лорд Символ, — заговорил он, — я объявляю охоту на великого зверя из Эндриаго.

— Тебе не надо было объявлять охоту, — сказал Немуэль.

Это происходило за три ночи до того, как Захариэль должен был отправиться в путь. Последние два дня и две ночи он собирался посвятить уединенной медитации и подготовке к путешествию, и его друзья, зная об этих планах, выбрали сегоднешний вечер для прощального ужина.

Они приготовили еду и вино, а мастер Рамиэль дал специальное разрешение провести торжество в пещерах под Агдарухом. Ужин проходил при зажженных факелах, за глиняным столом, принесенным из жилой комнаты.

Такое мероприятие соответствовало традициям Оргена. По словам лорда Символа, Захариэль в случае успеха должен переродиться от одной жизни к другой и из юноши превратиться в мужчину.

— Строго говоря, — пояснил тогда лорд Символ, — в таких случаях принято считать, что ты временно подвешен между жизнью и смертью, и пока не принято решение о твоём будущем статусе, твоя душа может странствовать по преисподней.

Конечно же, его слова были сочтены суеверной чепухой, древней традицией, основанной на легендах и мифах, но лорд Символ до сих пор придавал значение старинным обычаям, и Захариэль не мог не прислушаться к совету человека, принявшего последний вздох рыцаря Амагуса, а потому согласился на прощальный пир под землей.

Несмотря на внешнее веселье и кажущееся легкомыслие, во всех обращенных к нему словах он ощущал оттенки скорби. Друзья не скупились на наилучшие пожелания, однако в их поведении сквозила откровенная грусть. Подобное состояние вызывало у него беспокойство, и в конце концов Захариэль понял, что они прощаются и не ожидают больше увидеть его живым.

Никто не надеялся, что он не погибнет на такой охоте.

--- Захариэль, тебе надо было подождать, --- настойчиво твердил ему Нетиэль. --- Нельзя было объявлять охоту на зверя, погубившего Амагуса.

--- Но я это сделал, Нетиэль, ---

ответил Захариэль. --- Ты не видел, как жизнь покидала тело рыцаря. А я видел.

--- А ты знаешь, что говорят обо всем этом старшие рыцари? --- спросил Элиат.

--- Нет, не знаю. И не желаю знать. Я объявил охоту на зверя перед самим лордом Символом. Такой вызов невозможно взять назад.

--- А тебе не помешало бы знать, --- заметил Нетиэль, многозначительно постомотрев на потолок. --- Рыцари рассказывают о таких вещах... Они считают, что это высокомерие, и удивляются, как лорд Символ позволил тебе объявить охоту. Он-то должен понимать в таких вопросах. Это заведомо самоубийственное предприятие.

--- Нетиэль, выражайся яснее, --- сказал Захариэль, кивая на свой кубок. --- Вроде бы я достаточно разбавил вино, но все равно понимаю тебя с трудом.

--- Я говорю о звере, на которого ты объявил охоту, --- пояснил Нетиэль, с трудом сдерживая раздражение. --- Рыцари говорили, что это калибанский лев, один из самых опасных лесных хищников. Они

сказали, что чүдовище лишило жизни уже двести сотни людей, и это в Северной Чаще, где поселения можно отыскать с большим трудом.

--- Рыцарская охота не может быть легким испытанием, Нелуэль, --- сказал Захаруэль. --- В ней мы показываем все, на что способны. И доказываем, что готовы принять рыцарство.

--- Никто не говорит о легком испытании, но это выходит за всякие рамки, --- упорствовал Нелуэль. --- Все в один голос говорят, что это чүдовище достойно истинных героев вроде Льва или Лютера. Не сочти за обиду, братец, но ты не принаглежишь к их числу и никогда не станешь таким, как они. Для победы над подобным монстром у тебя недостаточно сил и опыта, точно так же как и у меня, и у любого из нас. Наверху все уверены, что этот вызов --- полное безумие. Я понимаю, что ты страстно желаешь стать рыцарем, мы все этого хотим, но, по моему, тебе следовало подождать менее опасного зверя. Никто бы тебя за это не осудил. И славы ты получил бы ничуть не

меньше.

Захариэль сердито тряхнул головой:

— Дело вовсе не в славе, и мне не хочется наплевать, что скажут обо мне люди. Уже тебе-то следовало бы знать меня получше.

— Да, я понимаю, но неужели ты сам не осознаешь, что твой вызов — сплошное безумие? Я не преувеличивал, когда говорил, что это самоубийство. Ты же воображаешь, что не справишься? Зачем ты вообще на это пошел?

— Я ждал этого долгие годы, — медленно и отчетливо произнес Захариэль. — С того самого дня, когда меня зачислили в претенденты Оргена, я мечтал об этом. А когда брат Амадис умер, я понял, что момент настал. Я больше не мог ждать. Кроме того, вспомни, что мастер Рамиэль говорил: «Вы не вольны выбирать зверя; это зверь выбирает вас». Ты и сам должен познать этот урок.

Захариэль улыбнулся, давая понять, что он всего лишь шутит, чтобы разрядить обстановку, но Нелмиэль не желал отступать. Он смотрел на брата с

явным раздражением и чуть ли не обидой. Аммиас и Элиат сидели молча, понимая, насколько неблагоприятно было бы вмешиваться в спор между братьями.

--- Это не смешно, Захариэль. Тебя могло убить еще то, первое чудовище. Вспомни, я ведь был там, когда на нас напал крылатый зверь. Легко считать себя неуязвимым, когда ты одет в доспехи и вооружен моторизованным мечом и чудесным пистолетом, но наше оружие и наша броня ничего не значат для великих зверей. К ним нельзя относиться легкомысленно. Это дело серьезное.

--- Я знаю, --- согласился Захариэль. --- Не пойми меня неправильно, я сознаю все опасности предстоящей охоты. Я понимаю, насколько тяжелой она будет. Но там, где ты видишь непреодолимую проблему, я вижу преимущество. Ты не хуже меня знаешь учения Оргена. Все наши уроки с мастерами, все учебные бои и тренировочные сессии, все шуточные дуэли и турниры с самого первого момента после нашего прихода в крепость были обращены на одну цель --- превосходство. Это

единственное качество, имеющее смысл в жизни человека. Это единственное, что делает нас достойными рыцарства. Это главный идеал Ордена. Тебе известно изречение: «Жизнь человечества должна подчиняться одной цели — достижению совершенства во всех его формах, как в личных качествах, так и в общественной жизни».

— Можешь не цитировать мне «Изречения», — огрызнулся Нелуэль. — Мастер Ратнуэль накрепко вбил их в наши головы, и я знаю наизусть каждую его строчку.

— Тогда ты должен помнить и еще кое-что. «Чтобы достичь и продемонстрировать превосходство, каждый должен преодолеть максимально тяжелое испытание. Только посредством сурового экзамена мы можем познать истинную силу своего характера». Вот чему учит Орден: максимально тяжелое испытание, суровый экзамен. Вряд ли я последую его заветам, если откажусь от вызова из опасения, что охота окажется слишком опасной.

— Да, наши идеалы требуют этого, — согласился Нетиэль, — но надо быть реалистами. Если все разговоры рыцарей правдивы, это чудовище под силу одолеть только целому отряду опытных бойцов. Даже лорд Джонсон, прежде чем убить калибанского льва, был тяжело ранен. Такой вызов не для претендента.

— Может, ты и прав, — признал Захариэль. — Но после того как брат Амадис отдал мне свой пистолет, я должен был принять и его вызов. Если мы начнем выбирать испытания из соображений их легкости или трудности, мы вступим на скользкий путь, ведущий к поражению. В любом случае давайте не будем спорить. Решение принято, и изменять его уже поздно. Я вверяю себя своей судьбе. Лучшее, что мы можем сделать, это поднять бокалы и надеяться, что снова увидим друг друга.

Захариэль встал и взял в руку кубок.

— За завтрашнюю жизнь, брат, — произнес он.

Нетиэль приглуительно улыбнулся и тоже поднял бокал.

--- За завтрашнюю жизнь, --- повторил
он, и в его глазах блеснули слезы.

Глава 7

--- Тебе надо выбрать тропу, ведущую на восток, --- сказал лесник.

Он пешком шел впереди по лесной стежке, а Захариэль на боевом коне следовал за ним.

--- Будешь ехать, пока не доберешься до маленькой поляны, сразу за деревом, в которое ударила молния. Оно обгорело, и ствол расщепился на две части ровно посередине, так что не пропустишь. Вот туда и направлялась пропавшая группа. Конечно, они, скорее всего, так и не дошли до поляны, иначе мы бы уже здесь смогли отыскать их следы.

Лесника звали Нарел. Захариэля с ним познакомил лорд Домизель, правитель Эндриаго, и вскоре после этого они уже тиновали расколотые и укрепленные баррикадами ворота, покидая объятый ужасом город.

Нарел был одним из лесников, живущих в замке и присматривающих за окрестными землями. Он оказался сильнее

своих товарищей и согласился проводить Захариэля на поиски чудовища. Точнее говоря, он взялся показать тропу, по которой вчера отправилась пропавшая группа мужчин и женщин, остелившихся выйти за пределы стен, чтобы пополнить запасы дров и съестных припасов.

— Люди говорили ит, что они поступают безрассудно, — продолжал Нарел. — Их предупреждали, что можно наткнуться на великого зверя, но что ит оставалось делать? У каждого дома полно детей и всех их надо кормить. А скоро уже наступит зима, и, чтобы выжить, надо запастись много еды и дров. Здесь только так и живут. Кроме того, все они были хорошо вооружены, стельчаков набралась целая дюжина, и они рассчитывали, что в таком отряде ит ничего не грозит. Но в этих лесах никогда нельзя чувствовать себя в безопасности, хотя, как я думаю, это не только из-за великого зверя.

Нарел был вдвое моложе лорда Домизэля, но, как быстро выяснилось, вдвое болтливее своего господина. Всю дорогу, провожая Захариэля по тропе, он

непрерывно говорил. Лесник имел привычку болтать вполголоса и все время беспокойно поглядывать то на вершины деревьев, то по сторонам. Он явно нервничал, как будто ожидал, что чудовище может в любой момент выскочить из зарослей и броситься на путников.

— Конечно, теперь и эти ребяташки останутся без еды, — сказал Нарел, в двадцатый раз проверяя, есть ли заряд в его шотпольном ружье и взведен ли курок. — Им придется голодать, пока кто-нибудь не приютит сирот. Но только не я. Я сочувствую несчастным детишкам, но у нас с женой полно своих голодных ртов. Можешь мне поверить, это целая трагедия. Каждый раз после нападения чудовища остается все больше и больше сирот. В последний раз, как говорят, погибли сто восемьдесят человек. Значит, опять осталось полно детей, лишившихся отца или матери.

Захариэль вполне понимал тревогу лесника. Из его рассказов выходило, что почти все последние жертвы великого зверя, по крайней мере те, кто жил в

Эндриаго, были ему знакомы. А кое-кто даже приходился родственником. Учитывая изолированность поселения и широкие родственные связи обитателей Калибана, такая ситуация не могла показаться необычной.

Каждый из жителей Эндриаго в результате нападения пришедшего из леса хищника потерял или соседа, или родственника, или члена семьи. За то недолгое время, что он провел в замке, Захариэль осознал, насколько силен страх, поселившийся в этих стенах. Он не смог отыскать ни одного человека, будь то мужчина, женщина или ребенок, кто не испытывал бы ужаса перед великим зверем.

Жители Эндриаго остеливались выйти из-за городских стен только в случае крайней необходимости, а после того как Захариэль осмотрел многочисленные и глубокие отпечатки когтей и когтей на воротах замка, он был вынужден признать, что их страх вполне оправдан.

Чудовище превратило жителей в

пленников, заключенных между
укреплениями замка, и этот факт вместе
с воспоминаниями о смерти брата
Атагуса еще больше укрепил решимость
Захариэля покончить со злым
существом.

Так не могло больше продолжаться.
Как говорил Нарел, стену времен года
остановить невозможно. Наступает
зима. Вскоре жители Эндриаго окажутся
перед трудным выбором. Чтобы пережить
лютые зимние месяцы, необходимо
пополнить запасы продовольствия. Или
придется или принять мучительную
смерть от голода и холода, или выйти за
ворота, рискуя нарваться на разъяренного
хищника.

Несколько ушедших вчера мужчин и
женщин уже сделали свой выбор. Для них
все уже закончилось, но оставалось еще
целое поселение, чье существование висело
на волоске.

Если позволить чудовищу и дальше
безнаказанно бродить по лесу, если никто
не выследит его и не убьет, в лесах вокруг
Эндриаго разыграется еще немало

трагедий.

Будет еще больше горя. И еще больше сирот.

Зверь похитил уже слишком много жизней, и ни одно сообщество не может позволить себе бесконечно долго терпеть подобную ситуацию.

Груз ответственности, давивший на плечи Захариэля, становился невыносимым.

Если ему не удастся убить великого зверя, на кону окажется не просто его жизнь, а существование всего Эндриаго и живущих там людей.

— Ну, вот, пожалуй, и все, — сказал Нарел. — Как ты помнишь, я не обещал сопровождать тебя до самого конца. То есть я бы мог, но у меня есть жена и дети. Ты ведь понимаешь, правда? Мне надо закончить приставивать.

— Я понимаю, — ответил Захариэль. — Отсюда я и сам смогу найти дорогу.

— Тогда все в порядке, — кивнул Нарел.

Лесник повернулся, намереваясь отправиться назад, в Эндриаго, но, прежде

чем уйти, через плечо оглянулся на
Захариэля:

— Я желаю тебе безопасного пути
сквозь тьму, Захариэль из Оргена. Пусть
Хранители тебя направляют и
оберегают. Можешь не сомневаться,
сегодня вечером я совершу для тебя
жертвоприношение. Раг был
познакомиться.

С этими словами он зашагал прочь и
больше не оглядывался.

Захариэль после ухода Нарела
проехал еще немного и вдруг понял, что
прощальные слова лесника не выходят у
него из головы.

Было очевидно, что Нарел не
надеялся на то, что юный воин останется
в живых.

Лесник не произнес ни одной из
обычных в таких случаях прощальных
фраз. Он не упоминал о «завтрашней
жизни» или о чем-либо подобном, вместо
этого избрав довольно любопытное
напутствие — пожелал Захариэлю
безопасного пути сквозь тьму.

Он попросил Хранителей направить его и оберегать.

И еще он пообещал совершить жертвоприношение. На Калибане такие слова не говорили человеку, с которым надеялись встретиться снова. Это было не благословение, а прощание.

Согласно общепринятым здесь представлениям о смерти, после гибели человека его душа спускалась в подземный мир и странствовала по спиральной тропе, которая в зависимости от его прижизненных поступков могла привести либо в преисподнюю, либо к порогу возрождения. Отсюда и прощальные слова Нарела. Они были позаимствованы из общеизвестного погребального обряда, где в процессе церемонии от имени усопшего читалась молитва с просьбой к стражам потустороннего мира позаботиться о его дальнейшей судьбе.

Захариэль не таил обиды на лесничего. Он не сомневался, что у того были самые добрые намерения. На Калибане почти не имелось больших городов, но, даже по его стандартам,

Эндриаго было весьма захолустным поселением.

В таких местах старые обычаи очень крепки.

По представлению самого Нарела, он оказал большую честь Захариэлю, стараясь облегчить ему странствие в потустороннем мире, которое, без сомнения, предстояло совершить всякому, кто окажется лицом к лицу с великим зверем.

Но Захариэль считал, что лесник напрасно растрачивал свое красноречие.

Такие вопросы редко обсуждались, по крайней мере открыто, но в обществе Калибана существовали и другие религиозные представления. С одной стороны, на планете имелась традиционная религия, все еще очень популярная как среди простого люда, так и в кругу немногочисленных фанатиков из числа знати. В этой религии сочетались элементы культа предков и мистические народные воззрения, восходящие к древним познаниям первых колонизаторов планеты. Приверженцы этой религии верили, что

леса Калибана населены духами-хранителями, особую роль в ней играли мрачные невидимые ангелы, которые время от времени влещивались в людские дела, преследуя свои собственные, никому не ведомые и загадочные цели.

Однако это не означает, что Хранители во Тьме — единственные сверхъестественные существа на Калибанае. Последователи традиционной веры считали великих зверей злобными духами, принявшими материальную форму, чтобы приносить людям страдания и лишения.

Учитывая все это, не было ничего удивительного, что отдельные жители и целые семейства нередко приносили жертвы Хранителям во Тьме, утोलая их влещать и умирить великих зверей.

В отличие от верований народа рыцарские ордена Калибана придерживались более гностического кредо. Они полностью отвергали влещательство в жизнь людей сверхъестественных сил. Даже допуская существование таких существ, как духи и

божества, они подвергали сомнению их прямое вмешательство в дела людей.

Считалось, что побуждения и стремления сверхъестественных существ слишком чужды человеческому восприятию мира, и они вряд ли способны определить, когда требуется их помощь и в чем она должна выражаться.

Философия рыцарских орденов утверждала, что единственной побудительной силой в развитии личности любого человека является его собственная воля, а не предполагаемое влияние потусторонних сил. В соответствии с этими положениями в различных сообществах уделяли внимание совершенствованию разума и физического состояния рыцарей, чтобы добиться соответствия идеалам превосходства, хотя представления об этих идеалах могли отличаться в разных орденах.

Захария, после того как провел много лет в Ордене, внимал религиозные убеждения своих мастеров и принял их как свои собственные верования. Он не собирался спорить с людьми вроде Нарела,

но и вникать в их суждения тоже не имел
никакого желания. Хранители во Тьме
существовали только в мифах, и он не
верил в оберегающих духов, милостиво
охранявших человеческие души от каких-
то теней, — только в силу человеческого
разума. Деяния людей, подобных Лютеру и
Льву, их кампании по уничтожению
великих зверей служили ему
подтверждением того, что у человека
есть право свободного выбора пути своего
развития. Разум способен постичь мир и
даже космос, и люди, если им
представится шанс, всегда предпочтут
помочь своим братьям.

Захариэль был уверен, что все люди в
сущности добры и, будь у них возможность,
они из всех предложенных путей выберут
самый лучший и светлый. Ни один человек
не станет сознательно творить зло, если
к этому его не принудят какие-либо
обстоятельства.

На дурные поступки могут
спровоцировать голод, невежество или
страх, но никто не станет следовать по
пути зла, если есть другие возможности.

Никто не может сознательно выбрать тьму, если есть возможность идти к свету.

В конце концов Захариэль выбросил из головы не предвещавшее ничего хорошего напутствие Нарела, перестал размышлять о природе человечества и сосредоточился на предстоящей охоте.

В этот момент его больше интересовали наставления лесника относительно дороги, а не вопросы человеческой судьбы и предназначения. Тот велел ехать на восток до обожженного молнией дерева и поляны за ним. Захариэль последовал этим инструкциям и воспользовался методом своих мастеров, позволявшим очистить мысли и обратить все духовные силы на стоящую перед ним цель. Он подстегнул коня, и тот перешел на рысь.

Пришпоривая скакуна, Захариэль устремлялся навстречу своему будущему.

Тропа оказалась достаточно протоптанной, и Захариэль легко отыскал опаленное молнией дерево. Сразу за ним

простирался лес затмелых стволов, стоявших, словно ряды древних менгиров. Здесь начиналось царство сумрака и теней, и Захариэль начал понимать происхождение местных суеверий.

Северная Чаща давно считалась непригодным для жилья местом из-за близости гор, где устраивали себе логова опасные хищники, из-за слишком бедной почвы, требующей невероятных усилий, чтобы получить какую-то отдачу, и из-за того, что леса были слишком густыми, чтобы можно было передвигаться по ним относительно безопасно. Более того, это место пользовалось дурной репутацией и славилось необъяснимыми явлениями вроде загадочных огней в гуще леса или пропажи людей, которые через неделю-две возвращались к своим семьям, но постаревшими на целые десятилетия.

Да, Северная Чаща хранила немало секретов, и Захариэль, как ни крепился, углубляясь в сердце леса, ощутил первое шевеление страха. Хоть он и поклялся себе ничего не бояться, оказалось, что страх просто притаился под слоями ненависти к

зверю и горечи, вызванной кончиной брата
Амагуса.

Как просто было настехаться на
судвериями сельских жителей, находясь
под защитой стен Эндриаго, среди грузей и
при ярком свете. И как легко одиночество
и сумрак могли развеять всю решимость и
самоуверенность.

Захариэль проглотил страх и опять
пришпорил коня, чувствуя, что скакун
тоже боится этого места. Вокруг стояли
такие старые, кривые деревья, каких он
еще никогда не видел, вероятно
пораженные какой-то болезнью, поскольку
из них повсюду сочился тягучий сок,
наполнявший воздух запахом подгнивших
фруктов.

Деревья мелькали мимо по мере того,
как Захариэль углублялся в Северную
Чащу, и ему все время чудился невнятный
шепот, словно последний вздох умирающего
человека. Почва под копытами коня
становилась все более влажной и
болотистой, и корни деревьев почти
полностью скрывались под сплетенными
стеблями травы.

Все дальше и дальше уходила в заросли тропы, и в душе Захариэля возникло ощущение пустоты, сосущая бездна холодила сердце и разум.

Внезапно Захариэль почувствовал себя бесконечно одиноким.

Дело было не в полном отсутствии людей, а в одиночестве души, абсолютной изоляции от окружающего мира. Ужасное ощущение сопровождалось осознанием собственной незначительности, и Захариэль едва сдержал жалобный крик.

Каким надо быть высокомерным, чтобы считать, что находишься в центре спирали! Что за тщеславие верить, будто сможешь оказать влияние на путь развития всего мира.

Глаза наполнились слезами, а конь, не осознающий, какая мрачная тьма окутала душу его седока, уносил его все глубже в лес.

— Я не ничтожество, — шептал Захариэль подступившей тьме. — Я — Захариэль из Оргена.

Тьма нагнетливо глотала его слова, и прежде чем звуки могли вызвать хоть

малейшую рябь на поверхности
окружившей его бездонной пустоты, их
подхватывал и уносил неощутимый ветер.

--- Я --- Захариэль из Оргена! ---
закричал он в темноту.

Слова опять растворились в
безмолвии, но в этот раз энергичное
восклицание на короткий миг заставило
темноту покинуть его душу. Захариэль
кричал снова и снова, сознавая опасность
громких звуков во время охоты на опасного
хищника, но еще больше опасаясь
безмолвной тьмы, грозящей завладеть его
душой.

Тропа все так же уходила вглубь леса,
а Захариэль продолжал громко повторять
свое имя. С каждым шагом своего коня он
все отчетливее чувствовал, что из земли
сочатся невидимая злоба и неуправляемая
стихийная энергия, словно глубоко-глубоко
под поверхностью Калибана бьется
готовый прорваться наружу грозный
источник. Как сквозь построенную бобрами
из глины и грязи плотину сочатся струйки
воды, так и здесь на поверхность мира из
глубины вырывалось нечто ужасное, что

влиало на жизнь обитавших поблизости людей.

Едва эта мысль успела оформиться в сознании Захариэля, как он почувствовал, что уже не один в лесу.

Мягкое прикосновение к поводьям остановило боевого коня, и Захариэль жадно вдохнул глоток холодного воздуха. Он совершенно четко ощущал присутствие нескольких существ, скрывающихся в тени под деревьями.

Он знает... Он чувствует это...

Юноша не мог никого разглядеть, настолько глубоко эти существа скрывались во мраке между деревьями, и все же абсолютно точно знал, что они там, они смотрят на него из темноты.

Смотрят на него из темноты...

Он видел движение краем глаза, но стоило повернуть голову и взглянуть прямо, как едва уловимые тени исчезали. Захариэль заметил не меньше пяти существ, но не мог с уверенностью сказать, сколько их всего.

Убьет его... Он уже поражен...

Шепот порхал между деревьев.

Однако Захариэль знал, что эти звуки вылетают не из человеческого горла, вернее сказать, не принадлежат к миру, который можно исследовать пятью имеющимися чувствами. Он воспринимал ведающийся вокруг него разговор, и хотя слова, если это понятие можно применить к беззвучному обмену информацией, были ему совершенно незнакомы, он без труда различал их смысл.

--- Кто вы такие?! --- закричал он, стараясь придать голосу уверенности. --- Перестаньте шептать и покажитесь!

Наблюдавшие за ним тени при звуке его голоса отступили глубже под деревья. Возможно, они были удивлены, что он заметил их присутствие и слышит их почти беззвучное бормотание.

Он уже несет в себе порчу. Лучше убить его сразу...

От такой угрозы рука Захариэля сама собой потянулась к мечу, но едва ощутилое прикосновение к мыслям предостерегло его от любых враждебных действий.

Не трать понапрасну силы, Захариэль

из Ордена. Ты не сможешь причинить нам
вреда оружием этого мира...

Голос как будто раздавался в его
голове, и Захариэль вскрикнул -- на
мгновение ему показалось, что говоривший
находится прямо перед ним.

-- Кто вы такие? -- снова крикнул он,
быстро восстановив контроль над своими
чувствами и бросая по сторонам
настороженные взгляды.

Так никого и не обнаружив, Захариэль
заставил коня развернуться на месте, а
меч словно сам прыгнул ему в руку.

-- Покажитесь! -- потребовал юноша. --
Я уже устал от ваших глупых трюков!

Хорошо...

Как только слово отпечаталось в его
сознании, он сразу увидел одно из
загадочных существ.

Из темноты за деревьями появилась
фигура всего нескольких футов ростом, с
головой до пят закутанная в грубый балахон
с низко надвинутым капюшоном. Темнота
внутри капюшона казалась еще более
плотной, чем та, что окружала
Захариэля, и он совершенно отчетливо

понял: стоит увидеть скрывающееся там
лицо -- и ему грозит неминуемое безумие.

Руки загадочного существа были
сложены на груди и полностью закрыты
рукавами балахона. В его походке сквозило
странное подобострастие, хотя в
поведении не было ничего похожего.

-- Кто ты такой? -- спросил
Захариэль. -- Ты и есть Хранитель во
Тьме?

Эти слова вполне отражают нашу
цель.

-- Цель? Какую цель? -- снова задал
вопрос Захариэль.

Общаться с вами в той манере,
которую вы в состоянии воспринять.
Чтобы понять этот мир, людям
необходимо всему дать какое-либо
название.

-- Людям? -- переспросил Захариэль. --
Это означает, что вы... не человеческой
расы, так?

Правильно, наша раса неизвестна
большинству людей.

-- Так кто же вы?

Это не важно. Важно то, чтобы ты

покинул это место.

--- Я не могу, --- сказал Захариэль. --- Я поклялся уничтожить зверя, который убил моего друга.

Существо, которое ты ищешь, не здесь, хотя и неподалеку.

--- Ты знаешь, где он? Скажи мне!

Хорошо, но ты должен дать слово уехать и никогда сюда не возвращаться. Эти леса поражены, и людям здесь делать нечего.

--- Поражены? Чем поражены?

Миниатюрное существо покачалось головой:

Нет, эти вещи не для людского ума. Ты и так слишком много узнал, да еще пытаешься вмешаться в дела, которые тебя не касаются.

--- Я не понимаю, --- вздохнул Захариэль. --- Чем вы здесь занимаетесь?

Мы --- члены братства, почти так же, как и ты сам... Образует группу, сдерживающую самое древнее зло.

--- Какое зло? --- спросил Захариэль. --- Великих зверей?

Нет, это всего лишь внешние

симптомы более опасной болезни. Я не стану называть это зло, достаточно сказать, что оно угрожает вашей расе и когда-нибудь приведет ее к гибели.

При упоминании о величайшем зле у Захариэля похолодело сердце, и в глубине души он понял, что существо говорит правду. В его словах слышалась мудрость веков, и, хотя это могло бы показаться невероятным, Захариэль чувствовал, что это создание прожило не одну тысячу лет.

— А это зло... Его можно победить?

Конечно, любое зло может быть побеждено.

— Тогда позвольте я помогу вам его уничтожить! — воскликнул он.

Такое зло, как это, никогда не может быть уничтожено полностью. Его натиски можно сдерживать на какое-то время, но пока в мире остаются люди, оно тоже будет существовать.

— Как же я могу помочь?

Уходи. Уходи и никогда не возвращайся.

Захариэль кивнул. Но как бы ни хотелось ему побыстрее выбраться из

этого места, он не желал уезжать, не узнав хоть что-то еще о загадочных... пришельцах.

--- А как вы здесь оказались?

Существо снова покачало головой, и Захариэль заметил, что из-за деревьев показались еще двое, и их наружность и манера держаться были абсолютно такими же, как у первого.

Он задает слишком много вопросов!

Его раса славится своим любопытством, и им придется за это заплатить. Надо бы его убить!

Захариэль понятия не имел, кто из них говорит, поскольку голоса перемешивались в его сознании и накладывались друг на друга, словно струи воды. И хотя существа были малы ростом и в физическом отношении никак не могли бы с ним справиться, юный воин ничуть не сомневался, что они обладают непостижимыми силами и в состоянии прервать его жизнь с такой же легкостью, с какой человек задувает горящую свечу.

--- Почему вы хотите меня убить? Какое зло я вам причинил?

Лично ты — никакого, но твоя раса в целом угрожает погрузить Галактику в бездну бесконечного страдания.

Мысли бешено завертелись в голове Захариэля. Из слов существа следовало, что люди живут и за пределами Калибана, что человеческая раса населяет и другие звездные миры. Этот вывод привел его в сильнейшее возбуждение, а осознание того, что множество древних мифов оказалось правдой, ударило в его голову прекраснейшим из вин.

Окрыленный этим, он поднял меч.

— Я уже принес клятву Оргену, что буду защищать его от всяческого зла, но теперь я клянусь еще и сделать все, что в моих силах, чтобы противостоять злу, о котором вы говорите.

Он ощутил безмолвное одобрение таинственных собеседников и понял, что они признали истинность его слов.

Очень хорошо, Захариэль из Оргена. Мы принимаем твою клятву. А теперь тебе пора уходить.

У Захариэля оставались еще тысячи вопросов к Хранителям, но пришлось

удовлетвориться искрами знаний, которые уже блеснули перед ним. Он вложил меч в ножны и развернул коня, а загадочные существа отступили под деревья.

Фигуры Хранителей уже сливались с лесным сумраком, но Захариэль припомнил слова, произнесенные одним из них, и в его голове возник еще один, последний вопрос.

--- Подождите! --- закричал он. --- Что вы хотели в виду, когда говорили, что я уже несу в себе порчу?

Сначала ему показалось, что Хранители не намерены отвечать, но затем, до того, как их силуэты окончательно растворились в лесу, из темноты прошепестело:

Не ищи способа открыть дверь, которая ведет к легкой власти, Захариэль из Оргена. Возвращайся к опаленному толнией дереву, и ты найдешь то, что ищешь.

А потом они исчезли.

Захариэль возвращался с легким сердцем. Свинцовый груз, давивший на его плечи всю дорогу вглубь Северной Чащи, с

каждым пройденным обратным километром уменьшался. В этой части леса случилось нечто страшное, что-то настолько ужасное, что на Калибан с другой планеты прибыли Хранители и теперь они приставляют за опасным участком.

Остался ли источник зла на Калибане или покинул его, оставив лишь свое эхо, Захариэль не знал и подозревал, что для него лучше будет и дальше оставаться в неведении. Он понял, что опасность, таящаяся в этом месте, куда серьезнее, чтобы угрожать всего лишь телу.

Ему довелось приобщиться к тайному знанию, и если Орген и мог чем-то гордиться по праву, так это способностью его членов хранить тайны. То, что стало ему известно, и то, во что он поверил, будет надежно сокрыто в его сердце, и никакие земные методы не заставят его выдать секретные знания.

Захариэлю вспомнился разговор со Львом на верхней площадке башни и сомнения великого воина относительно существования Терры и других населенных

любыми миром. Теперь Захариэль один на всем Калибане мог ответить на этот вопрос, и эта исключительность вызывала в его душе бурное волнение.

Обратный путь из темной глубины леса оказался гораздо легче. Конь легко ступал по уже знакомой дорожке, без труда пробираясь сквозь путаницу трав и корней, обходя упавшие деревья. Даже сгустившийся здесь сумрак, казалось, немого приподнялся, и сквозь густо сплетенные кроны деревьев пробился теплый луч послеполуденного солнца.

Наконец густой подлесок расступился, началась протоптанная тропинка, и Захариэль улыбнулся, узнав следы своего коня, оставленные несколько часов назад. Лошадь без всякого понукания свернула на тропу, и он поехал под зелеными арками листвы к поляне с почерневшим от удара молнии деревом. Захариэль настолько углубился в раздумья, что зверь едва не застиг его врасплох.

Грозное существо прыгнуло к нему, словно материализовавшись из воздуха.

Зверь таился в тени за стволом

древнего дерева на самом краю поляны. В первый момент, когда он пошевелился среди листвы, могло показаться, что сошла причудливо выгнутая скала.

Захариэль тельком заметил встретившийся ему навстречу темный силуэт. Зверь оказался огромным и двинулся с невероятной скоростью. Испуганный конь резко остановился и панически заржал. Захариэль, сильно натянув поводья от неожиданности, едва удержался в седле.

Калибанский лев навис над ним.

Еще мгновение, и зверь разорвет его на части.

За один затянувшийся, исполненный страха момент Захариэль успел подробно рассмотреть строение тела ринувшегося на него чудовища. Оно обладало широким мощным туловищем, но львиным его можно было назвать только из-за того, что существо передвигалось на четырех конечностях и имело гриву из растущих на затылке бронированной головы острых шипов. Каждую из лап закрывали блестящие пластины природного панциря, крепкого, словно камень, но в то же время пластичного, как мускулы. Из передних лап торчали похожие на кинжалы когти, а из верхней челюсти выступала пара клыков, словно огромные кавалерийские сабли.

До этого момента Захариэль еще мог полагать, что после гибели многочисленных жертв люди были склонны преувеличивать опасность великого зверя, но в этот миг он понял, что был неправ.

Он остался в живых лишь благодаря

рефлексам, отточенными за долгие часы тренировок на стрельбищах Агдаруха.

Захариэль выхватил подаренный братом Амадисом многоствольный пистолет и выпустил очередь, целясь в грудь чудовища, как учили его наставники.

Все выстрелы попали в цель, но казалось, что лев даже не заметил ударивших в его толстую шкуру снарядов. Эти заряды облагали значительной разрывной силой, они были предназначены для того, чтобы взрываться внутри цели, и могли остановить почти любое существо, даже таких ошеломляющих размеров.

Но пули отскочили от лвиной шкуры, и тварь едва ли заметила их удары.

Большой зверь яростно зарычал и, взмахнув лапой, прыгнул.

Удар пришелся по корпусу коня Захариэля, когти с отвратительным треском переломали ребра и вспороли бок несчастного животного. Боевой скакун дернулся так, что Захариэль вылетел из седла и приземлился в грязь почти

посередине поляны.

Лошадь забила в агонию, разбрызгивая горячую кровь; из огромной раны вываливались клубки внутренностей. Пока внимание льва было приковано к первой жертве, Захариэль быстро вскочил на ноги.

Он снова выстрелил из пистолета, еще один залп ударил в зверя, но лев занимался еще живой лошадью, и его страшные клыки отрывали куски мяса от конского крупа. Пластины брони пребывали в постоянном движении, снаряды при попадании в них выбивали искры и брызги столонopodobной субстанции, но не причиняли видимого вреда.

Пистолет щелкнул вхолостую, указывая, что Захариэль уже расстрелял весь магазин, и тогда лев испустил оглушительный рев — наполовину вопль, наполовину вой. Отступая от чудовища и изумляясь его непомерной силе, Захариэль торопливо перезарядил оружие.

Лев медленно прошел по краю поляны, его змеиные глаза, перечеркнутые вертикальными щелями зрачков,

колыхали оранжевым пламенем, грива
шипов на голове и шее колыхалась от
движения мышц, и каждый острый шип
угрожал смертью.

Захариэль продолжал двигаться,
обходя огромное чудовище по дуге.
Утробный рык и потоки слюны из
открытой пасти свидетельствовали о
неутолимом голоде монстра, и Захариэлю
пришлось сделать над собой усилие, чтобы
не представлять, как жуткие клыки
разрывают его тело.

Хотя этот зверь был совершенно
чуждым существом и казался порождением
ночного кошмара, у Захариэля сложилось
впечатление, что тот уставился в его
сторону с выражением трачного
удовольствия. Пытаясь побороть приступ
страха, он вспомнил крылатое существо, с
которым сражался много лет назад,
вспомнил свое описание ситуации как
охоты паук на муху. Сейчас ему казалось,
что лев испытывает от охоты то же
самое злобное наслаждение -- как если бы
человек представлялся ему изысканной
закуской, которой надо было сначала

насладиться и только потом проглотить.

Полученные на тренировках навыки подсказывали юноше держаться от льва на расстоянии и использовать пистолет, но рыцарский кодекс побуждал броситься на чудовище и встретиться с ним в ближнем бою.

Захариэль не опускал пистолета, но одновременно обнажил меч и прикинул имеющиеся возможности. Считая поставленный магазин, у него в запасе имелось две полных обоймы. В седельных сумках, оставшихся на павшей лошади, находились еще боеприпасы, но они оставались вне пределов досягаемости. Если не допускать ближнего боя, у него было двадцать четыре выстрела, чтобы убить чудовище.

В обычных условиях этого хватило бы для уничтожения любого противника или любого другого существа на планете, но великие звери Калибана не были обычными животными, и в их потерзанных телах воплотились самые худшие черты сразу многих хищников.

На груди льва, там, где разрывались

снаряды, выступила тягучая красная жидкость, но Захариэль не знал, кровь ли это или какие-то другие выделения. Даже в тех местах, где пули вырвали фрагменты брони, пластины сошлись вплотную.

Внезапно лев с удивительной скоростью побежал к нему через поляну. Захариэль мгновенно отступил в сторону и описал мечом широкую дугу, готовясь отразить атаку чудовища. Подвижные зубы заскрежетали по львиному боку, в Захариэля полетели брызги крови. Лев зарычал и в прыжке повернулся, так что задние лапы швырнули юношу на землю. Едва упав, тот откатился в сторону, держа меч в вытянутой руке, чтобы не напороться на собственное оружие. Перед глазами сверкнули шипы из львиной гривы, тяжелые лапы ударили в то место, где он только что лежал.

Захариэль ударил мечом, и его зубы рассекли пластины на шее чудовища. Из разрезанных шипов брызнула и зашипела на доспехах тягучая едкая кровь.

Лев развернулся, перед Захариэлем

разверзлась огромная пасть. Он рванулся в сторону, и мощные челюсти захлопнулись всего в нескольких сантиметрах от его тела. Захариэль не переставал атаковать и выпустил в бок льва еще несколько пуль. И снова зверь не проявил никаких признаков боли или шока, по-видимому совершенно невосприимчивый к ним.

Тело Захариэля стало липким и скользким от пота, мышцы от плеч до самых лодыжек одеревенели от напряжения. В его гонимых членах работали механизмы, предназначенные для облегчения движений и охлаждения, но они уже не справлялись с интенсивной нагрузкой при борьбе со львом.

Жизнь Захариэля висела на волоске, и следующие несколько секунд должны были решить, доживет ли он до следующего заката. Время осторожных действий закончилось.

Чтобы перевести дух, Захариэль несколько раз взмахнул мечом, сдерживая яростно ревущего зверя, а потом внезапно прыгнул вперед. Едва коснувшись земли, он перекувыркнулся через голову, вскочил на

ноги, уже стреляя из пистолета Амагуса, и с воплем продолжал бежать навстречу льву.

На долю секунды лев, казалось, замер от изумления, разинул пасть и испустил грозный рык. А потом они оба встретились навстречу друг другу и в одно мгновение сошлись вплотную.

В непосредственной близости от чудовища у Захариэля закружилась голова. Что-то в этом существе вызывало тошноту и омерзение. Вокруг зверя распространялся густой запах гниения, и даже как будто не запах, а присущая монстру отвратительная аура, аура, заражающая все находящиеся поблизости предметы.

Захариэлю казалось, что эта омерзительная атмосфера просачивается сквозь мельчайшие трещинки его доспехов. Более того, великий зверь казался раковой опухолью на сердце мира, источником заражения, который необходимо уничтожить.

Ненависть придала юноше сил.

Захариэль оказался совсем рядом с

чужовищем. В последнее мгновение перед касанием он успел выпустить еще пару зарядов практически в упор. А потом, когда лев уже взмахнул над ним когтистыми лапами, проворно увернулся от удара и ударил мечом в широкую грудь монстра.

Лев взревел от ярости, широко раскрыв пасть. Захариэль снова поднял пистолет и послал несколько снарядов в зияющую глотку, направив дуло слегка вверх.

Меч наносил один удар за другим, и жужжащие зубья пробили наружные слои львиной шкуры. Но в этот момент массивная голова монстра врезалась в Захариэля, и тот покатился по земле, с ужасом слыша, как в его теле с треском ломаются кости.

Юный воин сильно ударился, а лев передними лапами встал ему на грудь, вышибив из легких остатки воздуха. Острые и огромные, как кинжалы, когти пронзили пластины доспехов, и кончики прорвали кожу и мышцы, исторгнув у Захариэля пронзительный крик.

Он чувствовал на себе колоссальный вес львиного тела, голова чудовища оказалась всего в нескольких сантиметрах от него, и густая едкая слюна закапала на лицо. Захариэль едва мог дышать.

Но рука с пистолетом все еще оставалась свободной, и Захариэль с близкого расстояния несколько раз выстрелил в живот монстра.

Он услышал угрожающий треск и понял, что сочленения доспехов не выдерживают. Лев стоял над ним и видел, что его жертва лишена возможности двигаться и обессилена, а потому намеревался наблюдать за медленной и мучительной агонией под тяжестью мощных лап.

Грудь Захариэля словно сдавливал железный обруч, так что он почти не мог дышать. Львиные когти приподняли его с земли и приблизили к пасти — чудовище явно собиралось перекусить его пополам. Из широко открывшейся глотки вырвалось зловонное дыхание, настолько отвратительное, что и представить трудно.

В пасти сверкнуло два огромных
клыка — колоссальные органические
клинки, готовые уже через мгновение
прервать его жизнь. Захариэль тщетно
забился в когтях, но те лишь сильнее
впились в его тело и не давали
повернуться. От злости и страха юноша
закричал, и ему представилось, как
ненависть к зверю зажигается в душе
ярким шаром неугасимой энергии.
Грозные клыки начали опускаться, и он
плюнул прямо в пасть льва.

Захариэль закрыл глаза, чтобы не
видеть смертоносного оружия, и вдруг
ощутил, как ненависть вырывается из
груды ослепительным потоком света.

И все остановилось.

Даже с закрытыми глазами он мог
видеть силуэт льва, все его кости и
внутренние органы открылись взгляду,
словно освещенные таинственным чистым
солнцем. Он видел струящуюся по телу
кровь, биение звериного сердца и потоки
нечистой энергии, давшие жизнь
страшному существу.

Изображение двигалось, но не быстрее

ползущего с гор ледника. Каждый удар
львиного сердца сопровождался глухим
раскатистым гулом, словно ударял
гигантский древний маятник. И клыки
тоже двигались, хотя Захариэлю
потребовалось несколько секунд, чтобы
понять, что они продолжают опускаться.

В теле Захариэля болел каждый
мускул, каждый сустав. Грудь пылала
огнем, и он чувствовал, как болезненный
холод просачивается в кости и как течет
сквозь него новая неведомая сила. Он
посмотрел вниз и увидел собственный
скелет и сосуды у себя под кожей.

Как он и предполагал, лапы зверя
переломали несколько ребер и их
зазубренные концы соприкасались друг с
другом под прозрачным покровом доспехов.

Захариэль поднес к груди зверя руку, и
она прошла сквозь контур тела, словно
прозрачная плоть стала не прочнее дыма.
Заметив, что все еще сжимает в руке
пистолет Аладуса, открывший его
обновленному взору все внутренние
механизмы, Захариэль мечтательно
улыбнулся.

Он приставил дуло пистолета к прозрачному сердцу зверя.

Затем открыл глаза и нажал на курок.

Необычная смерть зверя вызвала резкий скачок реальности.

Рука Захариэля так и осталась погребенной в теле льва, его латная рукавица находилась глубоко в груди, словно дополнительно вживленный орган. Челюсти чудовища захлопнулись, смертоносные клыки пробили наплечник и вонзились в плоть Захариэля.

В тот же миг грудь льва лопнула. Разрывной снаряд полыхнул огнем в глазах чудовища и разбросал по поляне обрывки плоти. Из распоротого живота вывалились дымящиеся внутренности и обрушились на Захариэля.

Тот застонал, ощутив на себе полный вес львиной туши, и прокушенное плечо вспыхнуло, как от прикосновения раскаленного железа. Каждая клеточка его тела вопила от мучительной боли, но тяжелее всего приходилось грудной клетке и слотанным ребрам.

Захариэль зажатүрлся и прикусил губу, но все же толкнул с себя тшшу, перевалив ее на бок. В легкие рванүлся воздух, но обломки ребер опять задели друг за друга, вызвав новый всплеск боли.

Клыки льва все еще не отпускали его тоспехи и плечо, и боль казалась непереносимой. Бросив пистолет, Захариэль сделал глүбoкий вдoх и завел рүки по обе стороны от огрoтнoй гoлoвы чудовища. Несмотря на то что глаза зверя уже погасли, үжасный вид поражал своей колоссальной тoщью. Захариэль понимал, что противник наверняка мертв, но все же почти oжидал, что страшные челюсти вот-вот раскроются и закончат начатое.

Надо было действовать как можно быстрее, и он с отчаянным криком решительно дернул гoлoву монстра. Острые клыки выскользнули из тела, обагрeнные его кровью. Захариэль, освободившись от смертельной хватки, откатился в сторону.

Из ран на плече хлынула кровь, и следующие несколько минут юноша потратил на то, чтобы снять

поврежденные пластины брони и очистить ужасные проколы. Затем он как можно тщательнее обработал раны снадобьями, взятými из седельной сумки растерзанного коня, и наложил тугие повязки.

Как ни странно, боль сразу утихла, но Захариэль понимал, что это лишь шок и вскоре она вернется с еще большей силой. Как только он принял все меры, чтобы помочь своему телу, он в изнеможении упал на колени и стал вспоминать, как сумел победить врага.

Что за странная сила помогла ему увидеть чудовище в таком странном свете? Было ли это следствием его недавнего путешествия по лесу, подарком встреченных Хранителей?

Или это явление относилось к каким-то темным силам?

Хранители сказали, что скверна уже коснулась его.

Было ли это проявлением скверны?

Как бы то ни было, объяснить он ничего не мог, и незнакомые способности пугали Захариэля больше, чем ярость калибанского льва. Он решил не

доискиваться до происхождения странного явления и никому о нем не рассказывать. В древности на Калибане люди сгорали на кострах и за меньшее, а Захариэль не имел ни малейшего желания окончить свои дни в пылающем пламени.

Наконец он, покачиваясь, поднялся на ноги и подобрал меч и пистолет. Согласно обычаям Оргена претендент должен был привезти со своей первой охоты какую-нибудь часть убитого противника в качестве трофея, но взрывы в животе и груди льва почти ничего не оставили от его туловища, кроме окровавленных шлетков.

Осмотрев поверженное чудовище, Захариэль понял, что может принести в Эндриаго, а потом и в Алгарух только одно — голову льва. Он поднял меч и принялся отделять голову от остатков туловища. Зазубренное механическое лезвие довольно быстро справилось с работой, поскольку теперь пластины хитиновой брони оставались неподвижными.

Наконец голова отвалилась, и

Захариэль повернулся к троне, указанной ему лесником, казалось, целую вечность назад.

Несмотря на боль и слабость от потери крови, юноша упрямо шагал по направлению к Энгуаго, тащил за собой тяжелый клыкастый трофей и улыбался.

Он воображал реакцию лорда Домизеля и Нарела. Захариэль не обижался на этих людей за их сомнения и почти полную уверенность в том, что чудовище возьмет верх. Он просто был счастлив доказать обратное. Он выполнил все условия испытания. Он убил монстра и освободил жителей Энгуаго от ужаса. И в то же время окончательно уверился в своих силах.

Он доказал свои способности. Доказал, что соответствует требованиям Оргена и достоин стать рыцарем.

Но самым важным было то, что он остался жив.

Оглядываясь на голову зверя, он испытывал всепоглощающий восторг триумфа. Он прошел через суровое суждение. Цель охоты достигнута.

Захариэль впервые в жизни чувствовал свое соответствие стандартам, которые сам себе поставил. Он никогда не поддастся самоуспокоению и всегда будет стремиться доказать собственную ценность. Он создан для испытаний, и не важно, есть у них название или нет. Всегда найдется еще одно чудовище, которое необходимо убить, еще одна битва, еще одна война.

Он не сдастся до последнего боя сердца и никогда не позволит себе колебаться. Но в тот момент он чувствовал, что заслужил право гордиться собой и своим успехом.

Захариэль покинул поляну и отправился в долгий путь к Энгриаго.

Глава 9

В Энгриаго лорд Домизель взамен растерзанной львом лошади подарил Захариэлю нового боевого скакуна. После недели так необходимого отдыха в замке плечо и ребра стали потихоньку заживать, и, как только радостные жители согласились его отпустить, Захариэль, уже способный двигаться без мучительной боли, с нетерпением отправился домой.

Учитывая тот факт, что он уже проезжал этой дорогой, хотя и в обратном направлении, Захариэль знал, какие тропы выбрать, и проделал путь до крепости-монастыря Оргена даже быстрее, чем ожидал. Через тридцать восемь дней после того, как он покинул Энгриаго, на горизонте показались башни Алдаруха. На тридцать девятый день юный воин подъехал к воротам.

Последняя часть путешествия имела для него самое большое значение. Чем ближе он подъезжал, тем сильнее

разгоралось в груди радостное волнение. Захариэлю не терпелось поскорее снова увидеться с Немуэлем и всеми остальными друзьями.

Безусловно, ему еще предстояла встреча с экзаменаторами Оргена и отчет об успехах в охоте, но при наличии такого трофея Захариэль не ждал никаких трудностей. Он предвкушал горячую дружескую встречу с товарищами, тем более что никто из них, как ему было известно, не ожидал увидеть его живым.

Сам он даже не мог представить подобного исхода. Жизнь казалась Захариэлю чудесной. И пережитые трудности и испытания только прибавляли ей еще больше радости. Он встретился в единоличной схватке с опаснейшим из хищников Калибана и выжил. И Захариэлю не терпелось поделиться своей радостью с друзьями.

Он не мог знать, насколько печальными были недели его отсутствия в Агдарүхе. Друзья считали его погибшим. И скорбели по нему.

Почти все они мысленно его

похоронили.

Тот факт, что, несмотря на все страхи и сомнения, Захариэль остался в живых, придаст его славе особый блеск в глазах ровесников, особенно тех, кто одновременно с ним вступил в ряды претендентов Оргена.

Но перед возвращением в Алдарүх Захариэль еще не знал всего этого.

— Мы все считали тебя мертвым, — возбужденно произнес Амтиас.

Парень нес в руках сундучок с немногочисленными пожитками Захариэля и, подпрыгивая от волнения, шагал следом за приятелем, в руках которого была его свернутая постель.

— Все так и думали. Все решили, что чүдовище тебя убьет. Даже поговаривали о проведении погребальной церемонии. Вот было бы забавно, правда? Вообрази, ты возвращаешься и узнаешь, что твое имя уже высечено на мемориальных плитах в катакомбах.

Первый день после возвращения Захариэля в Алдарүх уже клонился к

вечеру. Несколькоми часами ранее он проехал через главные ворота крепости и был встречен громкими возгласами и топотом. По всей видимости, слух о его приближении уже распространился по всему монастырю, поскольку за открывшимися створами он увидел громадную толпу.

Въезжая во двор, он заметил и претендентов, и рыцарей, и слуг — все собралось поздравить его с благополучным возвращением. Его появление вызвало оглушительный гомон. Этот момент окончания его первого приключения, этот момент радостного возвращения домой, когда он впервые ощутил себя равным остальным членам Ордена, навсегда останется в его памяти.

Немиэль тоже ждал его во дворе и первым бросился навстречу, чтобы заключить в крепкие объятия. Немиэль что-то торопливо говорил, его губы энергично двигались, но громогласные крики приветствий не давали разобрать ни слова.

В конце концов, когда волнение

немного улеглось, Захариэль, как положено, отпраздновал столпрителю ворот, и ему назначили время встречи с экзаменаторами Оргена. А до тех пор ему было приказано покинуть комнату претендентов. Для тех, кто прошел испытание, но еще официально не был принят в ряды рыцарей, в малолюдном крыле крепости имелось несколько специальных комнат.

— Ну вот и пришли, — сказал Захариэль, открывая дверь своего нового жилища и заглядывая внутрь.

Комната была пустой. Согласно монастырским обычаям Оргена, обстановка в ней была более чем спартанской. В углу стоял топчан для сна, но больше из мебели ничего не было, даже стула.

— Я надеюсь, они не продержат тебя здесь долго, — пробормотал остановившийся рядом Амтис.

Захариэль, уже узнав, что мастер Ратиэль доволен успехами своего воспитанника, снисходительно устехнулся.

— Какой ты счастливый, — не

утолкал Амтиас, хотя стал говорить заметно тише, почти шепотом.

--- Счастливый?! --- воскликнул Захариэль и обвел комнату взглядом. --- Не иначе как ты ослеп и не заметил, какая роскошь нас окружает! Амтиас, ты же видишь мою новую комнату --- и еще называешь меня счастливым?!

--- Я не о комнате, --- возразил Амтиас.

Устав держать сундучок, он поставил его на пол кельи.

--- Я говорил о том, что ты охотился на одного из самых опасных великих зверей. Ты прошел испытание на рыцарство. И я счастлив за тебя, правда счастлив. Ты это заслужил. Тебя станут называть сар Захариэль. Тебе предстоит участвовать в войнах и сражениях вместе с лучшими воинами Оргена, вместе с героями вроде Лютера и Льва. Мастер Ратиэль может тобой гордиться. Ты станешь рыцарем.

--- И ты тоже, малыш, --- заверил Захариэль. --- Я знаю, ожидание кажется тебе слишком долгим, но ты и не заметишь, как сам отправишься на

испытание. Осталось подождать еще год-два -- и все. Прилежно учись и настойчиво тренируйся, тогда не заметишь, как пролетит время.

-- В том-то и дело, -- покачал головой Амтиас. -- К тому времени, когда я стану достаточно взрослым, все изменится. Кампания Оргена по уничтожению великих зверей наверняка закончится. И ни одного чудовища не останется. А без великих зверей не будет никаких испытаний. Тогда невозможно станет заслужить звание рыцаря. Захариэль, ты совершил подвиг, который мне никогда не удастся повторить. Ты победил одного из великих зверей. А у меня такого шанса не будет.

При этих словах лицо Амтиаса выражало такое страстное сожаление, что, учитывая его молодость, можно было решить, будто у парня разрывается сердце. Амтиас видел будущий мир, в котором человек больше не может стать рыцарем.

Захариэль инстинктивно отвергал такое унылое представление о грядущем. Он всегда в глубине души оставался

оптимистом и идеалистом. Когда его
мысленный взор обращался к кампании
Ордена против великих зверей, он
восхищался успехами рыцарства. Он был
твердо уверен, что в недалеком будущем
исполнятся все обещания Льва и Лютера,
данные перед началом крестового похода.
Глядя вперед, он видел перед собой мир и
процветание Калибана. Видел окончание
ужасов. Видел конец страданий и нужды.
Он видел лучшее завтра.

Когда Захариэль заглядывал в
будущее, он всегда видел лучший из миров.
И это было его проклятием.

— Ты так трачно смотришь на вещи,
друг мой, — сказал Захариэль и ободряюще
улыбнулся. — Я знаю, люди каждый день
говорят, что кампания вот-вот
закончится, но, подозреваю, она проглотится
еще какое-то время. Я уверен, если убитое
мною чудовище принимать за типичный
образец, можно не сомневаться: великие
звери не собираются сдаваться. Они будут
даться за свои жизни зубами и когтями,
как и всегда это делали. Так что,
Аттиас, можешь не беспокоиться. Ты еще

застанешь время охоты на великих зверей
и успеешь стать рыцарем.

В конце комнаты было окошко,
выходящее на окраину леса, и Захариэль
ощутил, как этот вид притягивает его
взгляд.

Как часто случалось в прошлом, он и
сейчас ненадолго задумался над
свойственной природой мира. С такого
расстояния леса поражали своей грозной и
трагичной красотой. А внутри эти
живописные просторы давали приют
существом из ночных кошмаров людей,
одно из которых ему посчастливилось
убить.

Захариэль любил Калибан, но он не
был слеп к его ужасам. Временами ему
казалось, что они живут на планете,
одновременно представляющей собой и рай,
и ад. Конечно, связь с родным миром и его
лесами была крепче, чем что бы то ни
было в его жизни. Он безоговорочно любил
свой мир, несмотря на все его недостатки.

--- Ты знаешь, почему люди иногда
называют нашу крепость Скалой? ---
неожиданно спросил Захариэль.

Вид из окна, открывавший лесные просторы, вдохновлял, и Захариэлю хотелось поделиться своими чувствами с Амтиасом и отвлечь парня от мрачных мыслей.

— Это и есть название крепости Алдарүх, — ответил Амтиас. — На одном из древних диалектов оно означает «Скала Вечности». Мастер Ратиэль говорит, что так изначально называлась гора, на которой мы сейчас находимся. А потом, когда основатели Оргена решили построить здесь крепость-монастырь, они оставили имя горы и стали называть так и свой оплот.

— Это одна из причин, — пояснил Захариэль. — Но есть и другая. Подумай о названии Алдарүх, или Скала Вечности. У Оргена имеются и другие монастыри, но этот был первым. Это наш духовный дом и источник всех наших начинаний. У основатели дали крепости имя не просто так. Они точно выразили то, что хотели построить. Это место — наша твердыня, Амтиас. Это наш краеугольный камень. Упомянутая крепость, будут живы и

идеалы Оргена. Ты понимаешь, что я пытаюсь тебе сказать?

--- Думаю, да, --- кивнул Амттиас, мгновенно сосредоточившись. --- Ты говоришь о том, что и после уничтожения великих зверей Орген будет существовать и рыцарство нигде не исчезнет.

--- Правильно, --- подтвердил Захариэль. --- Так что ты сам видишь, что нет никаких поводов грустить. Если тебе этого мало, взгляни на проблему с другой стороны. Наш долг состоит в том, чтобы защищать жителей Калибана от живущих в лесах хищников. И с исчезновением великих зверей наши обязанности не изменятся. Это же Калибан. Здесь всегда найдутся какие-нибудь чудовища.

Мастер Рамизэль первым поздравил Захариэля со званием рыцаря. Наставник хотел сказать что-то еще, но множество рыцарей обступили их со всех сторон и приветствовали нового члена Оргена.

В противоположность мрачной церемонии введения в Орген, состоявшейся

многого лет назад, вступление в ряды рыцарей было отмечено с неподдельным весельем. Для любого человека такой момент имел огромное значение, и каждый был не прочь разделить торжество со своими друзьями.

Множество рыцарей бросились поздравлять своего нового товарища, и из-под капюшонов стихарей на Захариэля смотрели веселые дружеские лица.

Он еще даже не успел понять, что происходит, как первые подошедшие рыцари стали его обнимать. Неожиданно ступенный, Захариэль ощутил, что его подняли над полем, а потом усилиями дюжины рыцарей он взлетел к самому потолку, затем начал падать, но те же руки, которые его подбросили, подхватили новоиспеченного рыцаря.

Смех не утихал, и его снова подбросили в воздух. На этот раз Захариэль перевернулся и успел увидеть под собой калейдоскоп лиц. И все веселились. С некоторыми рыцарями он был знаком, но многие в его представлении оставались суровыми далекими

силуэтами.

Он заметил Льва, Лютера, лорда Символа и мастера Рамиэля, и все они отвечали на его взгляды улыбкой или смехом.

Из всех мгновений его жизни этот момент запомнился Захариэлю как самый странный и невероятный.

— Такова традиция, — со смехом пояснил ему Лютер, когда немного позже они подняли кубки с вином. — Это традиция. Мы поступаем так с каждым новичком. Эх, но самым интересным было твое лицо.

Торжество проходило в главном трапезном зале Алдаруха, и, к немалому облегчению Захариэля, рыцари вскоре перешли к более прозаичным методам празднования и перестали его подбрасывать, словно тряпичную куклу. В честь нового рыцаря был устроен торжественный обед, во время которого прозвучало немало тостов и поздравлений.

Рыцари, которых до сих пор он в основном видел только издали, теперь

зржески хлопали его по спине и называли своим братом. Захариэль не понимал, заслужил ли он такую честь, убив чудовище из Эндриаго, или подобным образом встречали всех новичков. В любом случае такая реакция на его вступление в Орден казалась ему почти чрезмерной.

Торжество взволновало его еще и тем, что проходило в столь замечательной компании. После окончания обеда, когда общее собрание разбилось на мелкие группы, его отыскал Лютер.

Он, очевидно, счел важным, чтобы Захариэль в полной мере насладился всем происходящим.

— Да, самым замечательным было твое лицо, — повторил он, все еще поспеиваясь.

Добродушный смех Лютера мгновенно прогнал остатки напряженности.

— Правда, жаль, что ты не можешь видеть себя со стороны. Сначала, когда тебя обступили, у тебя был такой вид, словно ты пытаешься тебя убить. А потом, когда до тебя дошло, что происходит, — клянусь, ты выглядел еще более

напуганным. В какой-то момент я даже подумал, что ты собираешься обмотать свои одежды. Хорошо, что этого не произошло, когда ты кудыркался в воздухе.

--- Это было так... неожиданно, --- протянул Захариэль. --- Я никак не мог подумать...

--- Что? Что у нас есть чувство юмора? --- усмехнулся Лютер.

Он поднес руку к глазам, делая вид, что вытирает навернувшиеся слезы.

--- Да, этого никто не ожидает. Поэтому и выходит так смешно. Впрочем, я не шутил, называя этот обряд традицией. Конечно, о ней не услышишь от лорда Символа или ваших наставников, но во многих отношениях обычай подбрасывать вновь посвященного рыцаря в воздух --- это такая же традиция, как и все, чему вас подвергали за все прошедшие годы. Мы называем этот обряд «невидимым трамплином». Можешь считать его противодействием для строгой церемонии первой инициации. Так мы принимаем новых членов в семью.

--- В семью?

--- В Орген, --- пояснил Лютер. ---
Вспомни, что говорил лорд Символ во
время церемонии инициации. Мы все ---
братья, а братья не могут проводить все
свое время, сидя кружком с самодовольным
видом или жалуясь на несовершенство
мира. Иногда нам требуется выпустить
пар. Мы смеется, шутим и разыгрываем
друг друга. Мы ведем себя как обычная
семья. Посмотри вокруг, Захариэль.
Каждый человек в этом зале готов с
радостью отдать за тебя жизнь, и от
тебя они ожидают того же. Калибан ---
опасное место, и многим из нас может
представиться случай пожертвовать собой
ради братьев. Но это не означает, что мы
не можем позволить себе иногда
повеселиться. Это помогает сохранить
присутствие духа. Мы все любим шутки.

--- И даже он? --- спросил Захариэль,
переводя взгляд на Льва, чьи голова и
плечи возвышались над окружающими
рыцарями.

Аура задумчивости и отчужденности
окружала этого человека, что издали было
особенно заметно. Захариэль вспомнил

разговор со Львом на смотровой площадке крепости и понял, что ощущение его обособленности в окружении людей усиливается странным образом.

— Нет, здесь ты прав, — признал Лютер. — Мой брат склонен к одиночеству. Он всегда был таким. Но это не из-за недостатка чувства юмора. Скорее, дело в обратном. Ты должен помнить, что он не только превосходный воин, он — гений. Его разум представляет собой слишком тонкий и сложный инструмент, и в юморе он проявляет себя с таким же блеском, как и во всех остальных видах деятельности. Когда брат шутит, его никто не понимает. Его шутки слишком высоки и замысловаты для наших примитивных умов. Они не попадают в цель.

Лицо Лютера при взгляде на Льва отразилось титанической грустью. Захариэль, заметив облачко печали, почувствовал, что словно нечаянно коснулся глубоко личного горя. Но теперь он яснее ощущал сильнейшую связь между Лютером и Львом, так похожую на

эмоциональную привязанность тежду нилт
и Нетиэлем.

И еще он понял, каким величием
обладает Лютер, даже если это и не
всегда очевидно для большинства
окружающих его людей. Он обладал
феноменальными талантами во многих
областях и был не только превосходным
воином и охотником, но и прирожденным
лидером. После Лиона Эль-Джонсона
Лютер был самым удачливым
истребителем великих зверей на всем
Калибане.

В любую дурную эпоху Лютера бы
считали величайшим героем своего
времени. Он давно стал неизменным
любимцем жителей Калибана,
отметивших его внутренние качества,
такие как веселый нрав и холодная
рассудочность во времена кризисов, а
также величие его замыслов. Трагедия
Лютера состояла в том, что он родился в
одно время с человеком, с которым
невозможно было сравниться. В тот день,
когда он встретил Джонсона в лесу и
решил приобщить к цивилизации, его

собственная легенда была закончена.

С того момента и до самой смерти он был обречен жить в тени Льва.

По мнению Захариэля, искренняя и непринужденная привязанность Лютера к Льву сильнее всего свидетельствовала о его высочайших качествах. Многие люди в его положении могли поддаться ревности и стараться преуменьшить успехи Джонсона. Но только не Лютер — он был совсем не таким.

С поистине братской преданностью он направил все свои усилия на то, чтобы замыслы Льва обрели всеобщую поддержку. Лютер нес такую же ответственность за кампанию по уничтожению великих зверей, как и Джонсон, но, по мере того как кампания близилась к завершению, все почести доставались не Лютеру, а Льву.

И в этом человеке Захариэль не заметил ни капли горечи, поскольку Лютер, очевидно, смирился со своей ролью в истории быть вторым после своего брата.

— Мой брат очень одаренный человек, — сказал Лютер, все еще глядя на

Льва. -- Как мне кажется, второго такого нет и никогда не было. Я даже уверен, никто из ныне живущих не может с ним сравниться. А тебе известно, что он превосходный имитатор?

-- Лев? Нет, я об этом не знал.

-- Он может воспроизвести голос любого существа на Калибане, от охотничьего крика какого-нибудь хищника до брачных песен сиринкса. А еще у него превосходный голос. Он знает все старинные песни и народные мелодии Калибана. Если бы ты услышал, как он исполняет «Леса моих отцов», на твоих глазах, несомненно, появились бы слезы. Насколько мне известно, он никогда не пробовал себя в сочинении собственной музыки, но можешь быть уверен, результаты творчества были бы потрясающими. Мой брат преуспевает в любом занятии, к которому прикладывает руки, и в этом его трагедия.

-- Какая же это трагедия? -- опешил

Захариэль. -- Как можно называть трагедией успехи во всем?

-- Ну, возможно, «трагедия» --

слишком сильно сказано, — пожал плечами Лютер, снова оборачиваясь к Захариялю. — Но ты должен помнить, что мой брат уникален. Он никогда не рассказывал о своем происхождении — для него это такая же тайна, как и для всех остальных. Можно подумать, что это не рожденный женщиной человек, как каждый из нас, а бог или полубог, сошедший на землю. Мой брат без всякой вины с его стороны обречен на одиночество. У него настолько быстрое и неординарное мышление, что даже я, хоть и знаю его уже много лет и должен бы привыкнуть к ходу его мыслей, не всегда успеваю за его рассуждениями.

Подумай, как это должно быть для него утомительно, — продолжал Лютер. — Не пойми меня превратно, мой брат любит Калибан и любит Орген. Но иногда он, вероятно, чувствует себя великаном среди пигмеев — как в физическом, так и в умственном отношении. Лорд Символ говорит, что развитие интеллекта происходит лишь при условии свободного обмена идеями между равными личностями, но моему брату нет равных.

по крайней мере на Калибане. Здесь, в
Оргене, он находит выход своей энергии,
поддержку товарищей и цель в своей
деятельности. Он ощущает нашу
привязанность. Мы все пойдем за ним
навстречу смерти, но для полноценной
жизни этого недостаточно. Мой брат
одинок, несмотря на окружающих его
друзей и последователей. На Калибане нет
никого, равного ему, и Лев остается самым
одиноким человеком во всем мире.

— Я никогда не думал о нем с этой
точки зрения, — признался Захариэль.

— Возможно, тебе и не следовало
этого делать, — сказал Лютер, качая
головой. Он взял кубок и с преувеличенной
серьезностью принялся к вину. —
Послушай, я каким-то образом утратился
превратить веселый праздник в унылую
панихиду. Придется сказать виночерпню
Оргена пару слов насчет того, какие вина
он выставляет на стол. Сегоднешние
напитки, вместо того чтобы веселить,
настраивают меня на трагиче-
ские размышления. А кроме того, оставляют во
рту неприятное послевкусие. Подумать

только, ведь я подошел к тебе с единственной целью: принести свои извинения за роль дьявола.

--- Роль дьявола?

--- Вспомни первую церемонию посвящения, когда ты еще только пришел в Орген, -- пояснил ему Лютер. -- Все это является частью обычного ритуала. Тебе задавали вопросы три экзаменатора. Уггин из них все время пытался унижить тебя и подвергнуть сомнению все качества, необходимые для обучения. Этот экзаменатор должен отыскать недостатки в любых словах или поступках претендента на рыцарское звание. Его и называют дьяволом. Конечно, чисто символически, исходя из каких-то старинных суеверий. Наверное, лорд Символ мог бы рассказать тебе об этом подробнее. А я только хотел заверить, что в моем отношении не было ничего личного, я просто исполнял ритуальную роль, вот и все. Ее исполнитель каждый раз меняется, и лишь по чистой случайности в тот раз изображать дьявола выпало мне. Я никогда не сомневался в твоих способностях.

наоборот, считаю, что ты стоишь
стать самым лучшим и достойным из нас.

Лютер, протянув руку, обхватил
ладонью предплечье Захариэля чуть
пониже локтя, и тот ответил ему таким
же рукопожатием -- традиционным для
Калибана гружеским жестом.

-- Я поздравляю тебя, сэр Захариэль, --
произнес Лютер, глядя поверх его плеча
на собравшихся рыцарей. -- А теперь мне
пора пройти по залу и переговорить еще
с несколькими рыцарями.

Перед тем как уйти, он еще раз
взглянул на Захариэля:

-- Да, если тебе когда-нибудь
понадобится совет, ты знаешь, к кому
обратиться. Не стесняйся, приходи в любое
время. Если у тебя появятся проблемы, я
всегда готов выслушать.

В тот вечер Захариэль успел
поговорить и с мастером Рамиэлем, и с
Немиэлем. Его брат, казалось, был очень
взволнован тем, что Захариэль наконец
стал одним из рыцарей Оргена. Сам
Захариэль, не испытывая особой тяги к

алкоголю, лишь изредка отхлебывал вино из своего кубка, а вот Нетиэль гораздо интенсивнее утолял свою жажду.

Пока Захариэль охотился на чудовище из Энгуаго, Нетиэль бросил вызов другому великому зверю, отправился в поход и, словно продолжая вечное соперничество с братом, вернулся в Агдарүх за неделю до возвращения Захариэля.

К тому времени, когда представилась возможность поговорить, речь Нетиэля уже стала слегка невнятной, а разум был захвачен грандиозными видениями их с Захариэлем будущего.

— Ты уже успел отличиться, братец, — произнес Нетиэль, дыша винными парами и нетвердо держась на ногах. — Мы оба отличились. Мы показали, на что способны. И это только начало. Настанет время, и мы поднимемся к самым вершинам Оргена. Ты и я, мы станем как Лютер и Лев. Мы ведь с тобой братья — и мы вместе будем изменять этот мир.

Мастер Ратиэль проявил большую

сдержанность. Выражение его лица, как и всегда, осталось для Захариэля непроницаемым. После того как Немуэль проковылял к ближайшему креслу, чтобы плюхнуться в него и тотчас заснуть, наставник подошел поздравить своего воспитанника.

— Сар Захариэль, — заговорил мастер, — мне приятно видеть тебя в нашем кругу. Но только помни: после того как человек становится рыцарем, начинается самая трудная работа. До сих пор ты был всего лишь мальчиком, стремящимся стать мужчиной и рыцарем. Теперь тебе предстоит научиться нести обе эти тяжелые ноши.

Больше Рамиэль ничего не сказал и тотчас отошел, оставив Захариэля размышлять над его словами.

Обдумывая значение высказывания наставника, Захариэль ощутил, как в его душе возрастает беспокойство, гораздо большее, чем легкая тревога, вызванная словами мастера.

Все свои силы и потыслы он направлял на то, чтобы стать рыцарем, —

и вот теперь ощущал гнетущее чувство неудовлетворения, словно бы что-то осталось незаконченным.

Он добился воплощения своей детской мечты.

Какие новые pomysлы теперь будут определять его жизнь?

Этим же вечером, чуть позже, Захариэль поговорил и с лордом Символом. Старый рыцарь, изрядно навеселе, был настроен на лирический лад и обратился к теме различий и рангов членов Оргена.

Беседа началась с обсуждения серьезности обетов, соответствующих званию рыцаря, но потом, по инициативе лорда Символа, превратилась в дискуссию об иерархии Оргена и высших чинов братства.

— Теперь многие считают, что, после того как Джонсон станет новым гроттмейстером, на должность нового лорда Символа больше всех остальных подходит мастер Рамиэль.

— Я думал, что это всего лишь слухи, — удивился Захариэль. — Но крайней

мере о том, что Лев будет
гросстейстером. Я не знал, что они
подтвердились.

--- Да ну? --- рассеянно воскликнул лорд
Символ и ступенно моргнул. После
нескольких секунд молчания его лицо
прояснилось. --- Я, кажется, слишком
разоткровенничался --- при моем
положении это непростительная ошибка.

Он вздохнул:

--- Я еще более стар, чем сам
предполагал. И нет никаких способов
заставить молодого человека позабыть о
том, что он однажды услышал. Да, ты
прав. Официального подтверждения еще
нет, но решение принято, мы просто пока
его не объявляем. Джонсон станет новым
гросстейстером, а Лютер --- его
заместителем. Что до меня, то через
пару дней я оставляю свой пост. Честно
говоря, я не имею представления, кого
выберут на мое место, но мастер
Ратизель был бы хорошим кандидатом,
как ты думаешь?

--- Очень может быть, --- согласился
Захариэль. --- Я думаю, он будет хорошим

лордом Символом.

--- Да, будет. Но все эти сведения пока еще только для твоих ушей, Захариэль. Не стоит умножать грехи старика и болтать об этом направо и налево. Это лишь поставит меня в неловкое положение и даст руководителям Оргена повод считать, что от меня надо было избавиться давным-давно. Я могу на тебя рассчитывать?

--- Абсолютно. Даю слово, что я никогда и никому не проболтаюсь о нашем разговоре.

--- Отлично, --- кивнул лорд Символ. --- Я рад видеть, что ты ценишь мое доверие.

Он долго осматривался по сторонам, наблюдая слабыми глазами за весельем и разговорами рыцарей. Затем, не прощаясь, развернулся, натереваясь покинуть собрание.

Захариэлю пришла в голову странная мысль, что лорд Символ похож на старого медведя, уходящего в чащу, чтобы потереть.

--- Орген в хороших руках, --- сказал лорд Символ, обернувшись через плечо.

перед тем как уйти. --- С такими людьми, как Джонсон, Лютер, мастер Рамиэль и молодежь вроде тебя, я уверен, братство будет процветать еще не один десяток лет. Сомневаюсь, что я сам проживу так долго, но я все равно рад. Нашему поколению пора уступить дорогу молодым, и это обычное дело. Я без страха смотрю в будущее.

Это была последняя беседа с человеком, который занимал пост лорда Символа в то время, когда Захарияль вступил в Орден. Строго говоря, он и не виделся с ним в последний раз.

Спустя несколько дней будет объявлена охота на очередного великого зверя, обитающего поблизости от одного из селений Северной Чащи под названием Брагин. Бывший лорд Символ, уже снявший с себя полномочия, обратится к правлению Ордена с прошением позволить ему принять вызов. Его желание будет удовлетворено, и старый рыцарь ранним утром, когда почти все еще будут спать, тихо покинет крепость Алдарух.

Больше его никто никогда не увидит.

Кто-то потом скажет, что он погиб, преследуя великого зверя, другие будут утверждать, что еще на подступах к Северной Чаще на него напала стая хищников, с которыми старик не смог справиться.

Истинной причины его гибели никто не узнает, но после исчезновения рыцаря в катакомбах Алдаруха ему отведут почетное место. Это будет небольшое пространство, скальная ниша полуметровой высоты и всего треть метра глубиной, вполне достаточная, чтобы поставить урну с прахом или костями старика в том случае, если его тело будет обнаружено.

И резчики Оргена высекут его имя на мемориальной скале Оргена.

Но все это в будущем. Захариэль еще не мог ничего знать, как не мог знать, что больше никогда не увидит лорда Символа, вернее, именно этого лорда Символа.

Высокая должность в Оргене будет занята другим человеком, и его личность

тоже станет тайной для окружающих.

Но всему этому еще только предстоит произойти.

А пока рыцари Ордена пили вино и веселились, и Захариэлю для полного утверждения оставалось только получить подтверждение звания рыцаря из уст Льва.

--- Этот вечер знаменателен для нас обоих, --- сказал Лев Эль-Джонсон. --- Ты стал рыцарем, а я узнал, что вскоре стану новым гросстейстером Ордена.

--- Нашим гросстейстером? --- переспросил Захариэль. Учитывая данное лорду Символу обещание, он был так удивлен, что Джонсон счел возможным сделать подобную информацию достоянием широкой общественности до официального объявления, что не находил слов. --- Я... э-э... поздравляю...

--- Захариэль, не притворяйся удивленным, --- посоветовал ему Джонсон.

Он не выглядел ни сердитым, ни разочарованным, однако увлек Захариэля в сторону от остальных рыцарей, в один из уединенных уголков большого зала. На лице

великого воина изгнали тени и отблески свечей, и Захариэль вдруг с изумлением понял, что ни разу не видел Джонсона при свете дня.

Выпитое вино делало свое дело, и веселье постепенно затихало, так что, когда Лев направился в его сторону, Захариэль понял, что его участие в праздновании близится к завершению.

— Давай не будем делать вид, что ты этого еще не знаешь, — сказал Лев. — Я нечаянно услышал часть твоего недавнего разговора с лордом Символом. Хотя я и не собирался подслушивать, но я обладаю превосходно развитыми чувствами, особенно — острым слухом, почти сверхъестественным. Я слышал, как лорд Символ ненароком раскрыл секрет. И я знаю, что тебе известно о моем назначении на пост гростейстера.

— Я прошу прощения, — пробормотал Захариэль, склоняя голову. — Я узнал об этом почти случайно. Клянусь, я бы никому не стал рассказывать...

— Все в порядке, Захариэль, — прервал его Джонсон. — Я доверяю твоей

сдержанности и знаю, что в этом нет
твоей вины. Кроме того, этот секрет уже
достаточно хорошо известен всему
Калибану. Люди часто забывают о моем
превосходном слухе. За последние несколько
дней я слышал, как не меньше трех дюжины
разных людей обсуждали мое
предполагаемое назначение, будучи
уверенными, что я нахожусь достаточно
далеко.

--- Тогда позволь тебя поздравить, мой
лорд, --- произнес Захариэль.

--- Позволяю, --- устехнулся Лев. --- У
принимаю твои поздравления, хотя с
практической точки зрения новая
должность мало что изменит в моей
жизни.

--- Гросстейстер Оргена --- это, должно
быть, очень важно, --- заметил Захариэль.

--- О, могу тебя заверить, что я с
гордостью возглавляю рыцарское братство,
хотя до сих пор, даже без титула, моя
роль была точно такой же. А как насчет
тебя? Ты ощущаешь себя по-новому, став
рыцарем?

--- Конечно.

--- У в чем же это проявляется?

Захариэль на мгновение затялся, не зная, как определить свои ощущения.

--- Я польщен и горжусь, что мой успех удостоился всеобщего признания, --- ответил он.

--- Всё это хорошо, --- сказал Лев. --- Но ты остался все тем же Захариэлем, что и раньше. Ты все тот же человек, что и до убийства калибанского льва. Ты пересек определенную черту, но это не изменило твою сущность. Не забывай об этом. Человек может украсить себя любыми званиями, но этот наряд не может изменить его личность, его сознание и его амбиции. Не важно, какой на тебя возложен громкий титул, лишь бы ты сам оставался настоящим, Захариэль. Понимаешь меня?

--- Думаю, что понимаю, мой лорд, --- ответил Захариэль.

--- Надеюсь, что так, --- кивнул Лев. --- Каждый из нас с легкостью может забыть об этом.

Лев с заговорщицким видом наклонился к уху Захариэля.

— А ты знаешь, что мы с тобой
вступили в братство, к которому больше
никто на Калибане не сможет
присоединиться?

— Как это?! — воскликнул удивленный
и смущенный Захариэль.

— Мы — единственные воины,
которым довелось победить калибанского
льва. Все остальные, пытавшиеся это
сделать, погибли. Когда-нибудь ты
расскажешь мне, как тебе удалось
добиться успеха.

Значительность победы над
чудовищем отозвалась в сердце Захариэля
заслуженной гордостью. История успеха
Джонсона в борьбе с монстром была хорошо
известна на Калибане и даже увековечена в
одном из оконных витражей Круглого
Зала, но Захариэлю ни разу еще не
приходило в голову, как именно тот
уцелел в бою с таким уникальным
чудовищем.

— Я польщен разделить с тобой
братство, мой лорд, — сказал Захариэль и
слегка поклонился.

— Это братство навсегда будет

состоят только из меня и тебя, Захариэль, -- добавил Лев. -- Других таких зверей на Калибане больше нет. Да и все остальные великие звери почти истреблены, и в нашем мире их никогда не будет. Какая-то часть моей души склонна печалиться по этому поводу. Подумай сам -- полное истребление, безвозвратное уничтожение рога.

-- Это же великие звери, они способны только убивать, так почему же мы не должны их уничтожать? Они точно так же поступили бы по отношению к нам, если бы не рыцарские братства.

-- Верно. Но почему они так поступают? Это проявление зла или просто их образ жизни?

Захариэль мысленно представил себе зверей, против которых сражался.

-- Я не знаю, являются ли они воплощением зла, но каждый раз, когда я сталкивался с ними, в их глазах было... желание убивать, а не просто животный голод. В этих зверях есть что-то... неправильное.

-- Ты очень проницателен.

Захариэль, — сказал Лев. — В этих зверях действительно есть что-то неправильное. Я не знаю, что это такое, но они совсем не похожи на других существ, таких как лошади, лисы или люди. Это какие-то отклонения, отвратительные ошибки, произошедшие от каких-то ранних форм жизни, но до сих пор не вытершие. А ты можешь себе представить, что значит быть одним из таких созданий? Угнать по жизни и знать, хотя бы на примитивном, зверином уровне, что ты совершенно один и другого такого никогда не будет. Подумай, как это должно сводить с ума. У звери перестали убивать только ради утоления голода, их собственная уникальность довела их до безумия. Поверь, Захариэль, ты делаешь им одолжение, обрывая их жизни.

Захариэль кивал и прихлебывал вино, и речь Джонсона так его увлекла, что он боялся вставить слово. В голосе лидера таилась какая-то странная меланхолия, словно он пытался уловить какие-то далекие, ускользающие воспоминания.

Но затем грусть внезапно исчезла.

как будто Лев спохватился, что слишком неосторожен.

--- Безусловно, кое-кто будет огорчен, что ты убил последнего из калибанских львов, --- сказал Джонсон. --- Например, Лютер.

--- Сар Лютер? Но почему?

Джонсон растеялся:

--- Он всегда стремился убить льва. А теперь у него не осталось ни единого шанса.

Вечеринка еще продолжалась, и она удалась на славу.

Захариэль радовался обществу других рыцарей. Ему нравилось, что он может смотреть на этих людей как на равных, и это вызывало ощущение признания и причастности. После разговора с Лионом Эль-Джонсоном он вернулся к своим товарищам, и вскоре разговор коснулся войны против Братства Волка.

Все пришли к общему мнению, что война близка к завершению и окончательный разгром мятежного ордена произойдет в самом близком будущем.

Он наслаждался превосходной едой и вином, а также выражением глаз мастера Ратиэля, не скрывавшего гордости за своего воспитанника. Но наибольшее удовольствие ему доставляла общая атмосфера праздника, поскольку юный рыцарь понимал, что в жизни человека не часто выпадают подобные моменты.

Или стоило дорожить и наслаждаться, а потом сохранить в памяти на будущее.

«Война ужасающе красива, — писал на страницах своих "Созерцаний" рыцарь, поэт и философ Ауреас. — Она в равной мере захватывает и страшит. Человек, однажды заглянувший в лицо войны, никогда ее не забудет. Война оставляет в наших душах неизгладимый шрам».

За время обучения Захариэль не раз слышал эти слова.

У его наставника, мастера Ратиэля, это изречение было одним из любимых. Старик в своих стараниях превратить группу претендентов из зеленых юнцов в рыцарей ежедневно повторял по памяти эти короткие и елкие фразы.

Цитаты стали такой же неотъемлемой частью тренировок, как стрельба по мишеням из пистолетов или учебные поединки на мечах.

Те, кто проходил обучение под руководством мастера Ратиэля, нередко говорили, что они вооружены не только традиционными для всех рыцарей

пистолетами и зубчатыми мечами, но и прекрасными словами.

И тем не менее, как бы часто ни слышал Захариэль эти слова, он никогда до конца не понимал их значения вплоть до последних дней войны против рыцарей Волка.

Он выехал из темного леса на своем боевом коне, и первым впечатлением было, что ночное небо перед решающей атакой ожило пламенем. Весь предыдущий день Захариэль приставлял за дровосеками, рубившими строевой лес для осадных машин на нижних склонах горы.

После окончания этой работы, уже в сумерках, он возвращался в лагерь, ожидая, что там все спокойно, а вместо этого обнаружил, что его товарищи, рыцари Оргена, готовятся к взятию вражеской крепости.

Далеко впереди, на горной вершине, возвышалась крепость-монастырь рыцарей Волка, окруженная высокими серыми стенами со стоявшими на них воинами, и со всех сторон ее оцепляли замкнутые концентрические линии осады рыцарей

Ордена. Сама крепость представляла собой шедевр военной архитектуры, но взгляд Захариэля приковывал к себе колоссальный огненный спектакль, разворачивающийся в небе по мере усиления артиллерийской дуэли, возникшей между двумя армиями над нейтральной землей.

Вверху разгорались сполохи пламени самых разных цветов и оттенков. Захариэль видел короткие зеленые и оранжевые штрихи трассирующих снарядов, плавные разводы багряного огня зажигательных бомб и желтые дымные шары пушечных выстрелов.

Яркий горящий гобелен закрыл все небо — Захариэль никогда не видел ничего подобного.

Зрелище показалось ему одновременно устрашающим и прекрасным.

— Ужасающая красота, — прошептал он всплывшие в памяти при виде ошеломительной расцветки неба слова Ауреаса.

Красочное зрелище казалось таким совершенным, что нетрудно было позабыть о том, какую оно представляло грозную

опасность. Те самые снаряды, что так великолепно освещали небеса, при попадании в цель несли тучения и смерть многим несчастным душам.

Бесспорно, война полна противоречий. Позже он поймет, что в этой небесной картине не было ничего необычного, но это была его первая осада — других он еще не видел. Полномасштабные войны случались на Калибане нечасто, и обучение рыцарей сводилось в основном к ближнему бою, а не к проблемам осады крепостей.

А с пришествием Льва рыцари Калибана почти не выступали друг против друга, по крайней мере не в систематических военных действиях. Обычно все конфликты, затрагивающие вопросы чести или оскорблений, решались путем обычных ритуальных поединков.

Здесь же перед глазами Захариэля разворачивался конфликт, в котором два рыцарских ордена были готовы бросить значительную часть своих сил в решающую битву, а такое происходило не в каждом столетии.

— Эй, ты! — окликнул кто-то его

сзади.

Захариэль обернулся и увидел одного из военачальников Оргена, ответственных за ведение осады. Рыцарь направлялся к нему с самым грозным видом, и из-под капюшона сверкал разгневанный взгляд.

--- Наступление вот-вот начнется. Почему ты не на позициях? Назови свое имя, сар!

--- Прошу меня извинить, мастер, --- откликнулся Захариэль, кланяясь в сечле. --- Я сар Захариэль. Я только что вернулся с нижних склонов, где следил за...

--- Захариэль? --- перебил его мастер. --- Победитель льва из Эндриаго?

--- Да, мастер.

--- Значит, ты не из-за трусости остался позади, теперь я это понимаю. К какому отряду меченосцев приписан?

--- Я должен сражаться в отряде сара Хадариэля, мастер, на западных подступах.

--- Они стенили позицию, --- сказал рыцарь и нетерпеливо ткнул в линию окопов справа от Захариэля. --- Перед атакой были передвинуты под южную

стену. Найдешь их где-то там. Оставь
своего коня по пути у конюхов и
потопишься, парень. Война не будет тебя
ждать.

— Я все понял, — ответил Захариэль
и спешился. — Благодарю тебя, мастер.

— Ты меня отблагодаришь, когда
исполнишь свой долг в сражении, —
проворчал рыцарь и отвернулся. — Дело
предстоит нелегкое. Мы слишком долго
здесь просидели, а значит, мерзавцы
Волки неплохо подготовились к
наступлению.

Он затолчал, чтобы сплюнуть, потом
снова повернулся к крепости, и на его лице
мелькнуло выражение невольного уважения.

— Если ты думаешь, что видишь
настоящую стрельбу, подожди, пока не
поступит приказ штурмовать стены.

Тем не менее, пока Захариэль пешком
пробирался к своей линии окопов,
бомбардировка заметно усилилась.
Вражеские пушки из-за дальности не
имели возможности вести прицельный
огонь по позициям Ордена, но их снаряды

напали достаточно близко, чтобы осыпаться
ближние окопы осколками.

Захариэль вскоре оказался на
передовой линии осады и тотчас услышал
пронзительный визг снарядов, а затем по
его доспехам застучала шрапнель. Броня
сделала свое дело, защитив от ранений, но
Захариэль не мог удержаться от вздоха
облегчения, когда наконец увидел над
ближайшими окопами довольное
потрепанное боевое знамя сара Хадариэля.

Он быстро спрыгнул в траншею.
Внизу было почти совсем темно, и черные
доспехи обступивших его рыцарей слабо
поблескивали отраженным светом.

— А, вот и ты, братец, — раздался
голос Нетиэля, едва Захариэль
приземлился.

Опущенная решетка шлема искажала
голос, но Захариэль безошибочно определил
настешку в словах брата.

— А я уж подумал, не счел ли ты за
лучшее вернуться домой.

— И оставить всю славу тебе? —
парировал Захариэль. — Брат, ты бы
должен знать меня лучше.

— Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь, — возразил Немуэль.

Несмотря на скрывающий лицо брата щитом, Захариэль по голосу определил, что Немуэль улыбается.

— Правда, я достаточно хорошо тебя изучил, чтобы знать, что ты запыхался, выходя в лагерь с того самого момента, как начался обстрел. И можешь меня не обманывать, слава здесь ни при чем. Это твоё чувство долга.

Немуэль большим пальцем ткнул в передний край окна и пригласил Захариэля пройти с ним.

— Угем, братец, давай посмотрим, куда заведут тебя твои идеалы.

Остальные восемь рыцарей этого отряда уже стояли у передней стенки траншеи и осматривали открытое пространство между линией осады и вражеской крепостью. Как только Захариэль приблизился, вспышки взорвавшегося снаряда осветили их короткими сполохами огня.

Все воины были одеты так же, как и сам Захариэль, и имели при себе

пистолеты и мечи с подвижными зубьями. Все носили доспехи черного цвета и стихари с капюшонами, отмеченные эмблемой Оргена -- направленным вниз мечом.

В традициях Оргена было сохранять стихари рыцарей в идеальной чистоте, но Захариэль с удивлением заметил, что воины в окне с ног до головы залепаны грязью.

-- Брат, твоя одежда слишком чистая, -- заметил обернувшийся к нему сар Хадариэль, тоже стоявший неподалеку. -- Разве тебя никто не предупредил? Лев издал приказ, по которому нам надлежит испачкать свои стихари, чтобы не представлять собой отчетливой цели для вражеских стрелков, когда начнется атака.

-- Извини, мастер, -- ответил Захариэль. -- Я ничего не знал.

-- Не расстраивайся, парень, -- пожал плечами Хадариэль. -- Теперь ты знаешь. Я бы на твоем месте поторопился. Приказ о наступлении вот-вот поступит. И тогда тебе вряд ли захочется оставаться

единственным воином в белой накидке, показавшимся в гуще ночного наступления.

Сар Хадариэль снова повернулся к крепости противника, а Захариэль поспешил последовать его совету. Расстегнув пояс, он поднял руки и стащил стихарь через голову, а потом окунул одеяние в жидкую грязь, собравшуюся на дне окопа.

— Я всегда говорил, что у тебя оригинальное мышление, — заметил Нетиэль, пока Захариэль снова натягивал теперь потемневший стихарь. — Все остальные потратили не меньше десяти минут, чтобы накидать на себя несколько горстей грязи. И только ты додумался снять одежду и достичь того же результата в течение десяти секунд. Вот только я не очень понимаю, как этот поступок согласуется с твоей склонностью обдумывать проблему со всех сторон.

— Ты просто завидуешь, что сам до этого не додумался, — так же насмешливо откликнулся Захариэль. — Если бы ты догадался первым, не сомневаюсь, ты бы объявил это величайшим достижением в

науке ведения войны с тех пор, как люди
начали разводиться боевых скакунов.

— Ну, естественно, если бы так
поступил я, это свидетельствовало бы о
работе ума, — сказал Неллиэль. — Вся
разница в том, что мои отличные идеи
рождаются в результате глубоких
размышлений и предвидения. А что
касается тебя, то это просто слепая
удача.

Они растаяли, но Захариелю
показалось, что смех был реакцией на
испытываемое обоими напряжение, а не на
юмор Неллиэля.

Это была знакомая игра,
продолжавшаяся с самого детства, когда
они во всем старались превзойти друг
друга, и в томительные минуты перед
наступлением оба рыцаря автоматически
ее продолжали.

Такие игры свойственны только
братьям.

— Они выдвигают вперед осадные
машины, — сказал Неллиэль, наблюдая за
постепенно разворачивающимся

наступлением. — Теперь уже недолго.
Скоро получили сигнал. А потом мы
покажется в самой гуще.

Словно в ответ на его слова
вражеская артиллерия удвоила усилия, и
ночное небо разгорелось еще ярче. Когда
гул выстрелов стал оглушительным,
Захариэль убедился, что Нетиэль был прав
и наступление начинается.

Впереди, на нейтральной
территории между траншеями
осаждающих и стенами вражеской
крепости, медленно поднимались по склону
три аникола. Названные так за сходство с
калибанским животным, которое
скрывалось от хищников в броне,
напоминающей скорлупу ореха, они
представляли собой укрытие на колесах,
снабженное мощной броней, для защиты
находящихся внутри людей от вражеских
снарядов. Передвигающийся только лишь
усилиями дюжины спрятанных внутри
воинов, аникол был невероятно
медлительным и грозоподобным
сооружением, используемым при осадах.

Единственное его преимущество —

способность отражать снаряды — давало
возможность экипажу подобраться
достаточно близко к вражеским стенам,
чтобы заложить взрывчатку и пробить
бреши. Но крайней мере так утверждала
теория.

Захариэль внимательно следил за
продвижением аниколов, как вдруг из
крепости протянулась яркая дуга и снаряд
пробил броню передового аникола. В один
момент осадное оружие исчезло,
поглощенное колоссальным взрывом.

— Удачный выстрел, — заметил
Немиэль, отводя взгляд от ножен на поясе
Захариэля. — Вероятно, они случайно
угодили в самую слабую точку корпуса. Но
остальные два им пробить не удастся.
Хотя бы один наверняка доберется до
цели. Вот тогда настанет наша очередь.
На южную стену крепости нацелен
основной удар атаки. Как только аникол
проломит стену, мы первыми сможем
воспользоваться этим преимуществом.

— Все яйца в одну корзину, — произнес
Захариэль.

— Нет, далеко не так, — возразил

Немиэль, качнуv головой. -- В то же самое время у восточной, западной и северной стен начнутся отвлекающие маневры, чтобы разделить силы рыцарей Волка и лишить их резервов. Но это еще не самая большая хитрость.

-- А в чем состоит самая большая хитрость?

-- Чтобы сильнее запутать врага, отвлекающие атаки будут отличаться от главного наступления. У восточной стены используют осадные башни, а у западной -- крючья и приставные лестницы.

-- Умно, -- кивнул Захариэль. -- Им ни за что не определить, где намечено главное наступление.

-- И это еще не все, -- продолжил Немиэль. -- Угадай, кто будет возглавлять атаку на ворота в северной стене?

-- Кто?

-- Лион Эль-Джонсон, -- ответил Немиэль.

-- Серьезно?

-- Абсолютно серьезно.

Оба все еще продолжали следить за медленным продвижением двух оставшихся аниколов.

--- Мне не верится, что Лев поведет нападение на северные ворота. Это ведь всего лишь отвлекающий маневр, а ему надлежит возглавлять атаку.

--- В этом-то и состоит главная идея, --- сказал Нелуэль. --- Когда рыцари Волка увидят его на северной стороне, они решат, что это и есть главное направление. Основные силы будут сосредоточены на том участке, поэтому атака получит грандиозное преимущество.

--- И все же это огромный риск, --- все еще сомневался Захариэль. --- Без участия Льва кампания против великих зверей ни за что не состоялась бы. И он возвышается над остальными воинами Калибана поменьшей мере на две головы. Даже если вражеские снайперы его не обнаружат, северное наступление может захлебнуться из-за численного перевеса противника. Вряд ли Орген переживет утрату Льва. А может, и весь Калибан.

--- Скорее всего, те же самые возражения высказывались на военном совете, когда Лев изложил свой план, --- прошептал Нелмиэль, придвинувшись к самому уху Захариэля. Но, как ни старался он говорить тише, братьям приходилось кричать, чтобы быть услышанными на фоне непрекращающейся стрельбы. --- Говорят, что больше всех противился сар Лютер. Джонсон предложил ему возглавить главное наступление, но сначала Лютер стал отказываться. Он сказал, что не для того все последние годы сражался плечом к плечу со Львом, чтобы сейчас позволить ему в одиночестве участвовать в самом опасном сражении. Он настаивал, что его место, как и всегда, рядом, пока смерть не заберет их обоих. «Если ты, Лев, погибнешь, значит, и я погибну вместе с тобой» --- вот как сказал Лютер.

--- Ну, теперь я точно знаю, что ты все это выдумал, --- перебил его Захариэль. --- Как ты можешь знать, что сказал сар Лютер? Тебя же там не было. Ты просто повторяешь чьи-то разговоры и

слишком сильно их приукрашиваешь. Все это только лагерные слухи.

— Да, лагерные слухи, — согласился Нетиэль. — Но из надежного источника. Я слышал это от Вараэля. Знаешь его? Он тоже учился у мастера Ратиэля, только годом раньше нас. А он обо всем узнал от Целтуса, который подслушал разговор сенешалей, знакомых с человеком, который присутствовал на совете, когда все это произошло. Они говорили, что между Львом и Лютером разгорелся жаркий спор, но в конце концов Лютер уступил желанию Льва.

— Я почти жалею, что он это сделал, — сказал Захариэль. — Не пойми меня превратно, Лютер — великий воин, но когда я узнал, что буду участвовать в штурме крепости, то надеялся сражаться под знаменем Льва. Он всех вокруг заражает своей энергией, и нет более высокой чести, чем идти в бой с ним рядом. Я надеялся, что сегодня так и случится.

— Не расстраивайся, братец, всегда остается завтра, — успокоил Нетиэль. —

Сеперь мы — рыцари Калибана, а поход против великих зверей еще не закончен, не говоря уже о войне с Братством Волка. Рано или поздно нам выпадет шанс сражаться рядом с лордом Джонсоном.

Тем временем команды аниколов на нейтральной полосе уже установили заряды и подожгли фитили, а потому спешно покинули свои укрытия и бросились к траншеям.

Появление на открытом пространстве бойцов противника вызвало усиленный огонь артиллерии, и Захариэль увидел, что по пути к безопасным окопам полегло около половины людей. А сам он в ожидании взрыва невольно съехался у стены траншеи.

Результат превзошел все его ожидания.

Двойной взрыв на несколько мгновений заглушил остальные звуки, земля под ногами вздрогнула, и оба аникола, оставленные у стены крепости, исчезли среди взметнувшихся языков пламени. Когда рассеялся дым и улеглась поднятая в воздух грязь, стало ясно, что аниколы

выполнили свое дело.

Наружная стена крепости почернела и треснула в двух местах. Один участок все же устоял, а второй после взрыва обвалился, открыв брешь.

— Приготовить оружие, — приказал Хадариэль своим воинам. — Мечи наголо — и хватит прятаться в безопасности. Никакой пощады врагам. Это не турнир и не соревнование. Это война. Или мы возьмем крепость, или погибнем — третьего не дано.

— Ну вот, брат, — заговорил Нетиэль, — пришло время испытать твой необычный меч.

Захариэль кивнул, не обращая внимания на плохо скрытую зависть, промелькнувшую в голосе брата при упоминании о мече. Он инстинктивно коснулся ладонью оружия. Эфес и гарда не представляли собой ничего примечательного — простой металл и кожаная навивка на бронзовом навершии, а вот лезвие... Лезвие было особенным.

По приказанию лорда Джонсона оружейники Оргена взяли один из клыков

убитого Захариэлем льва и сделали из него меч. Клинок отливал перламутрово-белым цветом, словно бивень, а его кромка была такой острой, что с одного удара рассекала и дерево, и металл. Меч получился глиной в руку Захариэля, то есть короче обычных мечей, но недостаток размера с лихвой восполнялся превосходными качествами.

Перед походом к крепости рыцарей Волка Лев лично преподнес это оружие Захариэлю, и теперь каждый раз, обнажая меч, тот вспоминал о братстве, в котором состоял лишь с гроссмейстером Ордена и о котором Джонсон говорил в торжественный вечер после посвящения.

Лютер и остальные рыцари поздравили его, но Захариэль не мог не заметить завистливого взгляда Немуэля.

Наконец прозвучал гонг из рогасиринкса — долгий протяжный звук призывал рыцарей на поле боя, и Захариэль обнажил меч под восхищенными взглядами товарищей по отряду.

— Вот и сигнал! — воскликнул Захариэль. — В атаку! В атаку! Вперед!

За Льва и Лютера! За честь Ордена!

Десятки рыцарей вокруг них уже покидали свои укрытия и устремлялись вперед. Захариэль услышал, как сотни голосов подхватили боевой клич Хадариэля, и окопы мгновенно опустели, а воины побежали к вражеской крепости.

В тот момент, когда он перепрыгивал через передний край траншеи, Захариэль услышал в общем хоре и собственный голос.

--- Ты хотел творить историю, ---
закричал бегущий рядом Нелмиэль. ---
Сегодня нам представился такой шанс!

Затем и Нелмиэль присоединился к общему выкрику, гремевшему на нейтральной полосе.

--- За Льва! За Лютера! За Орден!

И все вместе они устремились к пролому.

Но прошедши времени летописцы Ордена занесут этот день в анналы как поворотный момент в истории Калибана. Разгром рыцарей Волка будет назван подвигом во имя прогресса человечества.

Мудрость Лиона Эль-Джонсона будет высоко оценена, как и отвага Лютера. Летописцы прославят белые стихари рыцарей Ордена и то, как они сверкали под лунными лучами, когда воины, пренебрегая опасностью, устремились на штурм вражеской крепости.

На самом деле все происходило немого иначе.

Захариэль впервые попробовал вкус войны, впервые участвовал в массовом столкновении двух противостоящих армий в бою не на жизнь, а на смерть. У Захариэля боялся. Но пугала его не смерть. Жизнь на Калибане всегда представляла опасность, и это развивало в душах его сынов склонность к фатализму. Его с самого детства учили, что жизнь имеет ограниченный ресурс и в любой момент может быть прервана. К восьми годам он несколько раз сталкивался со смертью. При обучении в Ордене уже после первого года от претендентов требовалось умение пользоваться настоящим оружием и боеприпасами.

Частью тренировок была и охота на разных лесных зверей, включая пещерных медведей, мечезубов, стертокрылов и других хищников. Под конец обучения, чтобы доказать свою зрелость, он прошел самую сложную проверку боевого мастерства, победив одного из опаснейших хищников, калибанского льва.

Он сразился с великим зверем и победил его, заслужив звание рыцаря.

Но война сильно отличалась от всех прежних боев.

Когда охотник преследовал зверя, независимо от его статуса, этого представлялось своего рода дуэлью, взаимным испытанием сил, опыта и хитрости человека и хищника. В подобном случае Захариэль хорошо знал своего противника. Война, напротив, оказалась совершенно безликой.

По пути к вражеской крепости, в строю со своими товарищами-рыцарями, Захариэль понял, что может погибнуть на поле боя, так и не увидев своего убийцу.

Он может умереть и даже не узнать лица своего врага.

Это казалось ему странным, и именно это отличало войну от охоты.

Он всегда предполагал, что погибнет лицом к лицу со своим убийцей, будь то великий зверь, какой-нибудь другой хищник или даже рыцарь. Возможность умереть от снаряда, пущенного неизвестным противником, была страшна.

Едва не лишившись присутствия духа, Захариэль на мгновение ощутил, как ужас ледяными пальцами стиснул сердце.

Но он не собирался поддаться. Он был сыном Калибана. Он был рыцарем Ордена. Он был человеком и испытывал страх, но не отступал перед ним. В программу обучения рыцарей входили и ментальные упражнения для укрепления духа в критических ситуациях. У Захариэля обратился к ним.

Он стал вспоминать цитаты из «Узречений», книги, лежавшей в основе всех учений Ордена. Он вспомнил мастера Ратиэля, его прямой взгляд, казалось проникающий во все потаенные уголки души. Он представил себе, как разочаровался бы пожилой рыцарь, если бы

услышал, что Захариэль уклонился от исполнения своего долга.

Время от времени Захариэлю казалось, что вершиной человеческой храбрости является способность просто переставлять ноги и продолжать двигаться в одном направлении, когда каждая клеточка его тела требует развернуться и бежать в другую сторону.

Даже на бегу к пролому во вражеской стене Захариэль видел, как зажигательные снаряды, плюясь огнем, падали с неба и взрывались в гуще наступающих рыцарей. Он слышал крики и пронзительные вопли раненых и умирающих, заглушавшие весь остальной грохот. Он видел, как воины, объятые пламенем, катались по земле и тщетно размахивали руками, а потом исчезали из поля его зрения, чтобы за его пределами встретить смерть.

По словам оружейников, каждый комплект доспехов когда-то был способен уберечь рыцаря от любого воздействия окружающей среды, но те дни давно миновали. При достаточно близком взрыве

зажигательного снаряда от жаркого
пламени, проникающего через броню,
неизбежно грозила мучительная гибель.

Десятки рыцарей уже нашли свою
смерть.

Еще больше воинов кричали от боли и
падали с тяжелыми ранениями.

Наступление затеделось.

Усеянный телами и обломками стены склон раскалился от огня и ярости воинов. Пелену дыма разрывали бесконечные пули, и Захариэль слышал, как они стучат по стальным пластинам рыцарской брони. Воздух гудел от жужжания и воя летящих снарядов.

Мастера объясняли Захариэлю, как по звуку пули можно определить ее тип и близость, но в общем грохоте стрельбы и шуме ревущего пламени он так и не смог вспомнить ни одного из этих уроков.

Он карабкался по обломкам разбитых каменных, строительных плит, сбитых взрывами, и грудам земли, которой были засыпаны промежутки между стенами. Там, то здесь мелькали исковерканные тела врагов и мертвых рыцарей в разбитых доспехах.

Выстрел из крепости угодил ему в плечник, и Захариэль на мгновение потерял равновесие, но быстро оправился от удара и продолжал путь. Неттиэль был

рыгодом и лез вверх с отчаянным упорством, желая первым добраться до вершины. Летящие оттуда пули выбивали фонтанчики грязи, а падающие снаряды оставляли в воздухе дыльные закрученные хвосты.

В сплошном чагу Захариэль с трудом различал лишь силуэты врагов и вспышки их выстрелов. Много рыцарей уже погибло, но и в живых тоже оставалось немало, и они упорно преодолевали загадительный огонь и продолжали подниматься к пролому, чтобы схватиться с рыцарями Волка.

Страх смерти в этих адских развалинах был силен, но еще сильнее Захариэль опасался, что его первая битва за Орген может оказаться и последней. Он так сильно старался и боролся, чтобы достигь своей цели, что совершенно не хотел обрести бесславный конец в этой заваленной обломками и полной дыма расщелине.

Неч в руке затруднял подъем, но перспектива добраться до самого верха и встретить врага без оружия казалась ему

неприемлемой. Груда земли осыпалась под его ногами, и Захариэль уцепился за глыбу, чтобы не упасть, как вдруг над головой раздалось «Бам!», как будто деревянная дубинка ударила по камню.

Он поднял голову, заметил за пеленой дыма падающую тень, издававшую густой гребежжащий звук, и сразу понял, что это такое.

--- Ложись! --- закричал Захариэль. --- Ложись! Мина!

--- Нет! --- раздался другой голос, звучащий более убедительно. --- Продолжать движение!

Захариэль, обернувшись, увидел, что в центре пролома стоит сар Лютер, а пули и снаряды пролетают мимо, словно боясь к нему прикоснуться. Его рука была поднята, и Захариэль догадался, что рыцарь целится куда-то вверх.

Пистолет Лютера рывкнул, и очередь разрывных пуль унеслась ввысь ослепительно-белой вспышкой огня. Затем раздался оглушительный взрыв, и на рыцарей Ордена обрушился град осколков.

Сар Лютер посмотрел в сторону

Захаруэля.

--- Наверх! Все наверх! Скорее!

Захариэль прыгнул вперед, словно слова воздействовали пряником на его нервную систему. Он карабкался по склону, как будто по пятам гналась стая калибанских львов. Остальные рыцари отряда и все, кто находился поблизости, последовали его примеру. Слова Лютера заставили каждого воина стараться изо всех сил.

Впереди мелькнул силуэт Немуэля, и Захариэль, позабыв про свои страхи и опасность, удвоил усилия. Обстрел из крепости усилился, и он ощутил несколько жгущих укусов пуль, но не настолько серьезных, чтобы затормозить его подъем. Захариэль на ходу оглянулся посмотреть, сколько рыцарей идут следом.

Красные края боевого знамени Ордена обуглились и почернели, полотнище было пробито пулями, но по-прежнему трепетало в воздухе, и благодаря ему воины шли вперед, невзирая на боль и грозящую смерть.

Развевающееся зная над

благородными рыцарями Ордена наполнило сердце Захариэля гордостью, и он снова сосредоточил внимание на подвиге.

Он спешил вслед за Лютером, но тот уже, опережая остальных воинов, входил в пролом, шагая с непостижимой скоростью и отвагой. Казалось, ноги Лютера не касаются обломков камней, поступь была такой уверенной, словно он маршировал по парадному плацу, а не пробирался по заваленному камнями склону.

Все рыцари вокруг пытались следовать его примеру. Захариэль сделал еще одно усилие, нырнул в полосу дыма и вдруг ощутил, что склон стал более пологим. Из чага стали проступать чьи-то тени, раздался пронзительный вой, от которого кровь стыла в жилах. Рыцари Братства Волка бросились на атакующих, не переставая испускать свой особый военный клич.

Рыцарей Волка, бесстрашных воинов в волчьих шкурах и с клыками на доспехах, было не так уж и много, но каждый из них являл собой грозного противника, каждый был воспитан не только для поиска знаний,

но и для битвы.

Захариэль уклонился от размахистого выпада боевого топора, тотчас нанес ответный удар мечом, и его клинок рассек броню противника, словно намокший пергамент. Человек с диким криком согнулся пополам, из раны в животе хлынула кровь. Захариэль рывком освободил меч и выхватил подаренный братом Амадисом пистолет.

Вокруг него царил хаос, рыцари Оргена и воины Братства Волка сошлись в ближнем бою под рев цепных клинков и грохот выстрелов. Захариэль, на ходу налянув из пистолета и нанося удары мечом, ринулся в самую гущу сражения, пытаясь пробиться сквозь толпу воинов ближе к Лютеру.

Немиэль тоже расчищал себе путь и разил врагов, больше, однако, за счет грубой силы и адреналина, чем мастерства. Рыцари Оргена постепенно начали теснить защитников стен, и Захариэль вдруг подумал о наступлениях на остальных участках осады.

А может быть, Лев уже овладел

северными воротами крепости?

А вдруг осадные башни уже опрокинули защитников восточной стены или воины при помощи крючьев и лестниц в этот момент взобрались на западный участок? При столь тщательно разработанном Львом плане все было возможно.

И возможно, битва уже выиграна.

Внезапно по его доспехам заскрежетал меч, зубья начали взрывать металл, но затем соскочили, и клинок скользнул вверх, к шлему. Захариэль дернулся назад, вражеское оружие рассекло забрало и едва не задело лицо.

Он ужаснулся своей невнимательности и отчаянно затахал мечом перед собой, выигрывая несколько мгновений, чтобы сорвать остатки шлема с головы и окончательно прийти в себя. Рыцарь в серых доспехах и серебристом шлеме в форме головы волка, закрывающем лицо, легко уклонился от ударов Захариэля.

Захариэль тряхнул головой, прогоняя шок от полученного удара, но его

противник уже опять перешел в наступление. Цепной клинок описал широкую дугу, опускаясь к его шее, и Захариэль, шагнув вперед, поднял меч, встречая выпад классическим блоком. Еще не закончив движения, он понял свою ошибку: враг намеренно вынудил его уйти в защиту, применив обманную тактику. Меч рыцаря Волка, казалось, изогнулся в воздухе, и лезвие угрожало незащищенной шее юноши уже сбоку. Захариэль резко отпрянул, и клинок не достал до его горла всего на палец.

Не удержав равновесия, Захариэль шлепнулся в грязь, и рыцарь шагнул вперед, намереваясь нанести решающий удар, однако тот сумел откатиться и одновременно взмахнул мечом над самой землей. Его острый клинок легко рассек обе ноги рыцаря на уровне голени, и противник рухнул, словно подрубленное дерево.

Раненый завопил от боли, кровь из рубцов забила фонтанами, окрасив грязь аллой струей, а Захариэль, поднявшись на ноги, выпустил пару пуль в голову врага, избавляя того от дальнейших страданий.

После этого он секунду помедлил, оценивая исход боя.

Рыцари Ордена хлынули в проем и, расходясь вдоль стены, уничтожали всех, кто вставал у них на пути. Пока рыцари Волка прикрывали подступы к крепости под защитой укреплений, их малое количество не играло особой роли, но теперь рыцари Ордена ворвались внутрь, и численный перевес решал исход битвы.

Из немногих книг, прочитанных Захариэлем о ведении осад, следовало, что это почти всегда долгое и изматывающее мероприятие с частыми, но мелкими стычками, заканчивающееся обычно одним решающим сражением, коротким, но кровопролитным и ожесточенным.

Сейчас, как понимал Захариэль, шло как раз это финальное сражение. Вне зависимости от успеха вспомогательных наступлений воины Ордена прорвали оборону крепости, и теперь ничто не могло остановить их на пути к полной победе.

Но рыцари Волка, по всей вероятности, придерживались иного

нения и были решительно настроены сражаться до последнего воина, чем только прогляли свои мучения.

--- Захариэль! --- раздался голос снизу.

Посмотрев в том направлении, юноша увидел окутанного дымом Лютера, звавшего его к себе.

--- Спускайся, если ты там закончил.

Захариэль мгновенно подчинился и короткими прыжками стал спускаться по осыпи обломков во внутренний двор крепости. Теперь, когда с наружной стены уже ничто не угрожало, пришло время очистить крепость от ее последних защитников.

--- Восстановите строй, мы идем к воротам внутренней ограды, к замку, ---скомандовал Лютер. --- Противник укрылся там, так что будьте настороже! Братству Волка пришел конец, и его рыцари будут сражаться с яростью загнанных в угол хищников. Внимательно следите за флангами и остерегайтесь засады. Продолжаем двигаться вперед! Пошли!

Среди собравшихся рыцарей Ордена

Захариэль отыскал Нетиэля и улыбнулся, убедившись, что его брат цел и невредим.

--- Мы это сделали! --- воскликнул он.

--- Я первым поднялся в пролом, --- крикнул Нетиэль. --- Даже раньше, чем сар Лютер! За это я получу собственное знамя!

--- Вот что значит думать и о славе, --- заметил Захариэль, занимая свое место в строю рядом с рыцарями Хадариэля.

--- Кто-то должен думать и о славе, --- отрезал Нетиэль. --- Не могут же все полнить только о долге, не так ли?

Из их группы в живых остались только три рыцаря, и Захариэль порадовался за Амтиаса и Элиата, которые еще не удостоились рыцарского звания, а потому были избавлены от ужасов штурма. Сар Хадариэль добродетельно кивнул Захариэлю и Нетиэлю, приветствуя их в строю.

--- Хорошая работа, и я рад, что вы остались живы, --- произнес заслуженный ветеран. --- А теперь пора закончить начатое дело.

Наконец и большое знамя поднялось и

проплыло в пролом стены. Ткань флага в процессе сражения пострадала еще больше, но это, как ни странно, ничуть не уменьшило его величия, словно полученные при штурме стены шрамы только добавили ему торжественности. До сих пор Захариэлю еще не приходилось сражаться под знаменем Ордена, но теперь, видя рядом с собой благородный символ рыцарского братства, он ощущал такой сильный прилив гордости, какого не чувствовал еще ни разу.

Зная нельзя было назвать просто значком, отличающим один орден от другого, оно символизировало главные идеи Ордена: отвагу, честь, благородство и справедливость; сражаться под ним означало нечто особенное и очень важное.

--- Правильно! --- воскликнул Лютер, указывая на отбитые у врага артиллерийские позиции на стенах. --- Готовьтесь, мы сейчас идем!

Захариэль проследил за жестом Лютера и увидел, что мастера Ордена развернули пушки, которые еще недавно обстреливали наступающих воинов, в

сторону внутренней ограды затка.

Лютер резко опустил руку, и пушки по его команде выстрелили короткими оглушительным залпом. Бастион окутался облаками угушливого дыма, в воздухе разнесся скрежет разрываемого металла и рев пламени.

Огонь взметнулся и наг воротами внутренней ограды, обломки камня и бревен поднялись высоко в небо.

--- Вперед! --- приказал Лютер, и рыцари Оргена без промедления выполнили его команду.

Лавина воинов в бронированных доспехах хлынула к обломкам внутренней стены, еще закрытой от взглядов клубами дыма. Навстречу им опять раздался выстрелы, но, по всей видимости, основные силы рыцарей Волка были сосредоточены на внешнем кольце обороны, и обстрел стал намного слабее.

Кто-то из рыцарей упал, но после кошмарного штурма наружной стены этот марш показался Захариэлю гораздо легче. Шум --- топот множества ног, крики, грохот пушечных выстрелов, треск

пистолетной стрельбы, стук
разлетающихся камней и вопли раненых —
по-прежнему оглушал. Все звуки сливались
в непрекращающийся гул, который
Захариэль навсегда запомнит как музыку
войны.

Густая пелена дыма от разбитых
стен накрыла отряд рыцарей, и Захариэль
снова показалось, что он идет в
наступление совершенно один. Сернистый
привкус сгоревшего пороха мгновенно
наполнил рот, глаза защищало до слез.

Впереди показались огни пожара, и
Захариэль заметил, что степень
разрушения внутренних ворот была более
значительной, чем он предполагал. От
массивных створок почти ничего не
осталось — лишь рваная дыра в стене и
жалкие куски дерева на искореженных
железных петлях.

— За Льва и за Орген! — закричал
Лютер и побежал вперед, перепрыгивая
через груды обломков, оставшихся от
ворот.

Вслед за ним и Захариэль с
Немиэлем пробрались сквозь завалы

горящего дерева и миновали разбитые ворота. Пространство, прилегающее к замку, оказалось настолько необычным, что Захариэль никак не мог соотнести увиденное ни с одним примером военной архитектуры.

Вокруг высокого, похожего на башню замка стояли ряды клеток, и каждая из них была настолько огромной, что могла вместить коней рыцарского отряда.

На земле между ними располагалась целая система брусьев и рычагов, а также цепей, тянувшихся к приподнятой над землей платформе у самых дверей замка.

Некоторые из клеток стояли пустыми, остальные были заняты, и их обитатели повергли Захариэля в шок. Несмотря на то что глаза еще слезились от дыма, он сумел рассмотреть сквозь прутья множество ужасных чудовищ: крылатых рептилий вроде той, с которой ему впервые довелось сразиться, хитерических монстров, казалось состоявших из одних щупальцев и когтей, воющих созданий с множеством голов и торчащими во все стороны шипами и

зребняти.

Весь двор вокруг замка был превращен в настоящий зверинец, и каждый его обитатель был единственным в своем роде, оставленным в живых ради неведомых целей. Великие звери бросались на стены своих клеток, ревели, рычали и выли, заглушая даже шум битвы.

Вдоль ограды замка развернутым строем с мечами и пистолетами наготове стояли около сотни рыцарей в серых доспехах и накидках из волчьих шкур. Лорд Сартана находился в самом центре, на высокой платформе, рядом с ним еще один рыцарь, державший в руках шлем гростейстера.

При виде жуткой коллекции зверей рыцари Оргена заметили шаги. Сами они не думали о том, что нашлись люди, да еще и рыцари, которые осмелились пойтать и сохранить жизнь всем этим отвратительным существам, внушала им неописуемый ужас.

Лорд Сартана заговорил, и Захариэлю показалось, что грохот боя затих, но случилось ли так в силу

братничности ситуации или боевые действия стали менее интенсивными, он так и не понял.

--- Рыцари Ордена! --- обратился к ним лорд Сармана. --- Это наша земля и наша крепость. Вам здесь совсем не рады. Вас никогда сюда не звали. Единственное, что еще могло сохранить наш мир, прекратило свое существование.

Гросстейстер Братства Волка взялся за глинный железный рычаг, связанный с системой блоков и противовесов с цепями и балками вокруг клеток.

--- А потому вы все утрете, --- закончил Сармана --- и потянул.

Он еще не закончил свои действия, а Захариэль уже понял, что должно произойти.

Раздался металлический скрежет, противовесы опустились, деревянные брусья выскользнули из замков --- и двери клеток распахнулись.

Звери с яростным ревом вырвались на свободу, свирепо размахивая

разнообразными конечностями. Сколько времени провели они в заключении и повлияло ли это на их злобный нрав, навеки осталось неизвестным.

Захариэль оказался втянутым в смертельную схватку с огромным, похожим на медведя существом с густой шерстью, шипов, витыми рогами и страшными клыками. Неллиэль вместе с остатками отряда Хазариэля сражался с ним рядом.

На рыцарей Оргена обрушили свою ярость не менее дюжины других монстров, расшвыривая во все стороны уже мертвые тела. Двор замка огласился звуками боя, но это не было благородным поединком на мечах и пистолетах, ведущимся по священным традициям и обычаям правил. Кровавая и ожесточенная битва велась не ради высоких идеалов, а лишь ради сохранения собственной жизни. Несмотря на то что рыцари значительно превосходили чудовищ количеством, зверей никто не заботил тот факт, что в конце концов они будут уничтожены. Им представился шанс отомстить людям за

свое пленение, а эти ли рыцари заперли их в клетках или другие, не имело никакого значения.

Медведь-монстр грозно зарычал и массивной лапой ударил сара Хадариэля в грудь так, что доспехи воина треснули, словно бумажные, а сам он взлетел в воздух. Нетиэль бросился в атаку и сумел провести рубящий удар в живот чудовища, очевидно намереваясь нанести смертельную рану.

Однако крепкие шины выдержали удар, и меч не смог пробиться сквозь их густую щетину. Пистолетные пули оставляли на груди монстра кровавые вмятины, однако медведь, как и другие великие звери, выведенные Захариэлем, вероятно, не чувствовал боли.

Пока взгляд маленьких глаз чудовища был сосредоточен на Нетиэле, Захариэль подобрался к нему сбоку.

Монстр снова затахнулся лапой, но Нетиэль оказался проворнее Хадариэля и успел перекатиться по земле, не переставая стрелять из пистолета. Захариэль рванулся вперед и, схватив меч

обеими руками, что было сил ударил чудовище сзади по лапам, надеясь, что именно там находятся сухожилия.

Его меч легко прошел сквозь слой шипов и глубоко рассек мышцы. Медведь оглушительно взвыл и припал на бок, из широкой раны хлынула черная кровь. Зверь запрокинул голову и продолжал выть, размахивая мускулистыми передними лапами, чтобы сохранить равновесие.

— Быстрее! — крикнул Захариэль остальным воинам, собравшимся вокруг медведя, и вонзил меч меж ребер монстра.

Клинок вошел в тело по самый эфес, однако судорожное сокращение мышц оказалось настолько сильным, что оружие буквально вырвало из руки Захариэля.

Когтистая лапа взметнулась над его головой, но задела только вскользь и отшвырнула на прутья ближайшей клетки. Снова затрещали пушечные выстрелы, засверкали мечи. Собратья Захариэля медленно, но уверенно удерживали верх над чудовищем.

Раненая задняя лапа совсем отказалась ему служить, и рыцари легко

могли уклониться от ударов, хотя и
приблизились почти вплотную, посылая
разрывные пули в грудь и голову
чудовищного медведя. Рев монстра
постепенно слабел, и наконец зверь взвыл в
последний раз и рухнул вперед, а из
оскаленной пасти вытек ручеек крови.

Захариэль отошел от клетки и
покинул взглядом поле боя. Десятки
рыцарей лежали на земле, разорванные
клыками или убитые ударами лап,
несколько великих зверей еще продолжали
сражение. Из-за стены тоже доносились
звуки битвы, и Захариэль различил боевой
крик рыцарей Ордена, звенящий со всех
сторон затка и означавший, что сражение
выиграно. Умела ли атака на южном
участке решающее значение или нет, но,
по всей видимости, наступления на
каждом участке достигли своей цели.

Захариэль подбежал выдернуть свой
меч, до сих пор торчавший из груди
убитого или чудовища. Чтобы вытащить
зжатый мускулами клинок, ему пришлось
упереться ногой в тушу.

— Нам достался крепкий противник.

правда, братец?! -- воскликнул Нетиэль, поставив ногу на спину чудовища.

-- Точно, -- ответил Захариэль, вытирая лезвие о грубую шерсть монстра.

-- Как ты думаешь, зачем их здесь держали?

-- Представления не имею, -- ответил Захариэль. -- Хотя теперь понятно, почему они никак не хотели допускать нас в Северную Чашу.

-- И почему же?

-- Эта крепость стала бы перевалочным пунктом для всех рыцарей, отправлявшихся вглубь леса, -- объяснил Захариэль. -- А они не могли впустить нас, раз здесь находились великие звери.

-- Ты думаешь, именно из-за этого лорд Сартана не пожелал участвовать в объявленной лордом Джонсоном охоте?

-- Возможно, хотя мне до сих пор непонятно, как кому-то могло прийти в голову держать в затке чудовищ.

-- И мне тоже, -- поддержал Нетиэль. -- Однако пора идти. Придется убить еще несколько чудовищ, прежде чем двигаться дальше.

Захариэль кивнул, и оба бросились в бой, еще кипевший вокруг.

Еще полдюжины зверей продолжали битву, но почти все были при последнем издыхании, а рыцари Ордена добивали их длинными копьями и наносили последние удары выстрелами из пистолетов, поражая извращенные создания эволюции одного за другим. Рыцари Волка скрылись в затке, предоставив зверям выполнять за них опасную работу, и Захариэль ощутил в душе гнев на воинов, павших настолько низко, что они презрели идеалы чести и мужества и прибегли к недостойной тактике.

Но однако не все великие звери поддавались натиску рыцарей. В самом центре двора отвратительное, похожее на ящерицу существо трех метров высотой и около полутора метров в обхвате разбрасывало рыцарей, словно неудержимый стерч. Устрашающая пасть на огромной голове не могла закрываться до конца из-за обилия торчащих кривых клыков, а на месте глаз вращались два темно-голубых

шара, истекающих густой слизью.

Лапы чудовища бугрились массивными мышцами, а глинный хвост с жесткими наростами и острыми иглами на конце уже был обрызган кровью убитых.

Вокруг него собралось множество рыцарей с конями, но толстая шкура с выступающими шипами не поддавалась их оружию. Сар Лютер пытался подобраться как можно ближе, чтобы поразить относительно мягкий живот, однако при всей его массивности и громадном росте монстр оказался достаточно проворным, а низко расположенный центр тяжести обеспечивал хорошую устойчивость, чтобы с необычайной ловкостью отражать все его атаки.

--- Как считаешь, мы можем итти поточь? --- спросил Нелуэль, подняв свой меч на плечо.

--- Думаю, мы должны попытаться, --- ответил Захариэль. --- Нельзя двигаться дальше, пока не убьем этого зверя.

Захариэль обернулся к уцелевшим воинам отряда.

--- Проверь, как там сар Хадариэль, ---

обратился он к одному из них. -- Хочу убедиться, что он жив. А остальные -- за мной.

Рыцарь без промедления отправился к командиру, а Захариэль повел остальных к разбывавшемуся монстру. Прямо у него на глазах один из атаковавших попытался поднырнуть под ужасной пастью и нанести удар копьем в горло, но был схвачен загнутыми зубами и перекушен пополам.

Чудовище проворно проглотило верхнюю половину человека, а нижнюю часть отшвырнуло в сторону. Мгновенная гибель рыцаря ужаснула Захариэля, и он крепче сжал эфес меча.

Удар мощного хвоста оборвал жизнь еще одного рыцаря, а второй погиб, раздавленный огромной задней лапой. На помощь подбежали еще несколько воинов, однако Захариэль видел, что они напрасно жертвуют свои жизни в борьбе с невиданным зверем. Казалось, что никто из рожденных на Калибане не в силах одолеть это чудовище.

Едва такая мысль пришла ему в голову, как он увидел Льва, в

сопровождении забрызганных кровью рыцарей идущего к центру внутреннего двора.

До сих пор Захариэль наблюдал его только в мирной обстановке, и во всем великолении воинских успехов Лев казался ему еще более могущественным, чем раньше.

Никогда еще он не видел Гросстейстера Оргена на поле боя.

Всем было известно, что Лев выше любого другого жителя Калибана, — это первое, что замечали в нем люди, но сейчас, когда он держал в руке окровавленный меч, развевающиеся волосы обрамляли лицо, а в глазах полыхало пламя битвы, Захариэль понял, что Лев больше, чем вообще может быть представитель человеческой расы. И это превосходство не было только физическим — в глаза бросалось и его духовное величие.

Ни одному человеку, каким бы сильным он ни был, невозможно было сравниться с колоссальной личностью Льва.

Освещенный огнями полыхающих за

спиной пожаров, Лев казался Захариэлю самым удивительным и самым грозным существом на свете.

Джонсон без промедления повел своих воинов навстречу чудовищу, и рыцари повиновались ему, не проявляя ни замешательства, ни страха. Монстр, словно почуввав появление достойного противника, повернул в сторону гростейстера Ордена свою отбратительную приплюснутую голову.

В то же мгновение Лютер выхватил у стоящего рядом рыцаря глинное копье и ринулся вперед, прокатился по щелкающим челюстям и нацелился нанести удар в шею.

Лев в это время прыгнул вверх и направил меч в глаз зверя. Голова чудовища дернулась в сторону, отклоняясь от удара Льва, и тогда копье Лютера вонзилось в мягкий участок шеи.

Зверь испустил душераздирающий пронзительный рев, поразивший каждого рыцаря, находившегося во дворе. Воины попадали на колени, зажав уши, но ужасный крик проникал в череп, несмотря

на защиту шлемов. Даже лежавший под
корпусом монстра Лютер, хотя и
продолжал одной рукой сжимать древко
копья, припал к земле, сраженный
чужовищной вибрацией вопля
агонизирующей твари. Из раны мощными
толчками хлынула кровь и залила его с
головы до ног.

Крик зверя ударил в мозг Захариэля с
такой силой, что из его ушей брызнули
струи крови. Боль была настолько
шошеломительной, что глаза затуманились
слезами, но Захариэль упрямо держал их
открытыми, поскольку перед ним
происходило нечто необычайное.

Хотя все рыцари Оргена корчились в
мучках, вызванных воплем чужовища, на
Льва этот звук не произвел никакого
впечатления. Возможно, он обладал более
совершенными органами чувств, чем его
воины, или его колоссальная выдержка
помогла справиться с последствиями
звукового удара, но, как бы то ни было, Лев
даже не отреагировал на крик.

Он прыгнул на спину зверя, используя
наросты на его шкуре в качестве зацепок

для рук и ног. Монстр, не переставая выть от боли, метался и таскал за собой Лютера, который в борьбе за свою жизнь продолжал из всех сил цепляться за конь.

Несмотря на мучительные страдания и застилавшие глаза слезы, Захариэль тем не менее осознавал, что ему выпала огромная честь видеть, как его старшие собратья сражаются с исполинским зверем. Лев, продолжая карабкаться вверх, наконец поравнялся с головой рептилии. В воздухе сверкнула серебристая сталь опущенного острием вниз меча, и клинок вонзился в череп твари.

Только у Льва могло хватить силы на подобный удар.

Лезвие полностью вошло в голову, и гарда ударилась в толстую шкуру гигантской ящерицы. Чудовище сразу же затихло, и жуткий вопль, так поразивший рыцарей, оборвался.

Предсмертная судорога толчком выгнула туловище зверя, так что Льва сбросило с его спины. Лютер, с ног до головы покрытый кровью, выпустил древко коня и отполз от врага.

Внезапная тишина, наступившая после смерти чудовища, казалась странной и тревожной. Неожданное отсутствие звука, словно окончание шторма после апокалиптического удара грома, вызывало беспокойство.

Рыцари начали постепенно подниматься с окровавленных каменных плит, все еще ошеломленные грандиозным сражением, которому стали свидетелями. Туша великого зверя согрознулась от последнего рефлекторного вздоха и окончательно затихла.

Но вот из-за убитого чудовища показался Лион Эль-Джонсон, и рыцари разразились приветственными криками в честь своего лидера:

--- Джонсон! Джонсон! Джонсон!

Пока Захариэль смотрел на Льва, принимающего поздравления товарищей, Лютер поднялся из лужи пролитой крови монстра. Во время борьбы шлем слетел с его головы и лицо превратилось в сплошную кровавую маску.

Крики в честь Джонсона не утихали, и Захариэлю на мгновение показалось, что

в глазах Лютера протелькнула тень зависти. Но это выражение так быстро исчезло, что Захариэль даже не был уверен, было ли оно на самом деле, но он не сомневался, что лицо Лютера выдало его переживания.

Лев поднял руки, прося тишины, и голоса рыцарей мгновенно стихли.

--- Братья! --- закричал он, указывая на опустевшую платформу перед входом в замок. --- Дело еще не закончено. Мы овладели стенами, но рыцари Волка все еще не побеждены. Они прячутся в замке, и мы должны выбить их оттуда огнем и мечом.

Гросстейстер Оргена широким жестом обвел панораму кровавого побоища, разыгравшегося во внутреннем дворе, тела убитых воинов и туши поверженных зверей.

--- Ни один человек, позволивший этим тварям делать его работу, не заслуживает снисхождения, --- продолжал Лев. --- Рыцари Волка утратили право на милосердие и должны быть безжалостно уничтожены. Мы займем замок, и никто из его защитников не останется в живых!

Заток внутри оказался странно
пустынным, его помещения были затканы
пыльной паутиной и дышали забвением,
возбуждая в душе Захариэля гнетущее
чувство. Они вдвоем с Нетиэлем шли по
узкому каменному коридору с гобеленами
на стенах, освещенному мерцающими
бронзовыми лампами.

Толстый слой пыли, скопившийся на
всех поверхностях, как и вся окружающая
атмосфера, свидетельствовал о
многолетнем забвении. Откуда-то
издалека доносился шум боя, но где именно
шла схватка, определить было
невозможно.

— Куда же все подевались? — спросил
Нетиэль. — Я думал, замок будет кишеть
воинами.

— Мне кажется, они могут
скрываться где угодно, — предположил
Захариэль. — Замок очень большой.

Лион Эль-Джонсон разбил входную
дверь одним мощным ударом меча, и
рыцари Оргена хлынули внутрь.
Разбившись на небольшие группы, они

разошлись в разные стороны на поиски оставшихся врагов.

Захариэль и Нетиэль выбрали ведущую наверх лестницу, надеясь отыскать достойных противников, на которых могли бы выместить свой гнев, но вместо врагов обнаружили только пустые залы и палаты под гүлками сводов, обветшавшие и явно давно покинутые.

— Постой, — прошептал Захариэль, поднимая руку. — Слышишь?

Нетиэль склонил голову набок и услышал звуки шагов и скрип мебели, о которых говорил брат. Молодые люди переглянулись и встретились у широкой гүвустворчатой двери, из-за которой доносился слабый шум. Они остановились по обе стороны от входа.

Скрип и шаги слышались снова, и тогда Нетиэль поднял руку с тремя растопыренными пальцами. Захариэль кивнул и стал следить, как брат по очереди загибает один палец, потом второй и, наконец, третий.

Нетиэль с разворота ударил ногой в соединение между створками, сломал

заток и распахнул двери.

Захариэль с воинственным кличем вихрем ворвался внутрь, держа наготове меч и пистолет. Он повел стволом справа налево, отыскивая любую цель, а меч держал прижатым к груди.

Перед ним открылся огромный сводчатый зал, все стены которого от пола до самого потолка были заняты полками с книгами, переплетенными в кожу. Ряд за рядом стеллажи уходили вглубь зала, а широкие столы перед ними были завалены свитками и пергаментами.

Здесь содержалось огромное количество информации, коллекция книг в десяток раз превосходила библиотеку Агдаруха. Сколько же времени потребовалось, чтобы собрать такую сокровищницу мудрости?

Захариэль и не подозревал, что на свете существует столько книг, да еще в пределах одного затка. Сводчатый потолок поддерживали глинные ряды прямоугольных колонн, и юноша догадался, что библиотека занимает весь этаж затка.

Единственным обитателем этого зала, насколько они могли заметить, был пожилой человек в белом одеянии, с седой головой и обвисшими серебристыми усами. Захариэль узнал в нем лорда Сартану, предводителя рыцарей Волка, которого Лион Эль-Джонсон, казалось, целую вечность назад принудил к войне во время встречи в Круглом Зале Алгаруха.

Лорд Сартана сидел за широким столом в резном деревянном кресле, покрытом волчьими шкурами, и при их появлении поднял голову от лежащих перед ним книг.

— Так, значит, за мной прислали безусых юнцов, — произнес он. — Сколько вам? Четырнадцать?

— Мне уже пятнадцать, — возразил Захариэль.

— Никакого уважения к традициям — вот самое скверное отличие вашего Ордена, мальчик, — покачал головой Сартана. — Да, согласен, это неприятно слышать. Особенно теперь, когда вы так поглощены этим проклятым крестовым походом против великих зверей.

--- С твоей смертью поход будет закончен! --- воскликнул Захариэль, ободренный нотками безысходности в голосе Сартаны. --- Нам осталось очистить только Северную Чашу.

Лорд Сартана печально покачал головой:

--- Попомните мои слова, все это закончится очень плохо. Мы еще даже не начинали платить за вашу глупость. Колоссальный счет неизбежно будет предъявлен, а когда это произойдет, многие пожалеют, что вы вступили на этот путь --- слишком много шипов на дороге, слишком много ям и скрытых ловушек.

--- О чем это ты говоришь? --- спросил Нетиэль. --- Охота Льва преследует самые благородные цели.

--- Вот как? --- поднял брови Сартана, откидываясь на волчьих шкуры. --- А вы не хотите узнать, в чем состоит ошибка Льва?

--- Лев не ошибается, --- враждебным тоном произнес Нетиэль.

Сартана улыбнулся при виде

абсолютной убежденности юноши.

--- Первая ваша ошибка в том, что вы утратили уважение к традициям. Цивилизация подобна щиту, ограждающему нас от дикости, а традиции -- это выпуклость в центре щита. Или, говоря иначе, традиции -- это клей, цементирующий наше общество. Они придают нашей жизни определенный порядок. Они позволяют каждому определить свое место. Это жизненно необходимо. Без традиций люди стали бы ничем не лучше животных.

--- Мы соблюдаем наши традиции, -- возразил Захариэль. -- Лорд Символ строго следит за их сохранением. Это вы позабыли о традициях, когда... прибегли к помощи великих зверей.

--- Я думаю, вы скоро поймете, что именно Орген сделал первый шаг к разобщенности между рыцарскими братствами, -- сказал Сартана. -- Это произошло в тот день, когда вы начали принимать в свои ряды простолыдинов. Трудно себе представить... набирать претендентов среди низкородящих.

Полнейшая бессмыслица, по моему мнению. Но это еще не самое худшее из того, что вы наделали. Нет, самой большой ошибкой Льва было объявить охоту на всех великих зверей. Вот в чем состоит реальная опасность. И всем нам придется о ней пожалеть.

--- Ты неправ, --- заявил Захариэль. --- Это самое славное мероприятие на Калибане за последнее столетие! Наши люди долгие века жили в страхе перед великими зверями. А теперь мы наконец навсегда устраним эту угрозу. Мы сделаем леса безопасными. Мы изменим наш мир в лучшую сторону.

--- Ты искренне веришь в сказанное, мальчик, --- фыркнул Сартана. --- Вижу, мастера сполна набили ваши головы пропагандой. О, я не спорю, желание очистить леса от великих зверей может показаться грандиозным и благороднейшим начинанием. Но, к сожалению, реальность слишком часто не оправдывает наших ожиданий. Мы преследуем определенную цель --- и вдруг с ужасом обнаруживает, что достигли

совершенно иного результата.

--- Что ты хочешь этим сказать? ---
Возмущился Нелмиэль, и оба брата шагнули к Сартане.

--- Давайте на мгновение представим себе, что ваша кампания успешно завершена. Представим, что вы уничтожили всех великих зверей. В конце концов, вы неплохо начали. Джонсон и его последователи вели охоту в течение неполных десяти лет. Большинство великих зверей уже мертвы. Так что представьте, что вы убили их всех. А что потом? Что вы будете делать потом?

--- Я... мы сделает мир лучше, --- с некоторой запинкой произнес Захариэль, не сразу сообразив, как сформулировать ответ.

Он всегда принимал как должное, что кампания Оргена преследует благородную цель, возможно, это самое грандиозное начинание за всю историю Калибана, но подыскать слова, чтобы выразить все свои чувства, оказалось непросто.

--- Мы очистим новые земли под поселения и поля, --- продолжил он. --- У

тогда можно будет произвести больше
продуктов.

--- Ты хотел сказать, что именно
этим займутся крестьяне, --- сказал
Сартана. --- Но что будет лично с тобой,
мальчик? Что будет с рыцарскими
братствами? Чем будет заниматься ты?
Ты не видишь в этом проблемы?

--- Нет, не вижу. Какие могут быть
проблемы, если мир станет лучше?

--- Я окружен слепцами, --- резко бросил
Сартана. --- Я уже старик, но все же могу
заглянуть в будущее дальше, чем любой из
вас. Ну, хорошо, если вы не понимаете, в
чем проблема, позвольте, я вам объясню.
Сначала ответьте на простой вопрос: для
чего на Калибане существуют рыцарские
братства? Какую функцию ты выполняешь?

--- Как какую функцию? Мы
защищаем людей, --- ответил Нетиэль.

--- Совершенно верно. Но крайней мере
у одного из вас имеется мозг. А от чего мы
их защищаем?

--- От великих зверей, конечно, ---
ответил Захариэль. И внезапно он понял, к
чему клонит Сартана. --- Ох.

--- Да, от великих зверей, ---
устехнулся Сартана. --- Я вижу, что на
твоем лице мелькнули первые проблески
понимания. Многие тысячелетия рыцари
Калибана служили одной священной цели.
Мы обеспечивали населению защиту от
великих зверей. В этом была наша жизнь.
В этом кроется причина нашего
существования. Это была наша война,
война, которая велась в лесах этой
планеты на протяжении пяти тысяч лет.
Таков порядок вещей, мой мальчик. Такова
традиция, которая скоро исчезнет.
Стараниями Оргена и Лиона Эль-
Джонсона великие звери будут
истреблены. А что же станет с рыцарями
Калибана?

Лорд Сартана ненадолго затолчал,
давая возможность Захариэлю и Нетиэлю
усвоить его слова. Затем он заговорил
снова:

--- Мы воины, мальчики. Война у нас в
крови. Это наша жизнь. Мы --- гордое и
отважное племя. Так было всегда, так
повелось от наших предков. Конфликт
оправдывает наше существование. Мы

хотимся, совершаем подвиги, сражаемся, и не только потому, что жители Калибана нуждаются в защите. Мы делаем все это, поскольку не можем жить иначе. Без опасностей в нашем сердце и в нашей жизни образуется пустота, бездна, которую невозможно заполнить, как бы мы ни старались. Мы плохо переносим мир. От недостатка активности мы можем зачахнуть. Бездействие вызывает у нас тревогу и беспокойство. Нам необходимо ощущать опасность. Нам необходимы сражения, приливы и отливы войн и трепет схваток не на жизнь, а на смерть. Без всех этих вещей мы чувствуем себя неполноценными.

--- Это слишком пессимистичный взгляд, --- заметил Захариэль.

--- Нет, это реалистичный взгляд, --- возразил Сартана. --- Нам нужны наши великие звери, мальчик. Как ты думаешь, почему наш орден занимался их захватом? Мы старались спасти расу этих существ от вытирания! Ну вот, я и сказал самое главное. Возможно, это вас шокирует, но загляните в свое сердце, и вы поймете,

что нам нужны чудовища, поскольку они определяют наше существование. Пока на Калибане остаются великие звери, мы будем героями, не станет их -- и мы превратимся в пустое место. Нет, меньше, чем в пустое место.

-- У вы держали чудовищ живыми? -- не скрывая своего ужаса, спросил Захариэль.

-- Конечно, -- ответил Сармана. -- Без великих зверей наша война закончится. У что тогда с нами станет? Каким будет наше будущее? Какими же мы будем воинами, когда не будет войны? Вот в чем состоит величайшая опасность, мальчики. Скука породит стяжение, а стяжение может обернуться гневом. Если война не будет занимать наши умы, мы станем изобретать новые занятия. И начнем нападать друг на друга, как стаи диких хищников. Я до этого не доживу, но я смотрю в будущее и вижу только тьму. Я вижу, как брат восстает против брата. Я вижу реки крови -- и все из-за того, что нам не на что выплеснуть свою энергию, все из-за отсутствия великих зверей. Вот

какое будущее уготовил нам всем ваш
Орген. Хотя, по общему признанию, ваш
обожжаемый лидер действовал, исходя из
лучших побуждений.

Захариэль и Нетиэль приблизились к
гроссмейстеру Братства Волка на глину
меча, и лорд Сартана снисходительно
устехнулся:

--- Не сомневаюсь, что вам приказано
меня убить.

Захариэль кивнул.

--- Может, я и стар, но, чтобы меня
одолеет, потребуется больше, чем пара
малышешек.

--- Посмотрим, --- бросил Нетиэль,
обнажая меч.

--- Нет, --- ответил Сартана, доставая
глинный охотничий кинжал. --- Не
посмотрим.

Захариэль направил дуло пистолета
в лицо лорда Сартаны, но старик и не
двинулся на них нападая. Предводитель
рыцарей Волка быстро повернул кинжал и
вонзил его себе в грудь, точно напротив
сердца.

Захариэль выронил пистолет и

кинулся вперед, чтобы подхватить тело лорда Сартана, сползавшее с кресла.

Он уложил умирающего рыцаря на пол, и кровь из смертельной раны обазрилась на холодные каменные плиты библиотеки.

— Тебе ведь известно изречение насчет тьмы, не так ли? — прохрипел лорд Сартана. — Дорога к тьме вымощена благими намерениями.

— Да, я слышал это, — кивнул Захариэль.

— Возможно, кто-то должен был обратить внимание Льва на эти слова, — из последних сил прошептал Сартана. — Из добрых намерений или нет, но Лионель-Джонсон приведет Калибан к катастрофе. В этом я несколько не сомневаюсь.

«И что тогда с нами станет? Что будет с воинами, когда не будет войны?» — так говорил лорд Сартана, и его лицо выражало трагичную уверенность.

В тот момент Захариэль, еще испытывая волнение ужасного дня, не обратил особого внимания на

предостертенные речи старика.

Слова Сартаны вызывали беспокойство, даже тревогу, но тогда их легко было выбросить из головы. Лорд Сартана был старым и усталым человеком, черты его лица говорили о страхах и слабости. Легко было принять его предостережение за беспокойные блуждания мыслей, уже граничащих с безумием.

Эти слова можно было прогнать на какое-то время, но позабыть их оказалось не так-то легко. После окончательного разгрома Братства Волка проходили дни и недели, и тогда слова лорда Сартаны всплыли в памяти Захариэля.

С тех пор он часто будет размышлять над их смыслом и неоднократно удивится точности предвидения.

В самые мрачные моменты жизни Захариэль иногда будет задавать себе вопрос: а не была ли для него эта встреча одной из упущенных возможностей? Возможно, ему следовало передать это послание Льву или эмоционально более

восприимчивому Лютеру?

Захариэль должен будет понять, что братство не гарантирует полной гармонии. Не важно, насколько крепки узы дружбы между людьми, насилие и предательство всегда найдут себе место.

Но пройдет немало лет, прежде чем он начнет вспоминать эти слова очень часто.

Он станет задавать себе вопрос: не мог ли он тогда изменить будущее?

Но к тому времени, без сомнения, станет слишком поздно.

Часть 3

УМНЕРУМ

Глава 13

После смерти лорда Сартаны Братство Волка прекратило свое существование. Его последних рыцарей, скрывавшихся в пустынных и сумрачных переходах замка, переловили и беспощадно уничтожили. Но никто и не просил милосердия, поскольку побежденные понимали, что пути назад для них нет.

На самых высоких башнях замка были вывешены знамена Оргена, и пламя пожаров сверкало на их пробитых и обгоревших багряно-золотистых полотнищах. После окончательной победы мечи застучали по щитам, а кавалеристы Воронова Крыла с радостными криками сделали несколько кругов вдоль разрушенных стен горной крепости.

Воины Оргена постепенно осознавали важность этого исторического момента, приближавшего их к великой цели, и радостно обменивались поздравлениями. После разгрома рыцарей Волка Северная Чаша была открыта для Оргена, и теперь

можно было выследить и уничтожить последних великих зверей.

Захариэль наблюдал, как рушится крепость рыцарей Волка, содрогаясь под массированным обстрелом артиллерии Оргена. Павшим врагам не было оказано никаких почестей, их тела сложили в главной башне затка и предали сожжению на костре из собранной здесь же мебели.

Но до того Лев зашел в огромную библиотеку, обнаружил там Захариэля и Нетиэля над телом лорда Сартаны и поздравил обоих, прежде чем обратить внимание на колоссальное собрание книг.

После поверхностного просмотра нескольких томов из библиотеки Лев приказал им возвращаться к своему отряду, а сам погрузился в более подробное изучение коллекции побежденных противников. Чуть позже в Агдарух отправился целый караван повозок, нагруженных книгами и свитками.

Захариэль отвернулся от горящей крепости; картина разрушения столь величественного сооружения опечалила его. Неужели все битвы заканчиваются

такими противоречивыми переживаниями? Он не только остался в живых, но и покрыл себя славой, отважно сражался и принимал участие в финальном бою. На его глазах творилась история, на его глазах умер самый могущественный враг, и все же душу Захариэля не покидало тягостное ощущение, что что-то еще не сделано, что упущена какая-то возможность.

Сар Хадариэль выжил после удара чудовища и снова будет сражаться, как и многие рыцари его отряда. Жатва смерти оказалась значительной, но не настолько, чтобы отрачить победное ликование, и утрата многих товарищей и друзей уже постепенно бледнела перед сиянием славы.

За несколько недель путешествия обратно в Алдарүх степень презреших рыцарей Волка возросла в десятки раз, и, кроме содержания в клетках великих зверей, им приписывали проведение ужасных экспериментов и полное духовное разложение. К тому времени, когда рыцари Ордена вернулись готовой, их противники превратились в отерзительных монстров.

безвозвратно поддавшихся порче. Война всеми признавалась необходимой, и рыцари окончательно уверились в том, что достигнутая победа послужила великой цели и значительно приблизила освобождение Калибана.

И все же в череде последовавших празднеств и поздравлений Захариэль не мог забыть о той встрече в Круглом Зале, когда Лион Эль-Джонсон вынудил лорда Сартану объявить войну, — той встрече, когда война была навязана им.

Конечно, кампания, проводимая Орденот, принесла ему блистательную славу, но не пострадала ли при этом его честь? Была ли кровь пролита в сражении только ради благородных целей?

Эти и другие вопросы мучили Захариэля всю обратную дорогу, и он не мог поделить переживаниями даже с самыми близкими друзьями. Он видел, как его братья празднуют великую победу, но каждый раз, когда он наблюдал, как Лев наслаждается восхвалениями своих товарищей, на сердце Захариэля падала тень.

Казалось, что лишь один человек в Оргене разделяет его сомнения. Захариэль часто видел ехавшего рядом со Львом Лютера и замечал такую же тень в его улыбке и льдинки в его глазах.

Но если Лютер и замечал на себе взгляды Захариэля, он ничем этого не проявил, как не показывал и того, что обратное путешествие в Алгарух для него было омрачено восхвалением ратных подвигов Льва, затмивших его собственные успехи.

Участие Нетиэля и Захариэля в уничтожении великого зверя во дворе замка было отмечено особо, и каждый из них получил на доспехи свиток пергамента, в котором описывались их подвиги. Нетиэль был на седьмом небе от счастья, Захариэль тоже обрадовался награде, но каждый раз, когда вспоминал тот бой, удивлялся, почему к нему не вернулись загадочные способности, которые проявились в лесах Эндриаго.

Возможно, все было так, как он и подозревал, и странные свойства обуславливались близостью темного леса.

А может быть, это Хранители пробудили в нем скрытый талант, дремлющий до сих пор, а может, он все это нафантазировал, и загадочные свойства были лишь плодом лихорадочного напряжения ума во время смертельной битвы с ужасным чудовищем.

Как бы то ни было, Захариэль был рад, что произошедшая тогда схватка все более отдалась в его воспоминаниях и с каждым днем утрачивала связь с реальностью. Он прекрасно помнил гибель монстра, но все другие события того дня, предшествующие бою, становились все более расплывчатыми, словно его память затягивалась плотным туманом.

Жизнь рыцарей Ордена вернулась в свою колею, и беспокойство Захариэля стало мало-помалу рассеиваться. С течением времени предостережение лорда Сартаны начало казаться не чем иным, как беспочвенным бормотанием поверженного врага. Охота на хищников продолжалась, и рыцари ежедневно отправлялись в леса, чтобы очистить все новые и новые участки от власти

чужовищ.

Каждый день приносил все меньше и меньше трофеев, и казалось, что грандиозные планы Льва наконец сбываются.

Сам Лев крайне редко выезжал в леса. В те дни, большую часть времени проводя в высокой башне Алгаруха за книгами, привезенными из затка рыцарей Волка.

Элиат и Амтиас сразились и одержали победы над своими великими зверями иполнили ряды рыцарей, что и было отпраздновано в большом зале Оргена. Все четыре друга теперь служили в отряде Хадариэля и изо дня в день отправлялись в леса истреблять хищников в надежде встретить одного из немногих оставшихся великих зверей.

Разведчики из Воронова Крыла приносили донесения об освобождении очередных участков Северной Чащи. Захариэль всегда тщательно изучал их доклады в поисках каких-либо упоминаний о темной чащобе в окрестностях Эндриаго и любых намеков на странное наваждение, охватившее его во время охоты на

громадного льва, но, кем бы ни были встреченные им тогда загадочные существа, они, похоже, испарились.

Возможно, они и вовсе не существовали. Как юноша ни старался, он не мог отчетливо вспомнить ни произошедший в лесу разговор, ни тех, с кем разговаривал.

Мир Калибана все так же вращался, жизнь шла своим чередом, и Орген постепенно превращался в готинирующее братство, пока не появились ангелы.

Солнце попало на верхние ветви деревьев, и на лесной тропе под копытами коней раскинулся кружевной узор света и тени. Свежий утренний воздух сулил благоуханный и мирный день.

Захариэль отпустил поводья и расслабился в седле, позволяя черному скакуну самому выбирать дорогу. Рыцарям Оргена уже нечего было бояться в лесах, и через недавно опасные чащи пролегли новые светлые тропы для искателей приключений. За каждым поворотом открывались изумительные пейзажи.

полные природного величия, до недавних пор непостижимого для жителей Калибана из-за постоянной угрозы хищников.

Теперь, после уничтожения бродячих чудовищ, леса ждали своих новых хозяев. Ехавший рядом Нелмиэль снял шлем и пригладил ладонью волосы, и Захариэль улыбнулся, радуясь соседству брата в этой важной поездке.

Этим утром сар Лютер прислал за ними гонца, сопроводив его наказом взять в конюшне самых лучших скакунов, чтобы отправиться на последнюю охоту. Лев ехал в приподнятом настроении, и ему явно не терпелось принять участие в последней охоте, как будто в его груди пылал огонь предназначения, о котором он и не догадывался.

Первая часть пути прошла в спокойном молчании, и все воины от души наслаждались красотой мира, который они с полным правом могли назвать своим. Лев и Лютер возглавляли группу, и их путь лежал точно на север, мимо новых поселений, образованных после истребления

великих зверей на значительном удалении от Алгаруха.

На приличествующем расстоянии позади них держался новый лорд Символ --- это звание недавно перешло к очередному безымянному воину. Вопреки ожиданиям многих людей, мастер Рамиэль не был назначен на этот пост. Кто теперь скрывался за высоким титулом, как и всегда, оставалось тайной.

Процессию замыкали несколько новых рыцарей и даже некоторые из претендентов, так что отряд представлял собой срез всех слоев Оргена.

--- Странная группа для охоты в глуши, как ты считаешь? --- спросил Нетиэль.

--- Согласен, --- ответил Захариэль. --- Вероятно, Лев захотел, чтобы в последней охоте приняли участие не только старшие рыцари, но и представители всех остальных рангов.

--- Ты считаешь нас с тобой старшими рыцарями?

--- Нет, --- сказал Захариэль. --- Я думаю, что мы --- представители молодого

поколения, которым предстоит внести свой вклад в развитие Ордена.

--- Ты уже сделал это, юный Захариэль, --- вмешался едущий во главе колонны Лев. --- Не забывай, у меня очень тонкий слух. Ты здесь благодаря нашему с тобой братству.

--- Да, мой лорд, --- ответил Захариэль.

Вслед за Львом он выехал на просторную поляну перед скалой из ослепительно-белого камня, возвышавшейся с левой стороны от всадников. С вершины скалы широким каскадом падали струи воды и рассыпались по бурлящей поверхности широкого бассейна. Со всех сторон поляну окружала буйная растительность, и душа Захариэля наполнилась спокойствием, хотя до этого момента он и не подозревал, какая там зияла пуста.

--- Да, это то самое место, --- сказал Лев, по-прежнему оставаясь впереди всей процессии.

Он развернул коня --- самого мощного из всех выращенных в конюшнях Калибана ---

и обратился к своим воинам, уже выехавшим на поляну перед водонадом:

--- Вы все оказались здесь потому, что, как правильно предположил Захариэль, я решил: при окончании нашей грандиозной миссии должны присутствовать представители всех рангов Оргена.

От такой личной похвалы Захариэль не смог удержаться от ступенного руганца, окрасившего его щеки.

--- Калибан принадлежит нам, --- провозгласил Лев, и Захариэль вместе со всеми приветствовал это заявление гросстейстера Оргена восторженными выкриками.

--- Мы сражались и проливали кровь на протяжении долгих десяти лет, и каждому из нас довелось потерять на этом пути немало друзей и боевых товарищей, --- продолжал Джонсон. --- Но мы стоим на пороге величайшего триумфа. Мы достигли всего, за что боролись. Мы не допустили ошибок --- и цель достигнута. Победа теперь наша.

Лев широко распростер руки:

— Братья мои, перед нами сверкает
рассвет золотого века. Я видел его в своих
мечтах — золотое время новых и
удивительных свершений. Мы вот-вот
вступим в новую эру и...

Удивленный нехарактерной для Льва
заминкой, Захариэль обернулся к Неллиэлю.
А их предводитель смотрел поверх их
голов куда-то влево, в сторону леса.
Захариэль инстинктивно бросил руку к
эфесу меча, предполагая засаду, хотя какой
враг осмелился бы напасть на такого
могущественного и отважного воина, как
Лев?

В первый момент он решил, что
последний из великих зверей сумел
незаметно к ним подкрасться или один из
рыцарей Волка, оставшийся в живых после
поражения своего ордена, жаждал
отмщения.

Хотя ни одной из этих угроз
Захариэль не заметил, он не снял лапони с
эфеса.

Он заметил, как на толстую ветвь
дерева опустилась большая птица,
блестевшая в солнечных лучах

золотистым оперением.

Калибанский орел с ярким и безупречным хохолком на голове окидывал собравшихся воинов царственным взглядом и, похоже, ничуть не боялся людей. Эти птицы встречались довольно редко и не представляли угрозы, но сүеверные обитатели Калибана считали их появление предзнаменованием значительных событий.

Воины отряда растерянно переводили взгляд с птицы на Льва, не зная, как реагировать на неожиданное вмешательство.

Под взглядом странных глаз птицы Захариэль ощутил, как по его спине пробежал холодок. Он тоже перевел взгляд на Льва и заметил на его лице выражение бесстрашного предчувствия, понимания и надежды, что он правильно понял предзнаменование.

--- Я знал, --- произнес Лев почти шепотом.

Едва он затолчал, поднялся необычный ветер, его сильный порыв принес едкий привкус, похожий на запах.

распространяющийся вокруг оружейной кузницы.

Захариэль поднял голову. Над их головами с ревом пролетел темный массивный крылатый силуэт с голубыми огнями сзади. Потом еще один, и Захариэль невольно вскрикнул от накатившейся следом волны раскаленного воздуха.

Рыцари с трудом сдерживали испуганных коней, а Захариэль, увидев, что странные птицы снова режут над поляной, обнажил меч.

— Кто это? — крикнул он, с трудом перекрывая затопивший поляну гул.

— Не знаю, — закричал в ответ Нетиэль. — Великие звери!

— Не может быть! Они все мертвы!

— Видимо, нет! — воскликнул Нетиэль.

Захариэль еще раз взглянул на Льва, пытаясь уловить намек, что происходящее было спланировано заранее, но его командир просто сидел на лошади и смотрел на летающих чудовищ.

Лютер что-то кричал Льву, однако

его слова терялись в пронзительном вое гигантских птиц, заслонявших солнце. Их ужасный голос едва не лишил Захариэля чувств, а едкий запах горячих газов казался непереносимым. Мощные потоки воздуха срывали с деревьев листву и пригибали ветви к самой земле.

Орел поднялся на крыло и спланировал над озером к основанию водопада; брызги воды оросили его, и оперение засверкало, словно кованое золото.

Захариэль проводил взглядом птиц, а затем снова посмотрел вверх, прикрывая глаза от ослепительных струй голубого огня, бьющего из брюха зависшего над головой чудовища.

--- Опустить оружие! --- закричал подскочивший к ним Лютер. --- Вложить мечи в ножны! Это приказ Льва!

Захариэль отвел взгляд от воющего и стердящего чудовища. Он не мог поверить своим ушам. Как можно поставить себя в столь невыгодное положение?

--- Сар Лютер! --- закричал он. --- Ты хочешь, чтобы мы остались безоружными?

--- Выполнять! --- приказал Лютер. ---

Быстро!

Хотя приказ противоречил всему, чему его учили, Захариэль воздержался от отдаленнейших вопросов и, подчиняясь власти Лютера, убрал меч в ножны.

— Что бы ни произошло, — продолжал кричать Лютер, чтобы его услышали в налетевшем урагане, — ничего не предпринимайте, пока Лев не подаст знак! Понятно?!

Захариэль неохотно кивнул и услышал сверху странные звуки, напоминавшие отдаленные крики.

Потом во всей этой суматохе он заметил, как от чудовищ отделились темные силуэты.

Черные фигуры, одетые в доспехи, спускались на крыльях огня.

Рядом с ним Лютер прикрыл рукой глаза и произнес:

— И Ангелы Тьмы снизошли на крылах платени и света... Великие и ужасные Темные Ангелы.

Захариэль узнал эти слова — он не раз слышал легенду о древних временах, когда отважные Темные Ангелы,

таинственные защитники
справедливости, первыми начали борьбу
против великих зверей Калибана в самом
начале существования этого мира.

Его сердце беспокойно дрогнуло, когда
первый из огненных ангелов коснулся земли.
Фигура в броне оказалась огромной, но
детально рассмотреть ее было невозможно
из-за дыма, окутавшего место
приземления. Рядом с ним спустились
остальные, и вот уже перед отрядом Льва
встали десять массивных гигантов.
Несомненное сходство между их доспехами
и его собственной броней сразу же
бросилось в глаза Захариэлю.

А когда первый из гигантов сделал
шаг вперед, стало заметно, что его
фигура очень напоминает фигуру Льва.
Несмотря на то что Лев все же
превосходил ростом каждого из них,
строение тела и пропорции были очень
похожи.

Мощная струя газов огромного
летающего существа быстро развеяла
дым, появившийся после приземления
гигантов, а само чудовище, доставив свой

зрүз, үнеслось. На поляне неожиданно стало
очень тихо, остался только звүк падающей
со скалы воды.

Гиганты явно обладали невероятной
силой, но, несмотря на их воинскую мощь, в
них было заметно нечто вроде
благоговейного восторга, словно они
обнаружили драгоценный дар, на который
не стели надеяться.

Первый гигант поднял рүки к шлему,
и тогда Захариэль үвидел, что он
воорүжен мечом и пистолетом, похожими
на его собственное оружие, хотя каждый
предмет был несколько крупнее тех, что
применяли воины Оргена.

Поворот защелки вызвал свист
выходящего воздуха, и гигант снял свой
шлем, к всеобщему үдивлению открыв
вполне человеческое лицо, хотя его черты
были более крупными, чем у любого из
жителей Калибана.

Лицо оказалось привлекательным, а
при взгляде на Лиона Эль-Джонсона на нем
появилась неүверенная улыбка. Как ни
странно, Захариэль не испытывал страха,
все его опасения рассеялись при виде

открытого лица гиганта.

--- Кто ты? --- спросил Лев.

--- Я --- Мидрис, --- невероятно низким и раскатистым голосом ответил гигант.

Затем он обернулся к своим спутникам. ---

Мы --- воины Первого Легиона.

--- Первого Легиона? --- переспросил

Лютер. --- Чей это Легион?

Мидрис снова повернулся к Лютеру.

--- Первый Легион Императора,
Повелителя Человечества и Правителя
Терры.

--- Это машины, --- сказал Нетиэль, стоя на затковой стене. --- У мне кажется, это здорово. Повтори, как они их называют?

--- Краулеры, --- ответил Захариэль.

--- Верно, краулеры, --- кивнул Нетиэль. --- Они срезают деревья, выкорчевывают пни и еще разравнивают землю --- и все три работы выполняются одной машиной, управляемой одним всадником.

--- Оператором, --- поправил его Захариэль. --- Люди, которые работают на машинах, называются операторами или водителями, а не всадниками.

--- Ну, пусть операторами, --- пожал плечами Нетиэль. --- Нет, ты скажи, ты видел что-нибудь подобное?

Захариэль, пристально наблюдавший за проводимой внизу работой, полностью разделял восхищение Нетиэля. Оба стояли на крепостной стене затка и смотрели на лес. Вот только леса там почти не

осталось, по крайней мере в этом направлении.

Насколько мог видеть глаз, на громадном участке ниже северного склона гор древние леса почти полностью исчезли.

С высокого наблюдательного пункта было трудно разобрать какие-то детали, но от грандиозного масштаба разворачивающейся внизу операции захватывало дух.

--- Если хочешь знать мое мнение, --- снова заговорил Нелмиэль, не дожидаясь ответа, --- то они похожи на насекомых. Невероятно больших, но все же насекомых.

Не отрывая взгляда от работающих машин, Захариэль не мог не согласиться с мнением брата. Кипевшая внизу неустанная деятельность наводила на мысли о строго согласованных перемещениях колонии насекомых, тем более что на таком расстоянии и с высоты укреплений залка люди и впрямь казались не крупнее муравьев.

--- Представляешь, сколько потребовалось бы времени, чтобы

выполнить такой объем без помощи машин?! --- воскликнул Нелмиэль. --- А сколько наго было бы привлечь людей и лошадей, чтобы расчистить такой участок?! Могут сказать, имперцы ничего не делают наполовину. У них и воины --- настоящие гиганты, и машины соответствующие.

Захариэль рассеянно кивнул в ответ, но все его внимание по-прежнему было сосредоточено на работе краулеров.

Последние несколько недель вызвали настоящее потрясение.

По всем меркам, эти дни стали наиболее значительным периодом во всей истории Калибана. Прошло почти шесть месяцев с тех пор, как Захариэль стал рыцарем. Кампания по уничтожению великих зверей завершилась, рыцари Волка были побеждены, Лион Эль-Джонсон стал гросстейстером Оргена, а Лютер --- его заместителем.

Но ни одно из этих событий не могло сравниться с прибытием имперцев.

Уже через несколько часов после появления в небе летающих кораблей

новости распространились по всему Калибану со скоростью лесного пожара. Скоро стало известно, что группа гигантов в черных доспехах посетила Калибан в качестве представителей Императора Терры.

Они называли себя воинами Первого Легиона и были только посланниками.

Захариэль и сейчас помнил первую встречу с представителями Империи.

— Мы ваши братья, — сказал воин, назвавшийся Мигрисом, когда он и его товарищи опустились перед Львом на одно колено и склонили головы. — Мы посланцы Империи Человечества, и теперь, когда Древняя Ночь закончилась, мы пришли, чтобы воссоединиться с потерянными детьми человеческой расы. Мы пришли вернуть положение, принадлежащее вам по праву рождения. Мы принесли свет мудрости Императора.

Не все жители Терры оказались гигантами. Вскоре после первой высадки стало ясно, что гиганты — или Астартес, как они называли себя на языке Терры, — пришли на Калибан как первопроходцы для

огромной экспедиции. Когда выяснилось, что жители Калибана готовы принять гостей с распростертыми объятиями, за десантом гигантов последовали группы человеческих существ более привычного телосложения. Это были операторы, работающие на краулерах, историки, переводчики, искусствоведы и дипломаты.

Но и гигантов, и обычных людей — всех жителей Терры — объединяла одна черта: о своем Императоре все они говорили с величайшим почтением и восхищением.

— Интересно, как он выглядит? — вдруг ни с того ни с сего спросил Захариэль.

— Кто?

— Император, — пояснил Захариэль, ощущая трепет предчувствия. — Они говорят, что Император создал Астартес, что он способен читать чужие мысли и творить чудеса. Говорят, что это величайший из всех когда-либо живших людей. И еще рассказывают, что ему несколько тысяч лет и он бессмертен. Как же должен выглядеть такой человек?

Этим утром посланники Императора объявили, что Император намерен лично посетить Калибан. Они сказали, что он находится где-то неподалеку, приблизительно в трех неделях пути. После согласования с высшим руководством Оргена к моменту прибытия Императора было решено построить посадочную площадку в лесах у стен Агдаруха.

После чего пошли в ход привезенные имперцами машины, и на месте древних лесов образовалась все увеличивающаяся площадка, где Император должен будет впервые ступить на землю Калибана.

Не один Захариэль с нетерпением ожидал появления Императора, этот визит был одной из самых популярных тем в разговорах среди рыцарей с первого же момента, когда на Калибан прибыли гиганты. Не многие верили тому, что о нем рассказывали посланники. Если в словах гигантов была хоть доля правды, Император должен был представлять собой воплощение абсолютного совершенства человеческой расы.

— Я думаю, он не меньше десяти

метров ростом, — с нескрываемым
сарказмом заявил Немуэль. — А может, и
двдцати, если верить тому, что о нем
рассказывают. И он должен дышать
пламенем и выпускать из глаз
стертоносные лучи, словно существа из
старинных сказок. А может быть, у него
две головы, одна — человеческая, а вторая —
— козлиная. Откуда мне знать, как он
выглядит? Я в таком же неведении, как и
ты.

— Осторожнее, — предостерег его
Захариэль. — Терранским гигантам
может не понравиться, что ты так
отзываешься об их повелителе. Еще
решат, что ты хочешь их оскорбить.

Как и большинство жителей
Калибана, Захариэль был поражен тем,
что имперцы не только имели в своем
распоряжении такую замечательную
технику, но и воспринимали ее как
должное. Даже многие вещи, имеющие на
Калибана и похожие на предметы гостей с
Терры, свидетельствовали о широкой
пропасти, разделяющей два общества.

Доспехи и оружие рыцарей Калибана

были выполнены в том же стиле, что и снаряжение Астартес, но ценные мечи и силовые доспехи терранцев были оснащены гораздо лучше и обладали большей эффективностью, чем любые их разновидности, используемые здесь.

Особенно много различий Захариэль обнаружил при изучении брони воинов с Терры. Кроме того, что они отличались размерами, силовые доспехи Астартес во всех отношениях оказались гораздо совершеннее. Броня Захариэля защищала его от ударов и повреждений, наносимых когтями хищников или мечами. Он даже мог закрыть шлем и фильтровать дымящийся или вредный для дыхания запах вроде ядовитых миазмов сладкого корня, растущего на Калибане.

Однако доспехи Астартес обеспечивали гораздо более высокий уровень защиты. Они позволяли своим владельцам видеть в полной темноте, выдерживать воздействие экстремально низких или высоких температур, непереносимых при других условиях. В них имелся автономный источник воздуха. Благодаря

такой технологии Астартес могли выживать и сражаться в любой среде независимо от ее враждебности человеческому организму.

Подобные достижения, казалось, были обычным делом для терранцев, но для жителей Калибана все это было подобно настоящему чуду. Еще более удивительными оказались достижения имперской медицины.

Через несколько дней после прибытия терранцев с одним из претендентов во время тренировки произошел несчастный случай. Мальчик по имени Монизель практиковался в прохождении спирали с боевым мечом, но поскользнулся и, падая, нечаянно рассек себе колено.

Апотекарии Оргена сумели остановить кровь и спасли жизнь Монизеля, но ничего не могли сделать для сохранения его ноги. Чтобы предотвратить развитие гангрены, поврежденную конечность пришлось ампутировать.

Никто не сомневался, что после ампутации ни один человек не сможет

стать рыцарем. Монизля следовало
отослать в его родное селение и оставить
на попечение семьи.

Но в данном случае вмешались
терранцы, и история обрела более
счастливый конец.

Прослышав о несчастье, случившемся
с мальчиком, апотекарии Терры сами
взялись за лечение, которое в данном
случае, безусловно, включало в себя
эзотерические методы. К всеобщему
удивлению, на месте оставшейся после
операции культы выросла новая здоровая
нога.

Разумеется, имперцы называли
Калибан совсем по-другому.

Они не могли знать, как люди
назовут обретенный мир. Не могли они
знать и о состоянии здешнего общества.
Терранцы сразу же познакомились с
рыцарскими орденами, и, к удивлению и
радости представителей обеих культур,
выяснилось, что иерархическое строение
рыцарских сообществ во многом совпадает
с порядками, существующими в Легионах

Астартес.

Да, это было странное и очень интересное время.

Претенденты и рыцари Ордена под наблюдением Астартес проводили усиленные занятия, и тренировочные залы Алдаруха с утра до вечера звенели от ударов мечей. Гиганты в черных доспехах каждый день расхаживали по учебным площадкам и разговаривали с мастерами Ордена, чтобы оценить уровень воинской подготовки и характер каждого члена рыцарского сообщества.

Захариэль сегодня уже провел три сражения, и его кожа покрылась испариной, а мускулы горели от усталости. Они вместе с Нетиэлем уже прошли через все испытания, предложенные Астартес, и, казалось, вытопались до предела своих возможностей.

— А я-то считал, что мастера Ордена нас сильно гоняют, — вздохнул Нетиэль.

Захариэль слабо кивнул:

— Если для того, чтобы стать

Астартес, требуются такие усилия, я не думаю, что готов к этому.

— В самом деле? — спросил Нетиэль, выпрямляясь и с устешкой потягиваясь. — А мне кажется, я готов пробежать еще несколько кругов. Присоединишься ко мне?

— Отлично, — согласился Захариэль и поднялся на ноги.

Несмотря на то что тренировочный зал был заполнен почти до предела, Захариэль не мог не заметить, что в испытаниях Астартес принимают участие только претенденты и самые молодые из рыцарей. Они с Нетиэлем были здесь практически самыми старшими, и Захариэль задумался о цели проводимых занятий.

День за днем число участвующих в испытаниях мальчиков постепенно сокращалось, и лишь самым сильным и упорным было предложено пройти следующую стадию проверки. Конечная цель испытаний держалась в секрете, но многие верили, что они соревнуются за место в рядах Астартес.

Захариэль напряг связки и мышцы

голеней и бедер, потом расслабился, стараясь снять напряжение, вызванное утренней тренировкой.

--- Готов? --- с напускной небрежностью спросил он у Нетиэля.

Его брат не собирался уступать. Он кивнул и отбросил со лба влажную прядь.

--- Побежали, --- позвал Нетиэль, набирая удобную скорость. --- Десять кругов.

Захариэль последовал за ним, быстро догнал брата и принял предложенный темп. Ноги у него уже очень устали, но соперничество с Нетиэлем длилось всю его сознательную жизнь, и никакое истощение сил не могло помешать ему воспользоваться шансом посоревноваться с братом.

Первые круги по тренировочному залу были пройдены относительно легко, но к четвертому кругу оба юноши вымотались, их дыхание стало прерывистым. В центре зала под внимательным взглядом Астартес начинались новые поединки, и Захариэль заметил, что на их гонку уже обратил внимание один из гигантов.

успехи которого отличались более замысловатыми украшениями, чем у его собратьев.

--- Еще не устал? --- выдохнул Захариэль.

--- Ничуть, --- с присвистом ответил Нетиэль, начиная пятый круг.

Захариэль старался контролировать дыхание и не обращать внимания на возрастающую боль в груди. Вместо этого он сконцентрировался на скорости бега. Мысль о проигрыше он отбросил как неприемлемую. Он не будет вторым после Нетиэля и не станет первым, кто сломается, поддавшись боли.

В «Изречениях» говорилось, что боль — это иллюзия чувств, тогда как отчаяние — иллюзия мысли. Оба эти препятствия можно преодолеть, и как только Захариэль обратился к резервам своих сил, он ощутил странную легкость во всем теле, словно мышцы наполнились энергией из загадочного источника, о существовании которого он и не подозревал.

К седьмому кругу Захариэль стал

обходить Нетиэля. Вновь обретенная энергия позволила ему сделать рывок, нарушивший их взаимоположение. Он услышал за спиной хриплое дыхание брата, и это еще больше увеличило его силы.

Разрыв между ними становился все ощутимее, и на восьмом и девятом кругах Захариэль твердо надеялся на победу. Второе дыхание не только наполнило его мышцы энергией, но и, казалось, ослабило волю Нетиэля.

Начиная последний круг, он увидел перед собой спину Нетиэля и понял, что, обогнав брата, нанесет немалый урон его гордости. Он снова постарался вызвать скрытые в самой глубине резервы и до предела сократил разрыв.

Нетиэль бросил отчаянный взгляд через плечо, и Захариэль чуть не расстелся, увидев в его глазах неподдельное страдание. Нетиэль проигрывал, и эта мысль лишала его последних сил.

Захариэль обошел брата и пересек финишную черту тетрах в десяти от него. Закончив состязание, он упал на

колени, рывком набрал полные легкие
спертого воздуха и из всех сил
забарабанил кулаками по горящим от
напряжения бедрам. Нетиэль, едва держась
на ногах, прошел финиш, и Захариэль
крикнул ему:

--- Дистанция пройдена, брат!
Отдохни!

Нетиэль качнул головой и продолжал
бежать. С одной стороны, Захариэль
осуждал дурацкую гордость брата, но с
другой -- восхищался его решимостью
закончить то, что начал.

Хоть у него и не осталось ни капли
сил, Захариэль заставил себя подняться и
сделать несколько упражнений. Без этого
мышцы обязательно сведет судорогой, а
кто знает, какое еще испытание
уготовили им Астартес.

Он закончил первую серию
упражнений, когда Нетиэль, задыхаясь,
пересек линию финиша и рухнул на пол,
обливаясь потом и хватая ртом воздух.

--- Ты не слишком торопился, ---
заметил Захариэль с неожиданным для
себя раздражением.

Немиэль тряхнул головой, не в силах ответить.

Захариэль протянул ему руку, чтобы помочь подняться.

--- Давай, надо расслабить мышцы.

Тот отмахнулся, все еще жадно хватая воздух и даже не открывая затумененных глаз. Захариэль опустился возле брата на колени и начал массировать ему ноги, разминая напряженные мышцы жестокими щипками.

--- Больно! --- воскликнул Немиэль.

--- Будет еще больнее, если этого не сделать, --- возразил Захариэль.

Немиэль закусил губу, дыхание постепенно приходило в норму, а его брат продолжил свои манипуляции, давая возможность мышцам оправиться после непосильного напряжения гонки. Наконец Немиэль смог сесть, тогда Захариэль занялся его плечами.

Видя выражение раненой гордости на лице брата и не желая унижить того еще сильнее, он помалкивал. Однако Немиэль был уже достаточно взрослым, чтобы перенести удар по самолюбию, далеко не

первый за годы их соперничества.

Услышав за спиной тяжелые шаги, Захариэль обернулся и увидел, что возле них остановился Астартес в затейливо украшенных доспехах.

--- Ты быстро бегаешь, парень, --- произнес воин. --- Как тебя зовут?

--- Захариэль, мой лорд.

--- Встань, когда говоришь со мной, --- приказал тот.

Захариэль поднялся и посмотрел в лицо воина. Оно было обветренным и казалось старым, но глаза все еще свидетельствовали о молодости. На доспехах воина было множество символов, значения которых Захариэль не понимал, а в руке он держал золотой жезл, увенчанный каким-то устройством, внешне напоминавшим рогатый череп.

--- Как ты смог выиграть соревнование?

--- Я... Я просто бежал быстрее, --- сказал Захариэль.

--- Верно, --- кивнул воин. --- Но откуда ты черпал силы?

--- Не знаю. Наверное, я привлек все

свои резервы.

--- Возможно, --- согласился Астартес. --- Хотя, как мне кажется, ты и сам не понимаешь, какие именно силы притягивают. Пойдем со мной, Захариэль. Я хочу задать тебе несколько вопросов.

Захариэль оглянулся на Нетиэля, но тот равнодушно пожал плечами.

--- Поспеши, парень! --- бросил воин. --- Или ваши мастера не учат вас послушанию?

--- Прости, мой лорд. А куда мы пойдем?

--- И прекрати называть меня «мой лорд». Это меня раздражает.

--- Тогда как же я должен тебя называть? --- спросил Захариэль.

--- Зови меня брат-библиарий Усрафаэль.

--- Так куда мы пойдем, брат-библиарий Усрафаэль?

--- Куда-нибудь, --- сказал Усрафаэль. --- И там я буду задавать вопросы.

«Куда-нибудь» оказалось кельей для медитаций, куда мастера Оргена

отсылали провинившихся претендентов, чтобы они поразмыслили над своими поступками. Каждая из таких келий была предназначена для созерцания и размышления, в каждой имелось одно окошко, выходящее на леса Калибана, и, глядя в него, мальчики обдумывали свое поведение.

--- Я что-то сделал не так? --- спросил Захариэль, входя в келью вслед за Усрафаэлем.

--- Почему ты так думаешь? Ты что-то натворил?

--- Нет, --- ответил Захариэль. --- То есть я так полагаю.

Усрафаэль жестом приказал Захариэлю сесть на стоящий в центре комнаты табурет, а сам встал у окна, загородив своей массивной фигурой скудный просвет.

--- Скажи мне, Захариэль, --- заговорил Астартес, --- в твоей короткой жизни были ли какие-нибудь странные явления?

--- Странные явления? --- переспросил Захариэль. --- Я не понимаю.

--- Позволь, я приведу тебе некоторые

примеры, — сказал Усрафаэль. — Например, вещи, к которым ты не прикасался, начинали двигаться. Или ты видел сны, которые впоследствии становились реальностью. Или происходило нечто чудовищное, чего ты не мог объяснить.

Захариэль мысленно обратился к схватке с чудовищем из Энгуриго и своей клятве никому не рассказывать о странной победе. Когда-то жители Калибана сжигали людей, обладавших подобными способностями, и он мог только представить, как строго может отнестись к этому Астартес.

— Нет, брат Усрафаэль, — сказал он. — Ничего подобного не было.

Усрафаэль расстелся:

— Ты лжешь, парень. Для меня это так же ясно как день и даже не требуется прибегать к варп-видению. Я спрашиваю снова, было ли в твоей жизни что-нибудь странное? Прежде чем ответить, вспомни, что я узнаю о твоей лжи и, если ты не будешь отвечать правдиво, ты будешь лишен шанса продолжить развитие и пройти дальнейшие испытания.

Захариэль взглянул в глаза
Усрафаэля и понял, что Астартес говорит
совершенно серьезно. Библиарий мог одним
словом исключить Захариэля из числа
участников испытаний, а тот был
намерен победить и доказать, что
достоин большего.

--- Да, --- сказал он. --- Было.

--- Хорошо, --- кивнул Усрафаэль. --- Я
сразу заподозрил в тебе силу. Продолжай.
Что это было?

--- Это случилось, когда я бился с
великим зверем из Эндриаго. Все
произошло само собой. Клянусь, я даже не
знаю, что это такое, --- единым духом
вытащил Захариэль.

Усрафаэль поднял руку:

--- Успокойся, парень. Просто расскажи
мне, что произошло.

--- Я... Я и сам не знаю, --- сказал
Захариэль. --- Зверь меня почти одолел и
собирался прикончить, и тогда я что-то
почувствовал... Я не понимаю... Как будто
моя ненависть поднялась в груди.

--- И что было дальше?

--- Время словно остановилось, и я

смог увидеть то, чего не видел раньше.

--- Что, например?

--- Я видел внутренности зверя, ---
рассказал Захариэль. --- Я смог увидеть его
сердце и скелет. И смог проникнуть в его
тело, как будто передо мной был призрак.

--- Взгляд ужаса, --- констатировал
Усрафаэль. --- Это большая редкость.

--- Ты слышал о таком? Что это было?

--- Это форма предвидения, ---
ответил Усрафаэль. --- При помощи своих
сил псайкер заглядывает за пределы
физического мира, и часть его плоти
перемещается в варп. Это колоссальная
сила, но очень опасная. Тебе повезло, что
ты остался жив.

--- Это сила зла? --- спросил Захариэль.

--- Зла? Почему ты об этом
спрашиваешь?

--- За обладание такими
способностями людей на Калибане когда-то
сжигали на кострах.

Усрафаэль понимающе устехнулся:

--- То же самое было и на Терре,
только очень давно. Всех, кто чем-нибудь
отличался от обычных людей, боялись и

преследовали, хотя никто даже не понимал, чего именно они боятся. А что касается твоих сомнений... Нет, парень, твоя сила не более злобная, чем обычный меч. Это просто инструмент, который можно использовать и во имя зла, и во имя добра, все зависит от того, кто ею пользуется и с какими намерениями.

— Меня из-за этого исключат из соревнований?

— Нет, Захариэль, — ответил Усрафаэль. — Более того, это дает тебе дополнительный шанс быть избранным.

— Избранным?! — воскликнул Захариэль. — Означает ли это, что в процессе испытаний вы выбираете тех, кто сможет стать Астартес?

— Частично, — признал Усрафаэль. — Но еще мы хотим убедиться, что человеческая раса Калибана за период изоляции осталась достаточно чистой, чтобы наш Легион и в последующие годы мог набирать здесь рекрутов.

— А это так? — спросил Захариэль, не совсем понимая смысл слов Усрафаэля, но желая узнать как можно больше о Легионе

и обычаях Астартес.

--- Пока да, --- ответил Усрафаэль. --- Это хорошо, потому что примарху было бы нелегко отречься от своего мира.

--- Примарху? --- переспросил Захариэль. --- Кто такой примарх?

Усрафаэль снисходительно улыбнулся:

--- Конечно, ведь это слово тебе ни о чем не говорит, не так ли? Ваш лорд Джонсон и есть примарх, один из первоинов, созданных Императором в качестве образцовой модели для Астартес. Воины Первого Легиона были сотворены из его генетической структуры, так что мы в некотором роде приходимся ему сыновьями. Я понимаю, все это для тебя полная бессмыслица, но со временем ты все поймешь.

--- Ты хочешь сказать, что есть еще люди, подобные Льву? --- спросил Захариэль, не в силах поверить в существование таких же совершенных существ, как Лионэль-Джонсон.

--- Есть, --- подтвердил Усрафаэль. --- Их всего девятнадцать.

--- А где же они?

--- Ах, --- вздохнул Усрафаэль. --- Об этом рассказывают так...

И Усрафаэль поведал Захариэлю самую удивительную историю из всех, когда-либо слышанных юношей. Это было повествование о раздираемом войнами мире и удивительном человеке, который сумел объединить этот мир под своим знаменем, украшенным орлом и молнией. Усрафаэль говорил о событиях, происходивших тысячи лет назад, когда человечество покинуло свою колыбель и распространилось до самых дальних уголков Галактики. Тогда наступил блистательный рассвет эпохи исследований и развития и тысячи тысяч миров покорились людям.

Но все это закончилось внезапно и убийственно --- временами войны, крови и ужаса.

--- Некоторые именуют тот период Эпохой Раздора, --- сказал Астартес, --- но я предпочитаю термин «Древняя Ночь». Это более поэтичное название.

Что вызвало столь стремительные и

кардинальные изменения, Усрафаэль не уточнил, но рассказал о разбитой империи, об осколках цивилизации, из последних сил цепляющихся за жизнь, о форпостах человечества, рассеянных по всей Галактике, словно забытые острова в темном и враждебном океане.

Калибан, по его словам, и был одним из таких форпостов, миром, колонизированным во времена золотого века и оторванным от древа человечества Древней Ночью.

Долгие тысячи лет раса людей находилась на грани исчезновения. Некоторые миры постигли самоуничтожение в результате жестокого варварства его обитателей, другие пали жертвами триагов враждебных форм жизни, населявших Вселенную наряду с человечеством. Но были и те, которые процветали и становились независимыми источниками прогресса и света, маяками во тьме для будущих поколений людей, способных их отыскать.

Но затем трагедия Древней Ночи стала рассеиваться, и Император начал

строить планы сплетения разрозненных
нитей человечества обратно в единый
гобелен Умперу́та. Усрафаэль ничего не
говорил о происхождении Умператора, но
сказал, что он был рожден давным-давно,
еще когда Терру раздирали жестокие
войны, и жил среди людей дольше, чем
любой другой человек.

На разоренной поверхности Терры
Умператор одержал несметное число
побед и наконец смог объединить этот
мир, прибегнув к помощи первых
генетически улучшенных супервоинов.
Безусловно, эти существа были грубыми
созданиями, но они являлись прототипами
Астартес. После овладения Террой
Умператор задумал сотворить более
совершенных солдат.

И все эти события неизбежно вели к
созданию примархов.

Примархами, как объяснил
Усрафаэль, должны были стать двадцать
легендарных воинов. Эти герои и лидеры
станут генералами многочисленных
армий Умператора и воплотят его
грандиозные планы покорения Галактики.

Каждый примарх должен быть могущественным существом, наделенным частицей гениальности Императора, обаянием и силой его личности. Каждый примарх станет ожившим божеством на полях сражений, будет вдохновлять людей своим непревзойденным героизмом и поведет их от звезды к звезде, навстречу конечной цели.

Захариэль, услышав эту часть истории, тотчас уверился, что Лион Эль-Джонсон и есть такое существо.

Исрафаэль продолжал рассказ о том, как все кузницы Терры работали на полную мощность, заготавливая оружие, военные машины и прочие предметы для снабжения Императорских армий, но его тон стал более мрачным. В тот момент примархи еще только подрастали глубоко под землей, в секретных лабораториях Императора.

Но еще до начала Великого Крестового Похода, как многие окрестили это грандиозное мероприятие, разразилось величайшее несчастье.

Захариэль ощутил необъяснимый

гнев, услышав о гнусных происках, в результате которых младенцы-примархи были украдены с Терры и разбросаны по звездам. Кое-кто считал, что эта катастрофа положит конец великим замыслам Императора, но он продолжал работать, невзирая на все беды, способные сломить любого другого человека.

И Великий Крестовый Поход начался. В первую очередь в ходе бурной кампании был восстановлен порядок на ближайших планетах, и тогда Астартес пришлось пролить кровь в своих родных мирах. Затем был заключен союз со жрецами Марса, и, закончив утиротворение Солнечной системы, Император обратил свой взгляд на бескрайнюю бездну Галактики.

Когда затихли последние отголоски бұрь, так долго державших армии в бездействии, он направил звездные корабли в открытый космос и тем положил начало величайшему предприятию в истории человечества — завоеванию Галактики.

Захария с трепетом ждал рассказов о сражениях и битвах, и сердце

от волнения едва не выпрыгнуло из его груди, когда Усрафаэль повелел о воссоединении Императора с первым из примархов. Этот примарх был известен как Хорус, он вырос и возмужал на унылой, засыпанной пеплом планете, называемой Хтонией, и с радостью возглавил Легион, созданный на основе его генетической структуры.

Воины Хоруса носили название Лунных Волков, они много лет сражались бок о бок с Императором, покоряли одну планету за другой, и Великий Крестовый Поход уходил все дальше от Терры.

В повествовании Усрафаэля настал черед Калибана.

— Мы должны были высадить на Калибан разведывательный десант, как вдруг получили от Императора приказ направить сюда все силы Легиона и сообщение, что сам он последует за нами, как только представится возможность.

— А почему? — спросил Захариэль. — Это из-за Льва?

— Похоже, что так, — ответил Усрафаэль. — Вот только как Император

узнал, что он находится именно здесь, остается для меня загадкой.

--- А когда он придет? --- выдохнул Захариэль, не в силах сдерживать нетерпение перед встречей со столь могущественным человеком. --- Император скоро высадится на Калибане?

--- Уже скоро, --- заверил Исрафаэль.

Глава 15

Последующие дни были самыми беспокойными за всю историю Калибана. За необычайно короткий период поверхность и население претерпели множество изменений. Следом за Астартес на планету высадились сотни мужчин и женщин, уроженцев Терры и других миров с экзотично звучащими названиями.

Большинство из них не являлись военными — это были гражданские чиновники, администраторы, клерки, протоколисты и летописцы. Все они совершенно беспрятственно рассредоточились по поверхности планеты, рассказывая о славе Терры и благородстве великих стремлений Императора. Теперь у очагов недавно образованных поселений звучали различные версии той же истории, что брат-библиарий Усрафаэль рассказывал Захариэлю.

Повествования о славе Императора и Императора стали самой

распространенной темой на Калибане, вытеснив все без исключения старинные мифы и легенды.

Появились на планете и другие пришельцы — укутанные в плащи с капюшонами существа, состоящие из металла и плоти, которых называли механикутами. Эти загадочные создания были хранителями технологий Империи и часто летали над поверхностью планеты на ревущих крылатых машинах.

Кроме истории развития человечества за те несколько тысяч лет, что длилась их изоляция от Терры, местные жители узнали много нового. Пришельцы охотно делились техническими научными достижениями, отсутствующими на Калибане, и люди с восторгом перенимали новинки, доселе неведомые в их мрачном и опасном мире.

После освобождения от тирании великих зверей жители Калибана получили возможность свободно заниматься усовершенствованием своего мира. При помощи новых технологий Империи они

расчищали огромные пространства под сельскохозяйственные культуры, разрабатывали месторождения полезных ископаемых для производства прочных металлов и строили более эффективные заводы, поднимаясь из темных веков своего существования к светлой эпохе просвещения.

Кроме гражданских лиц на Калибана появилось много представителей воинского персонала, и вот здесь начались первые тренировки.

Основная часть населения Калибана приветствовала Астартес, в лице которых видела наивысшее воплощение рыцарских орденов, испокон века правивших планетой, а сами рыцари отождествляли их с героями древних легенд.

Но, как ни радовались рыцари Калибана совпадением принципов организации Легионов и орденов, вскоре выяснилось, что различий между ними больше, чем сходства. Если рыцарские ордены получали удовольствие от разногласий и часто прибегали к вооруженным столкновениям, вместо того

чтобы разрешать споры мирным путем, то Астартес объединяла общая цель и общая воля. Подобную разобщенность нельзя было терпеть, и по договору между Львом и Астартес отдельные рыцарские братства были распущены и отданы под командование Первого Легиона.

Столь решительный шаг, безусловно, не был осуществлен за один день, и преобразование не могло не вызвать недовольства, но после обращения Льва в пользу объединения рыцарей, когда он пообещал воинам новую славу на службе Императору, недовольные голоса утикли, хотя и не все.

Еще больше трудностей возникло после появления на Калибане представителей других подразделений -- солдат Имперской Армии. Проводимые Астартес испытания уже определили наиболее вероятных кандидатов на пополнение рядов Легиона, но значительное большинство жителей планеты было призвано служить Императору в армии.

До возникновения Оргена привилегией

заниматься военным делом пользовались только представители знати, а имперские вербовщики проникли во все слои населения Калибана и каждому предлагали воспользоваться шансом сражаться во славу Императора в тысячах разных миров. Они обещали возможность путешествовать, посетить далекие загадочные планеты и стать частью истории.

Десятки тысяч жителей Калибана стекались на приетные пункты Имперской Армии, и рыцари недовольно ворчали, что после того, как крестьянам будет позволено принимать участие в боях, пропадет все благородство воинского занятия. Война — занятие для аристократов, а если позволить участвовать в ней людям низкого происхождения, она превратится в ужасную массовую резню.

Как только армейские экзакторы набрали достаточное количество рекрутов, по всему Калибану были организованы тысячи лагерей, где мастера мунштровки и сержанты начали обучать

взрослых жителей Калибана имперскими
способам ведения войны.

В течение невероятно короткого
времени поверхность планеты из царства
непроходимых лесов и затков
превратилась в мир, подчиненный нуждам
военной промышленности, звенящий от
грохота заводских кувалд и топота ног.
Население активно готовилось к войне.

Это было время великих чудес и
надежд, время перемен, но никакие
перемены не проходят безболезненно.

Захариэль и Неллиэль не спеша
обходили крепость Алдарух по наружной
стене. Они широко шагали и держали
спины идеально ровно. Оба, казалось, стали
немного выше и держались с большей
гордостью, чем накануне.

Доспехи юношей сверкали свежей
полировкой, и черные пластины брони
слепили глаза отраженным светом, а
оружие было так тщательно вычищено,
словно от этого зависела их жизнь. Не
были забыты ни кожаные сапоги, ни
белоснежные стихари, наброшенные поверх

доспехов, и оба рыцаря, прогуливающиеся по стене, представляли собой внушительное зрелище.

--- Интересные времена настали, ты не находишь? --- спросил Нетиэль, поглядывая вниз, на группу новобранцев, марширующих по обширному плацу, построенному механиками к прибытию Императора.

Десятки других таких же отрядов под лучами полуденного солнца занимались строевой подготовкой, отрабатывали приемы боя, а несколько групп проводили занятия внутри крепости, что еще месяц назад даже невозможно было себе представить.

Захариэль кивнул, затем спросил:

--- Разве не ты говорил, что эти дни были сплошным мучением?

--- Ну, говорил. А как еще можно было назвать те дни?

--- Удивительными, --- ответил Захариэль. --- Волнующими, захватывающими.

--- Что ж, я не стану этого отрицать, брат, --- согласился Нетиэль. --- Но разве

тебя не много не тревожит, как быстро все
меняется?

--- Нет, --- сказал Захариэль и указал
на просторную площадку, расчищенную от
леса. --- Ты только посмотри, что с нами
происходит. Мы воссоединились с Террой, о
чем мечтали... Не могу сказать, как гавно,
но с тех самых пор, как появились первые
легенды, все, чего мы так сильно желали,
воплотилось в жизнь, а ты все еще
сомневаешься?

--- Нет, не то чтобы сомневаюсь, ---
взмахнул руками Немуэль в
приглушенном жесте. --- Просто... Не
знаю... Призываю к осторожности. Это
ведь разумно, не более того.

--- Думаю, да, --- не стал спорить
Захариэль, скрестил руки на груди и
наклонился над паранетом.

На горизонте высоко к небу
поднимались столбы дыма, и он знал, что
там расчищаются громадные
пространства для строительства
гигантского производственного комплекса
и рабочих поселений.

Несколько дней назад он съездил

верхом к одному из таких сооружений и был поражен размахом работ, производимых механикатами: склоны гор разорвали глубокие шрамы траншей и тысячи акров леса бесследно исчезли, уступив место перерабатывающему комбинату.

Нравится им это или нет, но Калибан уже никогда не будет прежним.

--- Да, --- наконец заговорил Захариэль. --- Я согласен, все происходит очень быстро, но это ради нашего же блага. Став частью Империи, мы должны посылно участвовать в Великом Крестовом Походе.

--- Конечно должны, --- согласился Нетиэль, подходя ближе. --- Но мне стыдно, что все происходит именно так.

С этими словами он показал на приземистые сооружения, разбросанные вокруг крепости: казармы, оружейные склады, столовые и ангары для военных машин. Там же стояли уродливые коробки на гусеницах, которые имперцы называли «Хилерати». Эти шумные и неудобные для езды машины мгновенно превращали землю

в грязное месиво.

В них не чувствовалось никакого благородства и даже само название после многих лет страхов перед подобными существами, обитавшими в темных лесах Калибана, вызывало у него смутное беспокойство.

— Не станешь же ты утверждать, что счастлив делить Алгарух с этими старыми крестьянами? Новый лорд Символ от одной этой мысли готов взорваться.

— Не стану возражать, это кажется мне немного странным, но я искренне верю, что все идет к лучшему. Ладно, разве ты не рад, что нас выбрали для финальных испытаний Астартес?

Немиэль сверкнул улыбкой, и к нему сразу вернулось все его высокомерие.

— Конечно рад. А разве я тебе не говорил, что так и будет?

— Говорил, братец, — устехнулся Захариэль. — И ты снова оказался прав.

— Это уже входит в привычку, — не удержался от колкости Немиэль.

— Не слишком на нее надейся, —

предупредил его Захариэль. — У меня такое чувство, что чем больше мы узнаем об Астармес, тем чаще можем ошибиться.

— Как это?

— Не далее как вчера я сказал Усрафаэлю, что Император подобен богу, и его чуть не хватил удар.

— В самом деле?

Захариэль серьезно кивнул:

— Да. Он взял меня за плечи и приказал никогда больше так не говорить. Объяснил, что их миссия частично состоит и в том, чтобы положить конец глупым суевериям и сказкам о богах, демонах и тому подобному.

— Они не верят во все это?

— Нет, — решительно ответил Захариэль. — Не верят сами и не хотят, чтобы верили остальные.

— Это звучит как-то ограниченно.

— И мне так кажется, — признал Захариэль. — Но вдруг они правы?

Немиэль повернулся к брату:

— Может, правы, а может, и нет, но я считаю, что каждый должен относиться

и неведомому без предубеждения.

— С каких это пор ты стал таким разумным? — улыбнулся Захариэль. — Обычно ты без оглядки прыгаешь первым.

Немиэль растаял:

— Да, верно, но, видно, с возрастом я становлюсь мудрее.

— Тебе всего пятнадцать, как и мне.

— Тогда я, вероятно, более внимательно прислушиваюсь.

— К чему ты прислушиваешься? — прищурился Захариэль.

— К разговорам членов Ордена, — пояснил Немиэль. — К словам старших рыцарей.

— И что же говорят старшие рыцари? — спросил Захариэль.

— Тебе лучше послушать самому, — ответил Немиэль, и его серьезный взгляд удивил Захариэля, не раз упрекавшего брата за излишнее легкомыслие.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сегодня ночью будет собрание. Мне кажется, стоило бы на нем присутствовать.

— А где оно состоится?

--- Подходи к Монастырским Вратам
Круглого Зала после вечернего колокола, и
я тебе покажу.

--- Звучит загадочно, --- заметил
Захариэль. --- И предвещает
неприятности.

--- Пообещай, что придешь.

Захариэль задумался, прежде чем
ответить, но честное выражение глаз
брата помогло ему принять решение.

--- Хорошо, --- сказал юный рыцарь. --- Я
приду.

--- Отлично, --- обрадовался Нетиэль. ---
Ты не пожалеешь.

Как только отзвенело эхо последнего
удара колокола, Захариэль остановился у
Монастырских Врат. Лампы уже
потушили и сенешали, подметавшие
коридоры, разошлись. Но какой-то
неведомой причине Захариэль
предпочитал, чтобы его никто не видел,
хотя о том, что его вылазка должна
сохраняться в тайне, не было сказано ни
слова.

Юноша не мог отрицать, что в душе

сам испытывает желание принять участие в загадочной встрече, и мятежный дух не был чужд его сердцу. Монастырские Врата казались закрытыми, и Захариэль, оглядевшись по сторонам и убедившись, что за ним никто не наблюдает, пересек проход и прикоснулся к теплоту дереву створок.

Он повернул ручку и ничуть не удивился, обнаружив, что замок не заперт. Надавив плечом, он приоткрыл одну створку. Петли скрипнули, и Захариэль недовольно поторщился, а потом проскользнул внутрь и быстро закрыл за собой дверь. Прижавшись к стене, он повернулся лицом к центру зала.

Круглый Зал был освещен всего несколькими свечами, горевшими в железных канделябрах вокруг центрального возвышения. Витражные стекла таинственно поблескивали в сумрачном свете. Казалось, что глаза изображенных на них героев обращены прямо на него и обвиняют в посягательстве на их покой.

Захариэль молча попросил у них

прощения и остотрелся в поисках Нетиэля. Большая часть помещения была погружена во тьму, и слабые лучи свечей не дотягивались дальше первых рядов каменных скамей.

— Нетиэль? — прошептал юный рыцарь и испуганно затер, когда его голос, усиленный акустикой зала, докатился до самых дальних уголков.

Он снова окликнул брата, но темнота опять ответила молчанием. Захариэль потряхнул головой, ругая себя за согласие принять участие в этой дурацкой затее. Какую бы изрү ни задумал Нетиэль, пусть теперь обходится без него.

Захариэль отвернулся от каменных скамей и затер, обнаружив на центральном возвышении Нетиэля.

— А, вот и ты, — с устешкой произнес тот.

Нетиэль не откинул капюшона, и его лицо скрывалось в тени. И если бы не голос и знакомый силүэт, было бы невозможно определить, кто именно находится на помосте. В руке он держал фонарь с наполовину закрытой створкой, который

отбрасывал на пол зала круг теплого света.

Захариэль при виде такой театральности со стороны брата недовольно поморщился, но не стал показывать своего недовольства.

— Ну ладно, я пришел, — сказал он. — Что ты хочешь мне показать?

Немиэль жестом пригласил его подняться на возвышение в центре Круглого Зала, и Захариэль прикусил нижнюю губу. Подъем по ступеням означал бы, что он соглашается принять участие в задуманном мероприятии, и Захариэль понимал, что после этого пути к отступлению не останется.

— Ну же, пошли, — поторопил его Немиэль. — Нельзя заставлять собрание ждать.

Захариэль кивнул и стал подниматься по истертым ступеням туда, куда разрешалось входить только мастеру Органа. Во время подъема он с удивлением ощутил легкое головокружение, но вскоре вступил на гладкий трапез возвышения.

Оказавшись на одном уровне с братом, Захариэль понял, почему не увидел его сразу, как только вошел в Круглый Зал. Нетиэль стоял рядом с верхней ступенькой каменной лестницы, уходящей вниз по спирали через центр Круглого Зала. Ясно, что его брат поднялся по ней из какого-то помещения, находящегося гораздо ниже, хотя Захариэль и не имел представления ни о существовании лестницы, ни о расположенных внизу потайных комнатах.

--- Набрось на голову капюшон, --- сказал Нетиэль.

Захариэль выполнил его просьбу.

--- А куда мы идем? --- спросил он.

--- Под Круглый Зал, --- ответил Нетиэль. --- Во Внутренний Круг.

На винтовой лестнице было совсем темно, если не считать дрожащего огонька фонаря в руке Нетиэля. Захариэль шел позади брата, и с каждым шагом вниз его беспокойство становилось все сильнее.

--- Скажи мне, куда мы идем, --- снова спросил он.

--- Ты скоро сам все увидишь, --- не

оборачиваясь, отвечал Нетиэль. — Мы уже почти на месте.

— А что это?

— Терпение, братец, — сказал Нетиэль, и Захариэль молча проклял его уклончивые ответы.

Но он понял, что больше ничего не добьется, а потому сдержал нетерпение и продолжал спуск. К тому времени, когда они достигли дна, Захариэль насчитал более тысячи ступеней.

Винтовая лестница закончилась в зале с низким полукруглым потолком и кирпичными стенами, лишенными каких-либо украшений. Как и зал наверху, это помещение имело круглую форму и лестница пересекала его от потолка до пола. С четырех сторон со свода свисали четыре масляных лампы, а под каждой лампой стоял человек в белом стихаре с капюшоном.

Все четверо стояли совершенно неподвижно, лица скрывали капюшоны, у всех руки были сложены на груди. Захариэль не мог не заметить, что у каждого имелся церемониальный кинжал.

похожий на тот, что использовался на первой процедуре вступления в Орден.

На белых стихарях людей отсутствовали какие-либо знаки различия, и Захариэль перевел взгляд на Нетиэля, ожидая разъяснений.

— Это твой брат? — спросил один из присутствующих.

— Да, это он, — подтвердил Нетиэль. — Я поговорил с ним и уверен, что он разделяет наши сомнения.

— Хорошо, — сказал второй. — Если нет, можно ожидать неприятных последствий.

Захариэль ощутил, как в нем разгорается гнев.

— Я пришел сюда не затем, чтобы мне угрожали, — произнес он.

— Я говорил не о последствиях для тебя, юноша, — пояснил тот, кто говорил вторым.

Захариэль пожал плечами:

— Зачем меня позвали? Что здесь происходит?

— Это собрание Внутреннего Круга, — сказал первый. — Мы намерены обсудить

будущее нашего мира. Нелмиэль сказал, что ты пользуешься особым расположением Льва, и если это так, ты сможешь стать нам ценным союзником.

--- Особое расположение? --- переспросил Захариэль. --- Мы с ним несколько раз разговаривали, но не стали близкими друзьями, как они с Лютером.

--- Но вы оба сопровождали его в день прибытия ангелов, --- произнес третий участник собрания. --- И вы будете с ним рядом в качестве почетного караула, когда придёт Император.

--- Что?! --- воскликнул Захариэль.

Это заявление стало для него новостью.

--- Об этом будет объявлено завтра, --- сказал первый участник. --- Теперь ты понимаешь, почему брат пригласил тебя сюда?

--- Не совсем, --- признался Захариэль. --- Но если вы расскажете, я внимательно выслушаю.

--- Просто выслушать недостаточно. Прежде чем двинуться дальше, мы должны удостовериться, что все согласны с

выбранным кўрсом. Подтвердив свое
единомыслие, мы будем не вправе
отступиться от своей цели.

--- От какой цели? --- спросил
Захариэль.

--- Не позволить Империяту отнять у
нас Калибан! --- энергично воскликнул
третий из участников, и под его
напущением Захариэль успел заметить
резкие черты ястребиного лица и
выступающий подбородок.

--- Отнять у нас Калибан? --- удивился
он. --- Я не понимаю.

--- Мы должны остановить их, ---
сказал второй участник. --- Если мы этого
не сделаем, они нас уничтожат. Все наши
мечты, наши традиции, наша культура ---
все будет разрушено и заменено лживыми
обещаниями.

--- Не только мы понимаем эту
необходимость, --- продолжил третий
участник собрания. --- Знаешь, я сегодня
сделал выговор часовому за
невнимательность на посту, а он
остелился мне перечить! Никогда не
сталкивался ни с чем подобным. Он сказал,

что нам теперь нет необходимости
охранять стены, потому что нас
защитит Империя.

— То же самое наблюдалось и в моем
Оргене до того, как братство было
распущено, — проворчал второй. Тогда
Захариэль понял, что перед ним не только
рыцари Оргена, но и члены
расформированных братств.

Претенденты перестали слушаться своих
мастеров, только и думают, как бы
пройти испытания Астартес. Похоже, весь
мир сошел с ума и позабыл свое прошлое.

— Но они указывают нам путь в
будущее, — возразил Захариэль.

— И это только свидетельствует о
хитрости наших врагов, — заметил
первый. — Представь, что бы произошло,
если бы они честно заявили о своих
намерениях и с самого начала дали
понять, что собираются нас покорить.
Тогда весь Калибан восстал бы с оружием
в руках, но они действуют более
осторожно, они притворяются, что
намерены нам помочь. Они называют себя
нашими братьями, и мы приняли гостей с

распростертыми объятиями. Это хитрая стратегия. А к тому времени, когда основная масса нашего народа поймет, что происходит в действительности, будет слишком поздно что-либо менять. Нога захватчика прочно утвердится на нашей земле, подставленной нами с готовностью.

— Верно, но не следует забывать, что их поведение свидетельствует также и об их слабости, — вмешался третий участник. — Нельзя не учитывать этот фактор. Если бы они были уверены, что легко смогут завоевать наш мир, в притворстве не было бы необходимости. Нет, наши враги не столь всемогущи, какими хотят казаться. Пропагандисты и пропагандистские летательные аппараты и Первый Легион, мы — рыцари Калибана. Мы победили великих зверей. И мы сможем выбросить вон этих проклятых захватчиков.

Захариэль не верил своим ушам. Неужели эти рыцари не слышали о Великом Крестовом Походе? Неужели они не знают о грядущей славе и чести? Разве может кто-то не захотеть принять

участие в воплощении великих замыслов?

--- Это полное безумие! --- воскликнул Захариэль. --- Как вы можете хотя бы подумать о войне против Империи? Их оружие гораздо эффективнее нашего --- стены любой крепости не устоят против него и одного дня.

--- Тогда мы уйдем в леса! --- взревел третий участник. --- Оттуда можно будет наносить молниеносные удары и отступать, пока враги не успеют подготовиться к контратаке. Вспомните слова «Изречений». «Воин должен тщательно выбирать поле для сражения, чтобы усилить собственные возможности и свести на нет усилия противника».

--- Мы все прекрасно знаем «Изречения», --- прервал его первый из заговорщиков. --- Я пытаюсь заставить вас понять, что нам не по силе выиграть эту войну в одиночку. Мы должны настроить против захватчиков весь Калибан. Только тогда можно надеяться на победу.

--- Нам необходимо создать ситуацию, в которой люди увидят истинное лицо нашего врага, --- добавил второй. --- Наго

помочь народу заглянуть за поверхностные улыбки и сладкоречивые обещания, чтобы разглядеть скрывающееся за всем этим зло.

--- Точно так думаю и я, --- согласился первый. --- И надо действовать быстро, пока враг еще не укрепился в нашем мире. Я уверен, пройдет некоторое время, и захватчики наверняка покажут свое истинное лицо народу Калибана. Но время не наш союзник. Нам придется ускорить события.

--- Во имя Льва, что же вы предлагаете?.. --- воскликнул Захариэль.

--- Я хочу сказать, что нашему делу может помочь любое проявление жестокости, но оно должно быть мощным, чтобы обратить всех здравомыслящих людей против агрессоров.

--- Тогда вам долго придется ждать, --- устехнулся Захариэль. --- Империя никогда не пойдет на такое, и этот разговор --- напрасная трата вашего и моего времени.

--- Ты неправильно меня понял, юноша, --- возразил его оппонент. --- Я

говорю, что мы должны действовать от
их лица, так, чтобы каждый мог обвинить
в преступлениях пришельцев.

В наступившей тишине каждый из
собравшихся обдумал это заявление.

— Ты предлагаешь решиться на
жестокость и обвинить в этом
Имперіум? — заговорил Захариэль. —
Немиэль, и ты с этим согласишься?

— А что нам остается, брат? —
ответил Немиэль, но Захариэль заметил,
что брат не чувствует уверенности в
своих словах и все услышанное поразило его
так же сильно, как и самого Захариэля.

— Имперіуму нельзя доверять, —
настаивал первый заговорщик. — Нам
известно, что они хотят нас поработить,
а наш мир использовать в своих целях. Это
бесчестные люди. А потому нам тоже
придется прибегнуть к хитрости и
обратить их методы против захватчиков.
Огонь должно побеждать огнем. Только
так мы сможем их одолеть.

— Вы говорите об убийстве наших
людей, — возмущился Захариэль.

— Нет, мы говорим об их спасении.

Неужели ты думаешь, что было бы лучше ничего не предпринимать? Ведь наше бездействие обрекает наших детей и грядущие поколения на рабство. Предложенный мной вариант, безусловно, может привести к гибели сотен, а может, и тысяч людей, но в перспективе мы спасем многие миллионы. И, что более важно, сохраним нашу планету, наши традиции и образ жизни, завещанный нам предками. Я спрашиваю тебя, неужели это не стоит нескольких смертей?

--- Погибшие станут считаться мучениками, --- произнес первый. --- Принеся их в жертву, мы сохраним свободу целой планеты.

--- Да, это неплохой вариант, --- согласился второй. --- Мученики погибнут ради свободы Калибана. Я знаю, наши взгляды сейчас не слишком популярны, Захариэль, но такая идея привлечет к нам людей, и, когда настанет время, они все встанут против захватчиков. Насилие покажет наших врагов в самом невыгодном свете и возбудит против них народный гнев.

Захариэль недоверчиво переводил взгляд с одного собеседника на другого и изумлялся, как они могли подумать, что он примет участие в их безумных планах. Из четверых собравшихся людей один до сих пор не подавал голоса, и Захариэль обратился к нему.

— А что думаешь ты, брат? — спросил он четвертого участника собрания. — Ты выслушал все эти безумные речи, но предпочитаешь помалкивать. В такое время нельзя отмалчиваться, и я спрашиваю твое мнение, брат. Более того, я требую, чтобы ты высказался.

— Я понимаю тебя, — после недолгой паузы заговорил четвертый. — Хорошо, если ты хочешь знать мое мнение, послушай. Я согласен почти со всем, что тут было сказано. Но, учитывая мощь противника, придется отказаться от правил честной борьбы. В этой войне мы не можем позволить себе проиграть, и потому придется отбросить угрызения совести и пойти на меры, которые в обычных условиях ты сочли бы безнравственными.

--- Хорошо сказано, брат, --- кивнул первый, --- но ты хотел добавить что-то еще? Ты сказал, что согласен почти со всем. Что вызывает твои возражения?

--- Один вопрос тактики, --- пояснил четвертый заговорщик. --- Вы говорили о необходимости спровоцировать жестокость, создать прецедент --- настолько ужасный, что он сможет отбратить людей от Империи. Но я бы выбрал более прямолинейный удар.

Захариэлю показалось, что воздух в зале сгустился и стало темнее, словно даже свет бежал от произносимых здесь слов.

--- Одним-единственным актом мы можем нанести вражескому духу сокрушительный удар, --- продолжал четвертый из заговорщиков. --- А если обстоятельства сложатся благоприятно, то один решительный шаг поможет выиграть всю войну.

--- О каком акте ты говоришь? --- спросил первый. --- Что это?

--- Это ведь очевидно, --- ответил четвертый. --- Вспомните один из первых

уроков «Цзречений» по тактике: «Чтобы
убить змею, необходимо отсечь ей голову».

Захариэль мгновением раньше
остальных осознал истину.

--- Неужели ты говоришь о...

--- Точно, --- ответил четвертый. ---
Мы должны убить Императора.

Слова эхом отдались в голове
Захариэля, но он никак не мог поверить,
что услышал их. И все же, глядя на
четверых людей в низко нагвинутых
капюшонах, он не мог не сознавать, что их
намерения вполне серьезны. От такого
предательского плана его затошнило и
захотелось убратъся отсюда как можно
быстрее и дальше.

Он развернулся от собрания
заговорщиков и, не говоря ни слова, начал
подниматься в темноту Круглого Зала. За
спиной слышались возбужденные голоса,
выкрикивающие проклятия, но Захариэль
не стал обращать на них внимания и
продолжал подъем.

Ярость горячили углади жгла ету
грудь. Как могли эти люди подумать, что

он будет участвовать в их безумных замыслах? А Нетиэль... Неужели его брат лишился рассудка?

Он услышал позади торопливые шаги на ступенях и протянул руку к висащему на поясе кинжалу. Если заговорщики попытаются его остановить, он встретит их наготове и с оружием в руках.

Снизу показался свет, и впереди его преследователя поднялась тень.

Захариэль вытащил кинжал и развернулся, готовясь к схватке.

Свет приближался, и Захариэль, увидев, что к нему с полукрытым фонарем в руке приближается Нетиэль, выдохнул задержанный в груди воздух.

— Постой, брат! — окликнул его Нетиэль, заметив блеснувший в темноте клинок.

— Нетиэль, — отозвался Захариэль, опуская оружие.

— Да, это было... чересчур решительно, — произнес Нетиэль. — Как ты считаешь?

— «Чересчур» — это еще мягко сказано, — ответил Захариэль. — Название

всему этому — предательство.

— Предательство?! — воскликнул Нетиэль. — Мне кажется, ты придаешь разговору слишком большое значение. Эти фанатики просто выпускают пар. На самом деле они ничего не собираются предпринимать.

— Тогда зачем они поручили тебе привести меня?

— Чтобы услышать твое мнение, как тебе кажется, — рассудил Нетиэль. — Послушай, до тебя же наверняка дошли слухи о роспуске рыцарских братств. Люди этим недовольны, вот они и ропщут. В любое время, при любых резких переменах находятся недовольные, которые начинают ворчать и строить планы, что они могли бы сделать.

— Но они говорили об убийстве Императора!

— Ой, брось, — растеялся Нетиэль. — Вспомни, как часто после уроков мы говорили, что ненавидим мастера Ратиэля, и надеялись, что великий зверь его съест?

— Это совсем грубое дело.

--- Почему?

--- Мы были детьми, Нелмиэль. А это взрослые воины. Это совсем не одно и то же.

--- Может, и так, но они вовсе не собираются предпринимать попыток убить Императора. Это было бы самоубийством. Ты же видел, какие сильные эти Астартес, вообрази, насколько крепче и сильнее сам Император. Если он так могущественен, как о нем говорят, ему не о чем беспокоиться.

--- Нелмиэль, дело не в этом, ты же сам все прекрасно понимаешь, --- сказал Захариэль и снова начал подниматься по лестнице.

--- А в чем же дело, брат?

--- Если это только разговор, прекрасно, я забуду о том, что ты меня сюда приводил и что я слышал о готовящемся в стенах крепости заговоре. А если нет, я должен поставить об этом в известность Льва.

--- Ты отречешься от меня из-за Льва? --- обиженно спросил Нелмиэль.

--- Если только ты не сумеешь
убедить этих людей внизу прекратить
подобные разговоры, --- ответил
Захариэль. --- Все это слишком опасно и
может повлечь гибель людей.

--- Это всего лишь болтовня, --- заверил
его Нетиэль.

--- Тогда она должна прекратиться
сейчас же! --- потребовал Захариэль,
поворачиваясь к брату лицом. --- Ты меня
понял?

--- Да, Захариэль, я все понял, ---
опустив голову, ответил Нетиэль. ---
Пойду и поговорю с ними.

--- Тогда мы больше не будем к этому
возвращаться.

--- Правильно, --- согласился Нетиэль. ---
Ты больше не услышишь ни слова, я
обещаю.

Наступил день, не похожий ни на один из других дней.

Во всей истории Калибана -- ни в легендах рыцарских орденов, ни в народных легендах простых людей -- не было и не будет такого дня.

Безусловно, потом придут другие судьбоносные времена. Будут мрачные дни, знаменующие эру смерти и разрушения, но этот день был другим. Это был день радости. День счастья и волнений, день надежды.

В этот день с небес сошел Император.

И он запомнится как начало эпохи ангелов.

Хотя в этот момент это имя еще не было известно.

Гиганты, Астартес, Первый легион -- все эти названия по-прежнему будут обозначать пришельцев, но со дня появления Императора люди Калибана отдадут предпочтение этому имени с

мистическим оттенком.

И снова станут называть их терранцами.

Это название всем нравилось, поскольку оно напоминало об утраченной связи с родным миром и происхождении первых поселенцев, обосновавшихся на Калибане. Две сотни поколений со времени наступления Древней Ночи у очагов Калибана рассказывали истории о Терре. Теперь легенды стали реальностью. Они обрели плоть в фигурах закованных в броню гигантов.

Момент первого открытия, момент, когда Астартес вступили в первый контакт с жителями Калибана, уже обрел мифические свойства. Из крошечного зернышка реальности выросло огромное дерево различных историй и противоречивых легенд. И очень скоро все позабудут, как это происходило на самом деле.

Но Захариэль знал, что не позабудет истинных событий того дня, поскольку сам был в том лесу рядом с Лионом Эль-Джонсоном и Лютером, когда все только

начиналось.

Не забудет он и о том, что Лютер первым назвал Астартес ангелами, потому что они спускались с неба на крыльях огня. Его фраза передала накал того момента и была вызвана волнением и изумлением, но Джонсон запомнил эти слова и принял их близко к сердцу.

Захариэль, как и другие члены отряда, уже был предан забвению — в рассказах о столь знаменательных событиях всегда упоминаются только главные действующие лица. Со временем его имя и его деяния будут окончательно утрачены, исчезнут в наслоениях многочисленных пересказов, Захариэля это несколько не огорчало. Он знал, что самое главное — это события, а не участники, находившиеся на заднем плане.

В любом случае сказка всегда далека от действительности.

Жителям Калибана легенды были необходимы. Они нуждались в них. В этот короткий период произошли столь резкие перемены, что людям нужно было за что-то зацепиться, чтобы не утратить связь с

реальностью. Захарияэль понимал, что легенды помогают ил разобратсья в собственной жизни.

Нет никаких сомнений, что возникнут десятки легенд, претендующих на истинность, но это в какой-то степени только ускорит исключение его имени. При наличии многих версий событий того дня каждый человек выберет ту, которая ему подходит больше других. В некоторых историях появится оскорбительный оттенок, другие будут рассказываться с величайшим уважением, одни наполнятся невероятными приключениями, другие будут более прозаичны.

Но в одном вопросе все мнения, бесспорно, сойдутся.

Название любой версии этой легенды останется неизменным --- от далеких северных гор до южных океанов, независимо от выбора варианта изложения.

Они станут известны как Сошествие Ангелов.

Вслед за пришествием ангелов со звезд спустились люди и принесли с собой удивительные новинки и чудеса. Но самой

важной новостью стало то, что на
поверхность Калибана во всем своем
величии сойдет творец ангелов ---
Император.

И после его пришествия уже ничто на
Калибана не останется прежним.

Захариэль смотрел, как десятки
тысяч людей заполняют огромную арену,
расчищенную под стенами крепости-
монастыря Оргена. Он никогда еще не
видел так много народу в одном месте, и
картина радостной толпы наполняла его
голову звенящим гулом. А если подумать,
так и такого простора он тоже никогда не
видел, ведь горизонты Калибана всегда
были закрыты лесами, пока машины
механикутов не начали свою
разрушительную работу.

Громадные металлические чудовища
катились вперед, срезая деревья и обрубая
сучья. Эти же самые машины
разворачивались и на обратном пути
выкорчевывали пни вместе с корнями, а
потом разравнивали землю, пока она не
становилась гладкой, словно поверхность

клинка. Стволы деревьев складывали на краю образовавшейся площади в высокие штабеля, а позже использовали в строительстве, а корни и сучья переталывались в щепу и сжигались в огромных кострах.

Картина получалась почти апокалиптической: высокие столбы черного дыма, красное зарево и массивные металлические машины совершенно чудовищного вида. Глядя на них, Захариэль невольно вспомнил великих зверей Калибана, хотя и полностью уничтоженных к этому времени.

Ему с трудом верилось в невероятную удачу, позволившую присутствовать здесь в этот день из дней, когда все члены Оргена и старшие рыцари других братств собрались на площади под знаменем Астармес.

В памяти неожиданно всплыли слова людей со скрытыми капюшонами лицами, собравшихся под Круглым Залом крепости, несмотря на жаркий день, по спине пробежала дрожь. Этим утром он не виделся с Неллиэлем и был рад этому.

поскольку все еще злился на брата за то, что тот затанил его на опасное собрание озлобленных заговорщиков.

Грандиозная воинская мощь, собранная сегодня в одном месте, производила неизгладимое впечатление, и хотя рыцари Ордена были сильны и горды, по сравнению с Астартес они казались подростками.

Высоченные Астартес были людьми-великанами, хотя называть их людьми можно было лишь с большой натяжкой, настолько разительнo они отличались от остальных представителей человечества. Они натного возвышались над Захариэлем в своих сверкающих полированных черных доспехах и разговаривали такими низкими раскатистыми голосами, на какие не способно ни одно человеческое горло.

Астартес были огромины даже без своей брони. Более того, пока их тела оставались скрытыми, Захариэль почти поверил в то, что большую часть внутреннего пространства занимают вспомогательные механизмы, но, увидев гиганта без доспехов, он убедился в неверности своих предположений.

Мигрис стал первым Астартес, который предстал перед Захариэлем без брони, в простом облегающем одеянии кремового цвета. Его массивное и узловатое тело сплошь состояло из мощных мышц и крепких костей, так что казалось почти квадратным. Руки и ноги воина напоминали могучие стволы деревьев из Северной Чащи, а мышцы плеч равномерно поднимались к голове без малейшего намека на шею.

Даже один Астартес производил сильнейшее впечатление, а сегодня больше тысячи гигантов черными статуями возвышались над площадью и еще несколько сотен окружали большой амфитеатр в центре созданной механикутами площади.

Сегодня Император сойдет на землю Калибана, и Захариэль с трудом сдерживал волнение. Немуэль будет завидовать тому, что Захариэля включили в почетный караул Льва, но дружба и соперничество давным-давно чередовались в их жизни.

Доспехи Захариэля блестели, словно

зеркало, хотя, изготовленные по древней технологии, намного уступали броне Астартес. Но в этот день из дней подобных различия не имели значения.

Небольшой наклон площади и плотно стоящая вокруг толпа не позволяли Захариэлю видеть Льва, но он и так знал, что гросстейстер Оргена шагает во главе процессии.

Приветственные крики и восторженные лица так же ясно отмечали путь Льва, как маяки в море указывают путь кораблю. Правитель столь высокого ранга не часто выходил к народу Калибана, однако Лютер предложил пройти по площади, чтобы Император видел его единение с людьми и всеобщую любовь.

В толпе возникла настоящая давка, поскольку всем хотелось взглянуть на столь могущественного рыцаря, который командовал Астартес и возбуждал в народе неподдельное восхищение. Воина столь величественного, энергичного и могучего, что он собирался отправиться на повторное завоевание Галактики, нельзя было не уважать и даже бояться.

ведь кто знает, в какой момент и на какую цель может обратиться его гнев?

Эта мысль непрошенно возникла в мозгу Захариэля, и он снова подумал о тайном собрании, состоявшемся накануне ночью. Лицо отрачилось при одном воспоминании об ужасных замыслах, но он успокоил себя тем, что положил конец предательским разговорам рыцарей, собравшихся в подземном зале крепости, пригрозив доложить обо всем Льву.

При виде блестящих доспехов толпа расступалась перед ним, и Захариэль призначительно кивал, радуясь уважению, соответствующему его статусу рыцаря. Лихорадочное возбуждение окружающих было почти осязаемым, их волнение быстро передавалось юноше и, словно электрический заряд, встряхнуло все его тело. Все собравшиеся здесь люди понимали, что вот-вот станут свидетелями поворота судьбы всей планеты, а такие события крайне редко позволяли обычным обитателям Калибана ощутить себя причастными к ходу истории.

Наконец Захариэль добрался до внутреннего кольца рыцарей, окружавших Льва, и, вступив в ряды собратьев, почувствовал, как участился его пульс. Хотя он и был здесь младше всех, воины уважительно расступились, давая ему возможность выйти на свободное пространство между наружными и внутренними кругами.

Вокруг Льва, словно молодые претенденты, собрались рыцари самого высокого ранга. Несмотря на свою величественную и царственную осанку, они по сравнению с могущественным воином в центре казались почти детьми.

Захариэль никогда не сомневался, что Лион Эль-Джонсон — самая одаренная и выдающаяся личность среди всех живущих. Каждый раз, глядя на Льва, он чувствовал одно и то же: в его присутствии какая-то загадочная сила, казалось, создает в сознании мистическое давление, формирующее чувство надежды и доверия.

Более того, это чувство было всеобъемлющим.

Благоговение. Он ощущал

благоговоение.

Лев действительно был образцом в физическом отношении. Гигант почти трехметрового роста, казалось, был сделан совсем из другого материала, чем все остальные люди. Его тело отличалось превосходными пропорциями и в полной мере соответствовало его росту. Он обладал мощным сложением, был мускулистым, но стройным.

Благодаря тому, что большая часть людей Калибана были темноволосыми, его золотисто-рыжеватая грива привлекала внимание в первую очередь. Однако даже неординарная физическая привлекательность бледнела в сравнении с неуловимыми свойствами его личности.

Джонсона окутывала такая атмосфера величия, такая невыразимая аура власти, что все сразу понимали, почему Лютер дал ему такое имя. Ни одно другое ему бы просто не подошло.

Он был Львом. Никакое другое слово не могло бы его охарактеризовать полнее.

Джонсон обернулся к подошедшему Захариэлю и коротко кивнул ему, без слов.

подтверждая существующую между ними
братскую связь.

Захариэль приветствовал товарищей
по Оргену, рыцарей, долгие годы
остававшихся для него недосыгаемыми
силуэтами, исполненными могущества и
силы. Теперь они стали его братьями по
духу и по оружию. Его ничего не значащая
прошлая жизнь закончилась. Новая жизнь
члена Оргена началась с кровопролития и,
несомненно, им же и закончится.

— Ну наконец-то все собрались.
Может идти, — произнес лорд Символ, и в
его решительном голосе слышались
нотки нетерпения.

— Торопиться некуда, — заметил Лев.
Его звучный и мелодичный голос буквально
проникал под кожу каждого, кто его
слышал, и возбуждал все нервные
окончания. — Мой... Император еще не
прибыл.

— Тем не менее мы должны быть
готовы, — возразил лорд Символ. — Мы
должны следовать соответствующим
традициям и обычаям. И тем более
сейчас, в это время перемен.

Захариэль улыбнулся. В голосе нового лорда Символа, высокого рыцаря, стоявшего рядом со Львом, он услышал нотки нетерпения, а его взгляд выражал откровенную радость.

С другой стороны стоял сэр Лютер, неизменный товарищ и любимый брат Джонсона с того самого дня, когда он обнаружил в лесу неистового дикаря. При всем своем величии Лютер все же сильно проигрывал Льву, но его широкие плечи и открытое лицо свидетельствовали о том, что этот человек не питает ни тени неприязни к более могучему брату.

--- Готовы? --- спросил Лютер. --- Мне кажется, сегодня предстоит интересный день.

--- Интересный... --- повторил Захариэль. --- Буду надеяться, что он не станет чересчур интересным.

--- Что ты имеешь в виду? --- удивился Лютер.

--- Ничего, --- ответил Захариэль. --- Просто пытаюсь поддержать разговор.

Лютер с любопытством взглянул на него, явно подозревая, что Захариэль знает

больше, чем говорит, но не стал
выпытывать его секреты.

--- Пошли, --- настаивал лорд Символ. ---
Уже пора.

Захариэль посмотрел вверх: высоко
над облаками разгоралось ступенное сияние.
Но толпе прокатилась дрожь волнения, и
все лица обратились к небу. Только
Астартес, окружавшие огромную арену
металлическим кольцом, по-прежнему неотрывно
наблюдали за толпой, и у Захариэля
сложилось отчетливое впечатление, что
они кого-то или что-то ищут.

Даже на планете, народ которой с
распростертыми объятиями встречал и
самых Астартес, и Императора, эти
воины не ослабляли бдительности и
продолжали выполнять свой долг.
Захариэль не мог не восхищаться
великими воителями с далеких звезд.

Наконец Лев направился к
амфитеатру в центре расчищенной
площади вдоль двойной линии рыцарей,
сдерживающих приветствующую его
толпу, и размышления Захариэля были
прерваны. Он едва не сбился с шага, следуя

за процессией, но быстро опомнился, и его оплошность никто не успел заметить.

Со всех сторон его окружали освещенные радостью лица людей, готовых воссоединиться со своими давными утраченными братьями, потомками прапородителей их общей культуры, а над их головами развевались яркие праздничные знамена. Обитатели Калибана слишком долго жили в страхе перед великими зверями, страдали от непрекращающихся стычек между рыцарскими орденами и испытывали множество других опасностей, способных прервать их существование, но теперь у них появилось будущее. Впереди вставала заря эры процветания, ведь с технологиями и возможностями Империи они были готовы к любым свершениям.

Каких славных высот можно было достичь с такими машинами и с такими людьми!

Головокружительные мечты настолько заняли мысли Захариэля, что он едва не пропустил внезапно налетевшее странное ощущение предвещающего

опасность холода, пробежавшего по спине.

Но необъяснимой причине его вдруг охватило беспокойство, и тут Захариэль заметил лицо, выделявшееся из радостно-возбужденной толпы.

Человек отличался от всех остальных сосредоточенным видом, и каждая черточка его лица, каждая морщинка говорили о трагичной решимости. Взгляд человека был прикован к марширующей почетной страже, и Захариэль заметил, что он пробирается сквозь толпу вслеп за рыцарями, направляясь к центру арены.

В его облике было что-то знакомое, но Захариэль никак не мог вспомнить, где и когда видел это лицо, пока на него не упала тень, выделив ястребиный профиль и выступающий вперед подбородок.

Человек с подозрительной легкостью маневрировал в толпе, но под простым шерстяным одеянием на мгновение блеснули доспехи. Тогда Захариэль понял, в чем дело, и тотчас вспомнил, где мог видеть этого воина.

Перед его глазами встала сводчатая

комната под Круглым Залом, четыре
латны на потолке и одетые в стихари
заговорщики, вынашивавшие чудовищные
планы. Да, их лица были скрыты
капюшонами, но один из них неосторожно
повернулся лицом к свету, и тогда
Захариэль увидел это лицо... А сейчас тот
же самый человек, преследуя свои злобные
цели, продвигался к высокому
амфитеатру, где Лев должен был лицом к
лицу встретиться с Императором.

Тысячи мыслей билась в голове
Захариэля, словно тело беспомощного
плотца, которого река бросает от одной
скалы на другую и увлекает к ревущему
водопаду.

Юношу охватил страх. Он понял, что
его слова, сказанные Нетиэлю, оказались не
настолько убедительными, как он
надеялся, и собравшиеся в подземелье воины
не поверили его угрозе выдать заговор.

Он уже повернулся, чтобы выкрикнуть
предостережение, но слова застряли в
горле, как только он осознал, что
обвинение в злобном замысле этого
человека падет и на них с Нетиэлем. Кто

поверит, что их присутствие на тайном собрании было совершенно пассивным, что его затанили туда перспективой обсудить будущее Калибана?

При мысли о том, что может произойти, Захариэль почувствовал, как его телом овладевает всепоглощающий ужас, а к горлу подкатывает горячая волна тошноты. Чувство вины примешивалось к страху, и Захариэль принял стелое решение. Он покинул строй своих братьев.

Его поступок вызвал удивленные возгласы, и Захариэль спиной ощутил разъяренный взгляд лорда Символа, но с мрачной решимостью продолжал двигаться к цепи рыцарей, сдерживающих напор ликующей толпы.

Все воины стояли в закрытых шлемах и нагвинутых капюшонах стихарей, но по их напряженным позам Захариэль не мог не почувствовать охватившее их удивление. Не зная, что делать, они просто расступились, и он ринулся в толпу, окидывая взглядом лица людей.

На одно ужасное мгновение ему

показалось, что намеченный противник исчез, но через секунду он определил жертву, поскольку голова тужчины двигалась поперек потока людей.

Захариэль, расталкивая народ одной рукой, а второй придерживая эфес меча, рванулся вперед. Душу его переполняла странная смесь страха и удивления.

Как может этот предатель не сознавать колоссального значения своего замысла? Неужели он не понимает, насколько глупы его намерения?

Расстояние между ними понемногу сокращалось, и казалось, что человек заметил преследование. Он торопливо оглянулся — их глаза встретились над тором стеющихся лиц. В небесах разгорался таинственный свет; все глаза были устремлены вверх, головы запрокинуты, лица по-прежнему выражали восторг и радостное волнение, но у Захариэля не было времени любоваться этой картиной, все его внимание было поглощено преследованием.

Подозрительный воин, хотя и шел целенаправленно, сильно нагибался вперед,

словно нес за спиной значительный груз, и его шаги были гораздо медленнее, чем шаги Захариэля.

Погоня встревожила незнакомца, и он стал энергичнее пробираться сквозь толпу, явно намереваясь снестись с ней, но люди были поглощены созерцанием разгоравшегося в небе зарева, и человек в конце концов остановился — дальше ему было не пройти.

Захариэль тотчас заметил представившуюся возможность и ринулся вперед, расчищая себе путь кулаком и плечами, не обращая внимания на то, что своими ударами может кого-нибудь покалечить.

Вслед ему неслись гневные выкрики, но он игнорировал ругательства и изо всех сил старался догнать свою добычу.

Человек снова попытался пробиться через толпу, но люди, встревоженные неожиданным натиском незнакомца, сплотились вокруг него и образовали непреодолимый барьер рассерженных лиц и злобных голосов.

Захариэль, вытянув руку, схватил

незнакомца за плащ и резко дернул, лишая равновесия. Тем временем свет в небе все разгорался, окутывая поверхность золотистыми бликами, и уже казалось, что над их головами показался пылающий сгусток.

— Отстань от меня! — зарычал незнакомец.

Из-под распахнувшегося плаща блеснули сверкающие доспехи. Как и опасался Захариэль, перед ним был рыцарь Оргена.

— Я не позволю тебе этого сделать! — крикнул Захариэль и обрушил в лицо человека сильнейший удар левой рукой.

Тот отлетел назад, но стена людских тел не дала ему упасть.

— Ты не понимаешь! — протестовал человек, пытаясь ускользнуть от Захариэля. Толпа в испуге немного расступилась, Захариэль подскочил вплотную к противнику, и они сошлись в рукопашной. — Это должно быть сделано!

Рыцарь был крупнее и выше юноши, а также намного опытнее, но раскрытие замысла лишило его уверенности. Он

повернулся, снова пытаюсь вырваться, плащ соскользнул с плеча, и Захариэль увидел, что за спиной у него висит холщовый мешок, в котором явно находится что-то тяжелое. Ноша сковывала движения рыцаря, и, несмотря на весь опыт и превосходство в физической мощи, не позволяла ему действовать эффективно. Захариэль снова нанес удар в лицо, так что сломал противнику нос, и струйка крови крутой дугой взметнулась в воздух.

Люди вокруг испуганно закричали, а Захариэль, зацепив ногой колено незнакомца, резко толкнул его плечом в грудь.

Рыцарь упал, увлекая за собой и Захариэля, оба покатились по земле, не переставая осыпать друг друга ударами. Матерчатый мешок от тяжести груза и резких движений порвался, и на землю со звоном вывалились шесть цельнометаллических латовых дисков.

Они выглядели довольно просто, каждый был около тридцати сантиметров диаметром и несколько сантиметров толщиной, на одной стороне

каждого диска ителась ребристая
рукоятка. Хотя Захариэль и не помнил,
как называются эти предметы, он все же
провел достаточно много времени с
инструкторами Империи, чтобы узнать
пиктографические символы на их
поверхности, означавшие взрывоопасность.

При падении на землю Захариэль
локтем ударил рыцаря в челюсть, а потом
он еще добавил удар по щеке правым
кулаком.

--- Все кончено! --- закричал юноша. ---
Это же просто разговоры! Вы должны были
остановиться!

Противник не мог отвечать,
поскольку все его лицо превратилось в
кровавое месиво, освещенное золотистым
сиянием с небес. Но, несмотря на
повреждения, его глаза внезапно широко
открылись от удивления и наполнились
слезами.

Захариэль невольно повернул голову,
чтобы понять, что привлекло внимание
избитого рыцаря, и от неожиданности сам
открыл рот: с небес к земле плавно
приближался целый город.

Напоминающий оторвавшуюся от базальтового хребта горную вершину, город сиял разноцветными огнями, а его размеры превосходили все вообразимые пределы. Гигантский золотой орел с распростертыми крыльями венчал нос города-корабля, а на корме могучими башнями высились оборонительные укрепления, похожие на величественные сталагмиты.

Противник еще слабо сопротивлялся под Захариэлем, но на их схватку уже не обращали внимания, взгляды толпы были прикованы к колоссальному кораблю над Калибаном и стаям судов меньшего размера, круживших рядом.

Над планетой пронесся внезапно налетевший вихрь. Неизвестно, какая сила удерживала в воздухе огромное сооружение, но она вызывала мощный поток воздуха.

Захариэль увидел перед собой чью-то тень и поднял голову. Над ним угрожающе нависла массивная темная фигура.

Астартес...

Хотя в наружности воина ничего не изменилось, Захариэля внезапно охватил

непреодолимый ужас перед его физической
мощью.

До сих пор Астартес были
добродушными гигантами, хотя и
обладающими нескрываемым потенциалом
силы, но теперь эта сила проявилась в
полной мере. Бронированная перчатка
сопнулась на шею Захариэля и оторвала
его от противника. Его ноги повисли в
воздухе, воздух перестал поступать в
легкие, а давление на горло еще
возрастало.

Колоссальная мощь Астартес была
уже известна всем, и Захариэль ничуть не
сомневался, что гигант способен одним
незаметным движением сломать его шею,
словно сухую ветку.

Слабеющий взгляд еще заметил
других Астартес, бесцеремонно
схвативших его врага.

--- Мигрис, кого ты поймал? --- спросил
один из подошедших.

Астартес взглянул прямо в глаза
Захариэля, и тот, уже теряя сознание,
ощутил, как ненависть воина огнем
прожигает красные линзы его шлема.

--- Πρεγαμελεῖ, --- βροσιλ Μυγρις.

Захариэль очнулся и обнаружил, что находится в сверкающей келье с голыми металлическими стенами, освещенной мягким, почти белым светом из невидимого источника. Он лежал на металлической полке, прикрепленной к стене, и едва попытался сделать глубокий вдох, как сразу поторщился от саднящей боли в горле. Он вспомнил, как Астартес по имени Мигрис держал его на вытянутой руке, словно ненужную тряпку, и ощущение ярости, исходявшее от воина сокрушительной волной.

Он вспомнил и слово «предатель», брошенное ему в лицо, и поспешно сел, припомнив драку в толпе и попытку покушения на жизнь Императора. А вдруг при Сошествии Ангелов присутствовали и другие заговорщики? Что если их злобный план удался?

Грудь сжалась от ледящего ужаса, и Захариэль, с трудом переводя дыхание, поднес руку к горлу. Даже не видя себя, он

знал, что шея почернела от кровооттока, оставленного мощной лапой Мидгиса.

Ноги у него не доставали до пола, и если эта металлическая полка служила в келье кроватью, она явно была предназначена для кого-то гораздо более рослого. Захариэль огляделся, но не обнаружил ни источника света, ни каких-либо признаков выхода. Ничем не прикрытые металлические стены были абсолютно гладкими.

— Эй! — прохрипел он. Попытка заговорить вызвала сильную боль, и его голос прозвучал не громче, чем обычный шепот. — Здесь есть кто-нибудь?

Не получив ответа, Захариэль соскользнул с металлической койки на пол и отметил, что доспехи с него сняли, переодев в простое одеяние пенитента. Означало ли это, что он был уже осужден?

Захариэль медленно обошел комнату и попытался отыскать выход или хоть какое-то средство для общения со своими тюремщиками. Не обнаружив ничего похожего, он забарабанил кулаками по стенам, но звук везде был одинаковый, и

ничто не указывало на существование двери.

Наконец он прижался щекой к стене напротив койки и, глядя вдоль поверхности, отыскал два параллельных стыка, вероятно обозначающих дверь, но так и не сумел ее открыть.

В одном он был уверен: он находится не на Калибане. Неужели это один из кораблей, на котором Первый Легион странствует среди звезд? Стены слегка дрожали от едва заметной вибрации, и он даже услышал отдаленные удары, которые могли быть биением могучего сердца корабля. Несмотря на затруднительное положение, Захариэль не мог удержаться от волнения при мысли, что оторвался от поверхности родной планеты.

Невозможность связаться с внешним миром и заявить о своей невиновности разочаровала его, и Захариэль вернулся к койке. Он же остановил предателя и сорвал попытку покушения, неужели они этого не поняли?

Ему совершенно нечем было занять мысли, и воображение тотчас нарисовало

самые мрачные картины.

Возможно, Император убит и его Астартес обрушили на Калибан всю тяжесть возмездия, стирая с лица планеты своими могучими орудиями все города и крепости.

Возможно, рыцари Оргена в этот момент находятся в заключении в таких же кельях и от них пытками добиваются признания вины. Мысль о том, что Астартес могут выступить в роли палачей, показалась ему смешной, но Захариэль не мог удержаться от дрожи, представив себе раскаленное железо, ножи и прочие инструменты, которые могли быть пущены в ход.

Делать было совершенно нечего, и Захариэль снова лег, но едва он опустил голову, как ощутил легкое движение воздуха. Юноша поднял взгляд и увидел, что через странную дверь в келью входят двое Астартес в простых черных доспехах. Они бесцеремонно стащили его на пол и поволокли к выходу.

Снаружи их поджигали брат Исрафаэль и еще один воин в белых

доспехах с очень большой перчаткой на правой руке. Захариэля поволокли по коридору с такими же голыми металлическими стенами, как и в келье, хотя и не так ярко освещенному.

--- Пожалуйста! --- взмолился Захариэль. --- Что вы делаете? Куда вы меня тащите?

--- Затолчи! --- приказал ему один из Астартес, и он узнал голос Мигриса, того самого воина, который оторвал его от поверженного лютенника.

--- Брат-библиарий Усрафаэль, прошу, скажи, что происходит?

--- Захариэль, сейчас тебе лучше бы помолчать, --- откликнулся Усрафаэль.

Затем они свернули за угол и направились к входу в темное помещение. Едва оказавшись внутри, Захариэль ощутил, как понизилась температура воздуха. В ноздри ударил какой-то резкий запах, и он увидел, как дыхание превращается в пар.

Свет в комнату поступал только из коридора, но, когда все вошли и дверь за ними закрылась, стало совсем темно.

Рүки в бронированных перчатках поставили его на ноги и оставили одного в полной темноте.

— Что случилось? — снова спросил Захариэль. — Почему вы мне не скажете, что происходит?

— Тихо, — слышался чей-то незнакомый голос.

Захариэль подпрыгнул от неожиданности, ведь он был слеп, как если бы глаза вырвали из глазниц. Он слышал вокруг себя шаги, но не мог понять, сколько человек находится в помещении. Он знал, что здесь оставались Усрафаэль, Мидрис и второй воин, тащивший его, а также Астартес в белых доспехах, но кто еще?

— Захариэль, — раздался из темноты голос Усрафаэля. — Это твое имя?

— Ты же знаешь, что мое! Усрафаэль, прошу тебя, скажи, что случилось?

— Ничего, — ответил Усрафаэль. — Ничего не случилось. Заговор провалился, и с лжатежником работают дознаватели. Скоро мы узнаем имена всех, кто задумал причинить нам зло, и тогда разберется с ними.

--- Я не итею к ним никакого отношения! --- воскликнул Захариэль, в страхе стискивая кулаки. --- Я остановил его.

--- И только по этой причине ты еще не на пыточном столе и сведения из тебя не выбиты, --- проворчал Мигрис. --- Расскажи нам все, не пропуская ни единой мелочи, иначе это плохо для тебя закончится. Начни с того, как ты узнал о планах брата Ульента.

--- Брат Ульент? Вот как его зовут? Я даже этого не знал.

--- Тогда почему ты бросился за ним в толпу? --- спросил Мигрис.

--- Я увидел его лицо... Оно как-то... не знаю... Оно отличалось от других.

--- Отличалось от других? --- повторил Исрафаэль. --- И это все? Одно лицо в многотысячной толпе --- и ты смог его заметить?

--- Я чувствовал, что-то не так, --- объяснил Захариэль. --- Я просто знал, что в толпе что-то происходит, а когда окликнул этого человека, он побежал.

--- Вы видите?! --- воскликнул

Мигрис. — Он лжет. Надо прибегнуть к боли и добиться вразумительного признания.

— Признания?! — крикнул Захариэль. — Нет! Я пытаюсь рассказать вам о том, что произошло!

— Ложь! — бросил Мигрис. — Признайся, ты с самого начала принимал участие в заговоре! Ты прекрасно знал о планах Ульента, а потом испугался. Ты предатель и трус!

— Я не трус! — возмущился Захариэль.

— Но ты не отрицаешь, что ты предатель?

— Конечно отрицаю! Ты извращаешь мои слова!

— Он говорит как настоящий заговорщик, — сказал Мигрис. — И зачем мы только тратим на него время?

— Ну, заговорщик он или нет, он может знать личности других соучастников, — заметил Усрафаэль. — Так или иначе он все нам расскажет.

— Пожалуйста, брат Усрафаэль, — закричал Захариэль, — ты же знаешь, что

я не предатель, скажи им!

Голоса продолжали преследовать его из темноты, и каждый выпад невидимого противника ранил Захариэля ужасными обвинениями. С каждой новой жестокой фразой в груди его все сильнее разгоралась ярость. Если уж они намерены казнить его за какое-то воображаемое предательство, он не собирается доставлять им удовольствие и молить о пощаде.

--- Я не совершил ничего плохого! --- крикнул Захариэль. --- Я --- рыцарь Оргена!

--- Ты --- ничтожество! --- взревел Мидрис. --- Ты --- смертный, послевший прилкнуть к врагам Империи. Для такого, как ты, ни одна казнь не будет слишком жестокой.

--- Я же остановил его, разве не так? --- протестовал Захариэль. --- Неужели вы так глупы, что не понимаете этого?

В темноте к его горлу взметнулась рука, и хотя Захариэль не мог ее видеть, он ощутил угрозу и едва не вскрикнул от боли в поврежденном горле.

--- Я тебя убью за такие слова?! --- прорычал Мидрис.

— Уложи его, Мигрис, — слышался голос Усрафаэля. — Я загляну в него.

Захариэля бросили на металлический пол темного зала, и он мгновенно скорчился, почувствовав приближение еще одного воина. Тяжелые шаги затихли рядом с его головой, а от усилившегося холода по телу пробежала дрожь.

— Брат Усрафаэль? — неуверенно спросил он.

— Да, Захариэль, это я, — ответил Астартес.

Захариэль почувствовал, как на голову опустилась обнаженная рука с массивными пальцами, которые слегка подрагивали от странного внутреннего движения.

Внезапно пучок энергии, словно выброс адреналина, пронзил тело юноши, и Захариэль невольно вскрикнул. Он почувствовал, что становится каким-то сонным и безвольным, попытался бороться с этим, но силы быстро иссякали, и он с трудом удерживал сознание, а чье-то постороннее вмешательство уже просеивало его воспоминания.

На языке появился металлический привкус, хотя губы были плотно сжаты от боли. Мозг Захариэля заполнился ослепительно ярким светом, неведомая сила, используемая Исрафаэлем, пыталась проникнуть в самые потаенные мысли. Чьи-то раскаленные пальцы шарили внутри его черепа, Захариэль снова пронзительно вскрикнул и обратился к той самой силе, которая помогла ему победить монстра из Энгриаго.

— Убирайся из моей головы! — закричал он, и вторгшаяся сила немного отступила перед его решительностью.

В голове вспыхнули мерцающие образы, перед глазами появилась светящаяся серебристая паутина лучей, потом проявились силуэты воинов в тяжелых доспехах, и их тела возникли в том же виде, в каком некогда предстало чудовище.

Захариэль повернул голову и увидел, что находится в круглой комнате, почти точно такой же, как Круглый Зал на Калибане. Грани всех поверхностей испускали неяркое сияние, словно над ними

плясали мерцающие пылинки, и Астартес
он видел совершенно отчетливо, как будто
каждый был ярко освещен.

--- Я вас вижу, --- произнес он.

Он увидел, как Астартес в
замешательстве переглянулись, удивляясь
его растущей силе. Но в следующее
мгновение серебристые контуры потеркли
и его мозг ощутил мощное давление
посторонних сил.

--- Осторожнее, Захариэль, --- услышал
он успокаивающий, но какой-то бесплотный
голос, и от этих слов моментально
затихла боль, пронизывающая каждый
нерв. --- Ты еще не умеешь пользоваться
своей силой, а с ней нельзя обращаться
протетчиво.

Даже самые
могущественные существа из нашего
племени не ведают всех опасностей
подобных вещей.

Несмотря на то что Захариэль ясно
слышал этот голос, он был уверен, что
слова предназначаются только ему, не
достигая слуха ни Мидриса, ни Исрафаэля.
Как голос находил дорогу в его мысли, он
не мог даже представить, однако

подозревал, что это та самая сила, благодаря которой он убил великого зверя из Эндриаго, та самая, которой невидимый собеседник пропитал его тело.

Голос исчез, едва успев прозвучать, и Захариэль вздрогнул, когда к нему снова обратился брат Исрафаэль:

— Знаешь, я могу извлечь из твоей головы все необходимые сведения и без твоего согласия, но от тебя тогда останется гораздо меньше, чем было, а может, и вовсе ничего. Для тебя будет лучше, если ты сам добровольно все расскажешь.

Давление на мозг прекратилось, и Захариэль, мучительно застонав, распростерся на металлическом полу.

— Хорошо, — сказал он. — Я все вам расскажу.

Захариэль заставил себя подняться на ноги и гордо выпрямился перед своими обвинителями, твердо решив не показывать страха. При вступлении в Орген на первом же испытании он противостоял вопросу, учиненному Львом.

Лютером и лордом Символом, и это
гознание решил встретить с не меньшей
отвагой.

Серебристое сияние к тому времени
окончательно рассеялось, и свой рассказ
Захариэль излагал в полной темноте.

Он рассказал о тайном собрании
заговорщиков в подземелье под Круглым
Залом Алгаруха, но опустил участие в
этом мероприятии своего брата Нетиэля.
Он сознавал, что даже одно упоминание его
имени вызвало бы проклятия со стороны
Астартес. Ошибка Нетиэля была
обусловлена наивностью, так же как и
участие самого Захариэля, и он надеялся,
что воины ему поверят.

Лучше пусть они увидят в нем
толстого и глупого тальчишку, чем
убежденного предателя.

Он рассказал о четверых
тятежниках, чьи лица скрывались под
капюшонами, и о том, как той ночью
случайно увидел черты лица одного из
воинов, что впоследствии помогло
определить его в толпе.

И еще Захариэль поведал о странном

ощущении грозящей беды, когда вместе с остальным отрядом почетной стражи шагал вслеп за Львом к месту встречи Императора.

На этот раз никто не сомневался, что он мог узнать в толпе брата Ульента, хотя Захариэль заметил, что его таинственное предвигение опасности сильно заинтересовало брата Усрафаэля.

Потом ему снова и снова задавали одни и те же вопросы, и каждый раз Захариэль давал одни и те же ответы. У него ощущал в голове присутствие силы брата Усрафаэля и его неослабное внимание в поисках обмана или скрытности. Если Усрафаэль и уловил его уклончивость в отношении причины присутствия на собрании, он ничем этого не показал, и Захариэль внезапно понял, что брат Усрафаэль не хочет углубляться в эту часть истории.

Интуиция подсказала юному рыцарю, что библиарий желает оправдать его, чтобы продолжать обучение использованию загадочной силы. Это открытие придало Захариэлю храбрости,

и его рассказ стал еще более уверенным.

Он в очередной раз закончил отчет схваткой с братом Ульентом, и тогда враждебность, еще недавно ужасавшая его своей интенсивностью, постепенно рассеялась и уступила место зарождающемуся восхищению.

Наконец мысленное прикосновение брата Исрафаэля исчезло, и с сознания Захариэля будто свалилась огромная тяжесть, о которой он до этого момента и не подозревал.

В комнате постепенно стало светлее, но на этот раз свет поступал из внешних источников. Белые шары, висевшие на стенах, начали накаляться, и Захариэль, лишь мельком взглянув на стоявших вокруг тюремщиков, прикрыл глаза ладонью.

— А ты храбрый парень, — произнес Мигрис, совершенно позабыв о недавней злости. — Если твой рассказ правдив, мы многим тебе обязаны.

— Я говорил правду, — подтвердил Захариэль, стараясь ощутить благодарность, но все еще испытывая боль.

причиненную рүкати Астартес. --- Лучше
спроси у брата Усрафаэля.

Библиарий растеялся, и в его словах,
к радости Захариэля, прозвучало его
оправдание.

--- Он не лжет, Мидрис, --- подтвердил
брат Усрафаэль. --- Я не нашел в его
рассказе никакого обмана.

--- Ты уверен?

--- Разве я когда-нибудь ошибался?

--- Нет, но все когда-нибудь бывает
впервые.

--- Он не ошибся, --- раздался за спиной
Захариэля еще один голос.

Обернувшись, Захариэль зажмурился
от сияния отполированных доспехов
высокого воина, появившегося в дверном
проеме. Голос этот уже звучал в его голове
перед тем, как Захариэль начал свой
рассказ, его тональность ласкала слух, а
звук был глубоким, как океанская впадина.
Захариэль попытался рассмотреть
освещенную сзади фигуру, но его глаза
после долгой темноты еще не привыкли к
свету, и он видел только окруженный
ярким золотым сиянием силуэт.

Все Астартес вокруг него упали на колени и склонили головы перед величественным воином, и Захариэль, как ни хотелось ему рассмотреть лицо пришедшего, понял, что недостойн такой чести.

— Не надо кланяться, — произнес загадочный воин. — Он шагнул вперед, и казалось, что вместе с ним в круглую комнату ворвался свет. — Встаньте.

Астартес поднялись с коленей, а Захариэль словно прирос к полу, и его опущенный взгляд не отрывался от какой-то невидимой точки. Исходящий от воина золотой свет, как океанский прилив, заполнил всю комнату.

— Выходит, что я обязан тебе, юный Захариэль, — сказал золотой воин. — И я тебе очень благодарен. Со временем ты обо всем этом позабудешь, но пока твои воспоминания остаются при тебе, я хочу, чтобы ты об этом знал. Я хочу поблагодарить тебя за твой смелый поступок.

Захариэль пытался подыскать ответ, но его губы даже не шевельнулись, а

язык словно прилип к гортани. Никакие силы в Галактике не могли бы заставить его поднять взгляд на золотую фигуру. Как при встрече с Хранителем во Тьме, он знал, что стоит взглянуть в лицо этого воина, как он тотчас лишится рассудка.

Юноша снова попытался поговорить, но каждый раз, как только ответ формировался в мыслях, они разлетались, словно сухие листья, подхваченные ураганом. Захариэль не мог вытолкнуть ни слова, но сознавал, что золотой воин читает его мысли так же легко, как свои собственные.

Его присутствие давило на мозг невероятным могуществом и силой, которая не уничтожала всех присутствующих только потому, что сдерживалась крепкой, словно скалы Калибана, волей.

Захариэль ощущал, как возрастает присутствие посторонней энергии в его голове, и если вмешательство брата Исрафаэля можно было сравнить с легким касанием или пламенем свечи на ветру, то теперь Захариэля словно окутало

толстое одеяло, и это ощущение нельзя было назвать неприятным.

--- Его коснулась сила, --- произнес золотой воин, и душа Захариэля воспарила от восторга при этих словах, несмотря на то что предыдущее замечание его несколько испугало.

--- Да, мой повелитель, --- откликнулся Усрафаэль. --- Это первый кандигат для библиотеки.

--- Верно, --- согласился воин. --- Пристмотри за ним, но позаботься, чтобы он ничего об этом не помнил. Нельзя допустить никаких подозрений о несогласии с Легионом. Мы должны быть едины, иначе проиграем.

--- Все будет выполнено, мой повелитель, --- заверил его Усрафаэль.

Хоть Лев и находился на расстоянии полукилометра, Захариэлю казалось, что стоит ему протянуть руку, и он коснется его плеча. Сегодня на том возвышении, где неделю назад стоял Император, собрались старшие рыцари Ордена. Площадь перед ними заполнили тысячи рыцарей в

безукоризненно отполированных доспехах, неподвижно замерших по стойке «стирно».

Яркий рассвет сулил многообещающий день, на чистом голубом небе ярко сияло золотое солнце. Ученые были названы, списки вывешены, и агенты с закрытыми капюшонами лицами при помощи генетических тестеров подтвердили личности избранных.

Каждый приглашенный на это собрание был выбран в ходе долгих испытаний среди самых лучших представителей воинской касты Калибана.

Захариэль стоял плечом к плечу с теми, кто не раз доказал свое бесстрашие, чьи выносливость и сила стали предметом зависти для остальных, не прошедших отбор. Здесь собрались самые отважные и способные воины Калибана, и юный рыцарь по праву гордился своими достижениями.

После великолепного обращения Императора к народу Калибана все события в мозгу Захариэля слились в неясное пятно. По правде говоря, он мало что мог вспомнить и из самой речи —

милостивое видение воина в золотых доспехах, слова, проникавшие прямо в сердце, и, сильнее всего, чувство причастности.

С того самого дня он знал, именно тогда узнал, что грядет какое-то великое событие; и, когда от Лютера стало известно о том, что Астартес сделали свой выбор кандидатов для усиленных тренировок и последующего вступления в их ряды, в Аларухе творилось нечто невообразимое — мальчишки устремились выяснять, кто из них оказался в числе избранных.

Когда Захариэль добрался до списков и начал их внимательно читать, у него в сердце едва не выскакивало из груди, хотя где-то в глубине души гнездилась уверенность, что беспокоиться не о чем.

Конечно, в списках оказались и его имя, и имена Нетиэля, Амтиаса и Элиата.

Захариэль бросился искать брата, но на поиски потребовалось целых два дня.

Нетиэль казался необычайно притихшим, и Захариэль никак не мог

понять его сдержанной реакции на такие
отличные новости. В который раз
соперничество между братьями привело
их к столь знаменательному успеху.
Спустя некоторое время Нетиэль немного
расслабился, но причина его беспокойства
так и осталась для Захариэля загадкой.

Он списал необычное поведение брата
на волнение относительно выбора
Астартес и забыл об этом, поскольку у
него имелись более интересные темы для
размышлений.

Всем, кого выбрали Астартес, было
приказано собраться на большой площади
рядом с Алдарухом, чтобы выслушать
обращение Льва и его напутствие
будущим воинам Империи.

На площадь допускались только
избранные, и все пространство вокруг
крепости ощутимо искрилось едва
сдерживаемым волнением и ожиданием
важной речи гросстейстера Оргена.

Захариэль и Нетиэль пришли на
площадь вместе с остальными рыцарями,
прошедшими испытания Астартес,
гордость и военная выправка каждого

наполняла всех непередаваемым чувством братства, превосходившим даже чувство причастности к Оргену.

Хотя на площади собрались несколько тысяч рыцарей, Захариэль знал, что здесь представлена элита всех рыцарских орденов Калибана. Сотни тысяч рыцарей участвовали в отборе, но невероятно строгим стандартам Астартес смогли соответствовать лишь эти несколько тысяч.

Нетерпение рыцарей, ожидавших выхода Льва, становилось почти непереносимым. Большинство присутствующих юношей были младше, чем Захариэль и Нетиэль, представляющие самую старшую группу избранников, и они лихорадочно гадали, какие превращения уготовили им Астартес, набиравшие столь юных претендентов.

Но вот на возвышение в сопровождении Лютера поднялся Лев. Следом за ними появились лорд Символ и группа Астартес в черных доспехах и церемониальных стихарях Оргена цвета

слоновой кости. Приятно было видеть, что столь великие воины перенимали традиции Ордена, и Захария, обернувшись к Нелю, в волнении заключил его в братские объятия. В рождении вступления в новое братство все былые обиды и ревность между ними казались абсурдными.

Фигура Льва казалась громадной даже рядом с Астарес, гроттестером, возвышался над воинами в бронированных доспехах и подавлял их своим величием. На площади была установлена целая сеть усилителей, чтобы донести слова Льва до самых дальних рядов слушателей, но он не нуждался ни в каких механизмах, его голос легко проникал в сердце и душу каждого из присутствующих.

--- Братья, --- заговорил Лев, а потом немного помолчал, пережидая восторженные приветствия собравшихся. --- Мы стоим на пороге новой эры Калибана. Совсем недавно мы жили на своей маленькой скале и считали, что мир ограничен горизонтом, но теперь знаем, что он простирается намного дальше, чем

может проникнуть наше зрение. Перед нами открываются просторы Галактики, и хотя это мрачное и опасное место, но мы — воины Императора, а он повелевает нести его свет в самые темные уголки Вселенной, чтобы вернуть то, что принадлежит нам по праву рождения.

Кажется, целая жизнь прошла с тех пор, как я объявил крестовый поход, чтобы очистить леса Калибана от великих зверей, и эта цель считалась грандиозной. Теперь я понимаю, что просто подражал замыслам величайшего из людей, моего отца, Императора Человечества!

Слова Льва вновь вызвали шквал восторженных криков, ведь он впервые открыто назвал Императора отцом, хотя на Калибанае давно об этом говорили.

Лев поднял руки, требуя тишины, и продолжил свою речь:

— Теперь мы представляем часть огромного целого, мы представляем не только нашу планету, мы представляем в Галактике всю человеческую расу. Великий Крестовый Поход Императора только начинается, и нам предстоит

освободить и вернуть в лоно Империи
сотни, даже тысячи миров.

Вы удостоились чести быть
избранными в величайший воинский орден,
какого еще не знала Галактика. Вы
станете сильнее, быстрее и опаснее, чем
были до сих пор. Вам предстоят
бесчисленные войны, и вы будете
уничтожать врагов человечества вдали
от нашего любимого Калибана. Но мы с
радостью пойдем на это, поскольку мы
люди чести и нам известно, что такое
долг, превосходящий любые личные
привязанности. Каждый из вас был
рыцарем, воином и героем, но теперь вы
представляете собой гораздо большее. С
этого дня вы станете солдатами Легиона.
Все остальное не имеет значения. Главное
--- это Легион.

Красноречие Льва так захватило
Захариэля, что он сжал эфес меча. Он едва
сдерживал восторженное волнение при
одной мысли, что будет сражаться за
Императора в самых дальних уголках
Галактики, что станет членом
братства, ставящего своей целью ни

больше ни меньше, чем восстановление
наследия человеческой расы.

--- Мы --- Первый Легион, --- продолжал
Лев, --- избранные Сыны Льва, и мы не
можем идти в сражение без имени,
которое будет вселять ужас в сердца
врагов. Наши легенды рассказывают о
великих воинах, которые разили ужасных
чужовищ в далеком прошлом, а теперь и
мы призваны сражаться во имя
Императора и будем разить врагов
Империи.

Мы станем Темными Ангелами!

Часть 4

ВЕЛИКИЙ

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Они превратили его в гиганта.

Даже много времени спустя, после того как он вроде бы привык к проведенным изменениям, Захарияль не уставал удивляться преобразованиям своего тела. Это всегда проявлялось в каких-то телочах -- то он замечал размах своих рук, то бурление псионической энергии в теле, то прислушивался к ритму биения обновленной крови в груди. Все эти детали снова и снова напугивали его, насколько изменился его организм.

Совсем недавно он был человеком. Он был мужчиной, рожденным женщиной. У него, подобно всем остальным людям, были физические ограничения. Его мускулы были недостаточно сильными, органы чувств -- далекими от совершенства, а кости -- хрупкими. Срок жизни человека не превышал пятидесяти или шестидесяти лет, а в большинстве случаев был намного короче.

На Калибане людям грозило немало

опасностей. Даже в простейший порез могла попасть опасная инфекция, и тогда царапина превращалась в смертельную рану. Он был всего лишь человеком, а это означало, что причиной гибели могли стать тысячи различных обстоятельств.

Все изменилось с приходом Императора. В тот день, когда Захариэль был посвящен в рыцари Оргена, его перерождение было чисто символическим. После появления Императора перерождение стало реальным.

Он стал совершенно другим. И мысли, и тело претерпели изменения и теперь сильно отличались от человеческих. Благодаря чудесам имперской науки и применению генного семени, он был преобразован и воссоздан в более совершенной форме.

Брат Исрафаэль познакомил его с библиотекой Легиона, где Захариэль узнал о варне, о его опасностях и силах, которыми могут пользоваться одаренные особыми способностями. Он узнал, что и сам принадлежит к такого рода исключениям, что его таланты

отличаются от возможностей обычных представителей людской расы и теперь его долг — использовать свой дар на благо Империи.

Он предпринял первые шаги по пути к грандиозным достижениям, но его успехи в новой области оказались значительно слабее, чем проявление загадочной силы в бою против чудовища из Эндриаго.

Несмотря на то что его способности ставили Захариэля в особое положение в Легионе, в первую очередь он был воином, обязанным завоевывать авторитет в горниле битв.

Он больше не был обычным человеком и не стал просто исключительным воином.

Империя дал ему возможность стать чем-то большим.

Его усовершенствовали для битвы. Он стал божеством сражений, одним из Астартес.

Он стал костодесантником, Темным Ангелом.

Он служил Великому Крестовому Походу.

Захариэль понимал, что является лишь ничтожной шестеренкой в грандиозном механизме великих замыслов, незначительным статистом в колоссальной драме человеческой истории, но такие подробности его не огорчали, ведь Империя преследовала благородные цели преобразования Галактики, и он стал частью военной силы, которая воплощала мечты о лучшем будущем.

То было время оптимизма и высоких идеалов, век открытий, частью которого Захариэль ощущал себя.

Первые дни — великие дни.

Впоследствии он станет вспоминать их как самое счастливое время в своей жизни. У него появилась цель. Он выполнял особую миссию. Он стал инструментом воли Императора и готовился принять участие в сражениях на благо всего человечества.

И он не был одинок в своей борьбе. Ему не пришлось выполнять великую миссию в одиночестве. Все время, пока шли преобразования, рядом с ним оставался Нетиэль. Летописцы, описывающие их

отлет с Калибана, говорили об их общей
фортуны, и Захариэль не мог с ними не
согласиться, поскольку казалось, что они с
Немиэлем были предназначены судьбой,
чтобы плечом к плечу противостоять
всем жизненным испытаниям.

С самых первых дней жизни в родном
мире они были связаны братскими узами ---
еще до того, как стали Ангелами. У
процесс превращения в Астартес только
укрепил эту связь. Временами могло
показаться, что одна душа по
превратности рождения расщепилась на
два отдельных тела.

Захариэль и Немиэль по-прежнему в
совершенстве дополняли друг друга, словно
фрагменты одной головоломки. Захариэль,
несмотря ни на что, оставался
идеалистом, а Немиэль ---
впечатлительным прагматиком.

После той ночи, когда под Круглым
Залом состоялось собрание мятежников,
ни один из них не заговаривал об этом
случае. Оба понимали, что любое
упоминание разбередит былую рану и
откроет плотину взаимных обвинений.

закрывать которую будет уже невозможно. В их дружбе этот инцидент оставался болезненной занозой, хотя воспоминания Захариэля о том дне были достаточно туманными и постепенно сглаживались в памяти.

Они стали представителями первого поколения Астартес, набранного на Калибане. Точнее говоря, они были одними из первых, кто стал носить на плече новую эмблему Легиона — крылатый меч, и первыми стали называть себя Темными Ангелами.

Впоследствии это обстоятельство определит отличие между ними и их товарищами по оружию. Старшие воины происходили с Терры и помнили то время, когда Первый Легион Императора еще не носил нынешнего названия, а те, кто пришел после Захариэля и Нетиэля, не знали ничего другого.

Но в те времена им казалось, что впереди встает заря золотого века.

Их жизнь освещала перспектива сражаться рядом со Львом и Лютером. Став Темными Ангелами, они отдавали

все свои силы новой службе в составе
Двадцать Второго ордена под
командованием магистра Хадариэля. Они
служили Легиону и Империи в полную
силу своих возможностей.

Калибан остался в прошлом, и, хотя
они любили родной мир и надеялись когда-
нибудь снова его увидеть, он превращался в
воспоминание. Настоящим для них была
новая жизнь и Великий Крестовый Поход.

Первая кампания вызвала у всех
немало волнений. Ведь это был их первый
шанс донести свет Великого Крестового
Похода до дальних уголков Галактики,
первая возможность доказать свою
преданность и верность Императору.

Двадцать Второму ордену Темных
Ангелов предстояло встретиться с
Четвертой Имперской экспедиционной
флотилией на высокой орбите мира,
обозначенного в каталогах Великого
Крестового Похода под номером Четыре-
Три.

Хотя обитатели планеты,
составлявшие развитое человеческое
общество, сумевшее сохранить в

неприкосновенности культуру и
технологии, называли свой мир по-другому.
Они дали ему имя Сарош.

--- Это и есть наша цель?! ---
воскликнул Нетиэль. --- Из-за нее мы
пересекли десяток звездных систем?
Выглядит не слишком впечатляюще.

--- Ты должен бы знать, что для нас не
имеет значения, как выглядит мир, ---
возразил Захариэль. --- Помнишь, как мы
проходили подготовку на Теликоне-
четыре? Мне кажется, эти миры тебя
тоже не очень-то впечатлили, пока не
началась стрельба.

--- Это другое дело, --- пожал плечами
Нетиэль. --- Тогда нам по крайней мере
выпал шанс увидеть настоящие боевые
действия. И это были новые миры. А ты
читал сводки донесений? Нам придется
несколько месяцев ждать в полном
безделье, пока какие-то чиновники будут
решать, стоит ли объявлять планету
приведенной к Согласию. Захариэль, мы же
Темные Ангелы, а не сторожевые псы. Мы
способны на большее.

Они стояли у иллюминатора обзорной палубы ударного крейсера «Ярость Калибана». Через окно Захариэль мог видеть планету Сарош, значительно увеличенную благодаря хитроумным приспособлениям, встроенным в прозрачное вещество.

Если Нетиэль разглядывал голубой шар нового мира с плохо скрываемым восторгом, Захариэль созерцал его красоту не без удовольствия. Он любовался просторными бирюзовыми океанами и огромными материками, еще недавно скрытыми слоями меняющихся облаков.

На фоне непроницаемо-темного космоса и в окружении мерцающих звезд планета казалась похожей на круглый отполированный драгоценный камень, лежащий на черном бархате среди россыпи крошечных бриллиантов. Захариэль в своей жизни в составе Великого Крестового Похода видел с орбиты не так уж много миров, но Сарош был среди них самым поразительным.

--- Я читал сводки, --- сказал он. --- Согласно донесениям, обширные области

планеты покрыты лесами. И мне это нравится. Я бы не прочь посетить мир, хоть немного напоминающий Калибан и снова оказаться в лесу.

--- Эта встреча может быть испорчена смертельно опасными хищниками, не говоря уж о ядовитых растениях и грибах, --- фыркнул Немецель. --- Кроме того, мы не так гавно покинули дом, чтобы предаваться ностальгии. Но ты не слушал, когда я говорил о нашей предполагаемой миссии. Суть в том, что задание не принесет нам никакой славы. Можно сколько угодно называть эту группу Четвертой экспедиционной флотилией, но на самом деле это не намного больше, чем второстепенная команда внедрения. Ее оставили после того, как все сражения были закончены и потребовались группы, наблюдающие за окончательной зачисткой. Они считают, что мы еще не готовы.

--- Я слышал тебя, --- возразил Захариэль. --- И я понимаю твое негодование, но смотрю на эту проблему с другой стороны. Не пойми меня превратно,

мне не меньше твоего хочется получить приказ о десантировании в самую гущу сражения. Но ты сам об этом сказал. Мы — Темные Ангелы. Мы созданы для войны. Однако наша первая обязанность — исполнять свой долг, а долг велит нам вести наблюдение за планетой Сарош, пока она не будет окончательно приведена к Согласию.

— Долг, — саркастически бросил Нетиэль и закатил глаза. — Тебе не кажется, что этот разговор был между нами и раньше? Примерно семь миллионов раз, по моим скромным подсчетам. Ладно, признаю себя побежденным. Ты прав, а я ошибался. Я согласен признать что угодно, лишь бы не выслушивать еще одну длинную речь о нашем долге. Ты можешь кого угодно заговорить до смерти на любую тему. Я же слышал, как ты вчера вдохновлял воинов своего отделения. Мне стало их жалко.

— Это называется «риторика», — устехнулся Захариэль, услышав привычные сетования. — Разве ты не помнишь, что говорится в «Узречениях»? «Под воинскими

науками подражается не только техника боя, не только понимание стратегии и тактики, но и владение любыми другими искусствами, которые могут пригодиться, чтобы стать лидером во время кризиса».

— Я все помню, — проворчал Нетиэль, и на его лице неожиданно появилось напряженное выражение. — Но и ты не должен забывать, что мы уже не в Оргене. Все это осталось позади. Прежние пути пройжены. Я говорю вполне серьезно. Старое время умерло в тот день, когда на Калибан ступил Император и мы узнали об истинной сущности Льва. С того момента мы стали Темными Ангелами, и пора оставить прошлое позади.

— Прошу меня извинить, благородные господа, — раздался рядом голос, не давший Захариэлю ответить. — Я надеюсь, вы простите мое вмешательство.

Захариэль и Нетиэль, обернувшись, увидели появившегося рядом сенешаля. Поверх черного комбинезона на нем была серая накидка, отмеченная знаком Легиона Темных Ангелов. Сенешаль застыл.

опустившись на одно колено и уважительно склонив голову.

— Магистр ордена Хадариэль шлет вам свое приветствие, — заговорил человек, как только Немуэль дал ему знак продолжать. — Он напоминает, что передача командования пройдет на борту флагманского корабля «Непобедимый разум» через два часа. Он обращает ваше внимание на необходимость присутствовать на церемонии и выражает надежду, что ваше поведение будет соответствовать лучшим традициям Легиона.

— Передай магистру ордена нашу благодарность, — ответил Немуэль. — Можешь его заверить, что мы будем присутствовать на церемонии передачи, и в соответствующих одеяниях, как того требует обычай. Мы понимаем, насколько важно оказать уважение воинам братского Легиона.

Сенешаль поднялся, отвесил еще один поклон и удалился. Немуэль, едва замечая устехаясь, повернулся к Захариялю.

— Тебе не кажется, что магистр

оргена боится, как быты не поставили его в неловкое положение? -- тихо произнес он, как только слуга отошел на порядочное расстояние.

-- Не принимай близко к сердцу, -- посоветовал Захариэль. -- Ему и так нелегко. Он отличный воин, но не истинный Астартес. Даже после всех прошедших лет с этим трудно смириться, особенно при встрече с нашими братьями.

-- Верно, -- с кислой улыбкой ответил Нетиэль. -- Остается только надеяться, что Белые Шрамы оценят его усилия.

Захариэль поднял руку в предостерегающем жесте:

-- Осторожнее. Помни, что на кону наша честь. Если ты скажешь что-нибудь оскорбительное в их адрес, это может плохо отразиться на Хазариэле, нашем оргене и всем Легионе.

Нетиэль тряхнул головой.

-- Ты слишком сильно беспокоишься. У меня нет ни малейшего намерения кого-то оскорблять, особенно воинов Белых Шрамов. Они -- наши братья, и я не испытываю к ним ничего, кроме уважения.

Кроме того, они правильно поступают, что покидают эти места и отправляются навстречу настоящим сражениям. Если я и был несколько раздражен, то только потому, что кто-то назначил нас сторожевыми постами вместо них.

Тремя неделями ранее магистр ордена Хадариэль собрал своих старших офицеров за широким столом на стратегической палубе «Ярости Калибана».

— Мы получили новые приказы, — сказал он. — Наши силы разделяются. Часть Легиона продолжит путь к Феонису, а остальные свернут к планете под названием Сарош и стелят там Белых Шрамов.

— Это что, срочный призыв о помощи? — спросил Дамас. Ротный мастер Дамас вечно открывал рот раньше, чем успевал подумать, вот и сейчас он высказался первым: — Неужели наши братья Астартес оторвали кусок, который оказался им не по зубам?

--- Нет, --- ответил Хадариэль, и его лицо, хранящее непроницаемое выражение, не выдало никаких эмоций. --- По всем оценкам, ситуация на Сароше вполне мирная. Это больше похоже на перераспределение сил. Мы отбываем на Сарош, чтобы дать возможность Белым Шрамам исполнить свой долг в каком-нибудь другом районе Галактики.

Немиэль задал следующий вопрос, занимавший мысли многих присутствующих:

--- Простите, магистр, но отсюда следует, что Белые Шрамы для Великого Крестового Похода важнее, чем Темные Ангелы, если нас переводят на второстепенную позицию только с той целью, чтобы позволить Белым Шрамам принять участие в настоящей войне.

Верный себе Дамас подхватил тему:

--- Лев никогда бы на это не согласился!

Хадариэль хлопнул ладонью по столу, и звук прозвучал как выстрел:

--- Тихо! Ты говоришь вне очереди, мастер Дамас! И демонстрируешь свой

дурной нрав. Еще одна такая выходка, и я освобожу тебя от твоих обязанностей. Возможно, пара дней медитации немного исправит твой характер.

--- Прошу прощения, магистр, --- опомнился Дамас и склонил голову. --- Я был неправ.

--- То-то же. А что скажешь ты, брат Нетиэль? --- Взгляд Хадариэля переместился, словно луч лазера. --- Я был о тебе лучшего мнения. Если мне потребуется твое мнение по какому-то вопросу, особенно в толковании приказов, я тебя непременно спрошу. Тебе все понятно?

--- Понятно, магистр, --- неохотно ответил Нетиэль.

--- Хорошо, --- кивнул Хадариэль. --- Как сказал Дамас, вы оба были неправы, и даже больше, чем сами себе представляете. Приказы пришли от Льва и Лютера, и, если наши лидеры требуют от нас службы в районе Сароша, нам не пристало с ними спорить.

--- Это нелегкая обязанность, --- сказал Шанг-Хан, старший командир Белых

Шратов. — Это задание не сулит славы и не принесет радости ни одному Астартес. Это тяжкая, но необходимая работа. Здесь не выиграть битву. Но крайней мере такую битву, ради каких мы созданы. А вне сражений мы не видим перед собой цели. Мы чувствуем себя ненужными. Мы несовершенными.

Шанг-Хан стоял лицом к лицу со Львом на обзорной палубе «Непобедимого Разума», флагманского корабля Четвертой Имперской экспедиционной флотилии. По обе стороны от них в качестве свидетелей церемонии заняли места Лютер и Белый Шрам по имени Кургис, а остальные Астартес из обоих Легионов, так же как и делегация старших офицеров, наблюдали за передачей командования с почтительного расстояния.

Захариэль вместе с Неллиэлем смотрели, как торжественно проходят последние стадии церемонии и их Легион принимает на себя задачу поддержания закона и порядка на Сароше.

— Так велит нам долг, — продолжал Шанг-Хан. — Тяжесть его ложится на

наши плечи, но острее всего ты чувствуешь ее в душе. Брат, готов ли ты принять эту ношу?

Белый Шрам подал Льву украшенный чеканкой медный цилиндр со свернутым пергаментом внутри.

— Я принимаю ее, — ответил тот, протянул руку и взял цилиндр. — Моей жизнью и жизнью моих людей перед тобой, Легионом и Императором клянусь выполнять свою задачу с честью. Засвидетельствуйте эти слова.

— Клятва принята, — хором откликнулись Захариэль и один из воинов Белых Шрамов.

— Вот и хорошо, — кивнул Шанг-Хан.

Белый Шрам скрестил руки на груди в знамении аквилы, салютуя Захариэлю и магистру его ордена.

— Добро пожаловать, Лион Эль-Джонсон из Темных Ангелов. От имени Легиона Белых Шрамов приветствую тебя на Сароше.

Они называли это действо церемонией, но оно едва ли заслуживало

столь грозного названия.

В ознаменование передачи командования Белыми Шрамами Темным Ангелам был вручен свиток и принесена клятва. Во всяком случае, как бы ни были скудны атрибуты обряда, сопутствующие событию, они перевешивали значимость самого перехода власти.

Четвертая флотилия была одной из самых немногочисленных во всем Великом Крестовом Походе и объединяла всего семь кораблей: флагман «Непобедимый разум», транспортники «Доблестный оплот» и «Храбрый возчик», фрегаты «Бесстрашный» и «Отважный», эсминец «Арбалет» и ударный крейсер «Быстрый наездник», который и должен быть заменен кораблем Темных Ангелов «Ярость Калибана».

Передача контроля от одного Легиона к другому прошла с соответствующей торжественностью и уважением к обычаям, но сам факт присутствия здесь контингента Астартес казался абсурдным. Строго говоря, Четвертая флотилия была все же

второстепенным подразделением. В силу недостаточности огневой мощи и отсутствия надлежащей подготовки и ресурсов флотилия была не способна организовать полноценную кампанию против враждебного мира, поэтому ее обязанностью было наблюдение за приведением к Согласию миров, которые уже проявили лояльность целям Империи.

Но с Сарошем возникли проблемы.

Первый контакт с этой планетой был установлен почти год назад и население на поверхности было настроено вполне дружелюбно. Они встретили представителей Империи с распростертыми объятиями и громко декларировали свое желание принять Имперские Истины. Но двенадцать месяцев спустя не было достигнуто никакого прогресса в приведении мира к Согласию.

Не было ни открытого сопротивления, ни актов неповиновения, но каждая процедура, начинаемая имперскими представителями, чтобы

ускорить приведение к Согласию, неизбежно заканчивалась полным провалом. Каждый раз выдвигались новые инициативы, и правительство Сароша обещало сделать все, что в его силах, для обеспечения успеха. Но каждый раз обещанная поддержка отсутствовала.

Правительство приносило свои самые искренние извинения. Оно выражало свое сожаление, ссылаясь на недостаток понимания, вызванный различием традиций и наречий, -- и каждый раз переговоры заходили в тупик. Правительство сетовало на неприитиритость государственной бюрократии и напотиало о пяти тысячах лет стабильного и упорядоченного государственного строя, породившего бюрократическую систему, которая приобрела гигантские размеры и стала совершенно неповоротливой.

Конечно, в их заверениях ителась доля истины. И опытные представители Империиума, осуществлывшие подобные процессы в десятках миров, только сердито качали головами, сталкиваясь с

очередными проволочками
бюрократического аппарата Сароша.

Проблема была еще и в том, что чиновники Сароша работали неполный день. Законы этого мира освобождали своих граждан от значительной части налогов, если они соглашались часть времени посвятить бюрократической службе.

Согласно данным последней планетарной переписи, тот или иной пост в аппарате управления государством занимали приблизительно двадцать пять процентов взрослого населения, а остальные граждане просто не смогли пройти строгий экзамен на соответствие требованиям Бюрократической Пригодности.

Исходя из сведений той же переписи, можно было сделать вывод, что в аппарате управления на Сароше трудились не менее ста восьмидесяти миллионов чиновников.

При таком количестве бюрократов, принимающих участие в процессе, имперские представители ничего не

могли пожелать. И согласие правительства уже не играло никакой роли, поскольку закон, чтобы вступить в силу, должен был пройти через бесконечные барьеры местных чиновников — различных составителей прошений, нотариусов, сборщиков налогов, уполномоченных по подписям, толкователей резолюций, законников, систематизаторов, согласователей и надзирателей за правомочиями.

Хуже того, система бюрократии за последние пять тысячелетий настолько усложнилась, что даже сами чиновники не представляли, как заставить ее работать. По общему мнению всех, кто так или иначе принимал участие в приведении Сароша к Согласию, за последние двенадцать месяцев не было достигнуто никакого мало-мальски заметного прогресса. Планета оставалась такой же далекой от истинного Согласия, как и в тот день, когда она была обнаружена.

В течение всего этого времени, пока имперские представители пытались

пробиться сквозь заслоны бюрократии Сароша, «Быстрый наездник» стоял на высокой орбите. Он находился там с момента открытия планеты в надежде, что присутствие мощного отряда Астартес окажет влияние на умы правителей Сароша и заставит их быстрее завершить приведение к Согласию.

Вместо этого Белый Шрамам пришлось провести весь этот долгий период времени в вынужденном бездействии.

Это их совсем не устраивало. Флотское командование испытывало ужас при мысли, что Шанг-Хан на одном из еженедельных собраний пожелает узнать, сколько еще его людей бездельничать на орбите. Особое презрение командир Белых Шрамов испытывал к избранному лорд-правителю Харлагу Ферсту, человеку, которому предстояло править территориями Сароша от имени Императора, когда планета будет приведена к Согласию.

Окружающие не раз слышали, как он

кричал на избранного лорда-правителя:

— Если эти люди выражают свою покорность, заверяй приведение к Согласию, чтобы мы могли покинуть это место! Если они сопротивляются, скажи об этом мне, и мы заставим их пожалеть о своей глупости! Выбирай что-нибудь одно, только прими хоть какое-нибудь решение!

Лорд Ферст и его помощники так и не сделали выбора. Ловко пользуясь искусством бюрократических проволочек, они изо дня в день откладывали принятие окончательного решения под любыми предлогами. Весьма скоро их увертки вызвали у Белых Шрамов стойкое отвращение ко всем гражданским лицам, сопровождавшим флотилии Великого Крестового Похода.

Таким образом прошло двенадцать месяцев непродуктивного ожидания, пока Белые Шрамы не послали сигнал Лиону Эль-Джонсону, в котором ему и его Темным Ангелам предлагалось остаться на орбите Сароша еще на два месяца, чтобы дать возможность Белым Шрамам исполнить свой долг в другом месте.

Тем временем и лорд-правитель Ферст получил донесение, в котором ему сообщили, что присутствие Четвертой Имперской экспедиции требуется в другом районе и ее корабли не могут вечно оставаться на орбите Сароша.

В этом послании также говорилось о определенном сроке для выполнения поставленной задачи. Для решения вопроса о Согласии Сароша ему давалось два месяца. Если избранный лорд-правитель за это время не управится, он будет лишен своих полномочий, а определять судьбу Сароша будет Лион Эль-Джонсон.

Позже, когда церемония закончилась, наступил черед неизбежного официального празднования. Астартес стесались с остальными присутствующими, и началось неформальное общение и разговоры, а слуги в ливреях флотилии курсировали по залу с серебряными подносами, уставленными бокалами вина и различными закусками.

Захарияэль, как обычно, неуютно чувствуя себя на подобном мероприятии,

старался держаться на заднем плане. Вскоре он оказался перед громадным панорамным иллюминатором обзорной палубы и, как несколько часов назад, когда вместе с Нетиэлем стоял на борту «Ярости Калибана», стал наблюдать за медленно вращающимся шаром Сароша.

Возможно, в тот момент проявилась особая специфика склада ума Темных Ангелов, но самое большое впечатление на Захариэля произвели колоссальные размеры обзорной палубы «Непобедимого Разума» по сравнению с тем же отсеком «Ярости Калибана».

В силу частично сохранившихся монастырских традиций Темные Ангелы во всем тяготели к аскетической суровости. На их кораблях использовался каждый квадратный сантиметр пространства. От контрольного пункта артиллеристов, откуда велось управление главными боевыми орудиями, до тренировочных катер, где Астартес оттачивали свое мастерство, — все служило боевым целям.

Но обстановка этого корабля

настолько отличалась, что больше
напоминала Захариелю интерьер
роскошных дворцов знати, а не военный
корабль. Он предполагал, что корабль был
украшен в соответствии с могуществом и
возможностями Империи, но все же, на
его взгляд, обильные украшения,
покрывавшие каждую часть внутренней
поверхности, были для боевого судна
слишком роскошными и даже вычурными.

Конечно, на кораблях Темных Ангелов
тоже имелись украшения, однако
переборки и двери «Непобедимого разума»
сплошь покрывала золоченая резьба. Если
архитектуру представить разговором
между построившим помещение мастером
и людьми, его использующими, то эта
обзорная палуба постоянно кричала
десятками разных пронзительных голосов.

Помещение палубы было огромным, с
высоким куполом вместо потолка, и
напоминало храмы древнего Калибана.
Напротив обзорного иллюминатора
возвышалась стена, господствующая над
всем залом. Представленная на ней
панорама была более шестидесяти метров

высотой и состояла из множества сводчатых панелей, напотивавших цветные стекла в окнах языческих святилищ.

Но внимание привлекала даже не огромная витражная стена, а изображенные на ней картины. На обзорной палубе боевого корабля, по мнению Захариэля, уместно смотрелись бы послания Императора, картины славных побед, а также посмертные портреты каждого из капитанов, управлявших судном за его двухсотлетнюю историю. Но здесь имелись еще и некоторые элементы идолопоклонства, от которого жители Калибана отказались еще в ранние века.

--- Напотивает приетную куртизанки, --- раздался за спиной Захариэля грубоватый голос, предлагая другой аспект толкования интерьера.

Улучшенный слух еще до того, как фраза была произнесена, уловил приближение брата Астартес. Обернувшись, Захариэль увидел перед собой Кургиса с двумя бокалами вина, казавшимися в огромных руках Белого

Шрама наперсткати.

--- Прости, я тебя не совсем понял, брат.

--- Это место... --- Күргис обвел взглядом обзорную палубу. --- Я хотел сказать, что согласен с тобой, брат. Слишком много блеска, слишком много золота. Все это больше похоже на покои в городском боргеле Палатина, а не на военный корабль.

--- Неужели мои мысли настолько прозрачны? --- спросил Захариэль. --- Как ты узнал, о чем я думаю? Ты случайно не один из библиариев вашего Легиона?

--- Нет, --- устехнулся Күргис. --- Я не псайкер. Некоторые люди умеют гармонизировать и скрывать свои мысли от других, и можно хоть тысячу лет смотреть на их лица и никогда не догадаться, о чем они думают. Но ты не из их числа. Я заметил, с каким прозрачным видом ты осматривал зал. У тебя сразу же сделал вывод о твоих размышлениях.

--- Твоя догадка оказалась верной, --- признал Захариэль.

--- Мне помогли мои собственные ощущения. Я и сам думаю об этом месте

точно так же. Но хватит об этом, я принес тебе выпить. Когда братья встречаются, им не помешает принести клятву на глотке вина.

Күргис протянул ему бокал, а второй приподнял, готовясь произнести тост.

--- За Темных Ангелов, --- произнес он. --- И за их примарха Лиона Эль-Джонсона.

--- За Белых Шратов, --- ответил Захариэль. --- И за примарха Джагатая-Хана!

Они осушили бокалы, и Күргис, допив вино, бросил свой в стену. Резкий звон заставил вздрогнуть некоторых из стоящих поблизости чиновников.

--- Такова традиция, --- пояснил Белый Шрат. --- Чтобы клятва на вине обрела крепость, ты должен разбить свой бокал, так чтобы больше никто не мог на нем поклясться.

Захариэль, одобрительно кивнув, последовал его примеру и швырнул свой кубок в стену.

--- Я рад нашей встрече, брат. У меня хотел бы с тобой поговорить, поскольку вы все вам благодарны.

--- Благодарны? --- удивился

Захариэль. --- За что?

Күргис жестом обвел нескольких воинов Легиона Белых Шрамов, находящихся в зале.

--- Ты и твои братья нас освободили. Я сожалею лишь о том, что нашу прежнюю позицию займут такие благородные воины, и им придется нести одинокую стражу вокруг этой отвратительной кучи мусора, называемой миром.

--- Мы с радостью принимаем новое назначение, --- сказал Захариэль. --- Это наш долг.

--- Да, долг, --- вздохнул Күргис и вопросительно приподнял бровь, отчего сильнее проявились многочисленные шрамы, пересекавшие его лицо. --- Но ты слишком дипломатичен, брат. Я понимаю. Я уверен, что полученные приказы были встречены хором недовольных голосов. Темные Ангелы слишком отважные и решительные воины, чтобы с радостью принять подобное назначение. Как сказал Шанг-Хан, это тяжкая ноша для любого из Астартес. Мы все воины, и лучшие воины

Императора. Мы созданы для того, чтобы странствовать по Галактике и сражаться с врагами. А вместо этого приходится выполнять работу сторожевых псов.

Внезапно он замолчал и пристально взглянул в лицо Захариэля.

--- Что это? --- спросил Белый Шрам. --- Ты улыбаешься? Я сказал что-то смешное?

Захариэль покачал головой:

--- Ничего смешного. Нет, просто именно эти слова я чуть раньше слышал от своего друга. Он тоже сказал, что из нас пытаются сделать сторожевых псов.

--- В самом деле? Твой друг разумный человек.

Кургис обернулся и окинул взглядом просторный зал.

--- Как я понял, вы привезли с собой немало воинов? Я спрашиваю лишь потому, что удивлен видеть во главе Астартес магистра ордена.

--- Нами командуют Лев и Лютер, --- сказал Захариэль.

--- Это мне известно, но линейным офицером назначен сар Хадариэль, не так

ли?

Проследив за взглядом собеседника, Захариэль посмотрел на магистра Хадариэля, беседовавшего с Шанг-Ханом и несколькими офицерами флотилии.

Шанг и сопровождавшие его Астартес были на много выше, чем магистр ордена Темных Ангелов, и возвышались над ним почти так же, как сам Хадариэль возвышался над обычными людьми.

Захариэль заметил, что во время разговора Хадариэль много жестикулировал, словно желая показать, что ничуть не смущен физическим превосходством Белых Шрамов. Такую сцену юноша и раньше видел не один раз и был уверен, что сам Хадариэль едва ли задумывается над этим.

Как и прежде, он ощутил прилив теплых чувств по отношению к ветерану. До пришествия Императора на Калибан Хадариэля в Ордене считали одним из самых способных боевых рыцарей. Захариэль хорошо помнил, как сражался под его командованием при взятии

крепости Братства Волка.

То была отличная и очень важная для истории Калибана победа, но появление сил Империи стало не слишком благоприятным для Хадариэля обстоятельством. Астартес выбрали его и пригласили присоединиться к Легиону Темных Ангелов, но вместе с тем, несмотря на оказанную честь, он был слишком стар для генной модификации.

Хадариэль и ему подобные рыцари, включая Лютера, были подвергнуты серии интенсивных хирургических и химических вмешательств, предназначенных для увеличения их силы, выносливости и усиления рефлексов. Они стали выше и мощнее, чем обычные люди, но все же не превращались в Астартес. И никогда не смогут этого сделать.

— Такому человеку, как Хадариэль, должно быть, приходится нелегко, — заметил Күргис.

— Да, — согласился Захариэль. — Но той командир — исключительный воин. Даже не обладая преимуществами Астартес, он занимает в Легионе высокое

положение.

--- Лев учитывает его заслуги в прошлом?

Захариэль покачал головой:

--- У Льва никогда не было фаворитов.

Хадариэль стал магистром ордена только благодаря собственным заслугам.

Если ему и есть о чем пожалеть, то лишь о том, что он не совсем на своем месте.

--- Что ты хочешь этим сказать?

Захариэль не знал, стоит ли ему продолжать, поскольку Кургис принадлежал к другому Легиону, а Темные Ангелы дорожили своей репутацией, но все же чувствовал, что Белому Шраму можно доверять.

--- С самого первого дня назначения тантия лидера слабо держалась на плечах Хадариэля. Он постоянно спорит с другими офицерами и магистрами орденов и чересчур болезненно реагирует на любые, часто воображаемые, обиды, словно убежден в пренебрежительном отношении всех окружающих.

--- Я подозреваю, что это происходит из-за того, что Хадариэль не смог

воспользоваться

преимуществами

геносемени.

--- Возможно, --- согласился

Захариэль. --- С другой стороны, его

восхождение по служебной лестнице могло

быть обусловлено желанием

самоутверждения, а не только

преданностью делу имперским идеалам.

Он не стал рассказывать о ходивших

слухах насчет неоднократных внушений со

стороны Льва по поводу

раздражительности Хадариэля. Каковы бы

ни были успехи магистра ордена,

Хадариэль не мог избавиться от

убеждения, что все смотрят на него сверху

вниз, потому что он не стал истинным

Астартес.

--- Мастер Хадариэль всегда вел нас

за собой, когда наш орден отправлялся на

битву, --- сказал Захариэль. --- Он

предпочитает все увидеть своими

глазами.

--- Мудро с его стороны, --- кивнул

Күргис.

Күргис перевел взгляд в окно, за

которым виднелся Сарош, и несколько

секунд молча смотрел на планету, словно взвешивая свои следующие слова.

--- Не доверяй им, --- наконец произнес Белый Шрам.

--- Кому?

--- Людям Сароша, --- пояснил Кургис. Не отводя взгляда от окна, он указал на шар планеты. --- Ты еще не встречался с ними, брат, и я подумал, что должен тебя предостеречь. Не доверяй им и никогда не поворачивайся к ним спиной.

--- Но я считал, что они вполне миролюбивы. Согласно донесениям, население с самого начала встретило вас с радостью.

--- Да, так оно и было, --- подтвердил Кургис. --- И все же я бы не стал им доверять и тебе не советую, если у тебя есть голова на плечах. И донесениям тоже не стоит верить. Во всех документах слишком сильно чувствуется влияние избранного лорда-правителя Ферста и его приятелей.

Он быстро повернулся и бросил короткий сердитый взгляд на седовласого, увешанного множеством медалей

сановника, стоявшего недалеко от двери в окружении целой толпы спутников.

— Это и есть избранный лорд-правитель Ферст? — спросил Захариэль.

— В свое время он был великим полководцем, — пожал плечами Күргис. — Но крайней мере так говорят. Иногда такое случается. Человек становится большим начальником, и вскоре его статус становится для него самым важным в жизни. Он перестает замечать любого, кто не пытается ему льстить и поддакивать, и со временем начинает слышать только то, что хочет услышать.

— И так произошло на Сароше?

— Несомненно, — сердито поджал губы Күргис. — Если бы Ферст сохранил способность соображать, он бы спросил себя, в чем причина такой медлительности сарошанцев. Если они действительно хотят стать частью Империи, как клянутся, можно было бы подумать, что они готовы сдвинуть с места звезды, лишь бы выполнить наши требования. А вместо этого получают сплошные проволочки и несогласования. Их

даже нельзя упрекнуть, эти сарошанцы всегда безупречно вежливы. Едва в процессе приведения к Согласию намечается очередная проблема, они в отчаянии начинают размахивать руками и рыдают, словно женщины, оплакивающие гибель главы рода. Послушать их, так все дело только в невезении и неблагоприятном течении обстоятельств. Вот почему я не склонен им доверять. Или они намеренно затягивают процесс приведения к Согласию, или это самые неудачливые люди на свете. Не знаю, как ты, брат, а я не верю в судьбу. Ни в плохую, ни в хорошую.

— Я с тобой согласен, — сказал Захариэль. Он окинул взглядом всех собравшихся на обзорной палубе, но не обнаружил ни одного незнакомца тундра. — Но на этом собрании я не вижу ни одного сарошанца.

— Ты увидишь их завтра, — заверил его Кургис. — На завтра запланировано празднество. Сарошанцы хотят отметить ваше прибытие в их мир точно так же, как год назад отмечали наше

появление. Будет торжественный пир, представления и все такое. Праздник пройдет и на борту «Непобедимого разума», и внизу, на поверхности Сароша. Я уверен, будет... очень весело. Не сомневаюсь, что вы услышите много обещаний от правителей планеты. Например, что приведение к Согласию не за горами. Они поклянутся работать день и ночь, чтобы выполнить поставленные Императором задачи. Они будут льстиво заверять в своей приверженности курсу Императора и говорить о том, как счастливы, что вы спасли их от невежества. Не верь им, брат. Я всегда считал, что о человеке надо судить по его поступкам, а не по словам. Но пока, согласно этому правилу, сарошанцы не заслуживают ни малейшего доверия.

— А ты не догадываешься об их мотивах? — спросил Захария. — Как считаешь, сарошанцы затягивают процесс приведения к Согласию по какой-то определенной причине?

— Я не знаю. В моем родном мире есть одна поговорка: «Если человек идет

по волчьим следам, рано или поздно он встретится с волком». Но я ничем не могу подтвердить свои подозрения, брат. Я только думаю, что должен по-дружески тебя предостеречь. Остерегайся этих людей. Не доверяй им. Белые Шрамы скоро покинут это место. Шанг-Хан уже приказал готовиться к выходу в костос, к новому месту назначения. Через четыре часа «Быстрый наездник» покинет эту систему. — Күргис улыбнулся, хотя в его улыбке не было и намека на веселье. — А потом вы останетесь одни.

--- Что представляют собой твои Ангелы? --- спросил ее Дусан из-под неподвижной золотой маски, закрывающей все лицо. --- Послушать их императоров, так Темные Ангелы --- самые отважные и воинственные. Они странствуют среди звезд и сеют разрушение. Надо ли нам их бояться?

--- Вам нечего бояться, --- ответила Рианна Сорель, проклиная в душе болтунов с Калибана и их склонность к преувеличениям.

Она едва удержалась, чтобы не нахмуриться, но вовремя вспомнила, что Дусан может видеть ее лицо, хотя сам скрывается за маской.

--- Да, Темные Ангелы воюют против врагов Императора, но людей Сароша это не касается. Вы --- часть Империи. Вы --- наши братья.

--- Звучит обнадеживающе, --- кивнул Дусан. Развернувшись, он взмахом руки указал на город. --- Мы приложили немало

усилий, чтобы подготовиться к их
прибытию и встретить гостей
подобающим образом. Если они пришли
разрушить наш город, это было бы
огромной трагедией. Ведь он так красив.
Не правда ли? Он достоин твоего
собирателя образов?

--- Более чем достоин, --- ответила
она, поднимая пиктограф, висевший на
ремне через плечо. --- С твоего позволения я
хотела бы сделать несколько пиктов, пока
не изменилось освещение. Позже, когда я
буду писать отчет, они мне очень
помогут.

--- Как пожелаешь.

Они стояли на балконе, под которым
простирался Шалоул --- планетарная
столица Сароша. Рианна прибыла к
Сарошу почти двенадцать месяцев назад,
но в первое время ей редко позволяли
спускаться на поверхность планеты.
Несмотря на дружелюбное поведение
обитателей Сароша и очевидное сходство
их общества с культурой Терры, этот мир
еще не был официально приведен к
Согласию. Было очевидно, что имперские

военные чины неохотно допускают на Сарош гражданских лиц, более того, как подозревала Руанна, значительное влияние на них оказывали руководители Астартес, в результате чего почти все прошения о посещении планеты были отклонены. Она не имела представления, была ли такая ситуация общей для всего Крестового Похода, но Астартес Четвертой флотилии всячески старались пресечь любые попытки запечатлеть состояние общества в мирах доимперского периода.

Руанна была композитором. Она слышала, что народные песни Сароша характеризуются незабываемыми мелодиями, исполняемыми на нескольких типах музыкальных инструментах, уникальных для этого мира, но вся информация поступала к ней из вторых рук, только из бесед с солдатами Имперской Армии, часто посещавшими планету.

До сих пор ей еще не приходилось слышать музыку Сароша, но Руанна уже мечтала о создании симфонии, в

которой местные напевы соединились бы с полнезной музыкой Умнериума, которая в данный момент пользовалась большой популярностью. Но до тех пор, пока она сама не услышит эти мелодии, невозможно определить, насколько реален ее план.

А пока, в поисках вдохновения, она занялась съезкой города.

Дусан прав, Шалоул великолепен.

Солнце уже садилось, и в ответ на сгущавшиеся сумерки город сатыл прекрасным образом начинал сиять по мере зажигания ярких светящихся шаров. В отличие от других городов, Шалоул не обладал общей осветительной системой. Вместо этого по приказу отцов города каждый житель при выходе из дома обязан был иметь при себе три парящих в воздухе шара-фонаря, освещавших путь.

Мужчина, женщина или ребенок, любой житель Шалоула, выходил на улицу только в сопровождении трех ярких огней, висящих над головой. Сейчас, когда тысячи людей направлялись в закусовые бары или просто совершали вечерние

прогулки, с балкона, где стояла Руанна, зрелище производило ошеломляющее впечатление.

Казалось, весь город был населен далекими танцующими огоньками, как будто внизу слегка колыхалось целое море спустившихся с неба звезд. Это было очень необычно, но на этом чуда не заканчивались.

В противоположность многим городам, виденным Руанной на Терре или в других районах Галактики, Шалоул не казался тесным. Это был город открытых горизонтов.

И он не был грязным. С первого же мгновения знакомства с Шалоулом Руанна поняла, как легко здесь жить. Город изобиловал широкими бульварами и открытыми площадями, парками и зелеными газонами, красивыми статуями и великолепными дворцами.

Руанна была знакома с городами-ульями, с теснотой и убожеством скученной жизни, когда все живущие постоянно ощущают давящее присутствие своих соседей. В Шалоуле не было ничего

подобного.

Из всех, что она успела побегать, это место казалось самым приятным и располагающим к спокойствию.

Сарошанцы утверждали, что уже более тысячи лет не знали войн, и архитектура их городов в полной мере подтверждала это заявление. По периметру города не было никакой стены, не было видно и других оборонительных сооружений.

В тех редких случаях, когда Руанне удавалось получить разрешение посетить город, она не испытывала и намека на ступенное беспокойство или хоть какую-то угрозу, обычно ощущаемую в первое время в чужих городах.

Улицы Сароша дышали спокойствием и безопасностью.

Возможно, Астартес противились всем попыткам увековечить образ местного общества как раз из-за этой гармонии и упорядоченности. Даже с первого взгляда становилось очевидно, что Шалоул — превосходное место для жизни. То же самое можно было сказать и об

остальной территории Сароша. Вероятно, Астартес опасались неизбежных сравнений между прошлым и настоящим, которые могли возникнуть после приведения планеты к Согласию и установления законов Империи.

Руанна удивилась своим странным мыслям. Она была такой же подданной Империи, как и Астартес, и все-таки сомневалась в целесообразности их миссии. Люди Сароша казались вполне довольными своей жизнью. Какое право имперцы имели ее изменять?

Она решила, что на ее мысли влияет город. Это место очаровывало. И дело не только в архитектуре и парящих фонарях. Очарование ощущалось абсолютно во всем. По обе стороны от балкона стены были укрыты вьющимися растениями с пышной темно-зеленой листвой и яркими пурпурными цветами. Они источали пьянящий аромат, который распространялся в ночном воздухе и, казалось, обладал успокаивающим действием. Легко было представить, что это место и есть рай.

--- Ты удовлетворена? --- спросил ее
Дусан.

--- Удовлетворена?

Он показал на пиктограф в ее руках.

--- Ты перестала работать на своей
машине. Ты получила все, что хотела?

--- Да, --- кивнула Руанна. --- Но эта
машинка записывает не только
изображения. Она может записать и звуки.
Я надеялась услышать несколько примеров
вашей музыки.

--- Моей музыки?

Лицо Дусана под маской увидеть было
невозможно, но вопросительные нотки в
его голосе были такими же очевидными,
как и его слабое знакомство с
грамматическими нормами готика.

--- Это какая-то метафора? Я ведь не
музыкант.

--- Я имела в виду музыку вашего
народа, --- объяснила Руанна. --- Мне
говорили, что она особенная. Надеюсь, я
что-нибудь услышу.

--- На сегодняшнем торжестве будут
музыканты, --- заверил ее Дусан. --- В честь
прибытия Темных Ангелов наши

правители организовали всепланетное празднество. Уверен, когда ты посетишь торжество, ты услышишь музыку, достойную записи. Это известие тебя радует?

--- Да, я рада, --- ответила Рианна.

Она уже заметила некоторую напряженность в разговоре сарошанцев, еще не совсем освоившихся с тонкостями недавно изученного наречия. В некоторых других мирах, как только объявлялось, что местное население обязано выучить готик и использовать его в качестве государственного языка, часто возникала враждебная реакция.

На Сароше, напротив, государственный язык Империи встретил самый теплый прием. Рианна уже видела в Шалоуле несколько дорожных знаков, написанных на готике, и, как говорили, ученые уже приступили к переводу на официальный язык Империи самых известных литературных трудов.

Этот факт еще раз подтверждал добрую волю народа Сароша, проявленную с момента появления на орбите имперских

кораблей. И Руанна снова поразились несуразности возникшей ситуации. Несмотря на добродушный прием, оказанный жителями Сароша силами Империи, их планете до сих пор отказывали в официальном подтверждении Согласия.

Руанне были известны распространившиеся по флотилии слухи о чудовищной бюрократии Сароша, но она считала, что имперская бюрократия ничуть не лучше. Сарошанцы снова и снова демонстрировали свою добрую волю и миролюбивые намерения и всячески подтверждали свое желание стать частью человеческого братства.

Как же можно было им не доверять?

Күргис настаивал, что сарошанцам нельзя доверять. И уже после неполного дня, проведенного на орбите Сароша, Захариэль и сам почувствовал, что Белый Шрам дал ему дельный совет насчет обитателей этой планеты.

У него не было никаких доказательств в подтверждение этой

гогадки. Всего лишь инстинктивное ощущение, предчувствие, рожденное его растущим псионическим потенциалом.

Если бы Захариэля попросили высказать свое мнение о Сароше, он бы не нашел ничего, что оправдывало бы его сомнения. Обычно он был более доверчив. Он был благородным человеком, но одним из его недостатков, из-за которого он частенько попадал в ловушки, была вера в благородство всех окружающих.

Немиэль облагал более подозрительным складом характера и всегда пытался разузнать о мотивах других людей. Захариэль принимал всех такими, какими он их видел. Как истинный воин, он питал отвращение к лицемерию и двусмысленности. И все же, не имея ничего, что оправдывало бы его реакцию, он с первой же встречи отнесся к сарошанцам с недоверием.

Возможно, причиной тому были их маски.

Постоянное ношение масок являлось для взрослых и детей Сароша нормой общественного поведения. За исключением

салых интимных и личных моментов жизни, сарошанцы всегда скрывали лица — не только на публике, но и в собственных домах. Захариэль слышал о многих необычных традициях в заново открытых мирах, но привычка сарошанцев постоянно носить маски казалась ему самой удивительной.

Эти личины были твердыми и украшались золотом. Они полностью закрывали лицо, оставляя открытыми лишь уши и волосы, и каждая маска обладала привлекательными чертами стилизованного лица, одинакового и для мужчин, и для женщин. Они напоминали Захариэлю принятые в некоторых мирах помертвые глиняные слепки, снятые с голов только что усопших людей.

Подобные изображения всегда оставляли в его душе ощущение какой-то пустоты. Они повторяли размеры и очертания лица, но после смерти не могли передать истинную сущность человека, с которого снимался слепок. В них не хватало жизни, выразительности, мелких деталей, что превращало

постертные маски почти в карикатуры.

Те же самые чувства вызывали маски сарошанцев. Захариэль был уверен, что поэт смог бы отыскать стихотворные метафоры и объяснить, что те скрываются за своими масками от жизни, но сам он видел только существующий в обществе обычай всеобщей скрытности.

Захариэль не был поэтом, но и он понимал, что лицо — это важный элемент человеческого общения; оно тысячами мимолетных изменений выдавало настроение и чувства своего владельца. А в общении с сарошанцами представителям Империи было отказано в источнике важной информации и приходилось иметь дело с пустыми, постоянно улыбающимися фасадами.

Нет ничего удивительного, что в процессе приведения к Согласию возникли трудности.

Кроме того, источником сомнений стало уголовное дело производство Сароша, вернее, его полное отсутствие.

И на этот факт внимание Захариэля обратил Кургис.

— У них нет тюрем, — сказал Белый.
Шрам на праздновании передачи
командования. — Одна из наших
наблюдателей заметила это, исследуя
результаты съездов Шалоула с воздуха.
Она проверила карты всех других
поселений и обнаружила то же самое.
Никаких тюрем, ничего похожего на места
содержания заключенных.

— Не во всех мирах преступников
держат в тюрьмах, — заметил Захариэль.

— Верно, — кивнул Күргис. — Мы и
сами так поступали на Хогорисе. В
прошлом, еще до прихода Улперулта, мы
следовали простому закону. Это был
суровый обычай, обусловленный местными
обстоятельствами. Человек, совершивший
преступление, мог быть до смерти забит
капнями. Или ему подрезали сухожилия,
или оставляли умирать в пустыне, без
воды, пищи и оружия. Если кто-то убивал
другого человека, он становился работником
служил семье погибшего на протяжении
нескольких лет, пока не отработает долг
крови. Но сарошанцы считают себя
цивилизованной нацией. Насколько я знаю,

простейшее правосудие не применяется в развитом обществе. Люди обычно усложняют процесс.

— А никто не спрашивал у них объяснений по этому поводу?

— По словам сарошанцев, преступления в этом мире случаются крайне редко. А когда правонарушения все же совершаются, виновных обязывают работать дополнительные часы на бюрократической службе.

— Даже убийц? — нахмурился Захариэль. — Это ни на что не похоже.

— Есть еще кое-что. В процессе приведения к Согласию логисты нашей флотилии запросили на Сароше данные переписи за последнее десятилетие. Я плохо запоминаю цифры, брат, но кое-что из доклада логистов командованию осталось в памяти. Основываясь на уровне рождаемости и количестве смертей, указанных в сведениях, было установлено, что число жителей на Сароше должно быть больше, чем указано. Когда мы задали вопрос, правители Сароша стали клясться, что в перепись вкралась ошибка.

— А о какой цифре шла речь? — спросил его Захариэль.

— О восьми процентах, — ответил Күргис. — Знаю, на первый взгляд может показаться, что это не так уж и много, но, если подсчеты верны, это означает, что на Сароше за последние десять лет пропало не меньше сепидесяти миллионов человек.

Ночь выдалась великоленной. Она шла по улицам и бульварам Шалоула и любовалась прекрасными и непривычными видами. Празднество, о котором говорил Дүсан, было в полном разгаре. Толпы людей в масках заполнили улицы, по проезжей части ритмично двигались ослепительнояркие процессии танцоров в диловинных костюмах, с воздушными змеями и развевающимися бутажными лентами.

Руанна увидела жонглеров и клоунов в раскрашенных масках, акробатов и фокусников, шутов и митов, встретила карликов и великанов, шпагоглотателей и укротителей огня, а кроме всего этого, она услышала музыку.

Странные звуки донеслись из карнавальной толпы. Песни сарощанцев оказались красивыми и сложными. В них беспрестанно менялась тональность, от сложного рисунка гармонии мелодия переходила к явному диссонансу, выражая попеременно то печаль, то бурную радость.

Руанна услышала звучания, о существовании которых даже не подозревала, словно эта необычная музыка загадочным образом расширила диапазон ее слуха. И в основе музыки, почти незаметные, звучали изумительные ритмичные вариации, каких она никогда не встречала.

Прислушиваясь к звукам Сароша, Руанна впервые в жизни поняла, насколько великолепной и совершенной может быть музыка. Она всю свою жизнь училась законам композиции, но ничего из написанного ею и отдаленно не могло сравниться с изумительными звуками, огласившими улицы города.

Дусан шел рядом с ней, придерживал ее за локоть и направлял в толпе. Еще днем,

перед самой высадкой, Руанна узнала, что сарошанцы приставили к каждому из них персонального проводника, чтобы гости не заблудились. Она подозревала, что Дусан натеревался также выполнять и роль охранника — он не отходил от нее ни на шаг и ограждал от мелких неприятностей.

В самом начале, когда они только встретились, Руанна спросила его, чем он занимается, и Дусан ответил, что он профессиональный толкователь. Насколько она поняла, его профессией являлось толкование различных документов. Из-за непомерно разросшегося чиновничьего аппарата правители Сароша нередко и сами бесповоротно запутывались, разбирая донесения десятков и сотен чиновников, у каждого из которых имелось собственное мнение по поводу законов и уставов.

Подобные ситуации иногда вызывали затяжные дискуссии, продолжавшиеся по двадцать лет и более, так что и сами участники споров нередко забывали, какой вопрос вызвал столь упорные разногласия.

В таких случаях приглашали

профессионального толкователя, который исследовал все материалы диспутов и давал объяснения спорящим сторонам, пока они снова не улавливали суть дела.

Эта система могла показаться очень странной, зато у Руанны никогда еще не было столь приятного эскорта. В первые месяцы присутствия имперцев, в тех редких случаях, когда она получала разрешение на посещение поверхности, Руанне приходилось ходить в сопровождении половины отделения солдат Имперской Армии, шагавших за ней следом, словно нагоедливые сердитые тении.

Это раздражало само по себе, не говоря уж о том, как трудно было установить контакт с местными жителями, когда у тебя за спиной маячит отряд вооруженных людей.

К счастью, в последние несколько месяцев по настоянию избранного лорда-правителя Ферста командование флотилии установило менее жесткий порядок. Пусть планета Сарош и не была на сто процентов приведена к Согласию,

ее признали достаточно безопасной, чтобы разрешить имперским представителям посещать поверхность без вооруженного эскорта.

В то же время, надеясь навести мосты между местным населением и подданными Империи, командование армии и флота разрешило своим воинам спускаться в увольнение на поверхность Сароша.

— Пойдем сюда, — сказал Дусан.

В какой-то момент поздним вечером он стал настойчиво направлять ее на определенные улицы, словно стремился к какой-то цели. Пальцы Дусана крепче сжимали ее локоть, но Рианна этого почти не замечала. Опьяненная музыкой и ароматом пурпурных цветов, она некоторое время позволяла себя вести.

— А куда мы идем? — наконец спросила Рианна, смутно осознавая, что ее речь становится неразборчивой.

— Здесь есть место, где музыка будет еще лучше, — ответил Дусан из-под маски. — Надо пройти еще немного.

Он ускорил шаг, и Рианне

приходилось торопиться, чтобы поспеть за проводником. Она оглянулась вокруг и вдруг поняла, что просторные бульвары сменились путаницей узких извилистых улочек.

Стало темно. Летящие фонари, еще недавно парящие над их головами, остались позади, на каком-то из перекрестков. Они оказались одни на улице, освещенной только неярким сиянием серебристого серпика луны.

Несмотря на темноту, Дусан не замедлял шага. Казалось, он точно знал, куда направляется.

— Дусан? Мне здесь не нравится. — Рианна обнаружила, что с трудом выговаривает странно онемевшим языком. — Я хочу вернуться.

Он ничего не отвечал. Уже не пытаясь что-либо объяснить, Дусан буквально тащил ее за собой, и Рианна ощущала, как тело постепенно перестает ее слушаться. Она поняла, что Дусан каким-то образом сумел ее отравить. От сильного запаха цветов стало трудно дышать.

Цветы. Возможно, их аромат всему
виной. Женщина спотыкалась и с трудом
переставляла ноги, о борьбе с Дусаном не
могло быть и речи.

--- Дусан... --- Собственный голос
слышался откуда-то издалека. --- Почему?

--- Прости. Иначе было нельзя.
Мелакимы объявили вас нечистым
народом. Нельзя допустить, чтобы ваши
любимые ангелы нас осквернили. Ты будешь
нашим оружием против них, и, боюсь, тебе
будет больно. Это может показаться
жестокостью, знаю, но будь уверена, ты
послужишь высокой цели.

Они свернули за угол и оказались во
дворе. Руанна увидела впереди ручную
тележку, с каких во время праздников
обычно продавались бутылочки с
напитками. Рядом с тележкой виднелись
две фигуры в мешковатых костюмах,
украшенных бантами и лентами.

Завидев их, Дусан разжал пальцы, и
Руанна беспомощно рухнула на каменный
пол. Она услышала, как Дусан бросил
несколько резких приказов на местном
наречии, а потом обе фигуры направились

к ней.

В их движениях отчетливо чувствовалось нечто странное, даже просторные костюмы не могли скрыть неправильной походки. Оба существа шли как-то боком, а их руки и ноги сгибались под необычным углом.

Их вид навел на мысли о рептилиях.

Эти существа казались Рианне нереальными. Чем ближе они подходили, тем больше она убеждалась, что перед ней не люди. Но тело оказалось окончательно парализованным, и она могла только смотреть, как странные фигуры остановились по обе стороны от нее. Два напряженных клоунами существа одновременно нагнулись, чтобы ее поднять, и в этот момент маска на мгновение соскользнула с головы одного из них.

Она увидела его истинное лицо.

Несмотря на паралич, Рианна испустила вопль.

Глава 20

--- Не хочу казаться легкомысленным там, где речь идет о возможной человеческой трагедии, --- заговорил Нетиэль, --- но помнишь, ты говорил о предполагаемом исчезновении семидесяти миллионов людей на Сароше?

--- Помню.

--- Так вот, мне кажется, я знаю, что с ними случилось. Глядя на это, я бы сказал, что их съели лидеры нации.

Он обратился к Захариэлю по закрытому каналу, соединявшему только двва вокса, так что никто больше не мог слышать их разговора. Захариэль, со своей стороны, был даже рад, что надел шлем. Если бы не это, чиновники и функционеры, наводнившие палубу, могли бы заметить его неожиданную улыбку.

Встреча проходила на пусковой палубе «Непобедимого разума». Только что прибывшая делегация представителей правительства Сароша высаживалась из шаттла, а Лев приказал приветствовать

их с соответствующей торжественностью. Возглавлять почетную стражу для делегации Сароша был выбран Захариэль, а вместе с ним назначен Нетиэль и избранные бойцы из лучших отделений дружих рот.

Это было серьезное задание, по крайней мере с точки зрения командующего Легионом.

Захариэль всегда чувствовал себя крайне неловко в присутствии высокопоставленных лиц, но преданность долгу требовала принять назначение без всяких отговорок. И он приготовился провести церемонию с подобающей серьезностью, если бы не голос брата, тайно нашептывающий ему на ухо щутливую клевету на гостей и предположения относительно их важности.

— Ты только взгляни на него, — продолжал Нетиэль, обращаясь исключительно к Захариэлю. — Он почти такой же высокий, как Астартес, а какой огромный живот! По мне, так люди спокойно могут называть своего лорда его

широкоблагородием.

Против слов Немуэля трудно было что-то возразить. Его высокоблагородие лорд-экзальтер — так полностью звучал его титул — был непомерно толст. Захариэль предположил, что его рост приближается к двум метрам, но из-за огромного живота правитель был больше похож на шар с руками и ногами, а не на человека.

Такое телосложение тем более казалось необычным, что все остальные жители Сароша, которых Захариэлю довелось видеть, отличались худощавостью и стройностью. Если бы не их неприятная привычка всегда носить маски, он мог бы назвать сарошанцев вполне симпатичными людьми.

За исключением экстравагантных золотых масок сарошанцы придерживались умеренности и в одежде. Мужчины и женщины носили одинаковые сандалии и простые свободные одеяния, скрепленные металлическими пряжками на плече и поясом на талии. Из того, что успел узнать Захариэль, они следовали тому же

принципу и в повседневной жизни и величественное, спокойное существование, избегая войн и любых проявлений жестокости.

Согласно донесениям имперских наблюдателей, некоторое проявление эмоций наблюдалось только во время регулярных празднеств вроде того, что проводилось в этот день на поверхности планеты в честь прибытия Имперской флотилии Темных Ангелов.

Во время таких карнавалов допускались некоторые отклонения от принятых общественных норм, в том числе буйное веселье, чему немало радовались военные, отпущенные в это время в город.

Как всякий Астартес, Захариэль ничуть не переживал по этому поводу, но он знал, что офицеры, вынужденные остаться ради встречи делегации, вместо того чтобы отправиться на праздник, испытывали глубочайшее разочарование.

Захариэль выстроил своих людей в две шеренги лицом к лицу, оставив широкий проход для его высокоблагородия лорда-экзальтера и его свиты. Лев

предлагал послать за делегацией Сароша
одну из «Грозовых птиц» Темных Ангелов,
но его высокоблагородие настоял на том,
чтобы воспользоваться собственным
шаттлом с огромными двигателями,
который не без труда преодолел силу
гравитации планеты и только что
прошел сквозь барьер защитного поля,
предотвращавшего выброс атмосферы
корабля в открытый космос.

Захариэль даже не пытался заранее
представить себе, как должен выглядеть
верховный политический лидер Сароша, но
образ рыхлого, грузного существа,
появившегося из шаттла, точно не мог бы
прийти ему в голову. Детство и юность
Захариэля прошли в довольно суровых
условиях Калибана, и потому он ни разу не
встречал тучного человека до тех пор,
пока не покинул родной мир и не посетил
общины людей на других планетах.

Что было еще удивительнее, его
высокоблагородие лорд-экзальтер в
отличие от своих соплеменников не носил
маску. Его лицо оставалось открытым,
демонстрируя залитые потом,

расплывшиеся черты человека старшего среднего возраста с лягушачьей шеей. Кроме того, он явно не был способен на более быстрый шаг, чем церемониальная поступь.

На лбу правителя Сароша имелся нанесенный синей краской символ — круг, в основании которого развернулись два крыла разного размера. По обе стороны его, словно какого-то варвара, сопровождали толстые женщины с корзинами пурпурных цветов. Женщины усыпали цветами дорожку правителя, и под тяжелыми шагами лепестки превращались в ароматную жижу.

— Гости на борту! — крикнул Захариэль, включив общую вокс-связь, когда его высокоблагородие лорд-экзальтер ступил в промежутки между гвутья шеренгами Астартес. — Почетный караул, отдать честь!

Темные Ангелы по его команде единым движением скрестили руки на груди в знамении аквилы.

— Мы приветствуем вас, Ангелы Империи, — произнес лорд-экзальтер.

помахивая на ходу пухлой рукой. -- Слава Императору и всем его начинаниям. Добро пожаловать на Сарош.

-- А я приветствую вас на борту флагманского корабля «Непобедимый разум», -- ответил Лев, сделав шаг навстречу правителю.

Рядом с ним, как всегда, шел Лютер, выглядевший не более довольным этой церемонией, чем сам Захариэль.

Примарх Темных Ангелов явился на встречу в парадных доспехах, в свежеотутюженном стихаре, на котором красовался символ Легиона, вышитый алой нитью.

-- Я -- Лион Эль-Джонсон, командующий Первым Легионом Темных Ангелов.

-- Командующий Легионом? -- повторил правитель и вопросительно приподнял подкрашенную бровь. -- Значит, ты -- автарх? Эти Ангелы служат тебе?

-- Они служат Императору, -- поправил его Лев. -- Но если ты спрашиваешь, кто или командует, то это я.

— Я рад нашей встрече, повелитель Ангелов. Мы должны многое обсудить. Мои люди с нетерпением ждут... законопослушания, так, кажется, вы это называете. Слишком много времени было потрачено впустую, потеряно из-за общественных различий и недопонимания. Сегодня можно начать новую страницу в наших отношениях. А где же остальные лидеры твоего флота? Я надеялся обратиться ко всем сразу и рассказать, насколько полно Сарош подготовлен к тому, чтобы предпринять последние шаги к воссоединению с Империей.

— Заверяю тебя, они будут рады это услышать, — ответил Лев и повернулся, чтобы увести его высокоблагородие лорда-экзальтера с пусковой палубы. — Прошу следовать за мной и принять участие в приеме, где мы можем встретиться со всеми командирами флотилии. Там ты сможешь свободно высказать свои мысли и просветить нас относительно дальнейших перспектив.

— Просветить? Это означает «принести свет»? — улыбнулся толстяк. —

Да, это хорошее слово. Вам надо многое узнать о моих людях. Надеюсь, я донесу свет до каждого из вас.

На пусковой палубе всегда было многолюдно, но после ухода Льва и его высокоблагородия лорда-экзальтера со свитой могло показаться, что огромное помещение опустело.

Как только гости ушли, рабочие бригады и сервиторы, составлявшие постоянный персонал пусковой палубы, вернулись к своим повседневным обязанностям, прерванным из-за прибытия делегации Сароша и церемонии встречи.

Корабельная команда, дождавшись ухода пришельцев, стремилась наверстать упущенное время и удостовериться, что все талые суда заправлены топливом, готовы к запуску и находятся в отличном состоянии.

Захариэль тоже задержался на пусковой палубе, тогда как Нелмиэль и остальные воины последовали за притархом и членами делегации в зал, где должна была решаться судьба Сароша.

Независимо от исхода переговоров, Темным Ангелам вскоре предстояла высадка на поверхность планеты, и Захариэль, зная об этом, решил остаться и закончить приготовления к десантированию.

Высадка на поверхность любой планеты всегда таила в себе опасность, и Астартес еще до встречи с противником, если бы до этого дошло на Сароше, надо было предусмотреть миллион разных телочей. Вскоре Захариэль с головой ушел в работу, проверяя и подготавливая вооружение и броню, так что он не услышал приближающихся шагов, пока над головой не послышались слова.

--- Ждать уже недолго, --- раздался дружелюбный голос. Захариэль, обернувшись, увидел рядом массивную фигуру Лютера, еще одетого в церемониальные черные с золотом доспехи. --- Я ител в виду десант, --- пояснил он.

--- Я тоже так думаю, --- ответил Захариэль. --- И поэтому решил подготовиться к старту.

Лютер кивнул, а Захариэль почувствовал, что его командир хотел бы сказать что-то еще, но не знает, как перейти к беспокоящему его вопросу. Наконец Лютер похлопал его по плечу:

— Пойдем посмотрим на шаттл, что доставил сюда сарошанцев.

Захариэль оглянулся на довольно ветхий аппарат, но корабль, привезший откровенно толстого пассажира, не вызвал у него никакого интереса.

— Выглядит не слишком привлекательно, не так ли? — заметил Лютер, пересекая пусковую палубу.

Захариэль последовал за заместителем Льва.

— Механикумы, по-видимому, наблюдали за ним, пока шаттл приближался. Они сказали, что это устаревшая конструкция, известная на Терре еще до начала объединительных войн, после чего утратили всякий интерес, — сказал Захариэль.

— А, ит совершенно чужда романтика истории, Захариэль, — сказал Лютер, обходя вокруг изрядно потрепанного

корабля с огромными двигателями и выпуклой рубкой. -- Ты же понимаешь, ему не одна тысяча лет. Сколько же поколений механиков трудились, чтобы сохранить его в рабочем состоянии!

-- Тогда ему место в музее, -- предположил Захариэль, а Лютер тем временем нагнулся, заглянул под крыло и внимательно осмотрел нижнюю часть судна.

-- Возможно, -- согласился он. -- Это последняя функционирующая реликвия ранней эпохи. Единственный корабль на Сароше, еще способный совершать путешествия в безвоздушном пространстве.

-- Так зачем надо было им пользоваться? -- спросил Захариэль. -- Почему они не приняли предложенную Львом «Грозовую птицу»?

-- Кто знает? -- произнес Лютер и нахмурился, явно обнаружив нечто интересное. -- Возможно, сарошанцы так заботились о нем, поскольку предвидели, что корабль может понадобиться в будущем.

— Для чего?

Лютер пролез под днищем шаттла на другую сторону, а когда выпрямился, Захариэль увидел, что заместитель командира Легиона сильно поблел. Его лицо стало пепельно-серым, и Лютер смотрел на челнок с непонятным Захариэлю выражением.

— Что-то случилось? — спросил Захариэль.

— Мм? — протянул Лютер и взглянул на высокие арочные двери, через которые вышел Лев, увозя за собой делегацию Сароша. — А, Захариэль. Извини, я немного отвлёкся.

— Все в порядке? — снова спросил Захариэль. — Ты плохо выглядишь, мой лорд.

— Все хорошо, Захариэль, — заверил Лютер. — А теперь иди, догоняй своих боевых братьев. Не стоит слишком долго оставаться вдали от них, если скоро, может, придется отправиться в бой. Знаешь, это плохая примета.

— Но я еще не все здесь закончил, — возразил Захариэль.

--- Не важно, --- настаивал Лютер. ---
Цгу. Оставайся со своей ротой и не
возвращайся, пока я тебя не позову. Ты
меня понял?

--- Да, мой лорд, --- ответил
Захаризель, хотя, по правде говоря, он никак
не мог объяснить внезапной перемены в
настроении Лютера.

Он направился к выходу с пусковой
палубы, оставив заместителя
командующего Легионом, пристально
разглядывавшего прилетевший с Сароша
шаттл.

--- У вас существует обычай выбирать
в командование людей небольшого роста? ---
весело спросил его высокоблагородие лорд-
экзальтер, вместе со своей свитой
остановившийся у огромного
иллюминатора обзорной палубы. --- Я так
спросил, потому что человек, которого вы
все называете магистром ордена, не так
высок, как люди, состоящие у него в
подчинении. И то же самое я заметил,
знакомясь с другими людьми,
представленными как лидеры флотилии.

Правитель указал на армейских офицеров, капитанов кораблей и других имперских представителей, собравшихся на эту встречу.

— И все они меньше, чем ваши ангелы, — продолжал он с самым простодушным и бесхитростным выражением. — Это такая традиция — посылать в бой только тех, кто рожден гигантами, а людей меньшего роста назначать офицерами?

— Дело вовсе не в традициях, — дипломатично ответил Лев, тогда как стоявший рядом магистр ордена Хадариэль сердито нахмурился. — Не все из нас рождены гигантами. Темные Ангелы принадлежат к братству Астартес. Мы стали такими в результате научных работ Императора. Для усиления физических способностей в наших организмах проведены некоторые изменения.

— А, так вы изменены, — медленно кивнул его высокоблагородие лорд-экзальтер. — Вы искусственно выращены. Теперь я понимаю. А как же ты, сар

Хадариэль? Ты выше обычных людей, но не настолько, чтобы сравняться со своими воинами. Пожалуйста, скажи, почему так вышло?

--- Мне не повезло, --- ответил магистр. --- К тому времени, когда я был избран, я был уже слишком стар, чтобы воспользоваться преимуществами прогеносемени. Вместо этого мое тело подверглось хирургическим изменениям и физическое состояние было улучшено.

Немиэль вместе с остальными воинами почетного караула стоял в другом конце зала, но достаточно близко, чтобы усиленный слух уловил суть разговора. Выбранная правителем Сароша тема заставила его поморщиться.

Конечно, его высокоблагородие лорд-экзальтер не мог знать, насколько сильно магистр ордена переживает тот факт, что ему не вживлены прогенюиды. Лидер сарошанцев наверняка непреднамеренно затронул эту тему, но она могла вызвать резкий ответ и несколько подпортить отношения между сторонами.

К чести Хадариэля, он удержался от

любых высказываний и не дал повода заподозрить, насколько сильно его оскорбили слова гостя. Но Лев, все же опасаясь с его стороны эмоционального взрыва, решил переменить тему:

— Ты упомянул термин «искусственно выращенные». А в вашем обществе используются методы генетических изменений?

— Да, но я пришел сюда ради обсуждения более важных вопросов.

Правитель Сароша взмахнул рукой, словно отменяя несущественную тему, и повернулся к обзорному окну. Выглянув наружу, он распростер руки, словно обнимая видневшийся внизу голубой шар Сароша.

— Не правда ли, этот мир прекрасен? Мне еще никогда не доводилось смотреть на него с такого расстояния. Конечно, в наших исторических книгах сохранились снимки планеты, сделанные с орбиты, но шаттл не поднимался над поверхностью уже более ста лет до сегодняшнего дня. Даже если бы я приказал подняться в космос, иллюминаторы в челноке едва ли

больше моей лагони. Если бы не Империя, я бы никогда не увидел столь величественной картины. Благодарю вас за это. Когда я смотрю со стороны на знакомый с детства мир, вижу его океаны и континенты, передо мной открываются новые грандиозные перспективы.

— И это только начало, ваше высокоблагородие, — произнес избранный лорд-правитель Ферст. Он, вероятно, ощутил возникшую напряженность и шагнул вперед, поближе ко Льву. — Невозможно представить, какие чудеса мы будем творить в этом мире, когда он будет приведен к Согласию.

— Ах да. Согласие, — поторщился толстяк. — Очень интересный выбор слова. Термин означает процесс приведения планеты в соответствие с требованиями или предложениями Империи. А еще он означает уступки, гибкость, послушание. А если мы не проявим послушания, что тогда? Вы направите на нас своих Ангелов, лорд-правитель? Уничтожите нас, если мы не выполним ваши пожелания?

— Ну, я... — Ферст откровенно

стутился. -- Как бы это сказать...

-- Решение будет принимать не лорд-правитель, -- прервал его Лев. -- Решение остается за мной. Твой вопрос подразумевает существование каких-то сомнений, лорд-экзальтер. Но ты должен понимать, что целью нашего Крестового Похода является воссоединение утративших связи островков человечества. Нам бы не хотелось применять силу для приведения твоего мира к Согласию, но опыт подсказывает, что в некоторых случаях это необходимо. Иногда в силу своего невежества или потому, что их контролирует непогодобавщее правительство, люди вновь открытого мира пытаются оказать сопротивление. Но это не имеет никакого значения. Мы пришли вас спасти. Хотите вы этого спасения или нет, результат не зависит от вашего желания.

-- А что вы скажете о нашем правительстве? -- спросил его высокоблагородие лорд-экзальтер. Представитель Сароша отвел взгляд от иллюминатора и повернулся лицом ко

Льву и имперскому командованию. --- Как вы оцениваете правительство Сароша? Вы находите его подобающим?

--- Решение еще только предстоит принять, --- сказал Лев. --- Должен сказать, мне нравится такой откровенный разговор. Как я слышал, ваш народ отличается склонностью к некоторого рода... неопределенности.

--- Да, мы до сих пор не определились, --- признал его высокоблагородие лорд-экзальтер, стойко выдерживая взгляд Льва. --- Но теперь поняли, что настало время сделать окончательный выбор. Как я понимаю, Империя не поклоняется никаким богам. Более того, это запрещено. Это правда?

--- Правда, --- ответил Лев, несколько озадаченный столь резким поворотом в разговоре. --- Но я не вижу, как это может влиять на наши проблемы. Мне говорили, что жители Сароша разделяют нашу точку зрения на религию. У вас нет ни священников, ни мест поклонения.

--- А вот здесь вы ошибаетесь, --- возразил лорд-экзальтер. --- Наши храмы

находятся в тайных убежищах, в лесах и пещерах, где посланники наших богов разговаривают с избранными представителями, Возвышенными. Мы более тысячи лет следуем их указаниям и в результате построили совершенное общество.

--- У я узнаю об этом только сейчас? ---
Раздраженно бросил Лев, поворачиваясь к избранному лорд-правителю и другим представителям Империи, но те были изумлены ничуть не меньше.

Лев снова обратился к лорд-экзальтеру:

--- Вы скрыли это от нас?

--- Да, скрыли, --- подтвердил его высокоблагородие. --- В этом нам помог тот факт, что вероисповедание для нашего народа --- очень личное дело. Когда на нашей планете появились первые разведчики Империи, они не увидели в нашем мире никаких признаков религиозности, никаких грандиозных соборов или монастырей. Наши священные места остаются скрытыми, но только потому, что так приказали телакхиты.

--- Мелакхиты? --- ошеломленно повторил Лев.

--- Это наши боги. Они обращаются к Возвышенным, поскольку только те способны слышать божественные голоса. Но боги говорят лишь тогда, когда Возвышенные покидают цивилизацию и уходят в глушь. Боги говорят Возвышенным, что должно быть сделано, и затем их слова доносятся до остальных членов нашего общества. Таким методом мы узнаем волю богов.

--- Какая глупость! --- воскликнул не на шутку рассердившийся Лев. --- Вы же рациональные люди технологически развитого общества. Вы должны были видеть, насколько неразумны подобные суждения.

--- Вы слишком рано показали свое истинное лицо, --- продолжал лорд-экзальтер. --- Когда появились ваши разведчики, они с важным видом рассказывали, как разрушили власть религии и объявили ее детским суждением. С того самого момента мы поняли, что вы --- носители зла. Ни одно общество не

может быть признано справедливым, если оно не признает верховенства божественной силы. Мирские истины лживы. Как только мы услышали, что Император объявил всех богов ложными, мы тотчас поняли его сущность. Он — лживый демон, воплощение обмана, посланник темных сил, сбивающий человечество с пути истинного.

Захариэль шагал по корабельным коридорам к временной казарме своего отделения и перебирал в уме все, что надо было сделать перед возвращением на «Ярость Калибана» и десантом на поверхность Сароша. Он ни на минуту не сомневался, что высадки войск на планету ждуть осталось недолго, и предостережения Күргуса о том, что сарошанцам нельзя доверять, постоянно звучали в его ушах.

Внезапно он снова вспомнил странное выражение лица Лютера, когда тот вылез из-под шаттла сарошанцев, и стал гадать, что мог увидеть заместитель командующего Легионом, чтобы так...

Что?

Нервничать?

Захариэль, не замедляя шаг, опять вызвал в памяти бледное и растерянное лицо Лютера. Что же могло слугить такого героического воина, как Лютер? Чем больше он взглядывался в мысленный образ, чем пристальнее вглядывался в его глаза, тем дальше проникало его сознание.

Он увидел в нем боль и печаль долгих лет, прожитых в тени другого человека.

Природные чувства Захариэля, усиленные тренировками под руководством брата-библиария Исрафаэля, помогли понять смысл переживаний, владевших Лютером.

Не доверяй им... И не поворачивайся к ним спиной.

Захариэль резко остановился от внезапного сильного приступа тошноты. Он ведь был Астартес и никогда не страдал от каких-либо болезней, поскольку улучшенный метаболизм автоматически компенсировал все отклонения, способные вызвать неприятные ощущения.

Однако в данном случае дело было не в физических отклонениях. Приступ вызвало сильное и внезапное предчувствие близкой угрозы.

Что еще хуже, он был абсолютно уверен, что об этой угрозе догадывается не он один, но только он намерен ее предотвратить.

На пусковой палубе было совсем тихо, что само по себе казалось необычным.

Захариэль шагнул через порог противовзрывной двери и огляделся в поисках постоянного персонала — техников, механиков и грузчиков, обычно наполнявших помещение громкими голосами.

Но единственными звуками были легкий скрип, свист гидравлики и постоянный гул двигателей, и Захариэль тотчас понял, что его подозрения не были беспочвенными.

Что-то определенно пошло не так, как следовало.

Он пересек пусковую палубу и обошел вокруг шаттла сарошанцев, пытаясь найти в нем нечто необычное. Как он уже

раньше сказал Лютеру, перед ним была устаревшая и почти забытая модель с громогласными для такого маленького корабля двигателями.

Он заглянул под одно из крыльев, даже встал на четвереньки, надеясь увидеть то, что так взволновало Лютера.

Снизу от шаттла пахло машинным маслом и гидравлической жидкостью, пластины металла были привинчены довольно грубо, рабочие явно не заботились ни о красоте, ни о качестве. Поначалу Захариэль не обнаружил ничего необычного и решил забраться дальше, под самое днище.

Он нагнул голову, чтобы не стукнуться об отвисшую пластину, и...

Обернувшись, он внимательно осмотрел металлическую полосу. Крепления покрывал слой ржавчины.

Захариэль покачал головой. Просто чудо, что шаттл пробился сквозь атмосферу, но вряд ли можно ожидать, что он сумеет вернуться.

Продолжая осматривать днище, он вдруг понял, что необычно в этом

шаттле. Но крайней мере частично. Корабль не был предназначен для космических полетов, поскольку в днище не имелось тепловых щитов. Это было обычное воздушное судно, построенное для передвижения в пределах атмосферного слоя, чем и объяснялся увеличенный объем двигателей — вероятно, их перегревали, чтобы шаттл смог дотянуть до орбиты.

Любой, кто решился бы спускаться на поверхность без тепловых щитов, не дожил бы до приземления. При вхождении в плотные слои атмосферы корабль должен был обратиться в пылающий факел, и выделяемое тепло испепелило бы каждого, кто находился внутри, а затем и сам шаттл мог расплавиться, прежде чем рухнуть на землю.

Люди, прилетевшие на этом корабле, явно не собирались возвращаться на поверхность планеты.

Значит, их миссия должна закончиться здесь.

Захария выбрался из-под шаттла и ужаснулся: они приняли на борт врагов, притворившихся грузьями. Он снова

взглянул на старинный корабль, впервые увидев в нем вражеское транспортное средство.

--- Но чего они надеялись добиться? --- тихо спросил он себя.

Горстка сарощанцев, высидившихся на борту «Непобедимого разума», едва ли могла справиться с огнем Темным Ангелом, а на корабле их было достаточно много.

Так с какой же целью они предприняли свой визит?

Захариэль опять двинулся вокруг шаттла, постукивая кулаком по исцарапанному фюзеляжу, тихо урчавшим двигателям и выпуклой передней секции. Дойдя до крайней передней точки, он снова удивился странной форме носовой части. Ее контур никак нельзя было назвать удачным решением для любого судна, предназначенного для полетов в атмосфере.

Захариэль не был авиаинженером, но он достаточно учился, чтобы понимать влияние очертаний носа и крыльев воздушного корабля на его подъёмную силу.

а такая тяжелая передняя секция явно противоречила здравому смыслу.

Внимательный осмотр носовой части подсказал, что корабль был надстроен, поскольку краска и структура материала здесь заметно отличались от остального корпуса. Захариэль сделал шаг назад, окинул взглядом корабль и сразу понял, что к первоначальному варианту сверху и спереди была добавлена целая секция.

Захариэль ухватился за крышку одного из лючков и потянул. Как он и опасался, крышка оказалась приваренной, но Захариэль уже был уверен, что внутри скрыто нечто ужасное. Он сделал глубокий вдох, уцепился покрепче и дернул изо всех сил.

Металл прогнулся и треснул, но даже сварка не устояла перед мощью одного из лучших воинов Императора, и крышка в конце концов выскочила из гнезда. Захариэль отшвырнул вырванную пластину и через образовавшееся отверстие заглянул внутрь передней секции.

Он увидел множество толстых металлических брусьев, установленных вокруг центрального стержня приблизительно метровой толщины. Стержень был закреплен массивными опорами из того же металла, а рядом тизало огоньками какое-то устройство.

--- Это своего рода оружие, --- произнес кто-то рядом с ним. --- Я думаю, атомная боеголовка.

Захариэль рывком развернулся и уже был готов нанести удар кулаком. Рядом стоял Лютер, на его лице застыло выражение боли и грусти.

--- Атомная боеголовка? --- переспросил Захариэль.

--- Да, --- ответил Лютер, подошел ближе и заглянул в образовавшуюся щель. --- Полагаю, что весь этот корабль --- одна гигантская ракета.

--- Ты знал об этом? --- спросил Захариэль. --- Почему ты ничего не сказал?

Лютер отвернулся, его плечи уныло опустились, словно он признал свое поражение. Затем он вновь взглянул на Захариэля, и тот поразился, увидев на

глазах командующего слезы.

— Я почти решился, Захариэль, — произнес Лютер. — Я хотел сказать, но потом подумал, что все может стать моим: Легион, командование, Калибан. Все стало бы моим, и я больше не должен был бы делиться с тем, чья тень падает на все мое деяния.

— Лев? — воскликнул Захариэль. — Его подвиги велики, но и твои тоже!

— Может быть, они были бы великими, но в другой эпохе, — возразил Лютер. — Только если бы я не жил в одном отрезке времени с таким человеком, как Лев. Только в этом случае слава выводящего Калибан из тьмы была бы твоей, но вместо этого вся она досталась твоему брату. Ты не можешь себе представить, как грустно быть самым выдающимся человеком своей эпохи, а потом в один момент лишиться всего.

Захариэль видел, что Лютер не в силах сдержать поток слов. Презрада благородства и самообладания сдерживали эти чувства более десяти лет, но дамба рухнула, и истинные переживания Лютера

хлынули наружу.

— Я никогда не подозревал об этом, — сказал Захариэль, и его рука опустилась на эфес меча. — И никто об этом не догадывался.

— Я и сам многого не понимал, — признался Лютер. — До того момента, когда увидел шаттл. Мне бы не пришлось даже пальцем пошевелить. Надо было просто уйти, и все, чего я жаждал, стало бы моим.

— Так почему же ты вернулся?

— Я приказал всем покинуть пусковую палубу и вышел сам, — рассказал Лютер, прикрыв глаза рукой. — Но не прошел и десяти шагов, как понял, что не смогу так поступить.

— И ты вернулся, чтобы предотвратить это? — с огромным облегчением спросил Захариэль.

— Да, — кивнул Лютер. — Так что можешь не хвататься за свой меч. Я понял, что служить столь великому воину, как Лев, большая честь и я — счастливейший из людей, поскольку могу назвать его братом.

Захарияэль повернулся к шаттлу и
содержащемуся в нем смертельно опасному
грузу.

--- И как же ты его обезвредишь?

--- Ах, --- вздохнул Лютер, --- вот этого
то я и не знаю.

--- Ты зашел слишком далеко, --- бросил
Лев и потянулся за парадным мечом,
висевшим у него на боку.

--- Нет, это вы зашли слишком
далеко, --- возразил лорд-экзальтер. --- Вы
все терзавцы, все до единого, --- выпалил он
с такой решимостью, что затряслись
толстые щеки. --- Единственная причина,
по которой я терплю ваше общество, это
возможность высказать мнение моего
народа.

Ваш Империят --- выдумка злобных
людей, --- продолжал он. --- Ваши слова ---
сплошная ложь. Вы трусливы и бесчестны,
а ваши ангелы... Ваши ангелы еще хуже,
они произошли от скверных зверей. Это
ложные ангелы, омерзительные и
нечистые.

--- Хватит! --- взревел Лев.

Командующий Темных Ангелов
пришел в ярость, его пальцы так сильно
стиснули эфес оружия, что побелели
суставы.

--- Уменем Императора...

--- Я плюю на твоего Императора! ---
крикнул толстяк, и все собравшиеся
чиновники Империи от такого
оскорбления затаили дыхание. --- И я плюю
на Лиона Эль-Джонсона!

Его высокоблагородие лорд-экзальтер
поднял руки, скрестил три пальца правой
руки с пятью пальцами левой и
прикоснулся ими к символу, начертанному
на его лбу.

--- Вы не люди, вы не достойны быть
лидерами. Вы...

Ему не дали закончить.

Лев рывком обнажил сверкающий меч
и, прервав речь лорда-экзальтера, рассек
тело толстяка от плеча до самых бедер.

Захариэль все еще смотрел на
загадочное устройство в передней секции
шаттла, как вдруг огоньки затигали чаще
и в центре сферы возникло пульсирующее

красноватое сияние. Двигатели
пробудились к жизни, и их гудение стало
настолько громче.

--- Проклятие! --- воскликнул Лютер.

Мигание огоньков становилось все чаще, и в центре устройства возник второй источник красного света. Сфера начала распространять пронзительный гул, который не только отдавался в ушах, но и ощущался в костях и постепенно усиливался, так что заглушал даже рев двигателей, набравших обороты.

И двигатели, и устройство внутри раскалились так, что Захариэль и Лютер были вынуждены отступить от шаттла, а сам корабль внезапно приподнялся над палубой, вероятно приведенный в движение автоматической системой управления.

— Как же мы его остановим?! — крикнул Захариэль, стараясь заглушить рев двигателей.

— Я не знаю, — ответил Лютер и показал на устройство внутренней корабельной связи, установленное на стене. — Но мы должны предупредить Льва!

Захариэль понимающе кивнул, и

Лютер снова попытался поговорить с шаттлом сквозь ревущие струи перегретого воздуха, извергаемого двигателями, и непереносимую завесу жара, исходящего от устройства.

Палубные системы безопасности отреагировали на быстро растущую температуру и уровень радиации, и в помещении вспыхнули тревожные огни и раздался вой сирен.

--- Я не могу к нему подойти! --- закричал Лютер.

Захариэль разбил предохранительный щиток на стене и нажал кнопку «Общая тревога», посылая предупреждение по всему кораблю.

--- На первой пусковой палубе находится вражеское судно! --- крикнул Захариэль, стараясь преодолеть вой сирен и все возрастающий рев двигателей.

У него на глазах шаттл выбросил облако раскаленных газов и взлетел над палубой. Захариэль услышал крик боли --- Лютер, шатаясь, отступил от... ракеты, по-другому этот аппарат уже нельзя было назвать.

--- Повторите! --- потребовал голос с
вокс-станции. --- Вражеское судно?

--- Да! --- заорал Захариэль. --- Корабль
сарошанцев! Это какая-то ракета или
бомба!

К нему подошел Лютер, от
опаляющего жара его доспехи обгорели и
местами даже оплавилась. Захариэль
следил за поднявшейся ракетой; ее нос
разворачивался на какой-то невидимый
маяк... невидимый маяк в самом сердце
корабля.

В ответ на тревожный вызов
противовзрывные двери на палубу
распахнулись и в помещение ворвалась
команда противопожарной службы.
Техники с оранжевыми ранцами мгновенно
отреагировали на интенсивный источник
повышенной температуры и нацелили свои
установки вверх.

От непереносимого жара у Захариэля
уже появились волдыри, он понимал, что до
того, как двигатели вражеской ракеты
залыют палубу убийственной плазмой и
бросят боеголовку вглубь корабля, у них
остаются считанные секунды.

В это мгновение он понял, что надо сделать.

Он оставил Лютера у вокс-станции, а сам побежал вдоль стены к панели управления пусковой палубой, стараясь не обращать внимания на боль, хотя волосы на голове уже обгорели. На поверхности доспехов начала пузыриться краска, контакты механизмов оплавилась, каждый шаг давался с огромным трудом.

Захариэль с трагичной решимостью двинулся вперед, сознавая, что у него есть единственный шанс спасти корабль и всех, кто находится на борту.

Доспехи словно налились свинцом, и он едва передвигал ноги, но, несмотря на боль от ожогов, все-таки добрался до вмонтированной в стену панели управления.

Он еще успел оглянуться через плечо и увидел, что нос ракеты развернут в направлении жизненно важных систем корабля, и как раз туда, где проходят переговоры Льва с лордом-экзальтером Сароша.

Наконец Захариэль дотянулся до

контрольной панели, ударом кулака разбил
плексигласовый щиток и рывком опустил
рычаг, запирающий противовзрывные двери
всей пусковой палубы. Массивные пластины
дверей с глухим ворчанием начали
закрываться, но едва они опустились до
половины, Захариэль нажал кнопку
генератора защитного поля.

К общему шуму на палубе добавился
вой сирен, еще более громкий и
пронзительный, чем остальные звуки. Из
динамика раздался оглушительный голос:
«Внимание! Защитное поле слабеет!
Внимание! Защитное поле слабеет!»

Захариэль снова нажал кнопку
выключения генератора и не отпускал ее,
надеясь ускорить процесс. Аварийные
команды в панике бросились к
закрывающимся дверям.

«Внимание! Защитное поле слабеет!
Внимание! Защитное поле слабеет!»

--- Да знаю я! --- крикнул Захариэль. ---
Выключай скорее, ради Льва!

Словно в ответ на его просьбу,
мерцающее сияние, окружавшее
генераторы по всему периметру входного

шлюза, исчезло и звезды проявились более отчетливо.

Воздух с пусковой палубы неистовым ураганом встретился в открывшееся отверстие, унося с собой все, что не было прочно закреплено.

Резкий порыв подхватил Астартес, словно сухие листья, и потащил к зияющему шлюзу.

Захариэль вцепился в поручни, идущие вдоль края пусковой палубы, и из всех сил сопротивлялся мощному потоку воздуха. Ящики, коробки с инструментами, связки обтундирования, подхваченные вихрем декомпрессии, вылетали из шлюза и по спирали уносились в бездну.

За мгновение до того, как вцепиться в поручни, он успел активировать магнитные подошвы, и теперь его прижимала к палубе вся тяжесть доспехов. Топливные шланги развевались, словно огромные змеи, а оторвавшиеся кабели рассыпали быстро уносящиеся облака искр.

Шаттл сарощанцев вместе с его

смертельным грузом тоже был подхвачен ураганом, декомпрессионный поток обрушился на него и вытолкнул из корабля. В тот самый момент, когда двигатели заработали на полную мощность. Лишенный управления шаттл описал широкий виток и вывалился из шлюза.

Рабочие спасательной команды и аварийные техники, не успевшие выскочить с палубы, тоже были мгновенно вытолкнуты в бездну, их крики потонули в реве вытекающего воздуха, а исковерканные и замерзшие тела разлетелись вокруг корабля.

Захариэль смотрел, как шаттл сарошанцев медленно удаляется от «Непобедимого разума», и внезапно чуть не ослеп, когда скрытая в нем боеголовка взорвалась.

Снаружи, на фоне равнодушной и холодной тьмы могло показаться, что боевой крейсер выстрелил миниатюрным солнцем. В одну тысячную долю секунды ослепительно-белый шар вспыхнул у самого корпуса, раскалился до предела и бесследно исчез.

Несмотря на то что корабль мог выдерживать вражеский артиллерийский обстрел, многие иллюминаторы на корме не выдержали силы взрыва и лопнули, а осколки закаленного стекла унеслись в бездну сверкающими алмазами.

Взрывная волна прокатилась по всему кораблю, и лишь автоматические системы контроля предотвратили его полное разрушение. В ответ на внезапную декомпрессию герметичные створки перегородили все помещения.

Корабль угрожал, словно схваченный мощной рукой левиафана, повреждения вызвали новую серию завываний тревожных сигналов. Захариэль ощутил ударную волну каждой косточкой своего тела.

Наконец ужасная вибрация прекратилась, и он в изнеможении рухнул на палубу, застонав от мучительной боли, причиняемой ожогами. Захариэль пролежал так несколько минут и почти не слышал, как над ним раздаются крики спасателей и продолжают завывать сирены.

— Брат, ты ранен?

Захариэль повернул голову и улыбнулся, увидев, что Лютер остался в живых.

— Я думал, ты погиб! — крикнул Лютер, перекрывая оглушительный вой.

— Доспехи меня спасли, — ответил Захариэль.

— Тебе здорово повезло, парень.

— Что? Повезло? Как ты можешь такое говорить? — спросил Захариэль, и его голос стал слегка неразборчивым под действием обезболивающих препаратов из системы жизнеобеспечения доспехов.

— Оглянись вокруг, — вздохнул Лютер. — Эти мерзавцы с Сароша почти сумели уничтожить и корабль, и все командование флотилии, но ты их остановил.

Но Захариэль видел только безжизненные тела, усеявшие палубу, и чувствовал, как в нем при виде подобной жестокости разгорается гнев, который, впрочем, был подавлен так же быстро, как и появился. Моральная подготовка Астартес предусматривала жесткий контроль над эмоциями, обеспечивая

оптимальный выбор и эффективность действий в любых обстоятельствах.

Ярость была бы оправдана на поле боя, но сейчас надлежало сохранить ясность головы. С помощью Лютера он поднялся на ноги и прислонился к стене, жадно вдыхая прохладный восстановленный воздух.

Лютер переключил стенное vox-устройство на капитанский мостик «Непобедимого разума».

--- Говорит Темный Ангел Лютер, --- передал он. --- На пусковой палубе много раненых. Прошу немедленно прислать бригады медиков! Капитанский мостик, вы меня слышите?

--- Это капитанский мостик. Слышим. Мы вас поняли, --- раздался безликий, потрескивающий помехами голос. --- Мы получили донесения о повреждениях кормовой части вашего уровня. Аппараты наблюдения показывают, что обстановка контролируется.

--- Все правильно, капитанский мостик, --- подтвердил Лютер. --- Повреждения нанесены делегацией сарошанцев, прибывшей на борт полчаса

назад. Челнок на пусковой палубе был начинен... атомной боеголовкой. Все сарошанцы, еще оставшиеся на борту, должны быть немедленно арестованы. Угроза жизни устранена.

Лютер окинул взглядом разрушения и прошептал Захариэлю:

--- Примерно минуту назад мы начали войну против Сароша.

Из вокс-устройства, настроенного на капитанский мостик, послышался другой голос, и Захариэль тотчас узнал Льва:

--- Я объявляю военный совет для всех командиров и заместителей на борту «Непобедимого разума». Сбор через полчаса. Все поняли?

--- Я понял, мой лорд, --- ответил Лютер, и они с Захариэлем обменялись тревожными взглядами.

Атака на «Непобедимый разум» была только началом.

По всей флотилии, во всех городах и землях Сароша граждане Империи внезапно подверглись нападению людей, еще недавно провозглашавших своих гостей

героями. Они пришли на Сарош избавить
его жителей от невежества,
сохранившегося со времен Древней Ночи.
Они принесли с собой свет Улпериума и
его чуда.

Но сарошанцы отвергли Улпериум и
проповедуемые им идеи. Они отвергли все
с неописуемой жестокостью и предпочли
ужас кровопролития. Они совершили
ужасные преступления, прибегнув к
повсеместному террору.

В момент начала восстания в
увольнении на поверхности планеты по
поводу проходящего праздника находились
больше тысячи служащих Улперской
Армии и флотилии.

Некоторые из них были убиты сразу,
но большинство стали жертвами
похищения. Они исчезли среди ночи, не
оставив следа или каких-либо
свидетельств, указывающих на личность
похитителей или место заточения.

Ситуация прояснилась еще больше,
когда обнаружилось, какая судьба постигла
улперские учреждения, уже переведенные
на Сарош. В течение двенадцати месяцев,

еще до полного приведения Сароша к
Согласию, с флотилии на поверхность
переврались десятки разных организаций.

Как и можно было ожидать,
избранный лорд-правитель Ферст устроил
себе резиденцию в одном из дворцов
административной части столицы
Сароша Шалоуле. Поблизости, в ожидании
неизбежного разрастания силовых
структур, разместились десятки
посреднических контор. Но в момент
взрыва шаттла разъяренная толпа
атаковала и резиденцию правителя, и все
имперские заведения. Нападавшие быстро
расправились с немногочисленными
солдатами Имперской Армии, стоявшими
на страже, всех обитателей выволокли на
улицы, где кровожадные мятежники
забили их до смерти ножами и топорами.

Усковерканные и обезглавленные тела
были преданы огню, поскольку восставшие
подожгли занимаемые Империей дома и
побросали туда останки.

Лишь нескольким гражданам
Империи удалось избежать убийства и
похищения. Позже, когда эти свидетели

рассказывали о своих злоключениях, выяснилось, что все население планеты внезапно охватила жажда крови и разрушений, и этот взрыв эмоций стал такой же трагической неожиданностью, как и взрыв шаттла, едва не уничтоживший «Непобедимый разум».

Оставшиеся в живых рассказывали, что первобытная жестокость проявилась в людях Сароша без всякого предупреждения. Только что они вели себя со своим обычным обаянием, а в следующий момент набрасывались на гостей с потрясающей и невиданной яростью.

И в то же самое время нельзя было сказать, что взрывы жестокости возникали стихийно или бесконтрольно. Согласно рапортам выживших очевидцев, все было совсем наоборот. В поведении оставшихся наблюдались ужасающая целеустремленность и спокойствие.

Сарошанцы все прекрасно организовали, как будто каждый из мятежников заранее тайно согласился на отведенную ему роль и точно знал время для выполнения своих задач.

Что еще страшнее — и многие деятели Империи находили это обстоятельство особенно тревожным, — время всех операций было согласовано с удивительной механистичностью. Никто никогда не обнаружил средств связи между заговорщиками Шалоула и их сообщниками в различных районах планеты, и все же они могли с точностью до секунды координировать свои действия.

Даже когда провалилась первая часть плана, оставшиеся агенты смогли быстро приспособиться к новым обстоятельствам, несмотря на очевидное отсутствие средств общения с единомышленниками.

Это оставалось неразрешимой загадкой, но внимание командования Темных Ангелов пока было приковано к другим проблемам.

— Прошу помощи! Это «Быстрый наездник»! Корпус разрушен, мы теряем атмосферу. Требуются транспорт со всеми доступными ремонтными бригадами и медицинская помощь с кораблей флотилии. Нам нужна помощь!

--- «Ярость Калибана» вызывает флагман! Требуется немедленно дать информацию о состоянии наших командиров. Конец связи.

--- Докладывает «Храбрый возчик». Атака бунтовщиков отбита, ситуация под контролем.

--- «Арбалет», говорит «Непобедимый разум». Немедленно снимайтесь с якорной стоянки и переходите на позицию «Бета», иначе вы будете расстреляны как вражеское судно. Это последнее предупреждение!

Капитанская рубка «Непобедимого разума» буквально гудела. Захариэль, едва войдя в помещение вслед за Лютером, тотчас уловил витающую в воздухе напряженность.

Десятки офицеров и рядовых беспокойно ерзали на своих местах, передавали приказы и вели переговоры по разным каналам вокс-связи со всеми кораблями флотилии. В хоре беспрестанно звучащих голосов отчетливо слышалась мрачная решимость.

Именно этого Захариэль и ожидал от командиров в случае, когда ситуация еще не до конца определилась и исход битвы неясен. Это были голоса людей, беспрекословно выполнявших свой долг, несмотря на опасение, что война в любой момент может прервать их работу, а может, и жизнь.

Это были голоса воинов, находящихся на грани паники.

Но все звуки затихли, когда послышался крик часового: «Командир на капитанском мостике!»

Захариэль поднял голову. Через другую дверь на мостик вошел Лев, его лицо пылало яростью, а в руке поблескивал окровавленный меч. Захариэль никогда не видел командующего Первым Легионом в таком гневе, и при мысли о характере предстоящей войны у него все внутри сжалось.

Следом за Львом вошел Нелмиэль, и его лицо в точности отражало чувства Льва. Оба прошли прямо к капитану флотилии, который разговаривал с корабельным астронавтом. Захариэль и

Лютер, превозмогая боль, направились к старшим офицерам.

Капитан флотилии повернулся навстречу подошедшему Льву и коротко отсалютовал.

--- Капитан Стений, --- без предисловий обратился к нему Лев, --- доложить обстановку. Мне необходимы все данные.

Капитан жестом указал на стоящую рядом с ним слепую женщину:

--- Это госпожа Аргента, старший астроном корабля. Я счастлив видеть тебя, лорд Эль-Джонсон. Я надеюсь...

--- Быстрее, капитан Стений, --- прервал его Лев с оттенком раздражения в голосе.

--- Да, конечно, --- сказал Стений, поклонился и повернулся к сервитору, оперировавшему у ближайшего пульты. --- Поднять жалюзи.

Послышался щелчок, затем негромкое жужжание, и массивные жалюзи, защищавшие выпуклые стекла капитанской рубки, скользнули вверх и спрятались в углублениях, открыв вид на

костос.

--- Мы из предосторожности опустили их, --- пояснил Стений. --- Из-за атаки на наш корабль, а потом и на «Храбрый возчик» я решил, что лучше привести корабль в боевую готовность. К счастью, самое страшное уже позади.

--- Атака на «Храбрый возчик»?! --- воскликнул Лютер. --- Что за атака?

Лев обернулся на голос брата и прищурился, заметив, что и он, и Захариэль ранены. Он ничего не сказал по поводу их состояния, явно намереваясь расспросить позже.

Захариэль через передний иллюминатор выглянул в костос и ужаснулся при виде парящих в холодной бездне тел. Много окон капитанской рубки в ужасном параде проплывали сотни погибших.

--- Матежкины предприняли три попытки нападения на корабли флотилии, --- доложил Стений. --- В каждом случае это были небольшие группы, не более полдюжины человек, на своих кораблях. В основном атаки были

подавлены до того, как противники сумели нанести значительные повреждения, но в «Арбалет» успели выпустить торпедный залп. А потом обстреляли «Храбрый Возчик» и пробили корпус. Тела за бортом и есть пострадавшие с транспортника. Как только началась стрельба, я отдал по флотилии приказ увеличить дистанцию между судами. Часть тел с «Храброго Возчика», должно быть, подхватило инерционными струями наших двигателей, поэтому они и дрейфуют вокруг «Непобедимого разума».

--- Каковы повреждения на «Храбром Возчике»? --- спросил Лев.

--- Пробойна в корпусе, --- отпартовал капитан Стений. --- Большая часть тел --- это солдаты Армии, их выбросило за борт в результате декомпрессии. --- Он пожал плечами. --- Могло быть и хуже. Я послал туда шаттл с дополнительной бригадой ремонтников. Из первых донесений ясно, что все не так плохо, чтобы возникла угроза жизнеспособности в космосе, но корабль будет полностью управляемым

только через несколько дней.

--- Значит, эта ситуация под контролем?

--- По большей части да, --- ответил капитан. --- Однако, по словам госпожи Аргенты, это не худшая из наших проблем.

Военный совет состоялся в просторной каюте «Непобедимого разума», где старшие офицеры Темных Ангелов собрались, чтобы выслушать госпожу Аргенту. Перед началом совета Лев и Лютер недолго поговорили в углу, откуда их никто не мог услышать, но напряженность разговора была очевидна всякому, кто их видел.

Брат-библиарий Исрафаэль пришел в сопровождении одного из механиков, чье лицо, как обычно, скрывалось под капюшоном, и нескольких сервиторов. Атмосфера в каюте дышала напряжением, и Захариэль явно ощущал желание каждого из собравшихся немедленно нанести ответный удар по Сарош.

Захариэль и Нетиэль уселись за стол, и каждый пытался осознать события

последних часов, когда брат восстал против брата, а их недавние союзники взяли в руки оружие и обрушили свой гнев на граждан Империи. В первоначальных предположениях говорилось, что мятежники находились под действием наркотика и решились на открытое предательство под влиянием средства, полученного из растений, вьющихся по стенам всех зданий столичного города.

Но эту каплю информации предстояло обсудить позже, поскольку на севере, в пыльных просторах пустыни континентального Сароша, зарождалась еще более грозная опасность.

Лев, сохраняя непроницаемое выражение лица, резко отвернулся от Лютера и занял свое место во главе стола. Лютер тоже сел за стол, но его чувства Захариэлю прочесть было нелегко. Заместитель командующего явно испытывал отчаяние и боль.

— У нас не так много времени, — сердито заметил Лев, и все разговоры мгновенно прекратились, а лица собравшихся повернулись в его сторону.

--- Госпожа Аргента, --- добавил Лев, --- говори.

Астронавт сделала нерешительный шаг вперед, словно ей было не пог силу долгое время переносить общество могущественного примарха.

--- Вы ведь слышали, что во времена своего выпада против Империи лорд-экзальтер Сароша упоминал существ, которых он называл телакхитами. Так вот, как я полагаю, сарошанцы обозначают этим именем определенный вид тварей-ксеносов, обитающих в варне.

--- Какую же опасность они могут представлять для нас? --- спросил Неллиэль. --- Ведь они заключены в варне.

--- В нормальных условиях так и должно бы быть, --- сказала астронавт, обратив свой невидящий взгляд в сторону брата Захариэля. --- Но астронавтический хор обнаружил в северной пустыне значительно возросший потенциал псионической энергии, свидетельствующий о существенных разрывах в ткани варна.

--- И чем это может быть обусловлено? --- спросил Лев.

--- Мы не знаем.

--- Высказывай свои предположения, ---
потребовал Лев.

--- Возможно, обитатели планеты
обладают способностью фокусировать
энергию варпа, но как ил это удастся, нам
неизвестно, мой лорд.

--- С какой целью они это делают?

--- Существует мнение, что при
наличии достаточно сильной воли
посредством потока энергии возможно
вызвать в реальный мир существ,
обитающих в Эмпирее.

--- И ты думаешь, что именно это
здесь и происходит?

--- Если только это вообще возможно, ---
вставил Захариэль.

Лев метнул в его сторону сердитый
взгляд, потрясший юношу до глубины души.

--- В данный момент придется
считаться с любыми предположениями.
Вероломство и хитрость сарощанцев
безграничны. С этого момента мы не
можем никому доверять, и готовиться
надо к самому худшему.

Лев снова переключил свое внимание

на астронаута, и Захарияэль, освободившись от враждебности во взгляде примарха, ощутил волну облегчения.

--- Госпожа Аргента, --- обратился Лев к астронауту, --- если сарошанцы в самолете сумеют привлечь на свою сторону порождения варна, чем это может нам угрожать?

--- Если они добьются успеха, это будет худший из врагов, с каким вам когда-либо приходилось сражаться.

--- А почему бы просто не разбомбить это место с орбиты? --- спросил Лев. --- Тогда бы мы избавились от большей части угроз.

--- Но только не от этой, мой лорд, --- сказала Аргента. --- Поток энергии уже приведен в действие, и любая атака, нацеленная на его прерывание, обречена на провал.

--- Тогда как же нам с ними бороться?

В ответ на вопрос примарха вперед выступил брат-библиарий Усрафаэль.

--- Я попробую ответить, мой лорд. После кровавых сражений нашего Легиона на полях Периссуса я занялся разработкой

методов борьбы против подобных созданий. Это было еще до вашего присоединения, той лорд.

Лев нахмурился, и Захариэль невольно вспомнил, насколько он не любит напоминаний, что Легион возник задолго до того, как он стал командиром.

--- Продолжай, --- бросил Лев. --- Как можно победить эту растущую силу?

--- При помощи электронсических импульсов, --- ответил Усрафаэль. --- Конечно, трудно определить точно, как будет их взаимодействие с потоком энергии, но я уверен, что они разрушат возникшее псионическое поле и...

--- Помедленнее, пожалуйста, Усрафаэль, --- сказал Лев и поднял ладонь, словно отгораживаясь от потока слов. --- Я уверен, ты знаешь, о чем говоришь, но не забывай, что мы --- воины. Если хочешь, чтобы тебя поняли, начни сначала и объясни все простыми словами.

--- Да, конечно, я буду говорить просто, --- согласился Усрафаэль, и Захариэль в душе посочувствовал библиарию, испытавшему на себе

раскаленный от гнева взгляд примарха. ---
Я уверен, что демонация
электронсионического пульсационного
оружия где-нибудь поблизости может
нейтрализовать действие растущего
потока энергии.

--- А что представляет собой
«электронсионическое оружие», о котором
ты толкуешь? --- спросил Лев.

--- Это просто модифицированная
циклоническая боеголовка, --- пояснил
Усрафаэль. --- При помощи механикумов
мы можем удалить взрывчатку обычной
боеголовки и заменить ее генератором
электронсионических пульсаций, который
будет производить потоки энергии,
враждебной существам и материальному
миру. А что до разрушения накопленной
энергии, так надо будет просто взорвать
устройство как можно ближе к ее
источнику.

--- Понимаю, --- кивнул Лев. --- Какой
будет форма этого устройства?
Вероятно, что-то вроде бомбы, но можно
ли ее просто сбросить с шаттла?

--- Нет, --- ответил Усрафаэль. ---

Выработка пультаций должна
направляться кем-то, кто обучен
обращаться с псионическим полем.

--- Другими словами, ты должен быть
в близости до самого момента взрыва?

--- Верно, --- подтвердил Усрафаэль. ---
И не только я, но и все братья, способные
сражаться и обладающие псионическим
потенциалом.

Лев кивнул:

--- Немедленно начинай работать на
этим оружием. Сколько тебе потребуется
времени?

--- Самое большее --- несколько часов, ---
заверил его Усрафаэль.

--- Хорошо, --- сказал Лев. --- Приступай
сейчас же.

Темные Ангелы из отделения Захариэля собрались у аппарели «Грозовой птицы», чтобы выслушать последние наставления сара Хадариэля перед первым сражением на поверхности Сароша.

«Грозовые птицы», стоящие на пусковой палубе левого борта, были готовы в любой момент вылететь к видневшейся внизу планете, и все присутствующие с нетерпением ожидали начала атаки. Возглавлял высадку десанта сам Лев, и Захариэль, несмотря на боль, причиняемую незажившими ожогами, полученными во время нападения на «Непобедимый разум», принимал участие в операции, поскольку прошел необходимое для библиария обучение.

Немиэля назначили руководить одним из отделений Льва, и, несмотря на лихорадочное возбуждение, овладевшее перед битвой каждым воином, Захариэль не мог не ощутить укола ревности из-за включения брата в группу притарха.

Лютер не принимал участия в миссии, и его отсутствие сильно удивило Захариэля, но он увидел, как помрачнело лицо Льва, когда Захариэль упомянул имя его заместителя, и желание выяснить причину его отсутствия мгновенно пропало.

— Похоже, нам предстоит опасная вылазка, — сказал Амтиас, и Захариэль был рад услышать знакомый грузинский голос.

Амтиас стал прекрасным Астартес и надежным боевым братом.

— Мы всегда сталкивается с опасностью, — процитировал Элиат одно из учений Легиона.

Он тоже с честью преодолел все испытания Астартес и теперь был одним из лучших тяжеловооруженных воинов Легиона.

— Мы же Астартес. Мы — Темные Ангелы. Нам не грозит смерть от старости. Смерть или слава! Верность и честь!

— Верность и честь, — повторил Амтиас. — Понимаешь, я совсем не против

опасности, я только хотел знать, основана ли наша стратегия только на действии экспериментального устройства. А если бомба не сработает, что тогда? Если нас ждет разочарование, мне бы не хотелось иметь в запасе только внешность Элиата.

Собравшиеся вокруг воины дружно расстелились. Даже сам Элиат, чье широкое, плоское лицо и плотное телосложение давно служили тишенью для дружеских шуток.

--- Лучше уж моя внешность, чем твое искусство фехтования, --- парировал он. --- Можно лишь надеяться, что противника отвлечет свист твоего меча, пока ты раз за разом промахиваешься.

--- Мы --- Темные Ангелы, --- заговорил Хадариэль, и стех прекратился. --- Мы --- Первый Легион, воины Императора. Ты спрашивал, доверится ли ты знаниям механикутов и мудрости брата-библиария? А я спрошу: как же им не доверять? Разве наука не освещает путь всего Империята? Разве наука не лежит в основе наших главных принципов? Разве это не краеугольный камень, на котором

построен фундамент общества будущаго? Да, мы доверимся нашей науке. Мы доверим ей свои жизни, как вверяет себя и все человечество управлению Императора, возлюбленного всеми.

— Прости, магистр, — пристыженно сказал Амтмас. — Я не хотел никого обидеть.

— Здесь нет никакой обиды, — ответил Хазариэль. — Ты задал вопрос, а в этом нет вреда. Если настанет время, когда Темные Ангелы предпочтут избегать вопросов, значит, мы утратили свои души.

Захариэль, слушая магистра ордена, встатривался в лица окружающих его людей. Некоторые были ему знакомы еще по Калибану, и братские и воинские узы, их связывающие, были крепкими, как кератит. Вернее, еще крепче, поскольку кератит можно было рассечь соответствующим оружием, но верность братьям, как считал Захариэль, разрушить было невозможно.

— Магистр ордена прав, — сказал Захариэль, вспомнив давно услышанные

слова. — Мы, Астартес, созданы, чтобы служить человечеству. Мы — Темные Ангелы и на полях сражений следуем руководству Льва. А он говорит, что выигрши в битве определяется способностью быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. Побеждает тот, кто быстрее извлечет пользу из сложившейся ситуации. Мы получили мощное оружие, чтобы разбить противника, и было бы глупо им не воспользоваться.

— Значит, мы им воспользуемся, — сказал Элиат. — Я надеюсь, ты простишь мою стрелость, но я знаю тебя достаточно давно, чтобы предположить, что в твоей голове уже созрел план. Изобретение — это только часть того, что нам необходимо. Нам нужен еще и план, чтобы им воспользоваться. У тебя он есть?

— План есть, — согласился Захариэль.

Пока он излагал свой план действий, Захариэль снова обвел взглядом лица воинов и на каждом увидел выражение непоколебимой решимости.

Сарошанцы обречены, просто они еще

не знают об этом.

Время приближалось к полудню, и палящее солнце достигло зенита.

Для коренных жителей Сароша это было самое спокойное время дня, обычно проводимое в грелоте в тени своих жилищ, пока не спадет самая сильная жара. Но недавно прибывший на планету военный контингент армии Империи, не говоря уже об Астартес, не следовал местным обычаям.

Четыре штурмкатора с воет и ревом пронеслись низко над пустыней, направляясь к своей цели — небольшому поселению из сборных построек, определенных с орбиты как горнодобывающая база Огид-Зета-Пять.

Захариэль сидел у грожащего фюзеляжа ведущего штурмкатора, рвущегося сквозь атмосферу планеты навстречу битве. Вокруг с оружием в руках расположились Темные Ангелы, готовые сурово отомстить за нападение на их корабли и гибель товарищей. Эта война была начата сарошанцами, но

Семные Ангелы твердо решили довести ее до конца.

--- Лев обращается ко всем участникам десанта, --- предупредил по voxу их командир.

Несмотря на недавно проявленную припархом суровость, звук его голоса, как и раньше, завораживал Захариэля.

--- Цель миссии подтверждена, это горнодобывающая база Огин-Зета-Пять. Действуйте по принятому плану операции.

Все группы стали подтверждать свою готовность, и по каналу связи раздался целый хор голосов.

«Грозовые птицы» представляли собой оборудованные тяжелой броней десантные корабли, предназначенные для доставки отделений Астартес в самое пекло сражений. Все сюда сверкали черной краской и согласно геральдике Легиона были украшены эмблемами в виде крылатого меча, повернутого острием вниз.

--- Мы готовы, мой лорд, --- произнес Хадариэль, и Захариэль услышал в голосе магистра орден отенок нетерпения.

Это чувство разделяли и все остальные воины.

Напротив Захариэля сидел Элиат; кресло штурмкатора казалось слишком тесным для его широких плеч и массивного корпуса. Этот воин, даже по меркам Астартес, представлял собой внушительное зрелище. Заметив взгляд Захариэля, Элиат кивнул.

— Теперь уже скоро, — произнес он. Его груз еще не надел шлем, и ему приходилось кричать, чтобы быть услышанным в грохоте двигателей. — Пришло время дать сдачи, верно?

— Да, точно, — ответил Захариэль.

— Магистр, а как будет осуществляться высадка? — спросил Аммиас.

— Чтобы спуститься, мы воспользуемся прыжковыми ранцами, — ответил Захариэль. — Нам приказано всей группой покинуть корабль на высоте пятисот метров. Приземление намечено в открытой местности к северу от базы. Оттуда начнется поочередная зачистка зданий, пока мы не встретимся со Львом и

его людьми, идущими с южной стороны. Вряд ли стоит ожидать ответных действий противника, но мы должны их предусмотреть.

Все Астартес внимательно слушали слова своего командира. Захариэль, сидевший в самом начале кабины, был поражен почти благоговейным вниманием со стороны воинов своей роты.

— Помните, наш долг — как можно скорее подавить любое сопротивление и доставить к цели брата-библиария и его груз, — продолжал Захариэль. — Как только мы покинем борт штурмкатера, пилоты поднимут корабль на безопасную высоту и будут готовы забрать нас, когда поступит сигнал к возвращению. А сейчас всем надеть шлемы и включить очистительные фильтры. Огин-Зета-Пять признана токсично опасной местностью.

Захариэль едва сдерживал волнение в преддверии боя. Он давно научился преодолевать любые страхи, но наряду с бесстрашием каждый Астартес испытывал перед сражением лихорадочное

нетерпение.

Физические усовершенствования тел превратили их в супервоинов, так что Темные Ангелы были намерены не просто победить врагов Империи, а уничтожить их без следа.

Встреча с опасностью была для них нормой жизни, более того, Астартес радовалась новым испытаниям и без поражений могли почувствовать себя ненужными.

— А теперь давайте проясним один аспект, — сказал Хадариэль. — Перед нами стоит задача уничтожения, а не подавления. Нам не нужны пленные, так что будем продолжать бой до тех пор, пока на Огин-Зета-Пять не останется никого из живых.

Сразу после этих слов из voxа послышалась прерывистая трель, и в кабине замигал красный свет. Хадариэль по-волчьи оскалился.

— Вот и сигнал, — сказал он. — Мы приближаемся к цели. Надеть шлемы и активировать фильтры. И хорошей охоты всем вам.

В предвкушении боевых действий сердце Захариэля забилося чаще.

— Если в течение ближайших пяти минут не начнется сражение, я буду разочарован, — сказал он Элиату и Аммиасу.

Момент десантирования приближался с каждым мгновением, и он ощущал, как обострились все его чувства.

Элиат кивнул в ответ на его слова и огласил кабину боевым кличем Темных Ангелов:

— За Льва! За Лютера! За Калибан!

— За Льва! За Лютера! За Калибан! — хором повторили все Астартес, и от их скандирования вздрогнули даже металлические переборки.

По сигналу Захариэля все поднялись с мест и выстроились у десантного люка, ожидая начала высадки.

Пилоты сбросили скорость для десантирования воинов, и стены «Грозовой птицы» тесно загрозили. Затем открылась крышка люка, а красный свет, заливавший кабину, сменился зеленым.

Из voxа донесся непрерывный звон —

сигнал к прыжку.

Захариэль первым шагнул с аппарели, и вокруг него засвистел воздух. На мгновение возникло ощущение невесомости, но затем сила гравитации увлекла к земле, и он активировал механизм прыжкового ранца. Рядом летели Амтиас, Элиат, Хазариэль и все остальные воины. Сопла ранцев выбрасывали огненные струи раскаленных газов; Астартес с пятисотметровой высоты спускался к объекту Огин-Зета. Пять на крыльях пламени.

Захариэль на секунду пожалел о том, что рядом с ним нет Нетиэля, но пыльная поверхность уже неслась навстречу, и он выбросил из головы все посторонние мысли.

Пришло время войны, время полета Темных Ангелов.

Спускавшихся Ангелов не встретили ни огонь противовоздушных батарей, ни оборонительные укрепления с вооруженными защитниками. Никакого противодействия десанту не было, и Захариэль был благодарен и за эту

небольшую милость, вспомнив учебные прыжки, когда для придания «правдоподобности» операции использовалось настоящее оружие.

Они благополучно приземлились в зарослях низкого кустарника. Как только ноги коснулись земли, воины рассыпались веером и двинулись в направлении Огун-Зета-Пять, держа оружие наготове и не поднимая забрала шлемов. Над горнодобывающей базой повисла странная тишина, но обостренные чувства Захариэля едва уловимым гулом где-то на грани восприятия предупреждали о псионическом присутствии.

С западной стороны от комплекса построек высились крутые скалы, а с трех других сторон простиралась пустыня. В центре комплекса, над входом в шахту, стоял огромный барабан кабельной лебедки, предназначенный для подъема и спуска шахтеров по шахтному стволу, уходящему под землю под углом сорок пять градусов, а также для вывоза на поверхность добытой руды. Вокруг беспорядочно располагались сборные

домики и бараки, используемые рабочими для ночевки.

По всей территории виднелись колесные тачки для транспортировки руды, некоторые были перевернуты, а их содержимое рассыпалось по земле. Захариэль и его люди, направляясь от окраины поселка к административному корпусу поблизости от входа в шахту, обнаружили, что все хижины и бараки пусты. Единственными звуками были настоятельные отрывистые переговоры между отделениями на вокс-канале, а над всей остальной местностью нависла полная тишина.

— Здесь что-то есть, — услышал Захариэль голос Хадариэля. — Я это чувствую.

— Согласен, — подтвердил Захариэль. — Мы должны бы услышать крики каких-нибудь животных, но вокруг все тихо. Местную фауну что-то сильно напугало.

Переговоры велись на одном канале, так что Захариэль мог слышать, как Хадариэль связывается с отделениями по

брызгую сторону от станции.

--- Захариэль вызывает Льва. Есть какие-нибудь признаки противника?

--- Пока ничего, --- последовал короткий ответ. --- Но я замечаю его следы.

На песке виднелась кровь.

Местами она забрызгала землю мелкими каплями, а кое-где пролилась целыми лужицами и впиталась в почву, уже начиная разлагаться под жарким полуденным солнцем.

И повсюду по пути Захариэль замечал брошенные предметы.

На песке валялись разряженные автоматы, лазерные пушки, разбитые узлы связи и мотки запальных шнуров для детонаторов. Захариэль поднял голову --- на высоте в несколько тысяч метров кружили штурмкатера.

Внезапно донесся тревожный отерзительный запах, словно воняющая скотобойня стесалась с насыщенными испарениями гниющих фруктов.

Он попытался предупредить товарищей, но было уже поздно.

Металлические листы ближайшего к Амтиасу сборного домика неожиданно рассыпались под натиском массивного тела, и какое-то огромное существо бросилось в атаку. Захариэль успел отметить блеск чешуи, глаза с вертикальными зрачками и широко открытую зубастую пасть.

Существо выстрелило в лицо Амтиаса тягучей жидкостью, и его шлем, словно под действием сильной кислоты, зашипел и стал расползаться. Потом чудовище прыгнуло на ошеломленного воина, тонкие гибкие конечности обвились его тело, и силовые доспехи в одно мгновение были разорваны острыми когтями, как будто состояли из тонкой фольги.

Верхние конечности не отпускали несчастного Амтиаса, а только плотнее прижались к нему, из мускульных складок высунулись еще когти и с обратительными щелчками прокалывали остатки доспехов и вбивались в тело.

Наконец Амтиас упал, орошая песок

своей кровью, а чужовище, благодаря
странно гибким конечностям, с
неуловимой скоростью понеслось прочь по
неровной поверхности пустыни. Вслед ему
загрохотали болтеры, снаряды
разрывались, попадая в строения
комплекса, но ни один так и не достиг
цели.

Захариэль проводил взглядом
исчезавшее вдали существо. В его
движениях определено было что-то
неправильное, колени и остальные суставы
чужовища изгибались под странными
углами.

Он подавил крик ярости и бросился к
упавшему товарищу. Шлем Амтиаса еще
дымился, запах почерневшего металла и
опаленной кожи настолько усилился, что
проникал даже сквозь фильтрующую
систему госпехов. Амтиас корчился от
боли, и Захариэль попытался убрать с его
головы остатки шлема. Застежки под
действием едкой жидкости сильно
деформировались, так что Захариэлю
ничего не оставалось, как оторвать их, а
затем резко сдернуть шлем с головы.

боевого брата.

Исковерканный шлем выскочил из креплений ворота, но вместе с ним с лица локотьями сорвались целые лоскуты кожи, и Аттас закричал от боли.

— Отойди! — крикнул подбежавший аптекарь Леона и оттолкнул Захариэля в сторону.

Аптекарь не мешкая приступил к работе, используя малейший шанс сохранить Аттасу жизнь, в ход пошли шипящие трубки, иглы и разбрызгиватели из его аптечки.

Захариэль, увидев кровавое месиво, оставшееся на месте лица друга, отшатнулся.

— Оставь, пусть о нем позаботится аптекарь, — окликнул его Захариэль. — У нас есть своя работа.

К Захариэлю подошел Элиат.

— Клянусь Львом, я никогда такого не видел.

Тот кивнул и похлопал ладонью по тяжелому болтеру Элиата.

— Держи оружие наготове, брат. Эти создания слишком быстро передвигаются.

--- А что это было? --- спросил Элиат. --- Я считал, что мир заселен человеческой расой.

--- В этом и была наша ошибка, --- сказал Захариэль.

Очередные залпы болтеров и разговоры на вокс-канале прогнали шок, вызванный ранением Амтисаса.

--- Вступили в контакт с противником, --- доложил один из сержантов другого отделения. --- Существа похожи на рептилий. Появляются неведомо откуда. Передвигаются очень быстро, но я уверен, одного мы ранили. Один воин погиб. Двигается дальше.

--- Все понял, --- откликнулся Лев. --- Рапорт принят. Всем подразделениям продолжать движение к центру комплекса.

Странные рептилии предприняли еще две атаки, и каждый раз действовали с неимоверной жестокостью и невиданной скоростью. Каждое нападение заканчивалось кровопролитием, но на этот раз воины оставались в строю, хотя многим пришлось расстаться с частями

успехов, поскольку слюна чужовиц, попадая в цель, без труда развела броню.

Астартес уже углубились в поселок, болтеры беспрестанно грохотали, но воины сохраняли строй, и во время движения одно отделение всегда прикрывало соседей.

Чем ближе они подходили к намеченной цели, тем чаще происходили атаки чужовиц, и Захариэль уже заметил, что перед входом в шахту поблескивала чешуей целая толпа огромных рептилий.

От вида столь отвратительных созданий перехватывало горло, их анатомия так сильно отличалась от всего, что он видел до сих пор, что было невозможно отнести эти существа к какому-либо классу. В каждой их конечности было по несколько суставов, и все они изгибались и вращались в различных направлениях. Тела чужовиц тоже выглядели гибкими, чешуя переливалась разными цветами, но казалась полупрозрачной и какой-то призрачной, как будто монстры были не совсем... реальными.

--- Что же это такое? --- снова спросил

Элиат.

--- Нечистые твари-ксеносы, ---
ответил Захариэль.

Оружейная стрельба звучала уже с
трех сторон, и вскоре Захариэль увидел,
как из-за высокого, покрытого ржавчиной
сооружения появился Лев. Мощь примарха,
яростно сверкавшего глазами в пылу
сражения и ведущего за собой Темных
Ангелов, в который раз поразила его.

С появлением Лиона Эль-Джонсона
ксеносы испустили ужасный
пронзительный крик, но был ли он вызван
страхом или яростью, Захариэль не мог
определить.

Чудовища кипящей лавиной
сверкающей чешуи ринулись вперед, и
Темные Ангелы шагнули им навстречу.

Болтерные очереди разрывали воздух,
снаряды с отвратительным чавканьем
взрывались в телах врагов. Раненые
существа падали на песок, превращаясь в
лужицы стеклянистой смердящей жижи.

Враги сошлись, и засверкали
столкнувшиеся мечи и когти. Захариэль
оказался перед визжащим чудовищем с

продолговатой головой и яркими мерцающими глазами с вертикальными зрачками. Раздалось грозное шипение, монстр с такой силой бросился на Захариэля, что первый же удар едва не стоил ему головы.

Он отскочил назад и выстрелил противнику в живот, но болт, не успев взорваться, пролетел насквозь. Раненое чудовище затахнулось когтями и выплюнуло струю густой кислотной слюны. Захариэль сумел уклониться от шипящей кислоты, но когти впились ему в грудь.

Захариэль вскрикнул; когти, казалось, без труда пронзили доспехи и вонзились в грудные мышцы. Внезапная боль накатила ледяной волной, он даже задохнулся от неожиданности.

В момент удара вспомнился непреодолимый холод, сковавший его душу в лесах Эндриаго перед встречей с Хранителями во Тьме. Это существо оказалось столь же неестественным, как и то, что стерегли Хранители, и в тот же момент он совершенно отчетливо понял,

что перед ним не просто ксенос, а нечто гораздо более опасное.

Захариэль бросил болтер и выхватил меч, изготовленный из клыка зверя из Эндриаго. Монстр снова бросился в атаку. Захариэль полоснул мечом по когтистым лапам, шагнул вперед и нанес ему удар в грудь. Острое лезвие пронзило непрочное туловище, словно истекающее влагой облако.

При всей своей ловкости и свирепости, полупризрачные чужовища не могли противостоять стоицизму закаленных в боях Темных Ангелов. Астартес постепенно сужали круг и уничтожали противников без всякого милосердия.

Захариэль увидел, как Лев, словно одержимый невообразимой яростью, пробивает путь сквозь толпу монстров. Его сверкающий меч без устали разил врагов и с каждым ударом обращал в желеобразные лужицы десятки их.

Немиэль бился рядом со Львом, и, хоть его мастерство нельзя было сравнить с высочайшим искусством

притарха, решитости у него было никак не меньше. Брат Захариэля был прекрасным воином и даже рядом со Львом выглядел настоящим героем.

Битва закончилась, едва успевавшая начаться, и вскоре под ударами Астартес полегли последние чужовища. Темные Ангелы восстановили строй, и на стену грохоту болтерной стрельбы и ревущих цепных мечей пришла тишина.

--- Обеспечить безопасность! --- приказал Лев, как только пал последний монстр. --- Я хочу, чтобы штурмкатор брата-библиария Исрафаэля с его оружием приземлился через две минуты.

--- Куда теперь? --- спросил магистр ордена Хазариэль.

Лев показал на зияющее входное отверстие шахты, видневшееся на фоне крутых скал.

--- Под землю, --- сказал он. --- Враг скрывается где-то внизу.

Руанне Сорель не раз приходилось испытывать страх, но ужас, охвативший ее после похищения на улице Шалоула, ни

с чем нельзя было сравнить.

Когда закончилось усыпляющее действие аромата цветов, она очнулась связанной и с повязкой на глазах. Кроме того, ее в какой-то повозке увозили в неизвестном направлении по пышущей жаром пустыне.

За всю поездку ее похитители не сказали ни слова, так что их мотивы оставались для нее тайной, зато, несмотря на все протесты, ее поили и кормили. Какую бы цель ни преследовало это похищение, ее явно хотели доставить живой и здоровой.

Течение времени можно было определить лишь стеной дневной жары на ночную прохладу и тишину. Рианна слышала только шаги вокруг повозки, в которой лежала, скрип колес, легкий шелест ветерка и шорох песка.

Несмотря на все тревоги, она уснула, а проснулась оттого, что несколько неизвестных вытаскивали ее из повозки. Она всхлипнула, вспомнив прикосновения загадочных существ в тасках во время праздничного карнавала, но на этот раз ее

несли, по всей видимости, люди, поскольку от них пахло потом и слышалось вполне человеческое ворчание.

Пока Руанну вытаскивали из повозки, ее повязка немного сползла, и она успела заметить несколько сборных дотиков вроде тех, что применяются для ночевки на рудниках или в удаленных хозяйствах. Кроме того, до ее слуха доносился странный звук, который можно было бы принять за шаги, если бы не его беспорядочный ритм, снова наводящий на мысли о загадочных существах.

Затем ее окутал прохладный душный туман, из чего можно было заключить, что они спустились под землю. Воздух оставлял во рту странный металлический привкус и был сильно наэлектризован, отчего волосы и до сих пор оставшиеся на ней украшения начали потрескивать.

Металлический привкус во рту становился все сильнее, отвратительный запах наполнил ноздри, и она закашлялась в платок, прикрывающий рот. Похитители уносили ее все глубже и глубже под землю, и Руанна, опасаясь

увидеть какие-нибудь ужасы, даже не пыталась определить, где находится, и держала глаза плотно закрытыми.

Потом последовало еще несколько переходов, и каждый раз ее бережно передавали из одних рук в другие, пока наконец не прислонили спиной к прохладной поверхности, похожей на ошупь на гладкую каменную плиту.

Она осталась стоять, прижавшись спиной к стене, а вокруг раздавался ужасающе медленный гулкий стук, как будто она оказалась в грудной клетке гигантского животного. Руанне развязали руки, но тотчас приковали их к стене при помощи металлических браслетов со скользящими защелками.

Кто-то прикоснулся к ее лицу, и Руанна невольно вздрогнула.

Она почувствовала, как с головы сняли повязку, открыла глаза и заморгала от непривычного света.

Перед ней стоял человек в багряном одеянии и в ничего не выражающей и незнакомой золотой маске на лице.

— Дусан? — произнесла она, доверяясь

скорее надежде, чем реальному знанию.

--- Да, --- ответил человек в маске. ---

Ты говоришь со мной.

При звуке знакомого голоса в этой кошмарной ситуации она чуть не разрыдалась.

--- Прощу тебя, --- закричала она, --- скажи, что ты делаешь? Отпусти меня, пожалуйста.

--- Нет, это невозможно, --- ответил Дусан. --- Ты должна стать мелахитом, сосудом для древних существ, обитающих по ту сторону пелены. Это принесет нам победу над нечестивцами.

--- О чем ты говоришь? Это какая-то бессмыслица.

--- Только для тебя, --- возразил Дусан. --- Вы все безбожники, а это --- богоугодное дело.

--- Какие боги?! --- воскликнула Рианна. --- Пожалуйста, отпусти меня. Я обещаю, что ничего никому не скажу.

--- Твои слова лживы, --- бесстрастно констатировал Дусан. --- Как и слова всех твоих соплеменников.

--- Нет! --- крикнула Рианна. --- Я

клянусь!

--- Теперь это уже не важно. Большинство твоих людей уже мертвы, а когда ты примешь мелахита, следом за ним отправятся и остальные. Как я уже говорил, тебе будет больно, и за это прошу тебя простить.

--- Что ты собираешься со мной сделать?

Хоть Руанна и не могла видеть его лица, почему-то была твердо уверена, что Дусан улыбается под своей неподвижной маской.

--- Мы собираемся осквернить тебя, --- сказал он и указал рукой наверх. --- Твоя нечистая плоть станет обиталищем для одного из наших ангелов.

Руанна проследила за его жестом и едва не лишилась сознания --- она увидела ангела сарошанцев.

Темнота в шахте не препятствовала Темным Ангелам, поскольку система доспехов легко компенсировала недостаток света в подземелье под скалами. Каждый шаг углубил их все глубже под поверхность планеты и приближал миг отлучения за гибель товарищей от рук сарошанцев.

Наличие потока псионической энергии Захариэль ощущал в металлическом привкусе и неприятном запахе гниения. Посмотрев на брата-библиария Усрафаэля, он понял, что тот тоже чувствует отвратительное присутствие сил варна.

«Грозовая птица» Усрафаэля коснулась земли спустя всего несколько мгновений после приказа Льва, и команда сервиторов под управлением механикумов вынесла из корабля модифицированное оружие.

Захариэль тотчас вспомнил, как впервые увидел подобное устройство --- бомбу, заложенную в шаттле сарошанцев.

Оружие представляло собой овальный цилиндр, плотно укрепленный цепями и зажимами на небольшой тележке. От цилиндра отходило множество проводов и медных трубок, и теперь Захариэль понял, почему новейшую бомбу нельзя было просто сбросить с воздуха.

Лев возглавил отряд, воины без лишних слов выстроились за ним, и Ангелы начали спуск в подземелье.

Идти было довольно легко, и Захариэль пытался представить себе, чем занимались сарощанцы в глубинах своего мира. Госпожа Аргента говорила о существах, вызванных из Эмпирея и обретших материальную форму, и хотя подобные вещи могли показаться порождениями кошмаров или бредом лунатиков и сунтасшедших, недавние встречи на поверхности изменили суждения Захариэля.

Если уж это возможно, какие еще существа могут таиться в глубинах варна? Какие неведомые человечеству силы могут противостоять людям?

Трона спускалась все ниже под землю.

и Темные Ангелы, погруженные в собственные мысли, хранили молчание. Захариэля беспокоил непреодолимый разрыв, произошедший между Лютером и Львом. До сих пор два этих воина казались неразлучными, а сегодня Лев шел в сражение без своего брата.

Захариэль, опасаясь возможных ужасных для всех последствий огласки, никому не обмолвился о словах Лютера, произнесенных перед взрывом бомбы сарошанцев, но признавал, что Лев мог узнать об их разговоре, поскольку от внимания примарха мало что могло ускользнуть.

Вскоре Лев поднял руку, приказывая остановиться, и Захариэль выбросил из головы мрачные мысли. Лев понюхал воздух и кивнул.

--- Кровь, --- произнес он. --- Много крови.

Темные Ангелы двинулись вперед с большей осторожностью, выставив перед собой болтеры и держа пальцы на спусковых крючках. Немного погодя и Захариэль ощутил запах, о котором

говори́л при́тарх, а че́рез не́сколько ша́гов
его́ у́же погта́шннва́ло от густо́го
застаре́лого зловония́ запекше́йся и
гнущей крoви. Впе́реду́ появи́лось слабое
свече́ние, про́ход ста́л посте́пенно
расши́ряться, пока́ не вы́вел в о́громную
пе́щеру́, за́тянутую́ миа́змами насы́щенных
па́ров.

Ли́шь вб́лизи Заха́риэ́ль пони́ял, что
это́ не ды́м и не па́р, а ле́тучие по́токи
поту́сторонней эне́ргии, ви́димые то́лько
ему́ и Усра́фаэ́лю. Остальные́ Те́мные
А́нгелы́, ка́залось, не заме́чали па́рящих
обла́чков и за́витков, по́хожих на ды́м, но
насы́щенных не вла́гой, а стра́хатами и
стра́даниями. Ле́в, ве́роятно, то́же ви́дел
их, по́скольку его́ взгля́д сле́дил за
переме́щением сгу́стков бо́ли и я́рости,
паривших в возду́хе.

Те́мные А́нгелы́ вошли́ в пе́щеру́, и
зага́дка про́павшей ча́сти на́селения́
Са́роша́ пе́рестала́ бы́ть та́йной.

Обши́рное про́странство́ тяну́лось
да́леко вле́во и впра́во, но у́зкие све́тящиеся
лен́ты, свиса́ющие с по́толка, да́вали
до́статочно́ све́та, что́бы все уви́деть. На́д

громадной впадиной тянулись стальные
лестницы, а внизу все было заполнено
телами, миллионами мертвых тел.

Дна пещеры не было видно, так что
невозможно было определить, сколько здесь
убитых людей, но Захариэль вспомнил,
что Кургис из Легиона Белых Шрамов
говорил о семидесяти миллионах
пропавших жителей Сароша. Неужели все
они свалены здесь?

Казалось, невозможно даже
вообразить подобное количество, но
доказательства лежали прямо перед
глазами.

--- Великий Трон! --- воскликнул Лев. ---
Как...

--- Пропавшие люди, --- подсказал
Немиэль. --- Захариэль, сколько...

Захариэль ощутил, как его эмоции
вырвались из-под контроля и подавили все
другие мысли. Астартес обучали
управлять чувствами в боевой ситуации,
но концентрация ужаса, исходящего из
бесконечной могилы, оказалась сильнее.

--- Успокойся, Захариэль, --- сказал
подходящий к нему Исрафаэль. --- Вспомни

свои тренировки. Эти эмоции не должны затрагивать твой разум, постарайся от них отгородиться.

Захариэль кивнул и попытался сконцентрировать волю, а затем стал повторять мантры, которыми за годы трансформации в Астармес научил его Усрафаэль. Ужас постепенно рассеялся, и на стену ему пришло ощущение яростной правоты.

— Двигается дальше, — приказал Лев и шагнул к ближайшему мостику через впадину.

Его шаги по металлическим плитам отозвались в пещере громким эхом, и Темные Ангелы дружно последовали за своим примархом.

Захариэль старался не смотреть на океан мертвых тел, но до конца отгородиться от мучительного ощущения их смерти так и не смог. Что бы ни случилось дальше, какие бы кары ни обрушили Темные Ангелы на головы сарошанцев, их все равно будет недостаточно.

То, что она увидела наверху, было столь ужасным и столь неестественным, что из самой глубины души Руанны вырвался отчаянный вопль. Вся крыша пещеры была занята каким-то существом из полупрозрачной слизи, и по краям этой желеобразной поверхности сверкали миллионы немигающих глаз.

Существо, словно огромный паразит, занимало всю плоскость потолка в несколько сотен метров диаметром, казалось, оно постоянно грозит и переливается, все время меняя очертания. Полужидкие извивающиеся щупальца свисали с колоссального аморфного тела, и существо наполняло воздух бесстыдным шипением, завыванием и жужжанием.

Внутри отвратительной туши мерцали звезды и далекое огни давно погибших галактик, словно куски пищи, проглоченные много веков назад и до сих пор не переваренные. При виде столь отвратительного существа, столь чуждого и неестественного создания, Руанна, с трудом удерживая сознание, начала задыхаться.

--- Что?.. Что? --- прошептала она, не в силах собраться с мыслями и подобрать нужные слова.

--- Это и есть мелахим, --- выдохнул Дусан полным благоговейного восторга голосом. --- Это потусторонний ангел, он осквернит твою плоть и будет носить ее, как плащ, чтобы сойти к нам.

Руанна разрыдалась, а когда влага по щекам стекла на ее губы, она поняла, что плачет кровавыми слезами.

--- Нет, прошу вас, не надо, --- утешала она. --- Вы не можете...

Дусан кивнул:

--- Твой запас слов слишком беден. Мы можем. И сделаем это.

--- Пожалуйста, остановитесь, --- плакала Руанна. --- Вы не должны так поступать.

Дусан склонил голову набок, как будто обдумывал ее слова.

--- Ах, --- вздохнул он и махнул рукой стоящим неподалеку людям в масках. --- Ты опять не поняла. Процесс уже начался.

Мостки над сброшенными телами

закончились, дальше путь лежал в узкий тоннель, и Захариэль ощутил, что эхо страданий мертвых начинает угасать. Оно не исчезло совсем и билось в стенки его черепа, но становилось слабее. В первый момент он обрадовался этому, но вскоре понял, что огни эмоции просто вытесняются другими, более мощными, более настойчивыми.

Как будто по его голове кто-то ударил молотом.

Ослепительная боль пронзила мозг, словно в ухо вонзился раскаленный прут, и Захариэль упал на одно колено.

Брат Усрафаэль пошатнулся от психонической атаки, но остался на ногах, поскольку от основного удара его защитил подавляющий эмоции механизм, вмонтированный в шлем.

--- Мой лорд! --- прохрипел Усрафаэль. --- Процесс начался... Это существо из Варна... Оно пытается полностью перейти в реальный мир.

--- Ты уверен? --- спросил Лев.

--- Уверен, --- кивнул Усрафаэль. --- Верно, Захариэль?

--- Действие началось, --- сквоз
сжатые зубы ответил тот.

--- Значит, нельзя терять ни
секунды, --- бросил Лев, повернулся и
ускорил шаг.

Захариэль поднялся, опираясь на
стену тоннеля. Против этой силы,
заполнившей все пространство вокруг, его
мантры были уже бессильны.

Немиэль протянул ему руку.

--- Брат, обопришь на меня, ---
предложил он.

Захариэль с благодарностью принял
помощь.

--- Совсем как в старые времена, да?

Немиэль устехнулся, но в его улыбке
таилось смущение. Захариэль прислонился
к стене и тряхнул головой, стараясь
избавиться от овладевшего им ужасного
ощущения.

Лев уже успел уйти вперед, и
Захариэль поспешно заковылял следом,
чтобы не отстать. Каждый шаг причинял
ему боль, поскольку ожоги и раны,
полученные на пусковой палубе, еще не
зажили, несмотря на ускоренный

метаболизм Астартес. Но самую сильную боль причиняла чуждая псионическая энергия, она просачивалась прямо в поры его кожи, и доспехи не могли от нее защитить.

Темные Ангелы уходили все глубже в подземелье, и звук продолжал нарастать. Захариэлю оставалось только надеяться, что прибор брата Исрафаэля сможет разрушить его источник. Он оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что сервиторы с тележкой поспевают за Астартес.

Сервиторы облагали усеченным тозгом, так что они не ощущали проникающей в душу боли этого места, и в этом Захариэль мог им только позавидовать. Электронпсионический пульсатор поблескивал в слабом свете, а Захариэль, чувствуя в нем громадный потенциал, не мог удержаться от дрожи.

Впереди слышались звуки голосов и какой-то непонятный вибрирующий звук, от которого волны озноба странным образом прокатывались по всему телу.

Щеру впереди них заливал

безжизненный тусклый свет, который, подобно слизи, просачивался и в тоннель, по которому спускались Темные Ангелы. Лев первым шагнул в огромный зал, за ним по пятам вошел Нетиэль.

Брат Усрафаэль старался не отставать от примарха, и остальные воины сразу же присоединились к своим боевым братьям.

Зал встретил Захариэля волной отвращения, хотя источник ощущения был не в нем. Волна ненависти исходила из закутаных в плащи людей, окруживших вертикально стоящую плиту из темного камня с прожилками. К плите была привязана непрерывно кричащая женщина, а люди в масках и плащах нараспев читали перед ней молитвы.

Захариэль проследил за взглядом пленницы сарошанцев и почувствовал непреодолимый ужас. В этой отдаленной, залитой слабым сиянием пещере глубоко под поверхностью мира обитал источник чудовищного зла.

Его тело было похоже на гигантскую медузу и, как и тело обитателя морских

глубин, казалось почти прозрачным, непрочным, грожащим и мерцающим изнутри разноцветными огоньками. По краям омерзительной тьмы поблескивали миллионы глаз, и Захариэль, едва взглянув в них, ощутил ненасытный голод чужовища так же отчетливо, как сверлящую боль в своей груди. Один край существа стал понемногу исчезать, но, вместо того чтобы радоваться, Захариэль понял, что процесс перехода в реальный мир близится к завершению.

Пока все Темные Ангелы, включая Захариэля, затерли, пораженные ужасной картиной, Лев продолжал двигаться. Выстрелы из его пистолета уложили двух жрецов в масках, а потом в руке сверкнул обнаженный меч.

Действия примарха вывели из оцепенения Темных Ангелов, и они с оглушительным боевым кличем ринулись в атаку.

В слабом мертвенном сиянии нависающего над пещерой монстра сверкнули выстрелы и лезвия мечей, но каждая смерть человека в маске вызывала

у Захариэля ощущение злобной радости, разливавшейся в воздухе.

Люди в масках не предпринимали никаких попыток защититься, и агонизирующий взгляд прикованной к каменной плите женщины внезапно подсказал Захариэлю причину их пассивности.

Ее лицо искажал бессловесный вопль, глаза казались пустыми и остекленевшими, словно наполнились черной краской, а на взгляд Захариэля оттуда ответила некая потусторонняя сила.

Захариэль поднял пистолет. И в тот самый момент, когда существо с потолка пещеры стало переливаться в ее тело, сознание женщины на долю секунды вырвалось на поверхность, и между ней и Захариэлем вспыхнуло такое полное взаимопонимание, какого он ни разу не испытывал прежде и не испытает никогда больше.

Она просто сказала: «Да».

Захариэль кивнул и спустил курок.

Три снаряда очередью вылетели из дула его пистолета и в мгновение ока пересекли пространство между ним и женщиной. Они пробили ее кожу и мышцы и с той же легкостью разрушили кости.

Реагирующие на массу заряды отозвались на увеличение плотности — произошла детонация.

Захариэль увидел, как три снаряда взорвали женщину изнутри: грудная клетка лопнула, живот раскрылся алым цветком, а череп исчез, превратившись в конфетти окровавленных осколков и частиц мозга.

Пещера огласилась ужасным воплем бескрайнего разочарования. Существо, которое было старше, чем само время, обманулось в своих ожиданиях, и его крик прокатился одновременно по всем мирам.

Но подобное создание не могло не дать выхода своей злобе.

Обрывки плоти разорванного тела женщины еще разлетались по пещере, когда раздался громогласный треск, и каждый кусочек затер в воздухе против всех законов гравитации и человеческой

природы.

Существо на потолке пещеры почти совсем исчезло из виду, остались лишь едва заметные очертания огромного тела, а люди в масках уже погибли под выстрелами Астармес, но останки взорванной плоти так и остались висеть там, где остановились.

— Что происходит? — сердито спросил Лев. — Захариэль, что ты сделал?

— То, что необходимо было сделать, — ответил он, почти позабыв о субординации из-за телесной боли и мучительного сожаления, терзавшего душу.

— И что теперь?! — воскликнул Нетиэль, с отвращением глядя на окровавленные останки.

— Чудовище еще не побеждено! — вскричал Усрафаэль и бросился к тележке с новейшим оружием. — Темные Ангелы, готовьтесь к бою!

— Библиарий, для всех нас будет лучше, если эта штука работает, — предупредил его Лев.

— Она работает, — пообещал

Усрафаэль. — Только дайте мне немного времени!

Только Усрафаэль успел договорить, как останки тела женщины с шипением исчезли, оставив после себя яркие светящиеся дыры. Из них хлынули странные разноцветные мутные лучи, и Захариэль уже понял, что по ту сторону барьера этими лучами управляет неизмеримое и абсолютное зло.

Внезапно из световых пятен высунулось великое множество отростков, и они, извиваясь, словно змеи, встретились к Астартес.

Три таких щупальца метнулось в сторону Захариэля. Одним взмахом меча он рассек сразу все, а другой рукой вынул из пистолета залп в пустое пространство, откуда появились щупальца.

Он услышал визг, совершенно непохожий на человеческий, как будто раздался крик великого зверя с Калибана. Подобное сходство ужаснуло Захариэля.

Сражение продолжалось только несколько секунд, а враг уже значительно

превосходил Астартес по численности. Темные Ангелы сомкнулись в круг вместе со своим примархом, но количество атакующих щупалец возрастало с невероятной скоростью.

Каждое из них было в два или три раза толще человеческой руки, вытягивалось на несколько метров, а его мощи вполне хватало, чтобы сокрушить пластины брони силовых доспехов четвертого поколения. Некоторые отростки заканчивались костяными когтями, изогнутыми и острыми, словно лезвие косы, другие как будто предназначались для захвата и удушения жертвы или имели втягивающиеся когти.

Щупальца парили в воздухе и, казалось, не были ни к чему прикреплены, только толстый конец каждого из них исчезал в яркой световой точке, словно все они принадлежали далекому невидимому существу, не считавшему нужным проявляться целиком.

--- Мы как будто сражаемся с призраками! --- крикнул Захария.

--- Ага, --- ответил Неллиэль, рассекая

очередное щупальце. --- Но эти призраки способны убивать.

Словно в доказательство его слов отrostки обвинили одного из воинов, сбили его с ног и потащили к светящемуся отверстию, откуда появлялись щупальца. Боевой брат шагнул вперед, чтобы спасти своего товарища, но и сам попал под удар мощных когтей.

Хуже всего было неравное положение сражающихся сторон. Противник имел возможность атаковать и убивать Астартес, а они не могли ответить в той же мере. Захариэль обрубил все тянувшиеся к нему щупальца и снова прицелился из болт-пистолета в ту точку, откуда они появлялись.

Но насколько удачной была выбранная им тактика, он не мог знать. Неизвестно, причиняло ли отсечение отростков какой-либо ущерб управляющему или существу, или они служили расходным материалом вроде человеческих волос?

В общем грохоте сражения выделялось стаккато тяжелого болтера Элиата. Там, где взрывались его болты,

разлетались какие-то брызги, возможно крови, но, как бы много щупалец ни падали под ударами Астартес, на их месте неизменно появлялись новые.

Время от времени из-за сияющих дыр в воздухе до Захариэля доносились какие-то крики, но были ли они выражением боли или боевым триумфальным кличем, тоже оставалось тайной.

В пылу сражения ему вспомнились услышанные в детстве сказки о волшебных чудовищах, таких как демоны и дьяволы.

И сейчас он сражался с невидимыми чудовищами. Нетрудно было представить, что эти существа, находящиеся за гранью понимания для человеческого разума, явились из первобытных глубин, чтобы наказать человека за его грехи.

--- Усрафаэль! --- взревел Лев. --- Что бы ты там ни делал, тебе лучше отсторониться!

--- Еще один момент! --- крикнул в ответ библиарий.

--- А больше ты и не можешь тебе дать!

--- Мы будем держаться, --- закричал

Немиэль, — пока не закончится Великий
Крестовый Поход!

В его голосе звенела настоящая
отвага, но Захариэль знал, что Лев прав и
у них оставалось лишь несколько
минут. Жертвами нападения щупальца
стали еще два воина, и грубая арифметика
боя подсказывала, что остальные долго не
продержатся.

Извивающиеся щупальца неустанно
атаковали Темных Ангелов, не давая им
времени ни на передышку, ни на
размышления.

Захариэль заметил, как щупальце
взвилось вверх и нацелилось на брата
Исрафаэля. Он дотянулся до него мечом и
сумел отсечь кончик отростка, заставив
остальную часть убраться обратно в дыру.
Но, едва оно скрылось, на его месте
появилось несколько других.

Захариэлю вспомнилась давняя
прочитанная легенда древней Терры, где
говорилось о существе, называемом гидрой.
Взятая одной отрубленной головы у него
отрастало сразу две новых.

В легенде древний герой одержал

победу только после того, как стал прижигать огнем обрубку шей до того, как на них выростали новые головы. Захариэлю оставалось только пожалеть, что таким обычным способом нельзя воздействовать на их ужасного противника.

--- Захариэль! --- окликнул его брат Исрафаэль. --- Пора!

Он обернулся на крик и увидел, что тот нажимает кнопку активации пускового устройства своего оружия.

Устройство разразилось басовитым гудением, и из боеголовки бесконечно расширяющимся ореолом вырвалась титаническая волна псионической энергии. От колоссального разряда Темные Ангелы попадали на пол, а Захариэль ощутил, как сила его разума объединяется с железной волей брата Исрафаэля.

Захариэль заранее знал, что должен сделать, и теперь напряг всю волю до последней капли, овладел потоком электронпсионической мощи и направил ее на достижение своей цели, используя силу пульсатора, как механик использует

плазменный резак. Он мгновенно ощутил, как крепнет и нарастает в нем могучая сила, и тогда обратил бұшевавшую в его венах силу наружу. Его глаза вспыхнули ослепительным огнем, и стоило ему взглянуть на светящиеся прорехи в воздухе, из которых появлялись щупальца, как они мгновенно закрывались.

Пещера огласилась пронзительными воплями, но Захариэль и брат Исрафаэль, окруженные сиянием миллионов солнц, подчиненным их воле, распространяли ослепительно-белый свет. Они, словно легендарные огнеборцы, окатывали потоками только что приобретенной силы своих товарищей, уничтожали извивающиеся щупальца и наглухо запечатывали разрывы границы реальности, откуда они появлялись.

Спустя несколько мгновений, показавшихся Захариэлю целой вечностью, в пещере снова стало тихо, ангел Сароша исчез, сражение было закончено.

Энергия пульсатора иссякла, и Захариэль, совершенно обессиленный, со стоном упал на пол. Так он неподвижно

лежал, пока после яростной схватки не восстановилось дыхание и не улеглось волнение, вызванное мощным потоком энергии.

Затем он поднял голову и слабо улыбнулся брату Исрафаэлю.

--- Все кончено? --- спросил Лев.

Брат Исрафаэль кивнул:

--- Все кончено, мой лорд.

Темные Ангелы подобрали тела погибших братьев и по узким переходам, через пещеру мертвых, а потом по тоннелю шахты отправились в обратный путь к поверхности планеты.

Полдень уже стенился ночью, и стало прохладнее. Приятный ветерок ласкал обнаженную кожу, поскольку все сняли свои шлемы, и натруженные легкие жадно вбирали свежий воздух.

Вскоре приземлившиеся «Грозовые птицы» забрали с планеты Астартес, а на их месте оставили отряды Улперской Армии, предназначенные для охраны тоннелей под комплексом Огин-Зета-Пять, хотя теперь, после устранения

ангела Сароша, никто больше не ожидал проявления враждебных сил.

Захариэль бесконечно устал, все тело болело от старых и новых ран, но мысли были ясными и отчетливыми, мучительное эхо жертв и прикосновение злобного существа с другой стороны реальности не оставили никаких следов.

За всю дорогу к поверхности Лев не произнес ни слова, он был погружен в свои думы и даже не похвалил воинов.

Уже на борту Захариэля охватило странное ощущение скованности, распространившееся по спине, и он обернулся, чтобы установить источник беспокойства.

На него в упор смотрел Лион Эль-Джонсон.

Заключение

Захариэль наблюдал, как утеньшается «Непобедимый разум» в иллюминаторе штурмкатора, уносившего его навстречу «Ярости Калибана» и безвестности.

После победы в шахте Огин-Зета-Пять прошло не более шести часов, и после их возвращения в экспедиционную флотилию события стали разворачиваться с такой быстротой, что он едва верил в реальность происходящего.

Как только рота Захариэля вернулась на борт «Непобедимого разума», был получен приказ о новом назначении.

В сообщении Льва говорилось, что поток новых рекрутов с Калибана поступает не так быстро, как он надеялся. А потому опытные Астартес должны как можно скорее вернуться в родной мир и навести порядок.

Великий Крестовый Поход вступает в новую интенсивную стадию, и Темным Ангелам нужны свежие силы, чтобы нести

далекий мират свет Империи.

Что касается утиротворения Сароша, то новость об уничтожении ангела-мщения в подземелье комплекса Огн-Зета-Пять распространилась по всей империи с той же скоростью, с какой она разошлась по Имперской флотилии, и борьба обитателей планеты тотчас прекратилась.

Для подавления последних очагов сопротивления и последующего приведения к Согласию на поверхности были оставлены армейские подразделения и половина титанов из Легиона Огненных Ос.

Захариэль внимательно изучил приказ о назначении, чтобы узнать, кто должен отправиться на Калибан. Он увидел, что Нетиэль остается в экспедиции, и решил в оставшееся до отправки время разыскать брата.

Но Нетиэля нигде не было видно, и Захариэль, как и было приказано, явился на пусковую палубу вместе со всеми воинами, возвращающимися в родной мир.

Всеми овладело чувство полного

уныния. Хотя их отправка из флотилии не несла никаких внешних признаков немилости, каждый воин в своем сердце знал истину.

Лев не хотел видеть их рядом с собой — и это было худшим из всех несчастий.

Возвращение предстояло и брату Усрафаэлю, и Элиату, и раненому Амтиасу, и многим сотням других преданных воинов.

Их вклад в дело Великого Крестового Похода был настолько ничтожным, настолько незначительным в масштабе грядущих деяний, что Захариэль сомневался, станут ли летописцы вообще упоминать о короткой войне на Сароше.

Великий Крестовый Поход будет продолжаться, но он будет продолжаться без Захариэля.

Более того, он будет продолжаться и без того человека, который сейчас сидел в дальнем кресле штурмкатора.

Поход будет продолжаться без Лютера.